

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Том 17 (56). №1:
Филологические науки

Симферополь, Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2004 г.
Журнал основан в 1918 г.

ISSN 1606-3715
Свидетельство о регистрации – серия КМ №534
от 23 ноября 1999 года

Редакционная коллегия:

Багров Н. В. – главный редактор
Бержанский В. Н. – заместитель главного редактора
Ена В. Г. – ответственный секретарь

Редакционный совет серии «Филологические науки»:

Казарин В. П., доктор филологических наук, профессор
(редактор отдела),
Киричек П. М., доктор филологических наук, профессор,
Меметов А. М., доктор филологических наук, профессор,
Новикова М. А., доктор филологических наук, профессор,
Орехова Л. А., доктор филологических наук, профессор,
Петренко А. Д., доктор филологических наук, профессор,
Рудяков А. Н., доктор филологических наук, профессор.

© **Таврический национальный университет, 2004 г.**

Подписано в печать 26.11.2004 г. Формат 70x100 ¹/₁₆,
22,1 усл. печ. л., 23,9 уч.-изд. л. Тираж 500. Заказ №370.
Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ.
Просп. Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007.

«Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського».
Науковий журнал. Том 16 (55). №1. Філологічні науки.
Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2004.
Журнал заснований у 1918 р.
Адреса редакції: просп. Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007.
Надруковано у інформаційно-видавничому відділі ТНУ.
Просп. Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007.

**Светлой памяти профессора
Олега Михайловича Соколова
посвящается**

Э. М. Сапожникова, Е. Я. Титаренко

**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА
О. М. СОКОЛОВА**

Олег Михайлович Соколов родился 9.01.1927 г. в г. Рыбинске Ярославской области. С 1948 по 1954 г. учился в Ленинградском государственном университете на филологическом факультете по специальности “славянская филология, русский язык и литература”. С 1954 г. работал по распределению в Томском государственном университете, где более чем за 20 лет прошел путь от ассистента кафедры до профессора, декана историко-филологического факультета. Здесь в 1959 г. он защитил кандидатскую, а в 1971 г. и докторскую диссертацию на тему: “Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике”.

С 1975 по 1984 г. О. М. Соколов работал в Симферопольском государственном университете им. М. В. Фрунзе. Здесь профессор О. М. Соколов возглавил кафедру русского языка филологического факультета. Это было время становления университета после преобразования из пединститута, необходимо было разрабатывать университетские программы, лекционные и специальные курсы, активизировать научную жизнь кафедры и факультета в целом.

Ученик профессора Ю. С. Маслова, О. М. Соколов к этому времени был уже крупным аспектологом, автором более 40 работ, составителем 4-х томного “Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби”.

В Симферополе О. М. Соколов основал свою аспектологическую школу. Одной из первых его учениц стала Э. М. Сапожникова, которая защитила кандидатскую диссертацию [3] в 1980 г. Затем аспиранты профессора О. М. Соколова защищали кандидатские диссертации практически ежегодно. В число его учеников входят такие известные в нашем университете филологи, как Г. Ю. Богданович, Л. Е. Бессонова, А. В. Петров, Т. Ю. Новикова, Е. И. Семиколенова и др. Видным ученым, автором учебников по русскому языку для поляков стала Ирена Данецка, аспирантка О. М. Соколова, выпускница нашего университета, работающая в настоящее время в университете г. Ополе (Польша). По сегодняшний день ученики Олега Михайловича работают в высших учебных заведениях Симферополя, Москвы, Томска, в странах дальнего зарубежья.

С 1984 по 1993 г. О. М. Соколов заведовал кафедрой русского языка и методики его преподавания Российского университета Дружбы народов им. Патриса Лумумбы в Москве. Однако он не порвал связей с ГНУ, благодаря Олегу Михайловичу наши преподаватели стали вести совместную научно-исследовательскую деятельность с московскими коллегами, кафедры заключили договоры о сотрудничестве, появились публикации в соавторстве, конференции, обмен аспирантами, возможность защиты диссертаций в спецсовете РУДН, членом которого был О. М. Соколов. Последняя его аспирантка из Симферополя Л. А. Петрова защитила кандидатскую диссертацию в 1993 г., уже после скоростной смерти

своего научного руководителя, который, однако, успел оставить на рабочем столе написанный от руки отзыв на ее диссертацию.

Основным направлением научно-исследовательской работы профессора О. М. Соколова была аспектология — наука о категории вида глагола. Именно в годы работы в нашем университете происходило становление его теории фазовости, ученики и коллеги профессора были свидетелями того, как развиваются его идеи, как работает мысль большого ученого. При этом Олег Михайлович с величайшей щедростью делился своими идеями, которых у него было очень много, новых, оригинальных, нестандартных, требующих времени и сил на разработку. Ученики с радостью принимали позицию учителя, развивали его взгляды, с гордостью продолжали и продолжают его дело. Многие из последователей О. М. Соколова, получив от него первоначальный “толчок”, защитив диссертации “по глаголу”, в дальнейших исследованиях ушли в другие области филологии, стали специалистами в различных современных направлениях лингвистики. Думается, в этом тоже есть заслуга Учителя, потому что только получив универсальное лингвистическое образование, имея прочную научную базу, взяв за образец большого и разнопланового ученого, можно самому стать разносторонним, не ограничивающимся какими-то узкими рамками исследователем.

Научные интересы О. М. Соколова лежали в области семантики, лексики, аспектологии, методики преподавания РКИ и методики работы в высшей школе. В последние годы жизни О. М. Соколов занимался проблемами имплицитной морфологии. Уже после его смерти была издана монография “Имплицитная морфология русского языка” [4], в которой описаны скрытые механизмы функционирования слов и грамматических категорий в речи. В книге изложены основы семной типологии и семной комбинаторики в функциональном аспекте, 2-я часть монографии посвящена имплицитной морфологии глагола.

О. М. Соколов разработал и описал оригинальную теорию фазовости глагольного процесса. Он исследовал фазовость как универсальную языковую категорию, описал ее как лексико-грамматическую категорию в современном русском языке, показал связь ЛГК фазовости с категорией вида и способов действия глагола (полный список публикаций профессора Соколова см. в [1]).

В совершенстве владея болгарским языком, О. М. Соколов проводил сопоставительные исследования русского и болгарского глагола. Знание сербохорватского, немецкого и английского языков позволяло работать в области сравнительного языкознания.

Теория профессора Соколова имеет широкий выход в практику, функциональное описание языка необходимо для преподавания русского языка как иностранного. Нами в соавторстве с Олегом Михайловичем были разработаны и опубликованы “Методические рекомендации к изучению фазово-видовых значений русского глагола”, предназначенные для иностранных студентов-филологов [2]. В течение последних десяти лет мы продолжаем работу в этом направлении, строим свою методику обучения иностранцев видам русского глагола на базе теории фазовости и получаем убедительные результаты [5].

Свое применение идеи О. М. Соколова находят и в лексикографической практике. На кафедре методики преподавания филологических дисциплин ТНУ в течение последних лет разрабатывается “Словарь фазовой парадигматики русских глаголов” (см. об этом [5,6] и др. публикации автора). Его концепцию и структуру одобрил сам Олег Михайлович. Это принципиально новый словарь, в котором

собрана русская глагольная лексика, представленная по словообразовательным гнездам. Глаголы в этих гнездах располагаются с четырех сторон от первичного (исходного) глагола в соответствии со своими фазовыми признаками (это и есть фазовая парадигма основного глагола), направления фазовости обозначены стрелками, ниже схемы приводятся толкования всех слов в алфавитном порядке. Этот толково-словообразовательный словарь русских глаголов можно рекомендовать как носителям языка, так и иностранцам. В идеале словарь должен войти в учебный комплекс с пособием по изучению и употреблению видов глагола для нерусских учащихся разных этапов обучения. В настоящее время кафедра располагает компьютерной версией словаря.

К сожалению, О. М. Соколов очень рано и скоропостижно ушел из жизни. Он не успел завершить многих прекрасных идей. Однако сделано главное — создана научная школа, ученики профессора Соколова продолжают работать и в нашем университете, дочь Светлана Олеговна, выпускница Таврического университета, в 2004 году защитила докторскую диссертацию по украинскому языку, работает старшим научным сотрудником Института украинского языка НАНУ, развивает украинскую и русскую аспектологию.

В памяти всех, кто его знал, Олег Михайлович Соколов остался не только большим ученым, но и обаятельным, скромным, доброжелательным человеком, подлинным интеллигентом, всегда таким спокойным, уравновешенным, с чувством юмора. О. М. Соколов был прекрасным руководителем, заведующим кафедрой, Учителем с большой буквы. В науке Олег Михайлович шел своим путем, открыв дорогу в лингвистику и десяткам своих учеников. Список научных и методических работ профессора Соколова составляет более 100 наименований. Под его руководством защищено 24 кандидатских диссертации. Высокая культура, эрудиция, прекрасное образование, мудрость всегда отличали профессора Соколова. Таким он останется в наших сердцах, таким он и войдет в историю Таврического национального университета.

Литература

1. Вопросы глагольной семантики: Памяти профессора О. М. Соколова. — Симферополь: СГУ, 1993. — 89 с.
2. Методические рекомендации к изучению фазово-видовых значений русского глагола. Для филологических факультетов университетов. / Авт. кол.: Т. В. Ларина, Э. М. Саложникова, О. М. Соколов, Е. Я. Титаренко. — М.: Изд-во РУДН, 1992. — 52 с.
3. Попова Э. М. Нейтрализация семантических противопоставлений в системе способов глагольного действия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Киев, 1980. — 28 с.
4. Соколов О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка. — М.: Изд-во РУДН, 1997. — 203 с.
5. Титаренко Е. Я. Обучение категории вида русского глагола на основе теории фазовости. // Учёные записки Таврического нац. ун-та. — Т. 15 (54). — № 2: Филол. науки. — Симферополь, 2002. — С. 104-110.
6. Титаренко Е. Я. Словарь фазовости русских глаголов: концепция и структура // Культура народов Причерноморья — № 44, ноябрь 2003 — С. 71-7.

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2004 г.

Раздел 1.
ЛЕКСИЧЕСКАЯ И КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА.
СЛАВЯНСКАЯ АСПЕКТОЛОГИЯ

УДК 81'276, 11-25:801.8

Г. Ю. Богданович

**ЯЗЫКОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ:
ЕЩЕ РАЗ О ДИСКУРСЕ И ТЕКСТЕ**

Проблема соотношения языка, сознания и действительности — предмет постоянного интереса философов, психологов, лингвистов

Актуальность. Сознание в проекции на лингвистическую науку включает факторы вербализации мыслительного процесса, восприятия слова (семантика, коннотация, сфера употребления), диалогичности (автодиалог, общение с другими людьми). Структуры сознания выражаются в знаковой форме, фиксируются в устойчивой системной организации языка. Языковая природа сознания сводит весь универсум культуры к набору дискурсивных практик, а порождаемые при этом тексты воспринимаются как коренные феномены человеческого существования.

К постановке проблемы. Теория текста (принцип текстоцентричности), рассмотрения языковых единиц явилась основополагающей для конкретизации и расширения представлений о функционально-коммуникативной роли русского языка.

Представим краткий обзор подходов к изучению текста.

В “Кратком словаре терминов лингвистики текста” Т. М. Николаева предлагается следующие характеристики текста: 1) текст как связная последовательность, законченная и правильно оформленная; 2) некоторая общая модель для группы текстов; 3) последовательность высказываний, принадлежащая одному участнику коммуникации; 4) письменное по форме речевое произведение [12]. Но выделенные 4 значения не разграничивают инвариант и фактуальное; некорректно связывают текст с одним участником коммуникации; соотносят текст только с последовательностью высказываний; абсолютизируют его письменную реализацию.

В связи с коммуникативной переориентацией лингвистики текста последний определяется одновременно как посредник, средство, процесс и цель коммуникации. Коммуникативно-ориентированные дефиниции текста описывают

его либо как обособленный компонент коммуникации, срединный элемент схемы коммуникативного акта, либо как неотделимое от коммуникативного процесса, “характеризующееся коммуникативностью предметно-знаковое состояние системы коммуникации” [15, с. 55].

В обеих дефинициях есть рациональное зерно, т. к. текст – 1) материальное знаковое образование, эмпирически осваиваемое; 2) коммуникация на основе текста органично сопрягает его с процессами порождения и рецепции.

Е. А. Селиванова выделяет ряд причин, обуславливающих отсутствие единой дефиниции текста [14]. Первая — формально-структурная разноплановость текстов. По способу репрезентации текст разграничивается на устный и письменный, хотя нередко текстом называют лишь письменную разновидность.

По протяженности текст может ограничиваться словом, словосочетанием и предложением, если они представляют целостную, самодостаточную информацию, ситуативно обеспечивающую понимание ее адресатом, максимально же его состав не ограничен. При формально-структурном изучении текста стержневые понятия для его дефиниции избирались из состава уровневых единиц языковой системы.

Второй причиной отсутствия данного определения текста является функционально-жанровое, стилистическое разнообразие текстов. Каждый текст в процессе коммуникации манифестирует определенный речевой жанр, имеет особую структурно-композиционную, семантико-смысловую, интенционально-прагматическую природу.

Для художественного текста, например, наиболее оптимальным считается определение И. Р. Гальперина: текст как “произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку” [5].

Художественный текст называют наивысшей формой репрезентации текста, отмечая его особую эстетическую природу, идейно-художественную интенционность, ориентацию на морально-эстетическое воспитание и эмоционально-психологическое воздействие. Кроме того, художественные тексты в реальной жизни культуры, как правило, полифункциональны: “Один и тот же текст выполняет не одну, а несколько функций... Соединение художественной функции с магической, юридической, нравственной, философской, политической составляет неотъемлемую черту социального функционирования того или иного художественного текста” [8, с. 21-22]. Тем самым критерий интенционально-прагматической заданности даже для художественного текста не дает возможности односторонне охарактеризовать этот тип.

Третья причина разнообразия текстовых дефиниций (по мнению Е. А. Селивановой) — в различии подходов к изучению текста. З. Я. Тураева рассмат-

ривает 5 таких подходов: онтологический, отражающий характер существования текста, его статус; гносеологический, выявляющий характер отражения объективной действительности в тексте, а в случае художественного текста — характер отражения реального мира в идеальном мире эстетической действительности; собственно-лингвистический, основанный на характере языкового оформления текста; психологический, обращенный к характеру восприятия текста, и прагматический — к характеру отношения автора текста к действительности, к содержательному материалу [16, с. 17].

Поместить все признаки в одну — синтетическую — дефиницию понятия “текст” представляется не только невозможным, но и ненужным, ибо все эти признаки в той или иной мере рассматриваются при анализе каждого аспекта и основным параметром текста как явления каждый раз выступает разный (Н. Ф. Непийвода).

Четвертой причиной разноплановости текстовых дефиниций является абсолютизация его формально-структурной стороны, а также ориентация определения текста на одну или несколько категорий.

Е. А. Селиванова, соглашаясь с мнением Е. Сидорова (“оказывается, далеко не просто выбрать какой-то один определяющий качественный признак текста, на основе которого можно было бы свести все разнообразие отдельных текстов к одному понятию”), презентует следующую дефиницию: “Текст — целостная семиотическая форма психоречемыслительной человеческой деятельности, концептуально и структурно организованная, диалогически встроенная в интериоризованное бытие, семиотический универсум этноса или цивилизации, служащая прагматически направленным посредником коммуникации” [14, с. 29.].

По свидетельству ученых, дискурс одной своей стороной обращен к внешней прагматической ситуации, другой же — к ментальным процессам субъекта: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям понимания и порождения речи [7].

Таким образом, можно говорить о “вплетенности текста в жизненную ситуацию, о дискурсе как речи в контексте субъективной реальности и объективной действительности, речи, погруженной в жизнь, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие, как компонент взаимодействия внешней действительности, внутренней психической реальности и знаково-символической системы, дающей описание первой, преломленное через вторую” [7, с. 80].

Что же такое дискурс? “Дискурс (от фр. discours — речь) — связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах).

Дискурс — это речь, “погруженная в жизнь”. Поэтому термин “дискурс”, в отличие от термина “текст”, не применяется к древним и др. текстам, связи

которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно” [18, с. 126-127].

Контекст дискурсов моделируется в форме фреймов (под которыми понимаются типовые ситуации) или сценариев (описывающих развитие этих типовых ситуаций). Поэтому для разработки теории дискурса особую значимость приобретает изучение фреймов и сценариев, с одной стороны, а с другой, обращение к ментальности, точнее, к ментальным процессам участников коммуникации.

Если под текстом понимать преимущественно абстрактную, формальную конструкцию, то дискурс будет представлен различными видами ее актуализации, рассматриваемыми с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами [6].

Анализ дискурса следует понимать как междисциплинарную область знания, которая может быть выполнена в основном описательным или экспериментальными методами. Дискурс-анализ обращает особое внимание на специфические правила ведения коммуникации в условиях публичной политики, этнометодологическое изучение дискурса предполагает обращение к культурной составляющей общения. Дискурс может рассматриваться как совокупность дискурсивных практик, т. е. тенденций в использовании близких по функции альтернативных языковых средств выражения определенного смысла.

Научный дискурс сплошь интертекстуален, целиком покоится на “чужом слове”, и это качество в традиционном подходе получает отражение в выделении “языка науки”. Герметичным является и официально-деловой дискурс, вполне оконтуренными “коммуникативными фрагментами” наделен и дискурс публицистический [13, с. 61].

Исходя из языковой практики повседневного общения и мышления, строит, в первую очередь, лингвистику языкового существования Б. М. Гаспаров, напоминая, что разговорный дискурс отмечен среди других стратегий забывания, так что “ассоциативный фон”, если он возникает, связан скорее не с текстами, а с конкретными ситуациями, входящими в личный ресурс носителя языка, так что сами по себе коммуникативные фрагменты, составляющие плоть обыденной разговорной речи, в той же степени “чужие”, сколь и “ничьи” [13, с. 61]. “Однако сложнее обстоит дело, — отмечает О. Г. Ревзина, — с той интертекстуальностью, которая выходит за пределы коммуникативных фрагментов и в минимальной степени опирается на конкретную материальную форму, например определенные синтаксические структуры, сюжетно-повествовательные схемы, даже ритмические структуры” [13, с. 61].

Языковое сознание не может рассматриваться как единый шаблон, одинаковый у всех носителей языка. При этом существуют общие закономерности работы языкового сознания, “личностный фактор” всегда сохраняется и для интертекстуальности — и на бессознательном, и на сознательном уровне — основывается всегда на индивидуальном фоне знаний.

В связи с этим можно выделить общие закономерности языкового мышления и бытового дискурса в социуме. Таковыми являются: 1) языковое высказы-

Раздел 1.

10 Лексическая и категориальная семантика. Славянская аспектология

зывание, предназначенное для передачи исходной информации о мире; 2) семантическая интерпретация текста, которая является следствием освоения языкового общения (текста): вербальные структуры текста подвергаются трансформациям различного уровня обобщения и выступают как семантические эквиваленты отдельным высказываниям или частям высказываний, отдельным текстовым фрагментам.

Кроме того, жизнь в дискурсе формирует в сознании языковой образ, основанный на общих характеристиках, нередко просто частотных для данного и подобных данному в том или ином отношении текстов.

Человек живет в мире текстов. Тексты эти разнообразны по содержанию, по жанрам, тематическим сферам, объему, необходимости многократного обращения к ним или разовому их использованию, а также по большому числу иных своих характеристик.

Тексты понимаются нами не только как лингвистический, но и как социально-психологический и культурный феномен. Культура при этом рассматривается не просто как смежная с лингвистикой наука, а как феномен, без глубокого анализа которого нельзя постичь тайны языка и текста.

Под художественным текстом нужно понимать коммуникативно-направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявляемой в процессе восприятия [17, с. 15].

С коммуникативной и психологической точки зрения текст всегда создается для кого-то, и даже его создание, “с целью самовыражения”, является текстом с коммуникативной направленностью.

Повседневному общению так же, как и литературной коммуникации, “присущи такие прагматические параметры, как автор речи, его коммуникативная установка, адресат и связанный с ним перлокутивный эффект (эстетическое воздействие)” [1]. Таким образом, всякий текст нуждается в читателе (слушателе), и в этом сказывается диалогическая природа сознания как такового: “Чтобы работать, сознание нуждается в сознании, текст — в тексте, культура — в культуре” [1].

Коммуникация — это особая форма человеческой деятельности. Ключевым понятием коммуникативной лингвистики является понятие деятельности. Именно в коммуникации с наибольшей полнотой и глубиной раскрываются онтологические свойства языка и текста.

Текст — это динамическое коммуникативное образование высшего порядка. В процессе коммуникации текст как бы раздваивается на текст автора и текст реципиента (воспринимающего), хотя материальная форма текста здесь едина. Отсюда и возможность двойного его изучения.

Интенсионная понятия “текст” включает в себя такие необходимые мета-единицы, как “целостность” (цельность) и “связанность” (Т. М. Николаева). Квалификация текста как художественного требует дополнительных характеристик. Это “динамика смыслообразования” в концепции Ю. М. Лотмана и “интерпретативность” Г. Г. Гадамера, рождающая “текст — чтение” в концепции Р. Барта. Но и эти характеристики представляются производными от ба-

зового свойства художественного текста, которое можно назвать “автореферентностью” [17, с. 18-20].

Автореферентность художественного текста проистекает из его сложных отношений с объективной действительностью, преломленной действительностью субъективной — сознанием автора. Состоит она в том, что референт художественного текста находится внутри его и представлен в форме виртуального означаемого, нелинейного (симультанного) по своей природе. Художественный текст “сам себя зиждет” [4].

Филологическая интерпретация художественного текста отличается от собственно лингвистической и литературоведческой [10]. Интерпретация базируется на понимании текста и является вербализацией его толкования.

Для построения теории понимания художественного текста важным является, с одной стороны, соблюдение герметичности текста, т. е. запрет на привнесение в текст тех смыслов, которые являются результатом не мотивированных единицами текста ассоциаций, с другой — признание текста самодостаточным квантом дискурса.

Будучи принципом научного подхода к объекту анализа, дешифровка текста сосуществует с его интерпретацией читателем, подобно тому как в культуре, наряду с научной, существует и наивная, обыденная картина мира, которая не оценивается с позиций правильности, а описывается в режиме констатации.

В качестве метода моделирования художественного текста может быть предложено построение текстовых парадигм, гипертекстовых (сверхфразовых) по своей сути, отражающих нелинейные ходы воспринимающего сознания по тексту и создающих семантическое пространство двух типов: с логическим и сублогическим основаниями. В основе сублогических текстовых парадигм лежат две формы подобия: “аналогия” и “симпатия” (М. Фуко). Эмоциональное переживание субъектом различных вещей позволяет построить текстовые парадигмы, центром которых является эмоционально-оценочный предикат (аксиологические парадигмы).

Текстовая деятельность все более кристаллизуется в самостоятельный вид деятельности с “внутренними”, реализуемыми в рамках знакового общения мотивами и целями коммуникативно-познавательного и эмоционального свойства. Реализация названных мотивов и целей той материально-практической деятельности, с которой текстовая деятельность соотносится, осуществляется порой не непосредственно, а в крайне опосредованной форме [6].

Текстовая деятельность (по П. Я. Гальперину) трехфазна: 1) ориентировка, состоящая в специфической по содержанию и направленности интеллектуально-мыслительной активности, предполагающей осмысление проблемной ситуации общения, и предмета коммуникации — коммуникативного намерения (замысла общения), мотивирующего текстовую деятельность, диктующего содержание и структуру планируемой к реализации в тексте коммуникативно-познавательной программы.

Представляется разумеющимся, что такое осмысление включает в себя соответствующее эмоциональное переживание и оценку (Таким образом, апроцессуальное содержание ориентировочного этапа текстовой деятельности не совпадает с процессуальным содержанием аналогичного этапа речевой деятельности, которая, согласно психолингвистической теории, практически сводится к поиску речевых средств на послезамысловой фазе текстообразования). Сюда же входит поиск путей и способов наиболее адекватного воплощения коммуникативного замысла и отвечающей ему “аргументации”; 2) исполнение, состоящее в материализации общения с привлечением средств той или иной семиотической системы (языка); 3) коррекция (контроль), состоящая в отработке как самого замысла общения, так и способа его материализации в тексте [5].

Предметом текстовой деятельности является коммуникативная интенция обучающихся, т. е. не смысловая информация, цементируемая замыслом, коммуникативно-познавательным намерением.

В качестве мотива - цели текстовой деятельности может рассматриваться стремление к реализации определенного, т. е. поддающегося содержательной интерпретации, коммуникативно-познавательного намерения (интенции, замысла), а в качестве действий могут рассматриваться конкретные акты осмысления и операции с применением мнемостических средств (т. е. средств памяти), с одной стороны, средств предиктирования, т. е. выражения с использованием того или иного конкретного языка, с другой.

Восприятие текста как речевой единицы (а также его тематической структуры) идет через осознание его как комплексного речевого акта со всеми его компонентами: участниками текстовых событий, их мирами, взаимоотношениями и взаимосвязями. Косвенно к этому миру на самом верху его иерархической пирамиды относится автор и его мир. При восприятии текста, известно, выявляются такие компоненты речевого акта, как время и место событий.

На заключительном этапе за вербальными оболочками осознаются иллюкутивные смыслы, т. е. цели, которые ставятся, решаются и достигаются в рамках текстовой реальности, а также степень интенсивности их реализации в вербальной и просодических структурах. Современная теория текста выявила основные текстовые категории, реализующие указанные выше компоненты, это в первую очередь категория антропоцентричности.

В научном лингвистическом тексте связь с человеком опосредована и обобщена, проявляется в интертекстуальном плане, в так называемом горизонтальном тексте. “Другие компоненты текстового речевого акта реализуются в категориях темпоральности, проспекции, ретроспекции (время), текстовом континууме (пространственно-временной план, хронотоп). Иллюкуции и их интенсивность реализуются через категории модальности (прагматичности), цельности и завершенности, когезии и когерентности. Завершает пирамиду категория информативности как прагматически ведущая, поскольку целью чтения любого текста является извлечение информации о мире, включающей миры, существующие в ментальной сфере людей.

Информативность определяется как прагматически ведущая, потому что она как бы вбирает все иллокуции, центром которых является авторское видение мира.

Известно, что авторский замысел не выражается эксплицитно. Его выявление — результат сложной ментальной работы. Читатель, знакомясь с текстом, сопоставляет изображаемое в его сознании с фреймами и сценариями, относящимися к описываемому фрагменту мира.

Порождение текста рассматривается современной психолингвистикой сквозь призму концепции мотивированности речи и фазово-ступенчатой природы речепорождения. Первым уровнем в деятельностных моделях порождения речи является уровень мотива. Л. С. Выготский писал: "...порождение речи осуществляется от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем — в значениях внешних слов и, наконец, в словах" [3, с. 375].

Мотив речепорождения формируется как неосознанное побуждение на грани его предсознания-установки. Если мотивы — это "основная побудительная сила в психической деятельности, ... познавательно-эмоциональная психологическая система, выполняющая функцию регулятора поведения", то установка — это состояние, также предшествующее сознательным психическим процессам, но влияющее на их протекание. возникновение которого зависит от потребностей, действующих в данном организме, и от объективных уровней, уровней удовлетворения этих потребностей [14, с. 77].

Мотив — это психологический образ будущего текста, а установка — предсознанная готовность, предвосхищение коммуникативной деятельности, детерминированное ситуацией, адресатом, и детерминирующая речевое действие, манеру поведения; избрание же стиля, способа осуществления программы, т. е. превербальное осознанное когнитивное намерение речи, — это интенция. Дж. Серль усматривал в интенции "главную составляющую сознания и то свойство многих ментальных состояний и событий, посредством которых они направлены на объекты и положения дел внешнего мира" [14, с. 78].

Г. Эйгер и И. Шевченко выделяют следующие элементы в структуре интенции: 1) формирующееся на основе того или иного мотива осознанное намерение, желание добиться определенного речевого эффекта; 2) необходимость произвести определенные речевые действия для достижения намеченной цели; 3) конкретную мотивировку речевого действия как непосредственный "толчок", побуждение к совершению интендируемого речевого акта.

В. П. Белянин считает, что мотив создания текста может выходить за пределы реально существующей ситуации и отражать разнообразные представления автора текста о затекстовой ситуации. Установка (цель) направляет эти мотивы в конкретную дискурсивную ситуацию, интенция же выступает непосредственно осознанной речекоммуникативной целью, предваряющей создание текста и обуславливающей стратегическую программу формирования целостного текста или высказывания.

“Коммуникативной цели подчиняются все другие параметры текста, в том числе коммуникативная стратегия, которая представляет собой (по мнению Н. Ф. Непийводи) тот план действий, который употребляется автором для достижения своей цели. Стратегичность речи обусловлена особенностями адресатов и учитывает их возможные типы реагирования [14].

Интенция и стратегии обуславливают формирование ментальной структуры текста — замысла будущей его схемы. Е. С. Кубрякова отмечает важность в формировании замысла роли процессов мышления с их предметным содержанием, в отличие от формирования мотива, обусловленного человеческими эмоциями.

Выводы. Замысел является когнитивной основой внутреннего программирования, на этом этапе текстопорождения формирующаяся мысль разбивается на отдельные составляющие. Это этап подготовки мысли к объективации, связанный с поиском схемы будущего высказывания и его языкового типа.

При создании целостного текста на этапе внутреннего программирования из языковой компетенции и дискурсивного сознания адресанта извлекаются прототипический образец-текстема и ее дискурсивный коррелят — речевой жанр. В соответствии с законами жанра, интенцией и стратегией, на этапе перехода к внешней речи когнитивная схема получает реальное языковое оформление.

В зависимости от типа речевого жанра, стратегической программы адресанта, обусловленный адресатом и ситуацией общения, одна и та же информация может иметь разную вербальную кодировку.

При порождении письменных текстов осуществляется дополнительная, осознанная корректировка их вербального плана (редактирование). Переход от внутреннего программирования к внешней речи (тексту) осуществляется на этапе речи при переводе программы на объективный код на основе координации и интеграции всех языковых уровней с учетом механизма контроля: дискурсивного контекста, рекурсивных связей, установок, интенций и т. д. “Оперируя текстами по нормам коммуникации, присущим определенной культуре, субъект присваивает этот опыт, внедряет его в собственное сознание. Тем самым он понимает текст” [14, с. 87].

Язык как порождение этнического антропоцентрического диалога с бытием так же диалогизирует с коммуникантами, как и они с ним. Владение человека словесным и изобразительным языком и одновременное их использование в дискурсивной деятельности есть не что иное, как диалог с языковыми стереотипами, с чужим словом. По словам М. М. Бахтина [2], коммуникант пленен ими, ибо система языка есть знаковое хранилище человеческого опыта, знаний, культуры. Порождая текст, человек вступает в диалог словесного и изобразительного языков, которыми он владеет. М. М. Бахтин подчеркивал: “Познанный мир необычайно расширился, изменился, обогатился, дифференцировался за тот период времени, в течение которого язык почти не изменился” (имеются в виду фонетическая и грамматическая подсистемы языка) [14, с. 152]. Другими словами, это свидетельствует о том, что мышление, свобод-

нос от языковых структур, с участием иных функций сознания является потенциалом как языкового, так и человеческого развития. Ученый связывает неизменность языка и изменчивость мира с появлением контекстуальных значений языка, исходящих из свободного от языка мышления, ибо, действительно, “именно в контексте возникают благоприятные предпосылки для изменения прагматического значения, интегрированного с семантикой языковой единицы” [11].

Замкнутость в языковом круге стереотипов неизбежно обусловила бы столкновение системы и среды, приведшее к разрушению системы или к поглощению среды. Диалогизируя с бытием, адресат и адресант порождают и декодируют текст, вступая также в диалог с семиосферами человеческой культуры, искусства, науки, литературы. Как подчеркивал Ю. М. Лотман, семиосфера, неуклонно расширяясь в пространстве на протяжении веков, приняла ныне глобальный характер, при этом сохранив целостность универсума. Причиной этой целостности является то, что в основе всех коммуникативных процессов лежит инвариантный принцип, допускающий увеличение внутреннего разнообразия семиосферы [9, 1: с. 20].

М. М. Бахтин моделирует возможность влияния текста на последующую культурную традицию, что отражается как на будущих речевых жанрах, так и на всем последующем развитии литературы и культуры: “Произведение — звено в цепи речевого общения; как и реплика диалога, оно связано с другими произведениями — высказываниями — и с теми, на которые оно отвечает, и с теми, которые на него отвечают” [2, 5: с. 178].

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Событие. Оценка. Факт. — М.: Наука, 1988. — 338 с.
2. Бахтин М. М. Собрание сочинений: В 7 т. — М.: Русские словари, 1996.
3. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. — М.: Учпедгиз, 1956. — 402 с.
4. Гадамер Г. Г. Истина и метод: Основы философии герменевтики. — М.: Прогресс, 1988. — 699 с.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981. — 385 с.
6. Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике (когнитивные аспекты). Вып. XXIII. — М.: Прогресс, 1988. — 315 с.
7. Калина Н. Ф., Черный Е. В., Шоркин А. Д. Лики ментальности и поле политики. — К.: Агрпромидав України, 1999. — 184 с.
8. Лотман Ю. М. Текст у тексті // Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. — Львів: Літопис, 1996. — С. 21-22.
9. Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. — Таллин: Изд-во Александр, 1992.

10. Маслова В. А. Филологический анализ художественного текста — Минск: Універсітэцкае, 2000. — 173 с.
11. Минкин Л. М. Аспекты синтезированной теории прагматики // Вісник Київ держ. лінгв. ун-ту. Сер. Філол. — К., 1998. — Т. 1. — № 3.
12. Николаева Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1978. — Вып.8. — С. 34-97.
13. Ревзина О. Г. Лингвистические основы интертекстуальности // Текст. Интертекст. Культура: Материалы международной научной конференции/ РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2001. — 192 с.
14. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. — К.: ЦУЛ, “Фитосоциоцентр”, 2002. — 336 с.
15. Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. — М.: Наука, 1987. — 211 с.
16. Тураева З. Я. Лингвистика текста на исходе второго тысячелетия // Вісник Київського лінгвістичного університету. Сер. Філологія. — 1999. — Т. 2. — №2. — С.17.
17. Чернейко Л. О. Художественный текст как объект филологической интерпретации // Текст. Интертекст. Культура: Материалы международной научной конференции/ РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2001. — 192 с.
18. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 685 с.

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2004 г.

УДК 801.55

Е. Н. Сидоренко

О МЕСТОИМЕНИЯХ *ДА* И *НЕТ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Местоимения представляют собой особый класс слов, отличающийся по семантике и грамматическим свойствам как от знаменательных, так и от служебных частей речи*. Количественная “бедность” прономинальных средств в сравнении с соответствующими номинативными объясняется высокой степенью абстрактности и унификацией первых. А. М. Пешковский в свое время совершенно справедливо писал о них: “Местоимения из-за своей отвлеченности везде являются “нарушителями” порядка, везде создают особые подрубрики, особые комбинации, особые случаи. И своеобразие этих случаев, как бы они ни были разнообразны, в конечном счете сводится к своеобразию самих местоимений” [Пешковский, 1938, с. 167].

* Местоимения, или прономинативы, мы рассматриваем в широком понимании термина, то есть включаем в их состав не только изменяемые слова, но и так называемые “местоименные наречия”.

Носители языка по достоинству оценили богатые возможности прономинального способа отображения действительности с помощью местоимений, используя их с высокой частотностью для вопроса, указания, отрицания и т. д., тем самым способствуя высокой эффективности их употребления, экономии речевых средств. Но проблема местоимений не решена и до настоящего времени. Одним из дискуссионных остается вопрос об объеме и границах прономинальной лексики.

Цель настоящей статьи — обосновать вхождение в состав местоимений слов **да** и **нет**, отграничив их от соответствующих функциональных омонимов, и назвать контаминанты, совмещающие свойства местоимений и других частей речи.

По поводу частеречной принадлежности слов **да** и **нет** существуют разные мнения, но в основном они укладываются в две взаимоисключающие точки зрения. Первая из них отрицает принадлежность слов **да** и **нет** к какой-либо части речи вообще, вторая усматривает в каждом звуковом комплексе по несколько функциональных омонимов.

Первая точка зрения, согласно которой ученые отказывают словам **да** и **нет** в праве на принадлежность к какой-либо части речи и тем самым пополняют за их счет ряды “беспризорных” слов, представлена в работах Л. В. Щербы, М. В. Панова и других лингвистов. Л. В. Щерба в статье “О частях речи в русском языке” писал: “Разные усилительные слова вроде *даже*, *ведь*, *и* (= “даже”), слова отчасти союзного характера вроде *итак*, *значит* и т. п. тоже никуда не подводятся нами и остаются в стороне. Наконец, никуда не подводятся такие словечки, как *да*, *нет*” [Щерба, 1957, с. 66].

Мы придерживаемся второй точки зрения, отраженной в работах А. И. Молоткова, В. С. Федосеевой и др., но с определенной корректировкой, касающейся количества и содержания функциональных омонимов, представленных в звуковых комплексах **да** и **нет**. Одним из отличий нашей позиции является выделение местоимений **да** и **нет** и местоименно-предикативного контаминанта **нет**.

В современном русском языке мы называем следующие функциональные омонимы слов **да** и **нет**:

да — 1) сочинительный соединительный союз (*Пришло всего трое: Артем, Коля да Максим*) (*да* = *и*); 2) сочинительный прогивительный союз (*Мал золотник да дорог*. Посл.) (*да* = *но*); 3) частица (— *Да что же это за несносное животное такое? — произнес он, скрипнув зубами*. Тургенев); 4) местоимение (— *Ты прочитал всю книгу? — Да*); 5) междометие (*Да, дела...*) [Сидоренко, Сахно, 2003];

нет — 1) частица (*Нет, лучше, чище природы ничего нет*. Крон); 2) междометие (например, в жарком споре собеседник заявляет: “**Нет!** Посмотрите на него, как распетушился! Слово **нет** не означает отрицания, а передает эмоции: удивление, огорчение и т. д.); 3) местоимение (— *Ты прочитал книгу? — Нет*); 4) местоименно-предикативный контаминант, совмещающий свойства отрицательного местоимения и безлично-предикативного слова (*У меня нет этой книги*).

Квалификация слов **да** и **нет** как местоимений не нова: об этом вскользь, без доказательств говорили Б. Ильиш, Н. М. Александров, Д. А. Кожухарь. Так,

Раздел 1.

18 Лексическая и категориальная семантика. Славянская аспектология

Н. М. Александров писал: “Собственно к “местоимениям” следует отнести и слова *да* и *нет* как заменяющие целые предложения, хотя их обычно относят к частицам или вообще считают стоящими вне частей речи” [Александров, 1968, с. 112]. Эта точка зрения нуждается в аргументации, и поэтому нашей задачей является доказательство местоименной природы рассматриваемых слов, определение их места в системе прономинальной лексики.

Слова *да* и *нет* являются местоимениями в тех случаях, когда они выступают в качестве ответной реплики диалогического единства; причем утверждаться или отрицаться может любое полнознаменательное и прономинальное слово: *да (нет) — друг, да (нет) — умный, да (нет) — читал, да (нет) — мой* и т. д. При этом отрицание сопровождается добавкой частицы *не*: *нет, не друг; нет, не умный* и т. д.

В качестве одного из признаков, отличающих местоимения от других частей речи, называют высокую абстрактность их значения. Этим же свойством обладают и слова *да* и *нет*, но в отличие от других местоимений они не обладают категориальной и грамматической соотносительностью с именами существительными, прилагательными, числительными, наречиями и безлично-предикативными словами (ср.: *письмо — что?, что-то, это, ничто* и т. д.; *добрый — какой?, такой, какой-то, всякий* и др.).

Чтобы определить место прономинативов *да* и *нет* в семантической классификации местоимений, нужно помнить, что эти два слова представляют собой наивысшую степень утверждения и отрицания. Эту же мысль можно проиллюстрировать следующим образом:

	да общеутвердительное местоимение
что-то, тот, каждый... утверждение указательное, неопределенное, обобщающе-выделительное (местоимения соответствующих семантических разрядов образуют группу утвердительных)	
дом, идет, красивый... утверждение, оформленное любым словом, обладающим номинативным значением	
	нет общеотрицательное местоимение
никто, ничто, никак... местоименное отрицание	
не дом, не идет, не красивый... отрицание при любом слове, обладающем номинативным и прономинальным содержанием	

Приведенные примеры представляют 3 степени утверждения и отрицания: 1) с помощью полнозначительных слов (в ряду местоимения **нет** — и местоимений, но с отрицательной частицей **не**); 2) утвердительных прономинативов, выраженных указательным, неопределенным и обобщающе-выделительным разрядами в ряду местоимения **да**, и отрицательных прономинативов, выраженных одноименным семантическим разрядом, --- в ряду местоимения **нет**; 3) общеутвердительного местоимения **да** и общеотрицательного **нет**.

Итак, местоимения **да** и **нет** морфологически и синтаксически не соотносительны с полнозначительными частями речи, обладают высокой степенью обобщенности, являются наиболее яркими выразителями категорий утверждения и отрицания в современном русском языке, способны конкретизироваться с помощью различных знаменательных частей речи, эмоционально не окрашены, не выражают таких модальных характеристик, как вероятность, предположительность и др. Последний признак важно назвать для того, чтобы отграничить частеречную квалификацию **да** и **нет** от соответствующих характеристик модальных слов *правда, хорошо, конечно, верно, действительно, несомненно, безусловно, разумеется, вероятно, возможно, видимо, кажется, наверное* и др., также способных выступать в качестве ответного компонента диалогического единства.

В роли средства отрицания в русском языке, по нашему мнению, выступает не только местоимение **нет**, но и омонимичный контаминант, совмещающий свойства местоимений и безлично-предикативных слов. Он используется в безличных предложениях в качестве главного члена односоставного предложения. В предложениях типа *У меня нет нужного учебника* слово **нет** рассматривается некоторыми учеными как безличный глагол. В этом значении оно выполняет функцию главного члена односоставного предложения, и на этом основании его морфологическую сущность определяют как наиболее свойственную безличному глаголу. Замечено, что слово **нет**, как и безличный глагол, будучи главным членом безличного предложения, управляет родительным падежом имени существительного. Этим же обстоятельством, в частности, объясняют и форму многих фразеологических сочетаний, например: *нет и следа, нет мочи, нужды нет* и т. д.

Согласно другой точке зрения, слово **нет** в предложениях типа *У меня нет нужного учебника* следует рассматривать как категорию состояния (безлично-предикативное слово). Действительно, слово **нет** в подобных контекстах обладает рядом признаков слов категории состояния: оно неизменяемо, в предложении выполняет роль главного члена односоставного безличного предложения, может иметь при себе зависимые дополнения и обстоятельства места, времени (*нет книги у него, его нет сегодня на занятиях*). Отрицание, отсутствие можно с некоторыми оговорками квалифицировать как состояние чего-либо или кого-либо; ср., например, со словом *нельзя*. Но отрицание включает в себя способность местоимений проявлять себя как один из способов прономинальной семантики (*никто, нигде*). Напомним также, что отрицание имеет место также и в местоименно-предикативных контаминантах типа *некого, нечего, некогда, негде*,

Раздел 1.

20 Лексическая и категориальная семантика. Славянская аспектология

некуда, неоткуда, неотчего и под.[Сидоренко, 1982, 1990]. Таким образом, в системе местоименно-предикативных контаминантов можно выделить два вида: упомянутый выше ряд слов типа *некого, негде* и слово *нет*.

Любопытна история местоименно-предикативного контаминанта **нет**. Она достаточно подробно освещена в статьях А. И. Молоткова и А. И. Бахаревой, но в силу ограниченности объема настоящей статьи нами не будет рассмотрена.

Итак, прономинальную лексику современного русского языка следует дополнить общеутвердительным местоимением **да** и общеотрицательным местоимением **нет**, а также гибридным словом (контаминантом) **нет**, совмещающим свойства отрицательного местоимения и безлично-предикативного слова. Каждое из них вызвано к жизни коммуникативными потребностями человека, имеет собственную семантику и свою сферу употребления.

Литература

Александров Н. М. К вопросу о классификации частей речи в индоевропейских языках // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. — М.:Л.: Наука, 1968. — С. 112.

Бахарева А. И. О способах выражения отрицания в древнерусском языке // Проблемы развития языка. Лексические и грамматические особенности древнерусского языка. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. — С. 69 — 78.

Граудина Л. К. Да и нет в публицистике // Вопросы культуры речи. — 1964. — Вып. 5. — С. 105 — 111.

Молотков А. И. Грамматическая характеристика слова “нет” // Рус. яз. в шк. — 1956. — № 6. — С. 22 — 29.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Учпедгиз, 1938.

Сидоренко Е. Н. Части речи и контаминанты в современном русском языке: к постановке проблемы // Русское языкознание. — 1982. — №4. — С. 58-64.

Сидоренко Е. Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка. — К.: Одесса: Лыбидь, 1990.

Сидоренко Е. Н., Сахно Е. М. “Да” в русской грамматике (к проблеме беспризорных слов) // Культура народов Причерноморья. — Сентябрь 2001. — №23. — С. 177 — 182.

Федосеева В. С. Функционально-синтаксическое использование слова “да” и его эквивалентов // Рус. яз. в шк. — 1950. — №1. — С. 16-22.

Ханпира Эр. Нет и нету // Рус. яз. в шк. — 1963. — 3. — С. 24-25.

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1957. — С. 63-84.

Pyish B. The Structure of Modern English — Leningrad, 1995.02

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2004 г.

УДК 801.558

Е. И. Семиколенова

ТАК ЧТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ОБОЗНАЧАЕТ ГЛАГОЛ?

Язык в широком смысле понимают как “абстрактное представление о едином человеческом” [11, с. 604]. Эпистемическая функция языка связывает его с действительностью. Язык является основной общественно значимой (опосредованной мышлением) формой отражения окружающей человека действительности и самого себя, т. е. одной из форм хранения знаний о действительности.

Элементы действительности, выделенные, отображенные и обработанные сознанием человека, в виде гносеологических образов закрепляются в единицах языка. В них материализуются структура и динамика мысли, т. е. языковые единицы приспособлены как для номинации элементов действительности, так и для обеспечения потребностей мыслительного процесса [Там же]. По мнению Э. Сепира, “язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собой переплетены; они в некотором смысле составляют одно и то же” [23, с. 193].

Язык является одним из способов концептуализации всего происходящего в мире. А в мире, как известно, нет ничего, кроме вещей, свойств и отношений. “Нельзя не отметить к тому же, — пишет Е. С. Кубрякова, — что сведения эти соотносятся с простым наблюдением за окружающей нас действительностью и средой, ибо естественный взгляд на вещи предполагает, что в мире вокруг нас, вне зависимости от нашего сознания, что-то с чем-то происходит, что мир полон разных физических тел, взаимодействующих друг с другом, что он существует во времени и в пространстве и что язык **правильно** (выделено Е. К.), по крайней мере в основных чертах, отражает все это, точнее, нарекает и описывает, используя разные единицы языка” [10, с. 141].

Вещи (субстанции) становятся в языке “предметами” (именами существительными). Существование же вещи в мире проявляется через ее свойства, которые могут быть как постоянными, статическими, так и переменными, динамическими. Именно эти последние и будет транслировать глагол. В значении глагола констатируется сам факт существования вещи, отражаются свойства (признаки) ее существования. Однако все, что существует, т. е. вещи, меняется во времени. Иногда говорят “во времени и пространстве”, т. к. довольно часто разделить эти категории не представляется возможным [17, с. 14].

Еще А. А. Потебня подчеркивал:

“Тесная связь между временем и пространством послужила причиной тому, что нередко одними и теми же признаками отмечается неопределенное время и неопределенное пространство, также дальнейшее время и дальнейшее пространство... особых глагольных признаков, отличающих время от пространства, вовсе нет; ко всякому из подразделений во времени можно приложить наречие места, и ко всякому из подразделений по пространству — наречие времени” [21, с. 19].

Как известно, А. А. Потебня, опираясь на взгляды В. Гумбольдта и Х. Штейн-нталя, создал своеобразную философию глагольности. Это стало основой его учения об исторической эволюции основных категорий языка и мышления [3, с.338]. По убеждению ученого, именно глагол позволил перейти языку от более примитивного именного строя к предложению глагольному. В процессе этой эволюции глагол все более и более развивал энергию отвлеченности.

А. А. Потебня считал глагол наиболее конструктивной и наиболее активной категорией языка, а одним из проявлений прогресса в языке — его “оглаголивание”: “В русском языке, как и в других сродных, по направлению к нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола” [19, с.516, см. также 23, с. 86-116 и др.].

Хотя позже А. В. Исаченко напишет: “ В настоящее время мы более трезво смотрим на роль глагола в языке, но магия “глагольности” держится и по сей день...” [8, с.10]. Тем не менее до сих пор ученые отмечают важную роль, которую играет глагол в выделении лингвистически определяемых элементов динамического мира и “стандартизации бесконечного богатства изменений бытия” [12, с.52, 17, с.7 и др.]

Какие же “элементы динамического мира” закрепляются в глагольном слове? Какие из свойств окружающей действительности “ухватывает” глагол? Поиски ответов на поставленные вопросы в современной аспектологии сохраняют свою *актуальность*. В связи с этим формулируется и *цель работы*: определить содержание глагола как одного из ресурсов языка, с помощью которого вербализуются, одеваются в слово, динамические свойства окружающего мира.

Однако ответить однозначно на поставленные вопросы не так и просто: “Эти категории являются столь фундаментальными, что в точном смысле определения им дать невозможно. Можно лишь попытаться дать некоторое общее представление о них”, — убеждены А. А. Зализняк и А. Д. Шмелев [6, с.34]. Такие попытки были предприняты многими лингвистами.

Например, Г. Павский рассматривал глагол как “слово по преимуществу” и находил в нем “изображение мыслей” (в отличие от “изображения понятий”, присущего именам) [16, с.13].

К. С. Аксаков отмечал: “Все существующее в пространстве — предмет, все существующее во времени — действие” [2, с. 1-2].

А. А. Потебня считал, что глагол, выделяясь из синкретизма первобытного слова, обозначает действие, процесс: “Термину глагол...соответствует сила, свойство вещи, познаваемое по отражению на других вещах (объектах), стало быть, свойство, в коем сказывается связь между вещами” [20, с.7].

А. В. Исаченко, рассуждая о семантике глагола, писал: “...глагол, как лексико-семантический класс слов, обозначает в самой обобщенной и отвлеченной форме определенный круг явлений объективного мира — процессы, протекающие во времени, т. е. движение” [6, с.8].

В литературе последнего десятилетия мы также встречаем размышления о содержании и структуре глагольного значения. Например, по мнению Е. В. Петрухиной, главной типологической особенностью глагола “выступают выраже-

ние внутренней динамики действия, отражение существования и изменения бытия” [17, с.7].

“Семантические признаки прототипического характера для глагола, — пишут Хоппер и Томпсон, — это, возможно, наблюдаемость в поле зрения, движение (кинетика) и результативность действия, ибо именно эти свойства характеризуют представления, приписываемые детьми грамматическому классу глаголов, а также представления, ассоциируемые универсально с познанием через глагол. Но и здесь... семантических признаков для определения прототипа глагола недостаточно. Для того, чтобы расценить некую форму как прототипическую для глагола, эта форма должна утверждать наличие какого-либо события в дискурсе” [Цит. по 10, с.148].

“...содержание славянской глагольной словоформы, — утверждает Г. П. Мельников, — это содержание небольшого драматического произведения со своей завязкой, кульминацией, развязкой, а иногда и эпилогом” [13, с.131].

Подобное цитирование может быть продолжено. Однако уже приведенные высказывания убеждают нас в том, что, несмотря на некоторые внешние расхождения в формулировках, аспектологи уверены, что глагол “ухватил” динамическую сущность свойств вещей и отношений между ними и именно это закрепил в своей семантике. При этом многие лингвисты неоднократно подчеркивали, что было бы глубоко ошибочно видеть в языковых категориях механический слепок, простую копию внеязыковых явлений.

Например, об этом подробно пишет А. В. Исаченко: “... понятие процесса и явления (“субстанции”), взятые сами по себе, безотносительно, — логические категории. Опираясь на них, мы каждое явление действительности, обозначаемое словом, можем представить под двумя логическими “точками зрения”: или как процесс или как явление. Эти логически разные точки зрения и получают свое выражение в разных частях речи: “ходил” — это процесс, а “хождение” — это явление” [6, с.9]. И далее: “Понятие “процесс” и “предмет” (“вещь”) не являются непосредственным, пассивным отражением элементов объективной действительности: для нашего понимания они раскрываются через языковые категории, при помощи которых человек активно классифицирует действительность, ибо слово бежать нами воспринимается как “процесс”, а слово бег — как “предмет” или “явление” (в самом широком смысле) только потому, что первое в нашем языке — “глагол”, а второе — “имя существительное” [Там же].

Многообразие мира, его движение, изменение преобразуются в грамматические предметы, признаки, грамматическое количество. Бытовые предметы, бытовые признаки и отношения соответствуют грамматическим предметам, признакам и отношениям лишь частично.

Феномены “вещь”, “свойства” и “отношения” взяты из действительности, но переработаны языком, поэтому онтология соответствующей ситуации и ее восприятие говорящим, зафиксированное в глагольном значении, не всегда находится в однозначном соответствии. Окружающий мир преломляется в языке особым образом. Когда речь идет о восприятии, то “имеются в виду не индивидуальные представления говорящего, а типизированные представления, заклю-

ченые в значениях языковых единиц и их сочетаний, проявляющиеся парадигматически и синтагматически [17, с.23].

Еще А. М. Пешковский писал: “Было бы совершенно бесплодным делом пытаться исчерпать в этом перечне все те вещественные значения, которые могут быть опредмечены с помощью категории существительного: это так же невозможно, как полная классификация вещей и явлений того внешнего и внутреннего мира, который эти значения отражает... Для грамматики достаточно просто констатировать, что все непредметное может быть в языке при помощи определенных грамматических средств опредмечено” [18, с. 72-73]. Эту мысль можно продолжить следующим образом: все протекающее во времени и пространстве, как во внешнем, так и во внутреннем мире, может быть в языке при помощи определенных грамматических средств “оглаголено”.

Глагол передает динамику окружающего мира, трансформируя ее через лексические и грамматические компоненты значения в соответствии с теми ресурсами, которыми он обладает. При этом подчеркнем — ресурсами чрезвычайно богатыми и разнообразными.

А так как “уловить” и “передать” меняющийся, движущийся динамический мир чрезвычайно трудно (это можно попытаться сделать лишь приблизительно), глагол является самой сложной и самой емкой категорией русского языка.

В лексическом значении отражаются индивидуальные признаки действия или процесса. В грамматических значениях передается набор существенных признаков, характерных для любого действия или процесса.

Но, несмотря на все сложности, задача современной семантики, обратившейся вслед за логикой и философией, к анализу концептуальной структуры динамического мира, изменяющегося во времени и пространстве, необходимы исследования глагола и как номинативной, и как грамматической единицы в той же степени, что и имени.

Описание грамматики глагола, как и других частей речи, предполагает выделение и систематизацию грамматических форм и значений, характерных для этого класса слов. В традиционной грамматике это чаще всего осуществляется на основании тех же принципов, которые лежат в основе описания других частей речи, прежде всего имени существительного. С одной стороны, это понятно — грамматика всех частей речи должна строиться на одних основаниях. С другой стороны, имя и глагол имеют разную природу, что часто делает весьма затруднительным использование одинаковых критериев при их описании и систематизации. Природа значения глагола качественно иная, чем природа значения имени, и ее невозможно описать, используя критерии описания семантики имени (вещи).

Однако теория номинации в отечественной и зарубежной лингвистике разрабатывалась прежде всего в связи с именем существительным. Имя существительное, носитель языковой дискретности, членит внеязыковую действительность и называет то, что может стать отдельным предметом мысли.

Номинативные функции глагола, по сравнению с именем, обладают рядом специфических особенностей. По мнению Е. В. Петрухиной, это объясняется следующим: “Глагол как носитель идеи непрерывности отражает связи меж-

ду отдельными субстанциями, названными именами, а также между говорящим и содержанием высказывания, высказыванием и действительностью [17, с.12]

В номинации действий — ситуаций динамического мира — помимо глаголов участвуют и предметные слова. “Процессы обычно воспринимаются одновременно с предметами”, — писал Ш. Балли. Это снижает денотативную определенность глаголов и расширяет сферу их референции. Номинативная семантика глагола сама по себе относительно бедна, она дополняется и уточняется семантикой его актантов. По мнению Е. С. Кубряковой, наиболее четко номинативная функция реализуется у одноместных глаголов типа *расти, спать* [9, с.107].

Поэтому значительно чаще “в семантике глагольных лексем превалирует синтагматическая значимость над номинативной” [11, с. 172]. В целом реальное значение глагола проявляется только в контексте, глагольная семантика по преимуществу носит функциональный характер.

В качестве подтверждения этой мысли обратимся к примеру, который приводит Е. В. Петрухина: “Трудно создать четкое понятие о действиях типа *чистить что-либо* или *открывать что-либо*, т. к. в зависимости от характера актантов соответствующие понятия в известных пределах будут меняться и конкретизироваться даже в рамках одного лексико-семантического варианта (ср. *чистить зубы, ботинки, столовое серебро, ковры; открывать окно, замок, консервную банку*) [17, с.12].

Что же имеют в виду, когда говорят о сложности, богатстве и разнообразии семантики глагольного слова? На наш взгляд, речь идет не о номинативном, а о синтагматическом значении и, несомненно, о грамматическом значении, структура которого наиболее емка и сложна по сравнению со всеми остальными частями речи и существенно от них отличается.

Причина, по-видимому, заключается в следующем. Для передачи динамики меняющегося мира в каждом языке имеется собственный набор средств. В русском языке это прежде всего грамматические ресурсы глагола. Специфика бытия, признаки его существования и изменения во времени передаются с помощью богатого грамматического потенциала, разнообразных грамматических средств, которыми обладает русский глагол.

Под грамматическим значением слова понимают, во-первых, общее категориальное значение слова, присущее ему как единице определенного класса слов (части речи) и, во-вторых, частное значение, представленное одним из видов формально выраженных отношений, характерных для слова как единицы определенного класса. [5, с.302].

Со стороны обобщенно-категориального значения глагол до сих пор характеризуется по-разному. Существует два типа его толкований. В одних случаях категориальное значение глагола определяется через понятие “действие” (В. В. Виноградов, Грамматика русского языка (1960), Ю. С. Маслов и др.), в других — через понятие “процесс” (Грамматика современного русского литературного языка (1970), Русская грамматика (1980) и др.) или “процессуальность” (А. В. Исаченко).

Традиция определения категориального значения глагола через понятие “действие” идет от М. В. Ломоносова: “Глаголы выражают деяния”. В русской лингвистике XX века эта традиция продолжается в работах В. В. Виноградова и его школы: “Глагол — это категория, обозначающая действие” [3, с.345].

По такому же пути определения категориального значения глагола идут авторы “Грамматики русского языка” (1960) [4], в которой “глаголы называют действия (*идти, писать, строить, управлять*). Однако далее следует уточнение: “или же представляют другие процессы в виде действия, как, например, состояния, проявление признака, изменение признака, отношение к кому-нибудь или чему-нибудь (*гордиться, заботиться, звучать, зеленеть, любить, расти, слепнуть, спать, стоять, уважать*). Без данного комментария, по-видимому, обойтись нельзя, т. к. лексическая семантика глагола оказывается, по мнению авторов, гораздо шире предложенных рамок “действия”. И тем не менее авторы “Грамматики” настаивают на том, что: “Все значения глагола, абстрагированные от частного и конкретного, объединяются в общей *категории действия*, что отличает глагол от других частей речи. ... особенность глагола как раз в том и заключается, что состояние представляется в нем как протекающее во времени действие” [4, с.407].

Однако такое понимание категориального значения глагола вызывает возражение лингвистов. Среди них назовем мнение В. Н. Мигирова, который считал неприемлемым определять глагол как часть речи, выражающую действие: “в учебниках обычно глаголами называют слова, которые обозначают действие или состояние и отвечают на вопросы *что делать? что сделать?* Это не вызывает возражений... Но когда на ум приходят такие факты, как *День начинается, Ночь кончается, Заседание продолжается*, то возникает сомнение относительно правильности такого определения. Следует считать недоразумением определение глагола как части речи, обозначающей не только действия, но и состояния.

По мнению ученого, при определении глагола со стороны его категориального значения важно четко разграничивать обобщенное грамматическое значение и значение отдельных лексических разрядов.

Определять глагол как часть речи, обозначающую действие или состояние, — это значит подменять указание на обобщенное грамматическое значение указанием на значение отдельных лексических разрядов [14].

Такая терминологическая путаница возникает, вероятно, потому, что термин “глагольное действие” не есть строгим и однозначным. “Толковый словарь русского языка” С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой приводит следующие значения слова “действие”:

1. Проявление какой-нибудь энергии, деятельности, а также сама сила, деятельность, функционирование чего-нибудь
2. Результат проявления деятельности чего-нибудь, влияние, воздействие.
3. Поступки, поведение. [15, с.153].

В “Словаре русского языка” (1981-1984):

1. Деятельность. (*во мн.*) Поступки, поведение.
2. Работа, функционирование (машины, механизма, различных устройств) [24, с.378].

Употребляя термин “действие”, лингвисты ориентируются на разные его значения: широкое и узкое. В первом случае этот термин обозначает любой тип ситуации, который обозначает глагол, так как именно с действием связано его прототипическое значение. “Действие” же в узком смысле обозначает класс предельных (терминативных) целенаправленных ситуаций — изменений, предполагающих одновременной завершение” [17, с.13]. Другими словами — в первом случае термином “глагольное действие” определяется категориальное значение глагола, во втором — один из его лексических разрядов.

Наиболее распространенное толкование категориального значения глагола осуществляется через понятие “процесс”. Многие лингвисты считают, что понятие “процесс” более широкое, по сравнению с понятием “действие”, оно охватывает и действие, и состояние, и становление, и существование чего-либо во времени (*иметь, относиться, отстоять, начинаться* и т. п.), и все другие разряды глаголов. Т. е. “действие” в таком случае понимают как лексико-грамматический разряд глаголов.

Еще в “Очерке грамматики русского языка” (1945) В. Н. Сидоров характеризовал глаголы как “слова со значением процесса, т. е. слова, выражающие обозначаемые ими признаки как действие, состояние или становление” [1, с.161]. Почти дословно это определение повторяют авторы “Граматики современного русского литературного языка” (1970): “Глагол — это часть речи, обозначающая процесс, т. е. представляющая признак как действие, состояние или становление” [5, с.310].

Более развернутый комментарий к категориальному значению глагола дают авторы “Русской грамматики” (1980): “Значение процесса свойственно всем глаголам, независимо от их лексического значения. Глагол представляет как процесс (процессуальный признак) и действия (*бежать, грузить, рыть*), и состояния (*лежать, спать, страдать*), и отношения (*иметь, преобладать, принадлежать*).

При определении значения глагола как части речи можно использовать понятия “процесс” и “действие”. В этом случае понятие “действие” трактуется в грамматически обобщенном смысле (в отличие от более конкретного содержания понятия “действие”, когда имеется в виду различие между активным действием и пассивным состоянием)” [22, с.582].

А. В. Исаченко представляет глагол как “ часть речи, в которой обобщенное значение “процессуальности” выражается определенными морфологическими категориями”. Подавляющее большинство глаголов выражает действия (например, *писать, бежать, говорить*), процессы (например, *повышаться, толстеть*) или состояния (например, *сидеть, сердиться, грустить*). Семантика таких глаголов теснейшим образом связана с представлением о движении во времени.

Однако в языке имеются слова, не связанные с представлением о движении во времени и все же представленные именно глаголами, ср. *иметь, знать, состоять, стоить* (например, *билет стоит 10 рублей*). Эти глагольные слова обозначают отношения, а не процессы или состояния.

Но общий признак “процессуальности” стал настолько типичным для глагола, как части речи, что всякое явление, выраженное глаголом, представля-

ется в виде процесса, “стилизуется” под процесс [8, с. 7]. (Ср. с именами существительными “бег”, “ходьба”, “любовь”, “утро”, “зима” и т. п., которые “стилизируются” под предмет).

Таким образом, глагол является, по своей семантике, классом слов, обозначающим процессуальность.

Динамика окружающего мира преобразуется в категориальном значении глагола в виде “процесса” или “процессуального признака”. Одним из основных способов передачи этого значения является категория вида.

“Семантической природой процесса является длительность действия”, — пишет Г. А. Золотова. Все языковые операции, связанные с этим, “осуществляются с помощью могучей морфологической техники “перфективации” и “имперфективации”, и фазисных глаголов...” [7, с. 24].

Особенность славянских языков заключается в том, что процессуальность становится своеобразной интерпретацией действительности и выражается грамматическими средствами языковых категорий. “В русском, словацком или чешском языках, подчеркивает А. В. Исаченко, — любой глагол не “просто” обозначает процесс (действие, состояние), а соединяет это значение с понятиями грамматического вида” [8, с. 13].

Все сказанное дает основания для следующих **выводов**.

Большинство лингвистов, давая определение глаголу как части речи, указывает на процессуальный признак как основной в его значении. Процессуальный признак в глагольной семантике представлен как динамический сюжет, отражающий соотношение предметов во времени, причем динамичность может быть выражена в большей или меньшей степени. Динамичность ситуации связывают не только с изменением и приложением энергии, но и с протеканием во времени и членимостью на фазы [17, с.13].

Таким образом, дальнейшая характеристика процесса включает по крайней мере две стороны:

- Процесс и его связь с “последовательной сменой состояний в его развитии”, т. е. с фазовостью;
- Процесс и его связь с длительностью действия, т. е. с представлением о его движении во времени.

Литература

1. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. — М.: , 1945. — С.161-176.
2. Аксаков К. С. О русских глаголах // Полн. собр. соч. — М., 1875. Т.2 Ч.1: Сочинения филологические
3. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. — М., 1972. — 614 с.
4. Грамматика русского языка. — Т. I. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 719 с.
5. Грамматика современного русского литературного языка. — М.: Наука, 1970. — 767 с.

6. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 226 с.
7. Золотова Г. А. Категория времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. — №3. — 2002. — С.8-29.
8. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. — Ч. 2. — Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1960. — 577 с.
9. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. — М.: Наука, 1978.
10. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
11. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1990. — 683 с.
12. Ломов А. М. Типология русского предложения. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1994.
13. Мельников Г. П. Категория степени длительности глагольного действия и ее связь с категорией вида // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. В. И. Ломоносова. Том I. — 2-е изд. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. — С. 122-139.
14. Мигирин В. Н. Курс лекций по современному русскому языку (рукопись).
15. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: АЗБ, 1995. — 928 с.
16. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка, рассуждение 3. — Спб.: Типография императорской Академии наук, 1850. — 273 с.
17. Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. — 256 с.
18. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. — М.: Учпедгиз, 1956. — 511 с.
19. Потеня А. А. Из записок по русской грамматике. — Т. I-II. — М.: Просвещение, 1958. — 536 с.
20. Потеня А. А. Из записок по русской грамматике. — Т. III. — М.: Просвещение, 1968. — 551 с.
21. Потеня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II. Глагол. — М.: Просвещение, 1977. — 406 с.
22. Русская грамматика. — Л.: — М.: Наука, 1980. — 783 с.
23. Сепир Э. Язык: Введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Издательская группа "Прогресс", "Универс", 1993. — С.26-203.
24. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. III. — М.: Русский язык, 1983. — 698 с.
25. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. — М.: Наука, 1968.

Статья поступила в редакцию 24 сентября 2004 г.

УДК 801.558

Е. Я. Титаренко

КАТЕГОРИЯ СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ: ГРАММАТИКА, ЛЕКСИКА, СЛОВООБРАЗОВАНИЕ?

Несмотря на то, что “аспектологическая литература практически необозрима” [6:327] в силу своей многочисленности, а славянская и русская аспектология развиваются в последние десятилетия бурными темпами и достигли определенных вершин, до сих пор остаются спорными не только основные проблемы теории видов, но и сами аспектуальные категории, принципы их выделения и описания, терминология. Одной из таких проблемных категорий является категория способов (глагольного) действия (в дальнейшем СД), рассмотрению которой посвящена настоящая работа.

Как отмечает В. А. Плуниан, термин *aspect* впервые появился в 30-е годы XIX века и первоначально являлся простым эквивалентом русского слова “вид”. Затем в немецкой лингвистике для обозначения того же самого понятия начал использоваться термин *Aktionsart*. И в 1908 г. Сигурд Агрелль “предложил использовать термин *Aktionsart* для обозначения того комплекса из нескольких десятков словообразовательных значений, которые в славянских языках передаются глагольными префиксами (начинательность, повторяемость, интенсивность и т. д., и т. п.), а термин *aspect* закрепить за парой “совершенный вид ~ несовершенный вид” [6:293]. Так в славистике появилось противопоставление вид (*aspect*) — совершаемость (способ действия, *Aktionsart*).

В русской аспектологии о способах действия одним из первых написал Ю. С. Маслов, подчеркивавший, что СД — это исключительно семантические, но не словообразовательные разряды глаголов, которые должны выделяться на основе сходства в типах протекания и распределения во времени глагольного действия [5]. По способам действия Ю. С. Маслов распределял всю глагольную лексику, список СД оставался открытым, глаголы свободно перемещались из одного СД в другой (с учетом разных ЛСВ), в его классификации СД не являлись подвидами того или другого вида, поэтому в один СД могли объединяться как парные, так и непарные глаголы.

Ю. С. Маслов определял СД как “еще более дробные” (чем предельные — непредельные) разряды, взаимодействующие с категорией вида, в числе которых начинательный (*запел, побежал*), многократный (*невал*), одноактный (*толкнул*) и даже “однонаправленного перемещения (*бежал, нес*), ненаправленного перемещения (*бегал, носил*)” и др. [4: 105].

Идеи Ю. С. Маслова поддерживали и развивали А. В. Бондарко, М. А. Шелякин и др. лингвисты. Согласно их теории, “одни способы действия отличаются определенным формальным признаком и представляют собой словообразовательные разряды (например, *переженить, перезнакомить, перекалечить*). Другие не обладают таким признаком (например, глаголы состояния типа *стоять*,

спать, болеть, бодрствовать)” [2:13-14]. Первые были названы **характеризованными**, а вторые — **нехарактеризованными** СД. Между ними имелись существенные различия: у нехарактеризованных СД характер протекания действия являлся элементом лексического значения, а у характеризованных — имелся формальный показатель, т. е. не только лексическое, но и словообразовательное выражение. При этом характеризованные СД можно было разделить на простые и сложные, которые представляли собой группировку нескольких простых.

В ряде случаев СД были представлены словообразовательными разрядами, но по своей семантике к ним примыкали и другие глаголы (например: *мигнуть, хлопнуть* и *схватить*). Такие СД были названы **непоследовательно характеризованными** [2, 5 и др.]. СД “могут быть представлены обоими видами (*доесть* — *доедать, доиграть* — *доигрывать* и т. п.) или только одним из них (*побаливать, покашливать*). Нередко к одному и тому же способу действия принадлежат как соотносительные по виду глаголы, так и несоотносительные” [2:14]. В этот период СД рассматривались как “низшее” звено по отношению к ГК вида [2:29].

Дальнейшее развитие теории привело ее последователей к выводу, что “вид (как грамматическая категория) и СД (как значения определенных разрядов глагольной лексики) относятся к той сфере, связанной с понятием предела, которая (...) получила название “поля лимитативности” [9:63]. Для аспектолога, как отмечает М. А. Шелякин, СД важны не сами по себе, а как такие семантические признаки глаголов, которые обладают объяснительной силой при изучении видовых свойств отдельных групп глаголов [12].

Интересно, что такой подход привел его авторов к мысли о ненужности старого термина, перегруженного концептуальными расхождениями, однако они сочли “нецелесообразным отказываться от термина СД, ставшего уже традиционным” [9:64], считая его удобным для описания аспектуальных свойств глаголов тех языков, в которых нет ГК вида. Дальнейшее развитие аспектуальной типологии, как утверждает В. А. Плуноян, эту идею не подтвердило, поскольку в таких случаях термин *Aktionsart/совершаемость* (=способ действия) фактически оказывается просто синонимом термина *аспект* в широком смысле [6:293].

Н. С. Авилова предложила другую классификацию СД, понимаемых ею как семантико-словообразовательные группы, объединяющие одновидовые глаголы. Из списка СД выпали первичные (простые) глаголы, составляющие статальный, реляционный, эволютивный, мультипликативный и прочие СД. Она выделила и описала три группы СД — временную, количественную и специально-результативную, в каждой из которых насчитывается большое количество способов действия, полный список которых, однако, оказывается закрытым [1]. По способам действия, как уже было сказано, распределились только непарные (одновидовые) глаголы, имеющие общие формальные показатели.

Классификация Н. С. Авиловой представлена в “Русской грамматике” [8]. Здесь сказано: “Способы глагольного действия — это такие семантико-словообразовательные группировки глаголов, в основе которых лежат формально выраженные модификации (изменения) значений беспрефиксных глаголов с точки зрения временных, количественных и специально-результативных харак-

теристик” [8:596]. Подчеркивается, что СД тесно связаны с категорией вида: одни СД объединяют несоотносительные глаголы НСВ, другие — несоотносительные глаголы СВ. “Однако видовая несоотносительность далеко не всегда может быть объяснена вхождением глагола в тот или иной способ глагольного действия. (...) Разные способы глагольного действия с точки зрения возможности образования видовой пары ведут себя по-разному” [8:596].

В последнее время, как отмечают лингвисты, “прослеживается настойчивое стремление вывести СГД за рамки грамматики вида и рассматривать их в качестве продуктивных в большей или меньшей степени словообразовательных моделей” [7:276]. Однако в пределах глагольной деривации СД принято относить к модификации, а не к мутации, т. к. “такие модификации содержат дополнительную аспектуальную информацию, которая определяет способы представления процесса, а не отражает новые явления действительности” [7:276]. Иными словами, образованные от глагола *кричать* глаголы *закричать*, *покричать*, *откричать*, *прокричать*, *накричатся* и т. п. являются модификациями основного лексического значения “*издавать крик, громко говорить*”, а глагол *перекричать* — номинацией нового действия. “Таким образом, мутационные дериваты называют последствия базового действия, тогда как выражение достижения собственно результата — чистого результата либо результата в комбинации с пространственными, количественными, обстоятельственными и некоторыми другими значениями — связано со словообразовательными модификациями базовых глаголов” [7:276].

В таком представлении глаголы СД представляются как “среднее”, “переходное” звено от чисто видовой парности (для сторонников данной теории видовая пара — это формы одной лексемы) через модификации лексического значения к абсолютно новым лексическим значениям. И вновь возникает вопрос критериев выделения и отделения глаголов СД от глаглов “не СД”. Учитывая тот факт, что среди аспектологов до сих пор нет единства мнений по поводу критериев выделения даже чисто видовых пар, можно представить, какой новой проблемой станет эта.

Такой подход изменяет парадигму русского глагола, в ее центре оказывается видовая пара, затем префиксально-суффиксальные модификации, называемые способами действия, за ее пределами располагаются новые лексемы (для них пока нет термина?). Интересно, что в “наивной картине вида” отдельных носителей языка встречается мнение, что все однокоренные глаголы — это формы исходного глагола, т. е. “одно слово”. Так, *читать* — *прочитать*, *дочитать*, *перечитать*, *зачитать*, *начитать* и т. п. — все это один и тот же глагол.*

Лексикографическая практика весьма непоследовательно отражает глаголы способов действия. Так, в фазовую парадигму** глагола *кричать* входит 18 глаголов СВ (*крикнуть*, *вскричать*, *вскричатся*, *выкричать*, *выкричатся*, *докричатся*, *закричать*, *искричатся*, *накричать*, *накричатся*, *откричать*, *перекричать*, *по-*

* По данным опроса, проводимого автором. В ходе опроса выясняется мнение носителей языка об их восприятии глаголов в видовой паре: являются ли эти глаголы разными словами или одной лексемой.

** О фазовой парадигме см. [10].

кричать, прокричать, прокричатся, раскричать, раскричатся, скричать) и 1 глагол НСВ *крикивать*. Какие из них относятся к способам действия, а какие нет, в силу отсутствия четких критериев разграничения, сказать трудно, скорее всего это начинательные (*закричать, раскричатся*), ограничительные (*покричать, прокричать*), финитивные (*откричать, докричатся*), однократный (*крикнуть, вскричать*), многократный (*крикивать*), интенсивный (*накричатся, выкричатся, искричатся*, еще раз *раскричатся, докричатся*) входят в СД. В таком случае можно предположить, что эти глаголы либо не будут толковаться в словарях вообще, либо будут включаться в гнездо исходного глагола и толковаться отсылочным способом. Однако в МАС из перечисленных 19 глаголов приводятся толкования 12, а именно: *крикнуть, вскричать, выкричать, выкричатся, докричатся, закричать, накричать, накричатся, перекричать, покричать, прокричать, раскричатся*. При этом *крикнуть* с пометой “однокр. к кричать в 1, 2 и 4 знач.” есть, а *крикивать* (многокр.) — нет, *закричать* — “начать кричать” есть, а *откричать* — нет, делимитативы *покричать* и *прокричать* (в 4 значениях) есть, хотя многие другие глаголы с этими приставками в данном значении, также как и начинательные с префиксом *за-* не включены в МАС в виду явной выводимости их семантики из семантики префикса и основного глагола. Нет в МАС также глаголов *вскричатся, искричатся, прокричатся, раскричатся* и *скричать*, которые входят в “Словообразовательный словарь” А. Н. Тихонова [11].

Таким образом, критерии выделения СД и их лексикографического описания остаются невыясненными. А. Зализняк и А. Шмелев, составляя список СД, в целом ориентировались на русскую грамматическую традицию. Однако они сочли нужным исключить “весьма представительные классы, образуемые определенными значениями приставок (таких, как *до-* в *дописать*, *за-* в *замучить*, *про-* в *проварить*, *рас-* в *расхвалить*, *пере-* в *переделать* и т. д.), которые, на наш взгляд, несколько дальше отстоят от понятийной категории аспектуальности” [3:105]. Они выделили начинательные, делимитативный, перлуративный, финитивный, кумулятивный, сатуративный, интенсивно-результативные, однократный, смягчительный, многократный, прерывисто-смягчительный, дистрибутивный, взаимно-многократный и сопроводительный СД (всего 15). В заключение отмечая, “что многообразие оттенков, касающихся способов протекания действия и отношения к нему говорящего, (...) является не менее яркой особенностью русской глагольной системы, чем наличие в ней грамматической категории вида” [3:126].

Отсутствие критериев разграничения видовых пар и способов действия приводит к тому, что “глагол *понравиться* является одновременно видовым коррелятом к *нравиться* и его начинательным способом действия — в отличие от глагола *полюбить*, который является способом действия, но не видовым коррелятом к *любить*” [3:13]. Такой подход представляется нам непродуктивным, усложнение терминологии — излишним. Так, *начинательные* глаголы и глаголы *начинательного способа действия* по сути — одно и то же, равно как и *ограничительные, взаимно-многократные, финитивные, кумулятивные* и т. п. глаголы можно назвать “глаголами соответствующего способа действия”. Соответствующая названию способа действия семантика обычно присуща определенному глаголь-

ному аффиксу и весьма опосредованно связана с видом глагола. Один и тот же глагол может иметь семантические признаки сразу нескольких СД, как например, *раскричатся* (начинательный и интенсивный), *докричатся* (финитивный, результативный, интенсивный).

Таким образом, отвечая на альтернативный вопрос Е. Н. Ремчуковой, содержащийся в названии ее статьи [7], мы склонны выбрать первый вариант: способы действия --- это лингвистический артефакт. Ни лексико-грамматической, ни словообразовательной *категории способов действия* в современном русском языке не имеется. Термин "*способы действия*" может употребляться только по отношению к **семантическим разрядам** (группировкам) глаголов на основе сходства в типах протекания и распределения действия во времени (по Ю. С. Маслову). Постоянно декларируемая связь способов действия с категорией вида глагола ничем не подтверждается и не аргументируется. Напротив, связь категории вида с лексико-грамматической категорией фазовости, доказанная профессором О. М. Соколовым, позволяет ввести понятие **фазовой парадигмы** глаголов, в которую входят и видовые пары и глаголы "способов действия".

Литература

1. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. — М.: Наука, 1976. — 328 с.
2. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. — Л.: Просвещение, 1967. — 192 с.
3. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 226 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с.
5. Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. — С. 53-80.
6. Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 2-е, испр. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 384 с.
7. Ремчукова Е. Н. Способы глагольного действия: лингвистический артефакт или живая реальность? // Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации --- Ялта: Доля, 2003. — С. 276-277.
8. Русская грамматика. Т. 1. — М.: Наука, 1980. — 783 с.
9. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. — Л.: Наука, 1987. — 348 с.
10. Титаренко Е. Я. Словарь фазовости русских глаголов: концепция и структура. // Культура народов Причерноморья — №44, ноябрь 2003. — С. 71-74.
11. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. — В 2-х т. — М.: Рус. яз., 1985.
12. Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола. --- Таллинн, 1983. --- 216 с.

Статья поступила в редакцию 16 сентября 2004 г.

УДК 81'44=161.1=161.2=162.1

Н. О. Ярошенко

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ В СОСТАВЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД С ВЕРШИНАМИ САЖАТЬ, САДИТИ И SADZIĆ

Одной из отличительных черт современной лингвистики является заметное оживление в области контрастивного языкознания в целом и сопоставительной дериватологии в частности. Что касается словообразования, то его развитие на современном этапе характеризуется пристальным вниманием к изучению комплексных единиц, а именно: словообразовательных парадигм (далее — СП), словообразовательных цепочек (далее — СЦ) и словообразовательных гнезд (далее — СГ). По свидетельству А. Н. Тихонова, “в исследовании гнезда сравнительно недавно наметились новые направления — сравнительно-типологическое описание словообразовательных гнезд и изучение роли их в системной организации лексики” [6, с. 15].

Предлагаемая статья является частью нашего исследования, посвященного изучению структурно-семантических особенностей СГ с вершинами *sazhatʹ*, *saditi* и *sadzić* в русском, украинском и польском языках XIX – XX вв. (в сопоставлении с английским языком). Цель статьи заключается в сопоставительном анализе глаголов в составе названных СГ.

Сопоставительный аспект изучения славянских глаголов в рамках словообразовательных типов реализован в работах А. Бартошевича, Л. М. Бобровой, Т. С. Возного, А. Дубелецкой, И. Романовской, С. О. Соколовой [10; 1; 3; 11; 12; 5] и др. Поскольку, как отмечают дериватологи, словообразование славянских языков в направлении от производящего слова к производному изучено значительно меньше, чем в направлении от производного к производящему [7, с. 108-109], то перспективным представляется сопоставительное изучение различных классов производных (в частности, глаголов) в структуре СГ. Это позволит выявить генеративные возможности как вершины СГ, так и компонентов первого и следующих тактов деривации, а также определить роль того или иного СГ в системной организации лексики каждого из сравниваемых языков.

В русском, украинском и польском языках представлены двух — (глаголы *sazhatʹ*, *saditʹ*), четырех — (*saditi*, *sadzhati*, *sadoviti*, *sazhati*) и трехвершинные (*sadzić*, *sadzać*, *sadowić*) СГ соответственно. В ходе исследования для каждого СГ была установлена его статистическая формула: 1) русское СГ: 738 — 736 — 4 — 126 — 539 — 198; 2) украинское СГ: 384 — 380 — 4 — 84 — 283 — 98; 3) польское СГ: 268 — 265 — 5 — 38 — 186 — 80 (в каждом случае первая цифра соответствует лексическому объему СГ, вторая — мощности, третья — глубине, четвертая — ширине, пятая — количеству СЦ в его составе, четвертая — числу СП). Отметим, что построение СГ осуществляется с учетом как литера-

турных, так и диалектных (территориально- и социально-диалектных) образований, т. е. сопоставляются так называемые “макрогнезда” (в терминологии Л. П. Борисовой [2, с. 2]).

В каждом из сравниваемых СГ, как показывает анализ фактического материала, глаголы занимают второе по численности место после существительных: 170, или 23,1 % — СГ русского языка; 99, или 26 % — СГ украинского языка и 83, или 31,3 % — СГ польского языка.

В подавляющем большинстве случаев глаголы в составе анализируемых СГ — это девербативы. Кроме внутривербального словообразования, среди производных этой части речи в СГ также представлены отыменные глаголы (3 производных в СГ русского языка и по 2 деривата в СГ украинского и польского языков), а также один отадъективный глагол в СГ польского языка. Кроме этого, в одной из СЦ польского СГ нами реконструирована гипотетическая форма (*przesadka* → *przesadkować → *przesadkowanie*), хотя нельзя исключать и возможность чересступенчатого словообразования.

Именно отыменные и отадъективные глаголы в составе сравниваемых СГ в первую очередь демонстрируют реализацию так называемой категории безэквивалентности. Это объясняется тем, что, как известно, большая часть безэквивалентной лексики — это имена существительные, обозначающие конкретные предметы. В своей работе присоединяемся к тому пониманию безэквивалентности, которое представлено в монографии В. Н. Манакина [4, с. 138-148]. В связи с этим в исследуемом материале можно выделить несколько групп:

1. Собственно безэквивалентная лексика: русск. *посадничать* ‘быть посадником’ ← *посадник* ‘наместник князя в Древней Руси’; пол. *osadnikować* ‘быть осадником’ ← *osadnik* ‘колонист’*.

2. Слова, “значения которых, т. е. понятия, связанные с ними, в других языковых социумах хранятся на невербальном уровне, не имеют словесного обозначения и только при необходимости могут быть пояснены при помощи языка” [4, с. 148]: русск. *рассадничать* ‘промышлять, торгуя рассадой’; пол. *sadzonkować* ‘отделять часть побега от растения и сажать в землю с целью выращивания’, *przesadkować (значение реконструируется на основе одного из лексико-семантических вариантов существительного *przesadka* и значения деривата *przesadkowanie*) ‘пересаживать мальков в специально подготовленный пруд’, *uzasadnić* ‘мотивировать, убеждать, аргументировать’ (← *zasadny* ‘такой, который хорошо мотивирован’).

3. Ко второй группе примыкают русск. *садовничать* и укр. *садівникувати / садівничити*, которые безэквивалентны по отношению к польскому языку (ср. англ. *to garden, to work as a gardener*), но не по отношению друг к другу.

Распределение глаголов сравниваемых СГ относительно способов словообразования представлено в таблице.

Как видно из таблицы, наиболее продуктивным при образовании глаголов СГ русского языка оказался постфиксальный способ (55 дериватов, или 32,4%);

* В украинском СГ есть слово *осадник*, однако в украинском языке эта лексема, заимствованная из польского, обладает иным смысловым и оценочным наполнением.

Способы словообразования глаголов в составе СГ с вершинами сажать, садити и sadzić в русском, украинском и польском языках XIX-XXвв.

СГ Способ	СГ русского языка		СГ украинского языка		СГ польского языка	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Префиксальный	47	27,6	45	45,4	30	36,1
Суффиксальный	48	28,2	25	25,3	20	24,2
Префиксально-суффиксальный	20	11,8	—	0	3	3,6
Постфиксальный	55	32,4	29	29,3	30	36,1
Всего:	170	100	99	100	83	100

в СГ украинского языка — префиксальный (45 производных, или 45,4%), а в СГ польского языка префиксальным и постфиксальным способами, которые для данного СГ являются наиболее продуктивными при внутривербальной деривации, образовано равное число производных (30, или 36,1%).

Особого внимания среди производных глаголов в составе СГ с вершинами *сажати*, *садити* и *sadzić* заслуживают те глаголы, которые близки или тождественны по своим семантическим структурам, словообразовательным значениям, содержат функционально эквивалентные форманты (в частности, приставки), однако в русском СГ данные дериваты включены как приставочно-суффиксальные образования — например, *об-сад-и(ть)*, *по-сад-и(ть)*, *пере-сад-и(ть)*, а в украинское и польское — как приставочные (например, *об-садити*, *по-садити*, *пере-садити*; *ob-sadzić*, *po-sadzić*, *prze-sadzić*).

На предыдущем этапе исследования было установлено, что, во-первых, при распределении вершин сравниваемых СГ на основные и дополнительные для русского языка ведущим оказался стилистический критерий, а для украинского и польского — семантический [9, с. 138]; а во вторых (относительно СГ русского языка), “учитывая положение о том, что на базе стилистически окрашенного слова не может образоваться общеупотребительное, нейтральное, более последовательным представляется такой подход, при котором в литературном языке многие дериваты первой ступени рассматриваются как производные от *сажати*, а не от *садити*. При этом тот или иной способ словообразования сопровождается чередованием *ж* — *д*. Так, в “Русской грамматике” — 80, в “Комплексном словаре русского языка”, в работе Е. Л. Гинзбурга глаголы типа *по-садити*, *засади́ти*, *пересади́ти*, *насади́ти*, *рассади́ти* и др. (в обоих стержневых значениях) характеризуются как приставочно-суффиксальные образования от *сажати* с соответствующими морфонологическими чередованиями. <...> В “Словообразовательном словаре русского языка” А. Н. Тихонова (в отличие от более поздних словарей, вышедших под его редакцией) отдается предпочтение формальному критерию перед стилистическим: ряд производных возводится не к *сажати*, а к *садити*, за счет чего снимается чередование *ж* — *д*” [8, с. 39-40].

По предварительным наблюдениям, большая часть данных глаголов, несмотря на различия в способе словообразования, характеризуется эквивалентнос-

тью и включением значений на уровне межъязыковых лексико-семантических соответствий.

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ глаголов в составе СГ с вершинами *sazhatʹ*, *saditi* и *sadzić* в русском, украинском и польском языках XIX — XX вв. позволяет утверждать, что славянским языкам свойственно диалектическое единство общего и специфического в принципах организации комплексных единиц словообразования. Дальнейшее исследование названных СГ будет заключаться в установлении особенностей заполняемости так называемых семантических позиций в составе отыменных, отадъективных и др. СП сравнимых СГ, в анализе словообразовательных значений и средств их выражения в структуре производных различных частей речи в составе СГ с вершинами *sazhatʹ*, *saditi* и *sadzić*.

Литература

1. Боброва Л. М. Сопоставительный анализ словообразовательных типов глаголов с префиксом *do-* / *do-* в русском и чешском языках: Автореф. дис. ...к. филол. наук: 10. 02.03 / Ленинградский гос. ун-т. — Л., 1974 — 14 с.
2. Борисова Л. П. Развитие словообразовательных гнезд с синонимичными исходными словами (на материале гнезд с вершинами *питать* и *кормить*): Автореф. дис... к. филол. наук: 10.02.01. — К., 1990. — 16 с.
3. Возний Т. С. Словотвір дієслів в українській мові у порівнянні з російською та білоруською. — Львів: Вид-во Львівськ. держ. ун-ту “Вища школа”, 1981. — 185 с.
4. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. — К : Знання, 2004. — 326 с.
5. Соколова С. О. Префіксальний словотвір дієслів у сучасній українській мові / НАН України, Ін-т української мови. — К.: Наук. думка, 2003. — 283 с.
6. Тихонов А. Н. Состояние научной разработки гнезда и перспективы его исследования // Актуальные проблемы русского словообразования. — Елец, 2001. — С. 10-21.
7. Федурко М. Морфологія відіменникового словотворення. — К. — Дрогобич: Вимір, 2003. — 271 с.
8. Ярошенко Н. А. К вопросу о границах словообразовательного гнезда // Вісник Донецького університету: Серія Б. Гуманітарні науки. — 2003/1. — Донецьк: ДонНУ, 2003. — С. 34-43.
9. Ярошенко Н. О. Словотвірні гнізда з базовими дієсловами *sazhatʹ*, *saditi* і *sadzić* у російській, українській і польській мовах XIX-XX ст. (*семантика вершини*) // Мова і культура. (Науковий щорічний журнал). — Серія Філологія. — К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2003. — Випуск VI. — Т. 5. Ч. 1. Національні мови у їхній специфіці та взаємодії. — С. 133-141.
10. Bartoszewicz A. O polskich wschodniosłowiańskich czasownikach z prefiksami *nad-* i *pod-* o tej samej podstawie słotworczej // Studia Rossica Posnaniensia. — Zeszyt XXV. — Poznan, 1993. — S. 115-121.

11. Dubielecka A. Charakter związku czasownika z elementem — *ся / sie* w języku rosyjskim i polskim // Współczesne tendencje rozwoju języków słowiańskich; Pod. red. M. Blicharskiego, H. Fontanskiego. — T. 1. — Katowice: Wyd-wo Un-tu Śląskiego, 1994. — S. 71-78.

12. Romanowska I. Czasowniki z przefiksom *od-* w języku czeskim i polskim // Studia philologii polskiej i słowiańskiej. — T. 23. — W-wa: PWN, 1985. — S. 247-253.

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2004 г.

УДК 81'243

А. В. Иванов

К ВОПРОСУ О МОНОСЕМАНТИЧНОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Моносеманτικότητα является одной из относительных категорий семантики термина и зависит от того, насколько упорядочена терминология в той или иной отрасли знания* [13, с. 135]. Если в отношении гносеологических сфер, связанных с решением естественно-научных и технических задач, можно говорить если не о полной, то хотя бы о частичной упорядоченности терминологии, то в отношении лингвистики вопрос о систематизации терминов, их гармонизации (в дальнейшем, унификации), обыкновенно сводится только к декларативным заявлениям о необходимости упорядочения лингвистической терминологии и о том, что достичь этой упорядоченности не представляется возможным в силу ряда объективных препятствий.

В ряду этих препятствий проблема многозначности лингвотерминологии занимает особое место. При решении этой проблемы сталкиваются точки зрения лингвистов, по-разному решающих вопрос о природе термина. В русле дескриптивного подхода термин понимается как “слово в особой функции” (Г. О. Винокур). Как отмечает Л. Л. Кугина, “язык дает материал для терминологий, но он же навязывает им принципы своей организации” [15, с. 89], поэтому терминам свойственна многозначность, как единицам общелитературного языка. С точки зрения сторонников прескриптивного подхода к терминологии, полисеманτικότητα представляется таким свойством термина, которое должно быть вообще устранено, так как противоречит “абсолютной номинативности” термина, “т. е. освобожденности слова от всех лексических значений (сужение признака выражаемого понятия) и закрепленности за ним

* В качестве примера, иллюстрирующего эту взаимозависимость, А. В. Калинин приводит термин *синтагма*, который в фонетике обозначает отрезок фразы, характеризующийся интонационной и смысловой законченностью, в грамматике — словосочетание с определенным типом связи.

одного значения (расширение содержания выражения понятия). Это свойство выявляется в независимости “значения” термина от контекста, которая делает равным значение термина его понятийному содержанию, т. е. прямому и однозначному соотношению с означаемым. Для термина, как совершенно определенной языковой единицы, выражение понятия с узким признаком и “насыщенным” содержанием является определяющим (категориальным) признаком” [26, с. 185-186; ср.: 1, с. 123-124; 6, с. 580; 8, с. 77; 11, с. 56; 13, с. 135; 24, с. 129; 27, с. 31-32].

Причину, по которой терминология “охраняется от свойственной обычным словам многозначности и нечеткости содержания и объема употребления”, А. Н. Гвоздев видит в том, что “каждая научная дисциплина дает определения значения терминов, в которых и указывается, какое содержание вкладывается в тот или другой термин” [9, с. 43].

Это утверждение позволяет тесно связать с понятием моносемантической термина понятие терминологического поля. Под ним понимается “своеобразная область существования термина, внутри которой он обладает всеми характеризующими его признаками, область искусственно очерченная и специально охраняемая от посторонних проникновений”. Поле может быть как понятийным, будучи воспринимаемо как система понятий, так и лексическим, представляя собой совокупность терминов-слов. В этом поле, как отмечает А. В. Суперанская, термин, как слово, однозначен, что исключает возможность его общего нетерминологического употребления и ставит его понимание в зависимость от традиций данной отрасли или школы [24, с. 110-112].

А. А. Реформатский, И. В. Арнольд и др., считая, что “хороший термин — это моносемантический термин”, тем не менее, отмечают идеальный характер моносемантической терминологии [2, с. 230; 22, с. 116, 131]. Идеальность моносемантической проявляется в том, что недостижимой целью оказывается реализация в полной мере принципа “один термин — одно понятие”. Говоря словами Л. Л. Кутиной, “принцип однозначности никогда не достигается во всей системе в целом, разные звенья терминологической цепи будут с необходимостью представлять разную степень выраженности изоморфных отношений...” [15, с. 94; ср.: 27, с. 32]. В этом смысле, учитывая сложность обсуждаемой проблемы, предлагается сглаживать противоречия между однозначностью и многозначностью путем трактовки фактической понятийной множественности терминов в свете никогда не реализуемой полностью тенденции к постепенному элиминированию этой множественности и к сведению понятийной наполненности термина к моносемантической [4, с. 162-163; 6, с. 580; 16, с. 104; 24, с. 130]. Однако, поскольку специфика терминов проявляется не только в сфере их свойств, но и в сфере их функционирования как лексических единиц, то на них распространяется и явление полисемии [14; 19, с. 315; 23, с. 270].

Существование терминологической многозначности, которая является “результатом использования термина в разных терминосистемах для названия различных понятий, входящих в понятийный круг различных отраслей знания”

[26, с. 185; ср.: 12, с. 48], вполне подтверждается практикой применения целого ряда терминов*.

Употребление термина вне его функциональной сферы или одновременно в нескольких функциональных сферах является не единственной причиной, вызывающей полисемантическую терминологию. Г. А. Дюженко связывает возникновение множественности значений у термина с темпоральным фактором. Он отмечает: “С совершенствованием наших знаний понятия в науке и технике непрерывно развиваются и углубляются, появляется потребность в новых терминах. Возникающие в науке новые понятия требуют новых обозначений (термины-неологизмы). Термин однозначный и не вызывающий никаких недоразумений сегодня, может стать многозначным завтра, в процессе развития данной области науки и техники и появления новых понятий” [11, с. 57].

Полисемантическую терминологию может вызывать и как “следствие несовпадения семантических систем разных языков, различного распределения семантических единиц между языковыми знаками” [15, с. 88].

Б. Н. Головин и Р. Ю. Кобрин [10, с. 49-51] к числу источников многозначности относят также:

1) авторское терминовтворчество, при котором уже существующий в научном обиходе термин применяется для обозначения новых понятий и объектов.

Примером многозначности такого рода является употребление термина *фонетика* в лингвистике. Первоначально термин *фонетика* употреблялся, как это засвидетельствовано в 71 полутоме словаря Брокгауза — Ефрона (1902, с. 240), “для обозначения исторического учения о звуках, их соответствии звукам родственных языков, их исторических изменениях, взаимных соотношениях и т. д.”. Позднее, в 1861 г., М. Тулов, а за ним А. А. Потесня (1866) и Ф. Ф. Фортунатов “со ученики” (1912) стали называть *фонетикой* науку, изучающую историю звуковых изменений и звуковой строй языка (= нем. *Lautlehre* у Э. Зиверса, 1876). И. А. Бодуэн де Куртенэ придал термину еще более широкое значение, включив в фонетику еще и физиологию звуков (1870) и назвав термином *фонетика* “состояние языка в звуковом отношении” [20, с. 9-11].

Термин *фонема* (от греч. φωνήμα 1) голос, звук; 2) слово, речь) впервые появился во французской лингвистике как эквивалент немецкого термина *Sprachlaut* (*звук языка*) предположительно в 1873 г. в работах А. Дюфриш-Деженетта, а затем в том же значении заимствован Ф. де Соссюром (1879). Позднее данный термин был применен в теории фонологии И. А. Бодуэном де Куртенэ в 70-80-х гг. XIX в. уже в новом значении. На протяжении XX в. термин *фонема* использовался различными лингвистическими школами, каждая из которых старалась расширить объем понятия этого термина, ввести в него свои элементы “значения” [7, с. 553-554].

* В качестве примера такой межнаучной терминологической омонимии можно описать узус терминов *морфология*, который в лингвистике обозначает раздел грамматики, изучающий различные аспекты строения слова, а в биологии — раздел, изучающий форму и строение организмов, или *деривация* — в лингвистике термин, синонимичный термину *словообразование*, в баллистике — отклонение вращающегося снаряда или пули в сторону вращения при полете в воздухе, в гидротехнике — совокупность сооружений, осуществляющих подвод воды к станционному узлу ГЭС.

2) метонимические переносы, при которых названия одного предмета переносятся на другой, находящийся с первым в ассоциативных отношениях, часть — целое, род — вид (ср.: [25, с. 60]). Такие примеры переносов по смежности во множестве встречаются в лингвистической и литературоведческой литературе.

К источникам многозначности в лингвистической литературе причисляют также метафорические переносы. “Метафора и полисемия могут рассматриваться как процесс и результат действия сложных языковых и когнитивных механизмов, как средство концептуализации эмпирических знаний” [21, с. 17]. Возникающее путем метафорического переноса новое значение языковой единицы “кодифицируется” и “легитимируется” полисемией и впоследствии закрепляется лексикографическими средствами.

В русле проблемы моносемантности терминологии возникает необходимость вычленения у термина такого его относительного признака как зависимость / независимость от контекста*.

Думается, что идеальный термин, действительно, не должен зависеть от контекста, как утверждают многие лингвисты [15, с. 87; 2, с. 230; 22, с. 115; 18, с. 139; 4, с. 162-163], но именно идеальный, так как в идеале термин однозначен, а однозначный термин как внутри контекста, так и вне его понимается всегда одинаково. А. А. Реформатский, обосновывая независимость термина от контекста, указывает, на то, что термин “1) член определенной терминологии, что и выступает вместо контекста, 2) может употребляться изолированно, например, в текстах реестров или заказов в технике, 3) для чего и должен быть однозначным не вообще в языке, а в пределах данной терминологии” [22, с. 115].

В принципе, со всем этим трудно не согласиться. Но другое дело, если исследователь оперирует термином, особенностью которого является многозначность в рамках терминологии одной и той же отрасли науки или техники. Например, английский термин *key* может иметь следующие значения (и, стало быть, следующие русские эквиваленты перевода): *ключ, клин, шпонка, чека, шпилька, закреп, кнопка, переключатель, клавиша* и т. д., а русский термин *муфта* может переводиться на английский язык терминами *coupling, clutch, sleeve, union, socket, nut, collar, connector*. Сложно представить себе, как в таком случае должен пониматься тот или иной термин, если он упомянут, скажем, в текстах реестров или заказов в технике. В этом случае, как замечают Л. С. Бархударов, Ю. И. Жукова и др., “решающим условием в выборе правильного значения многозначного термина... является контекст” [3, с. 10]. Речь идет, в первую очередь, о словесном контексте, т. е. “тех словах, которые окружают или сопровождают данное слово и придают ему необходимую однозначность” [22, с. 113]. Для адекватного восприятия данного термина на понятийном уровне контекстом может выступать, к примеру, данное в заглавии реестра (заказа, упаковочного листа и т. п.) наименование технического устройства, в котором термин *key* будет

---

* Как пишет В. М. Лейчик, этот признак, выдвинутый Д. С. Лотте, “сейчас подвергается серьезной критике — по крайней мере относительно формы термина” [17, с. 84].

понят и воспринят с профессиональной точки зрения, скажем, только как *ключ*, но никак иначе.

В свете вышесказанного представляется, что проблема единичности или множественности значений термина еще далека от окончательного решения. Однако, по нашему мнению, можно быть уверенным в том, что достижение идеального состояния, при котором одному термину соответствует одно понятие, не является невыполнимой задачей, ибо, как совершенно справедливо замечает А. Б. Бушев, “сама терминология возникает как кодифицированное речевое поведение, направленное на достижение однозначности понятия в той или иной отрасли специального знания” [5, с. 283]. Упорядочение и унификация терминологии на конвенциональной основе и при тщательном отборе терминологического материала позволят со временем успешно реализовать на практике закон всякой организованной терминологии: одно понятие — один знак.

Литература

1. Абдулфанова А. А. Научный дискурс о тексте // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. — Рязань, 2002.
2. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. — М., 1986.
3. Бархударов Л. С., Жукова Ю. И., Квасюк И. В., Швейцер А. Д. Пособие по переводу технической литературы (Английский язык). — М., 1967.
4. Борхвальд О. В. Специальная лексика прошлых эпох: проблема стратификации // Международный конгресс “Русский язык: исторические судьбы и современность”. — М., 2001.
5. Бушев А. Б. Термин в военном переводе // Языки профессиональной коммуникации. — Челябинск, 2003.
6. Буянова Л. Ю. Узкоспециальный термин как объект и результат терминологической деривации // Принципы и методы исследования в филологии: Конец XX века. — Ставрополь, 2000.
7. Виноградов В. А. Фонема // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
8. Ганеев Б. Т. Язык. 2-е изд. — Уфа, 2001.
9. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. — М., 1965.
10. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. — М., 1987.
11. Дюженко Г. А. Документная лингвистика. — М., 1975.
12. Звегинцев В. А. Очерки по общему языкознанию. — М., 1962.
13. Калинин А. В. Лексика русского языка. — М., 1978.
14. Козлова Г. В. Полисемия научно-технического термина (на материале современного английского языка): АКД. — Л., 1980.
15. Кутина Л. Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М., 1970.
16. Левковская К. А. Лексикология немецкого языка. — М., 1956.

Раздел 1.

44 Лексическая и категориальная семантика. Славянская аспектология

17. Лейчик В. М. Особенности функционирования терминов в тексте // ФН, №3, 1990.
18. Лемов А. В. Компоненты системы научного термина как лексической единицы // Лексикология и лексикография русского языка. — М., 2001.
19. Липатов А. Т. Метаязык лингвистики: таксономия и кодификация лингвистических терминов // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. — М., 1995.
20. Минавичев В. С. Фонетическая терминология в трудах И. А. Бодуэна де Куртенэ // Лингвистическая терминология и прикладная топонимастика. — М., 1964.
21. Ольшанский И. Г. Лексическая полисемия: возможности и перспективы ее исследования с когнитивных позиций // Материалы Второй Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. — Тамбов, 2000.
22. Реформатский А. А. Введение в языковедение. — М., 1997.
23. СРЯ — Современный русский язык. Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. — СПб., 1999.
24. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. — М., 1989.
25. Толикина Е. Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М., 1970.
26. Хохлачева В. Н. К соотношению номинативных свойств существительных и образования терминов // Терминология и культура речи. — М., 1981.
27. Ярцева В. Н. Научно-техническая революция и развитие языка // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. — М., 1977.

Статья поступила в редакцию 14 июня 2004 г.

УДК 811:37.02

М. Д. Тагаев

МОРФЕМНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ТИП КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО ОПИСАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕРОДНОГО ЯЗЫКА

Вопрос о составлении словарей, предназначенных для изучения иностранных языков, впервые был поставлен Л. В. Щербой. Причем, важно заметить, что Л. В. Щерба видел специфику таких словарей в том, “чтобы наглядно показать тот факт, что слова одного языка в большинстве случаев не просто соответствуют словам другого языка, а находятся с ними в весьма сложных и многообразных отношениях”*. Поэтому “обычные переводные словари не дают настоящей

---

* Л. В. Щ е р б а. Языковая система и речевая деятельность. — Ленинград.: Наука, 1974. — С. 305.

го знания иностранных слов, а лишь помогают догадываться об их смысле в контексте”*

Эти глубокие мысли Л. В. Щербы позволяют сделать вывод о том, что словарь для изучения иностранных языков должен не *переводить*, а, говоря языком современной науки, *вводить* читателя в систему категоризации мира средствами изучаемого языка, научить человека “в меру своего знания иностранного языка думать на нем”**.

Одной из форм системного представления лексики является учет словообразовательных связей слов. Данный тип связей относится к числу языковых универсалий, так как относится к любому языку и охватывает всю лексику в целом, основная масса слов включается в словообразовательные связи. В отличие от систематизации лексики путем создания тематических групп или синонимических рядов словообразовательные связи имеют материальную опору в виде формально выраженных тождеств, отраженных в общем корне сочленов словообразовательного гнезда или в едином словообразовательном средстве, актуальном в ряду одноструктурных слов. В нашем понимании гнездо однокоренных слов помещается между двумя полюсами: семиотикой языка и семиотикой культуры. Плеонастичность первого выражения очевидна: язык и без того семиотическое явление. Между тем в выражении “семиотика языка” подчеркивается идея семиотических механизмов, заложенных в языке и сродных с аналогичными механизмами в культуре — также глубоко семиотическом явлении. Концентрация внимания на феномене гнезда слов в этом теоретическом контексте может прояснить некоторые закономерности семиозиса как культурной деятельности человека, стремящегося осмыслить и “картировать” мир***. Ключевое свойство языка, проявляющееся в этом процессе — системность. “Картирование” мира также представляет собой систематизацию, множественную категоризацию окружающего пространства.

Явление гнезда однокоренных слов в европейской традиции вызывало интерес в двух аспектах: в рамках этимологических исследований, а также как способ организации и подачи слов, употреблявшийся в практической лексикографии. Как известно, В. И. Даль долго размышлял над формой организации словника. Говоря об азбучном порядке расположения слов, Даль отмечает: “...всякая живая связь речи разорвана и утрачена; слово, в котором не менее жизни, как и в самом человеке, терпнет и коснеет”****. В то время, как гнездовое расположение делает отношения между словами “яснее”, и мы “усваиваем себе легче утраченный нами дух языка”*****.

Даль настаивал на том, что гнездовое расположение раскрывает “дух языка”, и это нельзя назвать случайной метафорой. Даль в связи с “духом языка”

* Л. В. Щерба. Указ. соч. — С. 300.

** Л. В. Щерба. Указ. соч. — С. 307.

*** Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Изд-во РАН, 1997. — С. 51.

**** Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1 М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. — XVIII.

***** Даль В. И. Указ. соч. — XX.

ставит перед гнездом важнейшую задачу: раскрыть связь языка с “жизнью” и “общими законами рассудка”. В этом нашла выражение натуралистическая направленность философии Даля. Подача языка как системы должна сводиться для Даля не к установлению грамматических правил, а к ориентации на естественное положение дел в окружающей жизни, к “органическому” рассмотрению лингвистических явлений. Показательно, что именно гнездовая модель становится адекватным механизмом такой интерпретации языка: “Кажется, будущая грамматика наша должна будет пойти сим путем, то есть развить наперед законы этого словопроизводства, разумно объяв дух языка, а затем уже обратиться к рассмотрению каждой из частей речи. В деле этом такая жизненная связь, что брать для изучения и толковать отрывочно части стройного целого, не усвоив себе наперед общего взгляда, то же самое, что изучать строение тела и самую жизнь человека по раскинутым в пространстве волокнам растерзанных членов человеческого трупа”*. Присутствуя к конструированию своего гнезда, Даль выполняет обещание следовать “естественности”, а не “грамматичности” описания.

Гнездовой подход Даля отвечает ассоциативным измерениям человеческого сознания, так как выстраивает понятия и действия в логике актуальной значимости для человека, владеющего данным языком. Даже если словарь будет строиться не по гнездовому принципу, а по алфавитному, в подсознании носителя языка в той или иной мере проступает ассоциативная гнездовая цепочка.

Философия языка Даля перекликалась с ранними трудами А. А. Потебни, который также поднимал проблему гнезда однокоренных слов в качестве модели интерпретации единства языка и “жизни”. И для Потебни, и для Даля категория “жизни” воплощает идею культуры, системы смысловых отношений, устанавливаемых человеком в окружающем мире. У Потебни “дух языка” формирует и оформляет духовную деятельность народа, практическую мировоззренческую и миромоделирующую деятельность. Культурообразующий фактор языка, как системы, заключается в его способности в процессе человеческой деятельности наложить на *нечто окружающее* систему значимых отношений, преобразовав это *нечто* в собственно мир, культуру.

Роль гнезда для изучения культуuroобразующей роли языка становится еще более ясной на фоне учения о слове как средстве апперцепции. Внутренняя форма слова представляет собой зафиксированный акт апперцепции (зафиксированный, но не закопсевший, — постоянно актуальный в культуре). А как известно, апперцепция “есть участие известных масс представлений в образовании новых”**. Какова же специфика этого “участия” в пространстве внутренней формы слова? На этот вопрос Потебня отвечает, когда говорит о внутренней форме слова как акте предикации вещи, таинстве введения вещи в видимый (культурно) мир. Некая новая вещь в конкретном акте аксиологической деятельности апперцепируется культурным сознанием, проще говоря, воспринимается на фоне уже познанного. Сущностью этого восприятия “на фоне” является

* Даль В. И. Указ. соч. — XXI.

** Потебня А. А. Мысль и язык. М.: “Лабиринт”, 1999 — С. 126.

введение вещи в некоторую значимостную ситуацию (возможно, довольно конкретную), функционирование в которой актуализует те свойства, которые оказались ценностными для культурного субъекта в момент познания вещи. В целом апперцепция Потембней понимается как всеобщий культурный механизм миропонимания, миромоделирования, что представляется значимым для нашей работы.

Таким образом, идея гнезда состоит (1) в формировании (оформлении) некой ситуации, (2) так что каждый член маркирован общей идеей, заданной корнем. Важно также, что эта ситуация формируется в результате длительного культурного процесса. Следовательно, знание, заданное в гнезде, представляет собой некую прецедентную инвариантную ситуацию, а не случайно зафиксированные отношения. Естественно, инвариантные, прототипичные ситуации в культуре формируются не только в гнезде однокоренных слов. Между тем, если вдуматься в явление маркированности некой ситуации общей идеей, то трудно найти более удобное средство маркирования, нежели общий корень.

Допустим, вещь предидеирована, т. е. ей приписан комплексный признак — функционирование в определенной ситуации. Словари последних лет зафиксировали появление в русском языке слова *внедорожник*, которое обозначает “автомобиль (преимущественно “джип”), способный ездить по труднопроходимой местности, по бездорожью, вездеход”*, хотя сходная прототипическая ситуация уже была обозначена словом *вездеход*. (*Вездеход* — это “автомашина для передвижения по труднопроходимой местности, по бездорожью, по снежной целине”). Чем же вызвано появление нового слова для обозначения вещи для функционирования в той же ситуации? В данном случае изменилась не ситуация, а то, что в данной ситуации используется вещь из другой культуры. Как правило, внедорожники — это автомобили иностранного производства, иномарки, обладающие повышенной проходимостью.

Таким образом, изменение статуса вещи в данной ситуации значимо с точки зрения человека и дает вещи право на бытие. Категоризации вещи появление у него нового названия может складываться из разных прототипических признаков ситуации. Пользуясь критерием Винокура, дадим иное описание прототипической ситуации, которая лежит за словами *вездеход* и *внедорожник*. Вездеход — это автомобиль, который может передвигаться (*ходить*) *везде*, в том числе по труднопроходимой (для обычных автомобилей) местности, а также там, где отсутствуют дороги. В данной ситуации актуальными значимыми прототипами в сознании носителя языка для создания наименования станут слова *ходить* и *везде*, в которых латентно присутствует значение всей прототипической ситуации. Слово *вездеход* применимо для отечественных автомобилей.

Когда появились автомобили иностранного производства, джины, возникла необходимость иначе обозначить эти вездеходы. Внедорожник — это не просто наименование автомобиля повышенной проходимости, а обозначение новой прототипической ситуации, которая актуализирует в сознании носителя

* Толковый словарь современного русского языка / Языковые изменения конца XX столетия. Под редакцией Г. Н. Складневской. — М.: Астрель, 2001. — С. 143.

языка такие прототипы, как *автомобиль иностранного производства, обладающий большой мощностью и способный двигаться по бездорожью, вне дорог с комфортом*.

Таким образом, новая вещь апперципируется на базе новых структур знания и включается в систему другого словообразовательного гнезда. Сравните, *ходить — везде/ход* и *дорога — вне/дорожник*. Следовательно, знание, заданное в гнезде, представляет собой некую прецедентную инвариантную ситуацию, а не случайно зафиксированные отношения.

В рамках когнитивно-дискурсивного направления иначе осмысляется роль деривационного компонента в процессе познавательной деятельности человека, вербализации его духовной жизни и восприятию мира*. Потенции производного слова рассматриваются в деятельностном ключе: как направленная мотивационным содержанием языковой формы концептуальная активность человека.

Словообразовательное гнездо как способ оптимальной организации лексики не могло не привлечь внимания составителей словарей. Словарная подача лексики должна учитывать один серьезный нюанс. Восприятие мира человеком глубоко системно, потому мы можем говорить о картине мира, а не о наборе категорий. Словарь тогда будет эффективным, когда он будет отсылать человека к системной организации мира, взаимодействовать с этой системностью, открывать ее. Другая проблема, какую из форм лексической системности предпочесть. На сегодняшний день в лингвистике выработан ряд версий организации лексики: синонимия, антонимия, гипо-, гиперонимия и существуют и соответствующие словари. Деривационные отношения, запечатленные в гнезде, тоже вариант системной организации лексики. Нам кажется, что именно гнездовая систематизация лексики наиболее удобна для лексикографической практики, так как деривационная система выкристаллизована самим языком (как семантически, так и формально). Эта система наиболее эксплицитна, так как является результатом естественной систематизации лексики и способом естественной категоризации мира. Если в словаре для носителя родного языка можно и проигнорировать этот фактор картины мира, то для иноязычного сознания апелляция к этой категории становится основополагающей в процессе вхождения в чужой язык. Необходимость создания специальных словообразовательных словарей для иноязычного читателя обусловлена тем обстоятельством, что другие типы словарей обращают главным образом внимание на толкование и семантизацию отдельного слова, не оставляя места для показа формальных и смысловых связей между словами, что объясняется недооценкой мотивационных связей лексики. Разные научные подходы к описанию словообразовательного гнезда отразились на проблемах создания словообразовательных словарей, специально ориентированных на иноязычных читателей. В лексикографической практике для нерусских в основном были реализованы формальный и формально-семантический подходы к описанию однокоренных слов. Данные

* К у б р я к о в а Е. С. Язык и знание. М.: "Языки славянской культуры", (Язык. Семиотика. Культура). 2004. — С. 393. (Язык. Семиотика. Культура).

словари ставили перед собой образовательные задачи и связывались с повышением лингвистической компетенции носителей неродного языка.

В основе разрабатываемого нами русско-киргизского гнездового словообразовательного словаря лежит когнитивно-дискурсивный подход. Специфику словообразовательного словаря для нерусских составляет то, что он, с одной стороны, эксплицирует движение мысли, мотивационные связи, которые привели к созданию данного слова. С другой, путем включения слова в дискурсы словарь отражает его связи со внеязыковой действительностью, с ситуациями общения. В целом такой словарь выстраивает ассоциативно-мотивационную и культурно-языковую морфемно-словообразовательную концептосферу неродного языка, отражая понятия и концепты, актуальные с точки зрения носителя русского языка. Он учитывает особенности киргизского языка, отражает в некоторых случаях сопряжение языковых картин мира этих двух контактирующих языков и представляет попытку создания пособия, который призван удовлетворить как познавательные, так и коммуникативные потребности читателя. Особенности словообразования позволяют ориентировать данный словообразовательный словарь на разные виды речевой деятельности. Он может быть использован, с одной стороны, для решения рецептивных задач (понимание и распознавание текста неродного языка), с другой — продуктивных (говорение, письмо, перевод с киргизского языка на русский).

Первая часть словаря отражает в семасиологическом аспекте формальную морфемно-словообразовательную мотивацию и семантические отношения между однокоренными словами, показывает, как, с помощью какого словообразовательного средства и от какого слова образовано искомое.

Во второй части данный словарь эксплицирует морфемно-словообразовательную концептосферу, которая отражает картину и параметризацию окружающего мира в сознании носителя русского языка. Включение искомого слова в тестовые задания, в различного типа дискурсы, демонстрация примеров на употребление однокоренных слов вытекает из практического требования Л. В. Щербы к составителям словарей: “не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров”*. Предназначенность данного словаря для нерусских проявляется в том, что здесь нет заданий на “языковое творчество” тех или иных слов. Это означало бы неверную, ошибочную категоризацию окружающего мира.

В своей иллюстрирующей части словарь постепенно вводит читателя в элементарную морфемно-словообразовательную концептосферу русского языка и тем самым закладывает базу для ее расширения. Для иллюстрации составляется текст, который пронизан лексическими единицами, связанными отношениями словообразовательной мотивации. Это позволяет, с одной стороны, проследить за развитием исходного смысла в производных словах, увидеть семантические различия между однокоренными словами, с другой — обратить внимание на дискурсивное использование дериватов в той или иной ситуации. За-

---

* Л. В. Щ е р б а. Языковая система и речевая деятельность. — Ленинград.: Наука, 1974. — С. 285.

н(ым), так как в яркую солнечную погоду можно увидеть противоположный (R...).

Словообразовательный словарь подобного типа носит подлинно информативный и обучающий характер. Данный словарь 1) тщательно отбирает свой словник и формирует состав словообразовательных гнезд с учетом учебно-методической целесообразности и ценности лексических единиц, 2) содержит справочные сведения о морфемно-словообразовательном членении, ступенчатом характере и выводимости производных слов русского языка, 3) путем перевода или толкования вводит пользователя в семантическое пространство, образуемое однокоренными словами, 4) показывает употребление и активизирует производные слова в различных ситуациях общения и дискурсах.

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2004 г.

УДК 81.373

Р. Я. Токмеджи

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ СУФФИКСАЛЬНЫХ ОТАДВЕРБИАЛЬНЫХ НАРЕЧИЙ

Постановка проблемы. Суффиксальным способом от наречий активно производятся наречия с субъективно-оценочными (модификационными) значениями ласкательности, уменьшительности, увеличительности. Данные наречия создаются в современном русском языке с помощью суффиксов:

- оньк-/-еньк- с оттенком усиительности, например: давно — давн-еньк-о, жалобно — жалобн-еньк-о, мало — мал-еньк-о, гладко — глад-еньк-о, ласково — ласков-еньк-о, спокойно — спокойн-еньк-о, светло — светл-еньк-о, близко — близ-еньк-о, хорошо — хорош-еньк-о, сладко — слад-еньк-о, долго — долг-оньк-о, легко — лег-оньк-о, мягко — мяг-еньк-о, высоко — высок-оньк-о, глубоко — глубок-оньк-о, жарко — жарк-оньк-о, много — мног-оньк-о, плохо — плох-оньк-о;

-охоньк-/-ошеньк- с оттенком ласкательности, например: бело — бел-ешеньк-о, бел-ехоньк-о, близко — близ-ехоньк-о, близ-ешеньк-о, гладко — глад-ехоньк-о, глад-ешеньк-о, грустно — грустн-ешеньк-о, грустн-ешеньк-о, давно — давн-ехоньк-о, давн-ешеньк-о, красно — красн-ехоньк-о, красн-ешеньк-о, мокро — мокр-ехоньк-о, мокр-ешеньк-о, полно — полн-ехоньк-о, полн-ешеньк-о, рано — ран-ехоньк-о, ран-ешеньк-о, скоро — скор-ехоньк-о, скор-ешеньк-о, хитро — хитр-ехоньк-о, хитр-ешеньк-о;

-оват-/-еват- с общим значением ослабленности признака: бедно — бедн-оват-о, бело — бел-оват-о, вяло — вял-оват-о, грубо — груб-оват-о, глухо — глух-оват-о, грустно — грустн-оват-о, глупо — глуп-оват-о, далеко — далек-оват-о, мало — мал-оват-о, много — мног-оват-о, поздно — поздн-оват-о, страшно — страшн-оват-о, сухо — сух-оват-о, трудно — трудн-оват-о, туго — туг-оват-о, хитро — хитр-оват-о;

-к- с уменьшительно-ласкательным значением ослабления признака, например: боком — боч-к-ом, босиком — босич-к-ом, вечером — вечер-к-ом, утром — утреч-к-ом, рядом — ряд-к-ом, ладом — лад-к-ом, шепотом — шепот-к-ом, шагом — шаж-к-ом, пешком — пешоч-к-ом, порожняком — порожняч-к-ом, немного — немнож-к-о, стороной — сторон-к-ой, понемногу — понемнож-к-у, украдкой — украдоч-к-ой и т. п.

Фиксация форм оценки наречий значительно отстает от их употребления. В словарях современного русского языка формы оценки наречий представлены очень бедно. Хотя следует отметить, что такие наречия активно употребляются в языке художественной литературы, в произведениях устного народного творчества (сказках, песнях, былинах, загадках и т. п.), в устной речи.

Самую многочисленную группу оценочных наречий составляют слова с суффиксом -оньк/-еньк-. Этот тип наречий охватывает более широкий круг слов, чем наречия с другими оценочными суффиксами.

Формы оценки наречий с суффиксом -оньк/-еньк- отличаются большей оценочностью и имеют ласкательное значение. Они обозначают и некоторое усиление признака, названного мотивирующим наречием. По нашим подсчетам, в эту группу входят 130 слов с суффиксом — оньк/-еньк-. В словарях зафиксированы следующие из них: бедненько, близенько, быстренько, вежливенько, веселенько, гладенько, глупенько, гнусненько, давненько, дешевенько, длинненько, дряньненько, дурненько, жалобненько, желтенько, живенько, жиденько, здоровенько, зелененько, кисленько, хорошенько, косенько, кривенько, крутенько, ладненько, ленивенько, маленько, нагленько, недурненько, осторожненько, остренько, плотненько, подленько, полненько, приличненько, серенько, скверненько, реденько, складненько, скоренько, сладенько, смирненько, тепленько, узенько, умненько, высоконько, глубоконько, далеконько, диконько, жарконько, легонько, многонько, плохонько, тихонько, тугонько и др. (79 слов).

Формы оценки наречий с суффиксом -оньк/-еньк- свойственны разговорному языку. Они также широко представлены в произведениях устного народного творчества и в произведениях художественной литературы. Примеры: В иные дни пощечина такому гренадеру не помешала бы, и на завтра мы все быстренько решили бы с пистолетами в руках, а нынче бог с ним, тайна дороже (Б. Окуджава). Сначала солдаты старались оттолкнуть Охоню вежливенько, кто плечом, кто кулаком, но она остервенилась и накинулась на солдат, как волчица (Мамин-Сибиряк. Охонины брови). — Давненько не было такой бури, — сказала Екатерина (Пикуль. Фаворит). — Здравствуй, пестрый кобель! Долгонько поджидал тебя в гости (народные русские сказки). Я ее /жену/, стерву, поучу маленько и с дитем новым на хутор отправлю (Пикуль. Фаворит). /Прохор:/ Ананий перекрестился, осторожненько лег (Шишков. Угрюм-река). Вратарь Шумахер опрометчиво выбежал из ворот, что помогло аргентинцам простенько открыть счет (Известия, 1986, № 186, с. 6). А я думал о том, почему он при такой любви к Маяковскому сам пишет совсем по-другому — ровненько, опрятно, подражая всем на свете, но только

не своему кумиру (Твардовский. Печники). Раненько утром Фома с сыном Нафанаилом заехали в домик на Коломне, где проживала семья мастерового Маркова (Пикуль. Фаворит). — Умненько я сделал, бабушка? Комар носу не подточит... (Мамин-Сибиряк. Золото) и мн. др.

Однако это далеко не полный перечень таких слов, имеющих в языке. Формы оценки наречий с суффиксами — оньк/-еньк- относятся к самому продуктивному типу и постоянно пополняются новыми образованиями, употребляющимися в живой разговорной речи и в языке художественной литературы. Не зафиксированы в словарях наречия аккуратненько, аппетитненько, бледненько, бодрененько, вкусненько, горячненько, дробненько, кратненько, кругленько, крупненько, культурненько, ласковненько, нормальненько, оперативненько, паршивенько, паскудненько, пассивненько, пестрененько, печальненько, писклявненько, поганенько, подробненько, покорненько, преспокойненько, прилежненько, приятненько, проворненько, прочненько, пьяненько, скудненько, скупенько, спокойненько, точненько, тускленько, хмуренько, худенько, частенько, чудненько, шустрененько, ясненько и мн. др. (42 слова). Примеры: — Теперь нужно точненько и аккуратненько разработать план заключительных операций (Ланский. Незримый фронт). — Дочка!.. Ты давай, брат, давай!.. — бодрененько воскликнул командир (Астафьев. Царь-рыба). В общем, культурненько так поговорили (Адамов. Злым ветром). С вечера говорит /надзиратель/ ему ласковненько: — Ты, Ганя, утре ступай к новым перекладам (Бажов. Таюткино зеркальце). — То само собой, — подумал он что-то свое и паскудненько хихикнул (Стельмах. Дума про тебя). — Пока мы будем заглядывать в аудитории, наши знакомые-незнакомые преспокойненько выйдут из этих дверей... (Загребельный. С точки зрения вечности). Трясусь весь, зубами щелкаю, одеваться проворненько начал... (Шишков. Тайга). Одни сердились, другие шутками отделывались, третьи объясняли, пьяненько ухмыляясь: под хмельное веселье годы быстрее летят (Ленинский путь, 1986, 30/1 V). /Сестра:/ — Уж не взыщи, Гриша, мы скудненько живем, по-деревенски (Пикуль. Фаворит). Стоит мастер, любителю, а Данилушка, знай, посвистывает, спит себе спокойненько (Бажов. Каменный цветок). Начался день хмуренько, это потом разведрило (Леваковская. Нейтральной полосы нет). Эх!.. А играл-то Фидуленок, еённый отец, худенько играл (Белов. Плотницкие рассказы). Не помня матери и не имея семьи, Башка вырос дикарем и частенько подумывал о монашестве (Мамин-Сибиряк. Башка). — А все-таки видел я его /танк/ как на ладошке, бок мне ясненько подставил (Бондарев. Горячий снег). Надо нам с тобой подробненько обсудить (Михайлов. Пень). Прозвенев тускленько, последние монеты... бросились по полу в рассыпную (Леваковская. Нейтральной полосы нет). Вы чудненько учились у меня и не забывали пить молочко (Шраер. Прелюдия) и др.

Формы оценки наречий с суффиксом — оньк/-еньк- образуются от наречий на — *о* тем же вставочным способом, что и наречия с суффиксом -к-, -оват/-еват-, -охоньк/-ошеньк-; бедно — бедн-еньк-о, вежливо вежлив-еньк-о, высоко — высок-оньк-о, гладко — глад-еньк-о, давно — давн-еньк-о, мно-

го — мног-о^ньк-о, нежно — нежн-е^ньк-о, просто — прост-е^ньк-о, ровно — ровн-е^ньк-о, тихо — тих-о^ньк-о, умно — умн-е^ньк-о и т. п. Ср.: /Колосов/ встал, походил по комнате и быстро подошел ко мне (Тургенев. Андрей Колосов). /Дед:/ Просыпаюсь, заходит завбазой, спрашивает, не смогу ли я быстренько отремонтировать трое саней... (Загребельный. Переходим к любви); — Пожалуйста, зайдите... — Боюсь, это не совсем удобно, — вежливо сказал он... (Каверин. Два капитана). Иннокентий Филатыч, вежливенько шаркнув ножкой, поклонился бродяге (Шишков. Угрюм-река); Князь Андрей лежал высоко на трех подушках (Толстой. Война и мир). — Живете высоконько — участливо поддакнул Фирсов (Леонов. Вор); Гладко причесанный, в куцем сюртуке с короткими рукавами, Яков суетился... (Горький. Трое). Так у них все гладенько и катилось (Бажов. Горный мастер); Две гостиницы. В одной — ... грязно и шумно ... (Короленко. В голодный год). /Купец Голушкин/ жил хотя грязненько, да открыто... (Тургенев. Новь); Очень-очень давно предки их /казаков/, бежали из России и поселились за Тереком (Толстой. Казаки). Дипломаты уже обратили внимание, что в Петербурге давненько не видать Алехана и Федора Орловых... (Пикуль. Фаворит); /Всадник/ легко перепрыгнул через канаву огорода (Толстой. Война и мир). Олеша вдруг легонько толкнул меня в бок: — Ты погляди на него... (Белов. Плотницкие рассказы); Он спал так мало, что все удивлялись... (Чехов. Черный монах). Перед ударом всегда следует маленько поговорить, тогда в небе начинается тоска по делу... (Семенов. Пресс-центр); /Тит Титыч:/ Кончим подружески, много не ломи! (Островский. Тяжелые дни). — много^нько их, этих смельчаков-то, по Иркутскому тракту прогнали... (Марков. Сибирь); Ночь была теплая, и месяц нежно светил над Ялтой (Куприн. Светлый конец). Хорош своячок. Сейчас мы его нежненько... (Вознесенский. О); Осторожно оглянувшись, не идет ли кто, она /бабушка/ обнимает меня (Горький. В людях). /Екатерина:/ — Ах, Петр Семеныч! Сама к такой мысли осторожненько подкрадываюсь (Пикуль. Фаворит); Он не обладал счастливым даром скоро сходиться с людьми (Мамин-Сибиряк. Горное гнездо). Он скоренько оделся, и они вышли с Князевым из номера (Шукшин. Штрихи к портрету); Мимозы цветут теперь розовым пухом и сладко пахнут (Сергеев-Ценский. Неторопливое солнце). Говорил сладенько, а на деле зловредный был (Бажов. Таюшкино зеркальце); Она смирно и робко выпила его /Лекарство/ (Достоевский. Униженные и оскорбленные). — Вот умрет злодей наш, и заживем мы смирненько... (Пикуль. Фаворит); Она тихо прошла в лакейскую... (Писемский. Тюфяк). — Светла погода, — тихонько откликается Никишка. — Хорошо! Донушко видать... (Казаков. Никишкины тайны). Волосы причесали так туго, что невеста не могла моргнуть глазами (Толстой. Петр I). — А теперь и лесок как-то тугонько идет (Салтыков-Щедрин. Дни провинциала в Петербурге).

Следует отметить одну особенность при образовании форм оценки с суффиксом -о^ньк-/-е^ньк- от наречий на — ко: конечная к- перед -е^ньк- подвергается усечению. Например: близко — близ-е^ньк-о, кратко — крат-е^ньк-о, низ-

ко -низ-еньк-о, редко -ред-еньк-о, узко -уз-еньк-о. Но ср.: высоко -высок-оньк-о, глубоко — глубок-оньк-о, далеко -далек-оньк-о, жестоко -жесток-оньк-о.

Касаясь проблемы внутринаречного словообразования, А. Н. Тихонов, Е. Н. Лагутова в статье “Множественность словообразовательной структуры наречий” отмечают, что такие наречия имеют по две словообразовательные структуры: во-первых, производящими для них являются наречия на -о; во-вторых, они образуются на базе прилагательных с суффиксом -оньк-/ -еньк-. Например: просто — прост-еньк-о 1 и простеньк(ий) -простеньк-о 2; слабо — слаб-еньк-о 1 и слабеньк(ий) — слабеньк-о 2; славно — славн-еньк-о 1 и славненьк(ий) -славненьк-о 2; широко -широк-оньк-о 1 и широко-оньк(ий)-широконьк-о 2; тихо -тихоньк-о 1 и тихоньк(ий) -тихоньк-о 2; туго -тугоньк-о 1 и тугоньк(ий) -тугоньк-о 2 и т. п. Ср.: глупенькая улыбка — улыбаться глупенько, ладненький вид выглядеть ладненько, легонький удар — ударить легонько, нежненький взгляд — взглянуть нежненько, подленький поступок — поступить подленько, ровненький срез — срезать ровненько, слабенькая защита — защищаться слабенько, тоненький голосок — голосить тоненько, хитренький взгляд взглянуть хитренько, хорошенький осмотр — осмотреть хорошенько и т. п. Примеры: У нее /тети Ани/ самой рояль был плохонький, рыжего цвета (Вересаев. Воспоминания. В юные годы). В зале стоял рояль, и Ежиков, лишь только усадил Федора за стол, подошел и одну за другой стал плохонько наигрывать революционные песни (Фурманов. Чапаев); Меня учила тихонькая, пугливая тетка Наталья (Горький. Детство). Иван Тимофеевич еще раз посмотрел на Марию: она вся дрожала и тихонько плакала (Огонек, 1983, № 13); Первый, на кого она наткнулась, был паре не к в спецовке с загнутыми рукавами и в сапогах с загнутыми голенищами, румяный, хорошенький, как конфетный фантик (Антонов. Васька). Вот и довольно. Размешай хорошенько (Твардовский. Печники) и др.

Выводы. Формы оценки наречий являются продуктивным разрядом в современном русском языке. Они активно употребляются в языке художественной литературы, в публицистике, в произведениях устного народного творчества.

Отнаречное словообразование осуществляется в основном посредством суффиксации и префиксации.

Суффиксальное отнаречное словообразование находится в прямой зависимости от фонетической структуры производящих наречий.

Приспособление аффиксов наречий к сочетаемости с производящими основами осуществляется разными путями. Одним из таких путей является вставочный способ образования суффиксальных оценочных наречий. При вставочном словообразовании суффиксы субъективной оценки не присоединяются к производящей основе как обычно, а вставляются внутрь её перед первичным наречным суффиксом.

УДК 81'374.7(038)

*А. Я. Мартынюк***ТЕМАТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ
И ИМПЛИЦИТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКА**

Широко известно высказывание Э. Сэпира: “Все грамматики неполны”. Каким бы исчерпывающим и полным ни казалось нам грамматическое описание какого-либо языка, оно не может быть полным, пока в нем не находят отражения скрытые категории языка и другие элементы скрытой грамматики. “Существующие грамматики, — подчеркивал Л. В. Щерба, — далеко не исчерпывают всех нужд для владения данным языком грамматических и лексических правил. Их по необходимости приходится дополнять материалом в сыром виде, представляя стихийному процессу выявление этих недостающих правил [6, с. 75]. “Грамматика сравнима с айсбергом, большая часть которого скрыта под водой” [2, с. 83].

Цели, задачи и проблемы функционального описания грамматики русского языка неоднократно обсуждались в научных статьях, монографиях, на конференциях. Для исследования скрытых грамматических форм необходимы новые методы, предполагающие анализ содержательной стороны языка. Подробное исследование типов и функций скрытых категорий является актуальной задачей грамматического исследования

Под термином „имплицитная морфология” подразумевается функциональная морфология. Специфика функциональной грамматики проявляется прежде всего в реализации принципа от “функции к средствам”, который в грамматике данного типа может быть основным, ведущим. Функциональная грамматика изучает языковые средства непременно в их соотношении с функциями. По мнению А. В. Бондарко, возможен следующий вариант определения функциональной грамматики: функциональная грамматика — это грамматика, включающая описание семантических категорий, опирающихся на различные средства грамматического выражения в данном языке в их взаимодействии со средствами лексическими и контекстуальными; направленная на описание закономерностей и правил функционирования грамматических форм и конструкций, участвующих во взаимодействии с единицами разных уровней языковой системы в передаче содержания высказывания [1, с.32].

„Имплицитная морфология представляет собой область скрытой грамматики, в которой грамматические по своей природе значения не передаются однозначно какой-либо словоформой или системой словоформ, а обнаруживают себя как определенный тип семантической оппозиции...” [4, с.6]. “Скрытая грамматика” — это грамматические сигналы, имплицитно содержащиеся в синтаксических сочетаниях и семантике слов [2, с.78]. Догадки о существовании “Внутренней формальности” в системе языка были высказаны еще в XIX столетии А. А. Потемной. В русской грамматической традиции XX века идея

скрытой грамматики получила развитие в трудах А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, А. М. Пешковского, С. Д. Кацнельсона и других исследователей. Особенно ярко проявлялись эти взгляды в трактовке частей речи. Последовательно и конкретно идея скрытой грамматики приводится в теоретических работах Л. В. Щербы. В датированной 1924 г. статье “О частях речи в русском языке” подчеркивается важность семантического фактора для рассматриваемой проблемы. Ориентация на семантические признаки ощущается и в толковании служебных слов.

В американской лингвистике вопросами скрытой грамматики интересовался Б. Уорф. В грамматическом строе языка он различал категории “явные” (overt categories) и “неявные”, или “скрытые” (covert categories). Смысловое содержание речи складывается в результате взаимодействия “явных” (фенотипических) и “скрытых” (криптотипических) категорий. Установленные Б. Уорфом различия явных и неявных категорий конкретизируют в ряде существенных пунктов содержание скрытой грамматики.

Из исследователей, систематически разрабатывавших данную тему, следует еще назвать немецкого языковеда Э. Кошмидера. Подобно Уорфу, он также говорил о скрытых категориях, именуя их “категориями подразумеваемого содержания” (Kategorien des Gemeintens). Категории этого рода образуют, согласно Э. Кошмидеру, внутренний логический каркас языка. Язык по своей внешней структуре не логичен, в нем много непоследовательностей, но категории подразумеваемого содержания образуют в нем стройную логическую систему [2, с. 82].

Постановка проблемы. Скрытая грамматика является, как мы видим, предметом исканий и исследований многих языковедов. Именно в ней они стремятся найти ответ на коренные вопросы грамматики, не получившие разрешения. Представления ученых о глубинной грамматике не всегда совпадают. Некоторые исследователи видят в ней своего рода логику языка. Другие отмечают лишь ее непосредственную связь с семантикой языковых форм.

Существенный вклад в изучение имплицитной грамматики русского языка внес О. М. Соколов. В многочисленных исследованиях, публикациях ученый пытался по-новому представить морфологию категорий и скрытую морфологию, т. е. те позиции, которые не видно, но по средствам которых регулируются изменения грамматических значений. Главная задача имплицитной морфологии заключается в раскрытии функциональной зависимости одних языковых элементов от других. В задачи имплицитной морфологии входит выявление частных отношений, в которые вступают семы, изучение семных процессов, возникающих внутри слова в результате взаимодействия семантики морфем, определения грамматических значений слов, используемых в той или иной речевой коммуникации. Имплицитная морфология включает следующие основные разделы:

- лексическая и грамматическая структура слова в языке и речи;
- особенности имплицитной морфемики;
- части речи в системе имплицитной морфологии.

Практически элементы скрытой морфологии русского языка находят отражение в явлениях грамматической полисемии и омонимии определенных классов слов, хотя не исчерпываются только языковой констатацией. Являясь функциональной категорией, они могут иметь лишь ситуативную речевую реализацию. Скрытая морфология находит выражение в явлениях грамматической энантиосемии, зафиксированной в словарях, устанавливает функциональную зависимость одних элементов языка от других, выявляет грамматико-семантические парадигмы в границах разных лексем.

Отдельные стороны скрытой грамматики нашли отражение в словарях различного типа, а также в традиционных грамматиках. Имплицитная морфология в своей основе базируется на выделении слова как основной единицы языка. Это обстоятельство дает возможность многие факты, входящие в ее компетенцию, представить в виде специального словаря, который может быть назван словарем лексико-грамматической полисемии и омонимии. В таком словаре можно отразить не только функциональную омонимию различных частей речи, но и лексико-грамматическую полисемию, основанную на противопоставлении одушевленности — неодушевленности, лица-предмета, процесса — его продукта, предельности — неопределенности, фазовости и т. п. Круг вопросов, входящих в компетенцию имплицитной морфологии, порождает и потребность в гнездовых словарях особого типа, на основе фазовой семантики или каузации (фреймы), словарей морфематической валентности и др. Построение новой по своим принципам морфологии русского языка требует создания комплекса новых по своей педагогической направленности словарей грамматического и словообразовательного характера.

Особое внимание в имплицитной морфологии уделяется глаголу, категории которого влияют на функционирование других частей речи в предложении, его аспектуально-фазовой системе актантной функциональности. Анализ грамматических особенностей глагола с позиций имплицитной морфологии показал разноаспектность этой части речи. В имплицитной морфологии нашли свое отражение: внутренняя и внешняя валентность глагола, фазовость, каузативность глагольной семантики. Имплицитные свойства глагольных словоформ отражают национальные особенности языка, его внутреннюю специфику.

Особенно ярко имплицитные свойства языка можно увидеть на межъязыковом уровне, например в многоязычных словарях. Так, в украинско-русско-крымскотатарском тематическом словаре “Человек в полиэтничном пространстве” описываются лексические единицы в их функциональном сопоставлении: *жилец* — *пожилець*, *мешканець*, *жилець*; *скатерть* — *скатертина*, *скатерка*, *скатерть*; *взбешенный* — *розлютований*, *розлючений*, *розлютілий*, *оскаженілий*.

Это становится тем более значимым, что Словарь ориентирован на использование в полиэтничной среде. Дополнительное внимание к имплицитным свойствам языка поможет полнее разобраться в специфике того или иного языка, а значит, будет способствовать формированию правильной, грамотной речи.

Литература

1. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. — Л., 1983.
2. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. — Л., 1972.
3. Проблемы учебной лексикографии: состояние и перспективы развития. Материалы общесоюзной конференции. — Симферополь, 1992.
4. Соколов О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка. — М.: Изд-во РУДН, 1997.
5. Функциональное описание русского языка и актуальные проблемы обучения иностранных учащихся видам речевой деятельности. Материалы Всесоюзной научно-методической конференции /Отв. ред. Соколов О. М., Вагнер В. Н. — М.: Изд-во УДН, 1989.
6. Щерба Л. В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. — М., 1947.

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2004 г.

УДК 81'243

Г. К. Воробьева

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ (к вопросу о мотивации фразеологического образа)

Особенностью языкознания нашего времени является ориентация на переход от изучения “видимых”, поверхностных способов вербализации человеческого знания к изучению глубинных его структур, способов оформления в человеческом сознании и мышлении на пути целостного синтетического постижения языка как антропологического феномена. В теории фразеологии это находит отражение в попытках рассмотрения фразеологизмов в широком лингвокультурологическом контексте.

Язык есть универсальная форма первичной концептуализации сведений о мире и рационализации человеческого опыта, хранитель знаний о мире и человеческой истории. По замечанию В. Касевича, язык помнит и хранит тайны, в нем скрыт высший смысл. Наиболее ярко, на наш взгляд, “тайны” о мире представлены в составе фразеологизмов, семантическая, лексическая и грамматическая структура которых фиксирует различные типы экстралингвистических посылок, соотносимых с предметными областями национальных культур и общенационального, а также общечеловеческого мировидения. Фразеологические единицы выступают в качестве своеобразных “констант культуры” (по терминологии Ю. С. Степанова), так как их воспроизводимость способствует межпоколенной трансляции культурно значимых установок и формированию

культурного самосознания отдельной личности и целого народа [5, 1999]. Фразеологические единицы демонстрируют нам закономерности формирования и особенности того пласта народного самосознания, где пересечение языка и культуры играют особую роль. Еще в прошлом веке Ф. И. Буслаев писал о том, что фразеологизмы — это своеобразные микромиры, они содержат в себе и “нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам” (цит. по О. Е. Середина, 2000).

По степени проявления национального своеобразия фразеологический состав каждого национального варианта языка можно представить как полевую структуру с ядром, состоящим из безэквивалентных самобытных фразеологических единиц, и периферии, имеющей общие элементы с фразеологическими подсистемами других национальных языков. Сопоставление фразеологических систем таких родственных славянских языков, как русский и польский позволяет выявить интересные области, в которых находим фразеологические единицы, совпадающие по своей семантике и структуре, и фразеологические единицы, принадлежащие к ядру фразеологической системы того или иного языка, то есть самобытные образования, существующие лишь в данном национальном языке.

Известно, что накопление внеязыковой информации во фразеологии представляет собой длительный, исторически обусловленный процесс, в результате которого фразеологизмы становятся средоточием фоновых знаний о стране и народе — носителе языка, ибо в любом языке заложено своеобразие восприятия мира через призму языка и национальной культуры. Как подчеркивает В. Н. Телия, фразеология, в отличие от лексики, “отображает по преимуществу обиходно-эмпирический, исторический и культурный опыт языкового коллектива, связанных с его культурными традициями” (цит. по Л. Б. Копчук, 2000, 43). Рассматривая фразеологизмы русского и польского языков, мы можем также отметить, как взаимодействуют, взаимопроникают исторический и культурный опыт двух народов-соседей, какие культурные традиции, особенности соприкосновения с культурами других народов находят отражение во фразеологических системах двух языков при этом если ядерные компоненты фразеологического поля национального языка построены на образном переосмыслении национально-специфических ситуаций, характерных для истории материального производства народа и надстроечных явлений, особенностей национального мышления, фольклора, художественной литературы данного народа, то фразеологизмы, имеющиеся как в русском, так и польском языках, демонстрируют нам интересные, подчас неожиданные и даже комичные ситуации “столкновения” двух культур, а также случаи выражения в двух языках влияния какой-либо иной национальной культуры.

В настоящее время в науке о языке чаще всего встречаются работы, посвященные сопоставлению систем фразеологизмов на синхронном срезе (в основном, факты литературного языка), однако, как представляется, сопоставление материала в синхронном плане должно быть дополнено исследованиями в области диахронии, основанными на изучении **истории** создания того или иного фразеологизма, и шире — на изучении широкого материального и культурно-

го контекста возникновения фразеологической единицы, а также сопоставлении его культурного потенциала с культурным потенциалом аналогичных, либо отличающихся фразеологических единиц других (особенно близкородственных) языков.

Через историю отдельных языковых явлений или их свойств удастся выявить историко-культурные традиции людей как носителей языка в разные периоды жизни, установить связь прошлого и настоящего, зафиксировать “движение идей” и их материализацию в литературных источниках и культурных связях различных народов. Именно традиции, культурные навыки, знание быта и истории на определенном временном срезе позволяют носителям языка отразить свои наблюдения в письменных и устных произведениях различных жанров, которые, в свою очередь, позволяют современным исследователям выявить специфику этого отражения. А учет того, что фразеологизмы (за редким исключением) отражают не научную, а наивную, обыденную картину мира позволяет изучить, как меняются представления человека, как испытывают они на себе влияние постоянно пополняющегося всеобщего человеческого знания.

Рассмотрим историю фразеологизма, имеющего хождение в русском и польском языках, — “покупать kota в мешке” — польск. “kupować kota w worku”.

Фольклорные источники фиксируют две старые русские пословицы, в основе которых лежит та же идея — нельзя производить покупку, предварительно не осмотрев объект продажи — “Не покупают коня вслепую”, “Вслепую можно только пирожок купить, не понравится — сам съешь”.

По мнению некоторых исследователей [Kopaliński W., 1975], это выражение появилось во времена Средневековья и существует во многих европейских языках. В его раннем варианте говорилось только о ситуации “покупки в мешке” и не упоминался объект покупки. Немецкий средневековый источник гласит: “Кто покупает в мешке, того обмануть могут”. Эту поговорку использовал Лютер в своих проповедях.

Несколько позже появились два национальных варианта: в одном из них — английском — говорится о покупке поросенка в мешке, этот вариант встречается в произведении Чосера “Кентерберрийские рассказы”. Другая континентальная, французская версия два раза была отмечена в произведениях Монтеня. В одном из своих произведений Монтень повторяет, что женщины, выходя замуж, покупают kota в мешке. Из содержания произведения можно заключить, что во французской жизни того времени не раз случались ситуации, когда на рынке покупателя обманывали, подложив ему в мешок kota вместо купленного зайца. Вл. Копалинский отмечает также, что у польских охотников распространены шутки, в которых убитого зайца называют котом. Такой общеевропейский контекст, по-видимому, способствовал тому, что в русском языке также появился фразеологический оборот “покупать kota в мешке”, который получил распространение и в настоящее время.

Другой фразеологизм, имеющий форму предложения, отмечен только в системе польского языка: “Pieczone gołąbki nie leca same do gąbki” (“Жаре-

ный голубок сам в рот не прилетит”). В русском языке имеется его эквивалент, построенный на ином восприятии аналогичной жизненной ситуации: “Без труда не выловишь и рыбку из пруда”. Польский фразеологический оборот информирует нас о наличии в польском фольклоре сказки о стране удовольствий, богатства и безделья, где всякая еда сама идет в рот населяющим ее лентяям и бездельникам. Сказка об этой стране пришла в Польшу из латинских источников периода Средневековья, в которых такая страна называлась *Cusania*. Во французском фольклоре она получила название *Cocagne*, в немецком — *Schlaraffenland*, а в польском была названа Ячменной Страной. Вот как ее описывает польский автор, живший в XVIII веке: “На деревьях там растут не только плоды, но и жареные куры, голуби, кому что понравится... Мосты через реку сделаны из печенья... На берегу реки стоят сундуки, полные серебра и золота... Колбаса в садах на грядках растет... А если кто работать захочет — то будет это самая страшная государственная измена, придут солдаты и заберут такого в тюрьму...”

Описание этой страны встречается позже в романе польского писателя Реймонта “Мужики”. А самое известное ее изображение — картина под названием “Страна лени”, созданная в 1565 году великим нидерландским художником Питером Брейгелем.

Рассмотрение истории возникновения фразеологизмов, источников мотивации лежащих в их основе фразеологических образов, а также сопоставительный анализ их историко-культурного потенциала позволяет приоткрыть завесу над важнейшими процессами человеческого сознания — процессами концептуализации знаний в точке пересечения культур и способов отражения окружающего мира.

Литература

1. Кононова О. А. Отголоски мифов и суеверий древних германцев в современной немецкой фразеологии // Проблемы идиоэтнической фразеологии. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000.
2. Kopaliński W. Kot w worku czyli z dziejów powieści i nazw. — Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1975.
3. Копчук Л. Б. Фразеологизмы как знаки-индикаторы культурно-языковой компетенции носителей языка. — Проблемы идиоэтнической фразеологии. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000.
4. Середина О. Е. Лингвокультурологический анализ английских фразеологических единиц // Проблемы взаимодействия языка и культуры. — Псков: Изд-во ПГПИ им. С. Н. Кирова, 2000.
5. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. — М.: Языки русской культуры, 1999.

Статья поступила в редакцию 14 октября 2004 г.

УДК 81'1:215

А. К. Гадомский

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕОЛИНГВИСТИКИ

Языкознание как наука о языке постоянно развивается и совершенствуется. На смену старым приходят новые научные парадигмы. Заполняются лакуны в самой парадигме лингвистических наук.

В процессе анализа терминов, обозначающих названия разделов “внешней лингвистики”, нам удалось составить их список, помещенный в следующей таблице, и найти место для еще одной науки — теолингвистики, которой до недавнего времени не было в списке наук.

Место теолингвистики в кругу других лингвистических наук [12]

Лингвистика	Языкознание
1. Алгебраическая лингвистика	1. Алгебраическое языкознание
2. Антропологическая лингвистика	2. Антропологическое языкознание
3. Ареальная лингвистика	3. Бехевиористическое языкознание
4. Биолингвистика	4. Диахронное языкознание
5. Дескриптивная лингвистика	5. Дифференциальное языкознание
6. Интерлингвистика	6. Индоевропейское языкознание
7. Информационная лингвистика	7. Историко-сравнительное языкознание
8. Категориальная лингвистика	8. Историческое языкознание
9. Квантитативная лингвистика	9. Когнитивное языкознание
10. Когнитивная лингвистика	10. Контрастивное языкознание
11. Компьютерная лингвистика	11. Конфронтативное языкознание
12. Контекстная лингвистика	12. Корпусное языкознание
13. Контрастивная лингвистика	13. Математическое языкознание
14. Конфронтативная лингвистика	14. Нормативное языкознание
15. Лингвистика текста	15. Общее языкознание
16. Лингвокультурология	16. Описательное языкознание
17. Макролингвистика	17. Прикладное языкознание
18. Математическая лингвистика	18. Синхронное языкознание
19. Металингвистика	19. Славянское языкознание
20. Нейролингвистика	20. Социологическое языкознание
21. Неолингвистика	21. Сравнительное языкознание
22. Нормативная лингвистика	22. Статистическое языкознание
23. Образовательная лингвистика	23. Функциональное языкознание
24. Общая лингвистика	24. Теолингвистическое языкознание
25. Паралингвистика	
26. Политоллингвистика	

Окончание таблицы

Лингвистика	Языкознание
27. Прагмалингвистика	
28. Пралингвистика	
29. Прелингвистика	
30. Прикладная лингвистика	
31. Психолингвистика	
32. Разговорная лингвистика	
33. Синхроническая лингвистика	
34. Социолингвистика	
35. Статистическая лингвистика	
36. Структурная лингвистика	
37. Теоретическая лингвистика	
38. Феминистическая лингвистика	
39. Формальная лингвистика	
40. Функциональная лингвистика	
41. Этнолингвистика	
42. Теолингвистика	

В результате, как следует из таблицы, нами были “обнаружены” 41 “лингвистика” и 25 “языкознаний”. Каждый из этих терминов, как правило, обозначает проблему, нашедшую отражение в языке. Каждое из перечисленных выше направлений накопило большой эмпирический и теоретический материал. Однако, в силу не известных нам причин (можно предположить, что социальных), в этом списке не было раздела языкознания, связанного с религией. Решение этой проблемы привело к появлению соответствующего раздела языкознания, о необходимости выделения которого в отдельный раздел нами было написано ранее.

Поэтому объектом описания в данной статье является новый раздел языкознания *теолингвистика* (от греч. *theos* — Бог и лат. *lingua* — язык) — это наука, возникшая вследствие взаимодействия языка и религии и исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке [3].

Пытаясь объяснить этимологию, эволюцию, и значение этого термина, мы пошли по пути, предложенному Стефаном Ежи Риттелем — польским исследователем, который, рассматривая проблемы политической коммуникации, дал определение такого раздела языкознания, как политолингвистика [6]. Анализируя этимологию и происхождение термина политолингвистика, автор дает его как бы его трехстороннее определение: во-первых, объясняет его значение с политологической точки зрения; во-вторых, лингвистической точки зрения и, в-третьих, одновременно с обеих сторон (предлагает его интегрированное толкование).

Поэтому можно утверждать, что данная микропарадигма интерпретации теолингвистики предполагает учет следующих условий:

условие декомпозиции этого явления на два составляющих компонента (язык и религия);

— условие, при котором каждый компонент в структуре значения важен, обязателен, но недостаточен;

— условие специфической связи компонентов, которая может быть выяснена на основании системных парадигм;

— условие “технологии”, включающей три типа характеристик теолингвистики — с позиции лингвистики, с позиции теологии и с учетом двух позиций одновременно;

- условие методологической ограниченности, благодаря которому одновременно можно рассмотреть вопросы, интересующие и языковедов и теологов.

В связи с этим следует обратить внимание на тот факт, что термин, который введен нами для выделенного нами раздела языкознания, складывается из двух компонентов, подразумевающих, с одной стороны, существование двух автономных областей знания (религии и наук о ней и лингвистики), с другой — возможность их соединения. Такое положение вещей позволяет интерпретировать вышеназванную науку не только с позиций каждого из названных направлений, о которых идет речь, но и с позиций их взаимодействия.

Теологический компонент выделен с учетом существующей общественной практики, идентифицированной как религия и группы наук, изучающих это явление. В числе этих наук может быть назван целый ряд явлений и наук.

1. Религия (лат. religio; religare ‘соединять’) — мировоззрение человека, касающееся происхождения и цели существования мира и человечества, основанное на вере в высшее существо или существа, которым он поклоняется и с которыми общается посредством различных форм культа, а также в бессмертие души; связана с комплексом нравственных требований [9].

2. Теология (от греч. theos — Бог и logos — слово, учение) — богословие, система религиозного теоретического (умозрительного) знания о Боге, его сущности и Бытии, действиях, качествах, признаках; богословские системы строятся на основе Св. Писания. По мнению С. С. Аверинцева, о теологии в строгом смысле слова можно говорить только применительно к верованиям чисто теистических религий, т. е. иудаизма, христианства, ислама [7].

Teologia [gr.], uсовестymatyzowana naukowo chreść. wiedza rel. na temat Boga, człowieka, świata, treści objawienia, wiary i zasad moralnych; nauka o Bogu; w szerszym znaczeniu — doktryna danej religii; t. dzieli się na wiele dyscyplin (m. in.: bibliistyka, dogmatyka, t. moralna, teologia fundamentalna, liturgika) [9].

Teologia [gr.], nauka o Bogu; t. chrzesc. tradycyjnie dzieli się na: t. naturalną (wg której Bóg jest dostępny rozumowi) i t. objawioną (wg której Bóg objawił się poprzez *Pismo Święte*); w nauczaniu akademickim dzieli się t. na: 1) t. historyczną (bibliistyka, dzieje Kościoła), 2) t. systematyczną (dogmatyka, t. moralna) oraz 3) t. praktyczną (prawo kanoniczne, liturgika, ascetyka) [11].

3. История и философия религии (J. G. Frazer, A. Lang, W. Smidt).

4. Этнология религии (A. Lang, W. Koppers; в Польше T. Chodźko, H. Zimon).

5. Психология религии (W. Jankowski, C. G. Jung; J. Pastuszkowa, J. Makowski),

социология религии (E. Durkchajm, M. Weber; B. Malinowski).

6. География и экология религии (J. Schmidthusen, A. von Humboldt), педагогика религии (J. Goettler, L. Bopp; J. Korczak).

7. Феноменология религии (G. Van der Leeuw, R. Otto, M. Eliade, F. Heiler) и многие другие.

В данном случае нет необходимости описывать все эти науки

Очень подробно об этом пишет польский исследователь М. Макуховска в своей книге “Modlitwa jako gatunek języka religijnego”[4].

Лингвистический компонент толкуется в словарном значении этого слова, которое, с одной стороны, означает определение языка как системы знаков (семиотический подход), с другой стороны, как явление, охватывающее различные сферы человеческого бытия (прагматический подход). В данном случае идет речь о “внутреннем” и “внешнем” языкознании.

Теологический компонент предполагает, в данной ситуации, изучение взаимодействия языкознания с другими науками, *лингвистический же компонент* требует отнесения названной науки к языкознанию. Такой подход важен для выяснения происхождения, эволюции термина теолингвистика, который должен, по нашему мнению, иметь тот же статус, что и перечисленные выше термины, обозначающие гетерогенные лингвистики отдельные науки, изучающие религию с разных сторон. Поэтому теолингвистика, как и социоллингвистика, является таким разделом языкознания, который исследует роль языка в обществе (здесь в жизни религиозной и светской), то есть рассматривает язык в отношениях его к религии (язык религии, язык в религии, религия в языке, религиозный язык). Что, с точки зрения языкознания, дает все основания для выделения теолингвистики в отдельный раздел прикладного языкознания. Прикладное языкознание в широком смысле понимается как наука о возможностях и способах использования достижений языкознания в различных сферах жизни и в других научных дисциплинах [8].

Располагая своими методами исследования, языкознание располагает большим количеством значений и контекстов, в которых реализуется язык религии.

Общая характеристика теолингвистики

Во-первых, теолингвистика — это наука светская, наука наднациональная, наука надконфессиональная, наука лингвистическая.

Во-вторых, она должна разделяться на общую и частную теолингвистику. Частная теолингвистика должна исследовать проявления конкретной религии или проблемы в языке, общая должна заниматься универсалиями.

В-третьих, теолингвистика может быть теоретической и прикладной.

В-четвертых, теолингвистика может быть синхронной и диахронной. Синхронная теолингвистика должна изучать процессы, происходящие в языке и обществе в настоящий момент, абстрагировавшись во времени, диахронная — изучением тех процессов и изменений, которые произошли в процессе исторического развития.

В-пятых, теолингвистика может быть историко-типологической. Ее целью является изучение типологии теолингвистических явлений в их историческом

развитии. Теолингвистика может быть сравнительной и сопоставительной.

Предмет исследования теолингвистики составляют проявления религии, которые закрепились и отразились в языке, а также язык как форма религии, как способ отражения, сохранения и передачи религиозного содержания.

Целью теолингвистики является изучение проявлений религии, которые закрепились и отразились в языке.

Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение следующих задач.

Задачи теолингвистики:

1. Выбор материала из соответствующих источников, текстов (в данном случае текст мы понимаем в широком смысле этого слова).

2. Дифференциация полученного материала.

3. Систематизация полученного материала.

4. Интеграция полученного материала.

Семантико-прагматические проблемы теолингвистики:

В процессе достижения поставленной цели и решения задач могут возникнуть проблемы, которые, по нашему мнению, можно разделить на две основные группы — прагматические и семантические.

Прагматические проблемы — это, в первую очередь, проблемы воспитательно-образовательные. Любую информацию человек получает через язык. Официальным хранилищем этого (языкового) опыта являются прежде всего печатные носители информации, частью которых являются словари. Занимаясь аксиологическими проблемами языкознания, мы попытались выяснить, что же является ценностью для носителя современного русского языка. С этой целью нами была предпринята попытка выбора из лингвистических словарей семем со значением ‘ценность’. Формальным, явно выраженным показателем принадлежности семемы к данной лексической группе мы считали наличие определенных идентификаторов в ее словарной формулировке. В список идентификаторов были включены такие слова, как ценность, значение, смысл и др. В результате сплошной выборки из одного из последних и наиболее полных словарей С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой мы получили список слов, которые на основе “формальных” показателей можно включить в анализируемую группу. Оказалось, что большая часть лексем со значением ‘ценность’ — это лексем со значением ‘материальная ценность’. А где же ценности духовные, нематериальные, почему они занимают второстепенное место в языковой картине носителя современного русского языка? Такая закономерность может быть объяснена по-разному, в том числе и своеобразным “почерком” авторов словаря — теми правилами построения словарных формулировок, которые они для себя определили. Но ведь любое, даже самое нетрадиционное, на наш взгляд, явление не может выйти за рамки многообразия человеческого опыта, накопленного в процессе эволюции. К такому выводу пришли еще ученые эпохи Возрождения. Известен классический пример, когда Леонардо да Винчи попытался нарисовать неведомое в природе существо, ему это не удалось, потому что оно состояло из известных всем элементов.

Где же выход? Решение прагматических проблем невозможно без решения проблем семантических. На вопрос о том, как следует решать семантические проблемы, мы находим ответ в работах Я. Пузыниной. «Считаю, — пишет она, — что одним из способов восстановления, а также становления, собственной иерархии ценностей является включение в общественное употребление семантической проблемы — разъяснение слов и выражений. Важной задачей людей, преподающих язык, пишущих и говорящих о нем, является научить слушателей и читателей задавать вопрос: что это значит. Задавать его прежде всего там, где идет речь о важных для человека словах и понятиях» [5, с. 253].

Способом решения проблем, которые решает теолингвистика, может быть комплекс предметов, которые могут преподаваться в вузах филологам и студентам других гуманитарных специальностей: спецкурс «основы теолингвистики», спецсеминары «язык и религия». Программы этих курсов разработаны в Таврическом национальном университете им. В. И. Вернадского.

В процессе изучения этих курсов наряду с указанными выше проблемами, на наш взгляд, следует посмотреть по-новому на знакомые нам явления — попытаться по-новому осмыслить казалось бы знакомые всем термины: агрография, библеизм, библейская стилизация, библейская стилистика, библейская фразеология, библейская эпонимия, библейский стиль, библия, канонический язык, конфессиональный стиль, крестные имена, религиозная лексика, лексика церковно-теологическая, магический язык, молитвенная фразеология, переводы библии, религиозный дискурс, религиозный язык, старославянский язык, староцерковнославянский язык, староцерковный язык, текстология, теоним, теонимия, терминология религиоведческая, терминология теологическая, терминология теолого-моральная, терминология христианская, церковнославянский язык, язык религии, язык и религия, религия в языке, язык в религии. Что в перспективе должно стать материалом нашего дальнейшего исследования.

Литература

1. Гадамский А. К. О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии. — Культура народов Причерноморья. — №49. — Т.1 — 2004. — С. 164-167.
2. Гадамский А. К. Семантико-прагматические проблемы теолингвистики // Науковий вісник Луганського національного педагогічного університету. Луганськ, 2004. (w publikacji)
3. Gadomski A., 2004, Lingwistyczne rozwiązanie problemu „język a religia» jako jeden ze sposobów współdziałania kultury wysokiej i niskiej. Lublin (w publikacji).
4. Makuchowska M. Modlitwa jako gatunek języka religijnego. Opole 1998, 13-18.
5. Puzynina J., 1997. Slovo — wartość- kultura. Lublin Towarzystwo Naukowe KUL 253.

6. Rittel Stefan Jerzy. Komunikacja polityczna. Dyskurs polityczny. Jezyk w przestrzeni politycznej. Kielce 2003, 13-28.

Словари

7. Аверинцев С. С. Философская энциклопедия. Т.1-5 — М.: Сов. Энциклопедия, 1960-1970.

8. Encyklopedia językoznawstwa ogólnego, red. K. Polański, Wrocław-Warszawa-Kraków 1993, s. 240-250.

9. Encyklopedia popularna PWN, 1999, Wydawnictwo Naukowe PWN.

10. Lewicki R. Chryścijnstwo. Słownik rosyjsko-polski. Instytut Wydawniczy PAX Warszawa 2002

11. Powszechna Encyklopedia multimedialna PWN, 1998 Wyd. PWN.

12. Wawryńczyk J. Słownik bibliograficzny językoznawstwa ogólnego i polonistycznego. Wydawnictwo Akademickie DIALOG Warszawa 2000.

Статья поступила в редакцию 14 октября 2004 г.

УДК 81; 811.161.2; 811.161.1; 811.111

Л. И. Матросова

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА “ОРУДИЕ, ИНСТРУМЕНТ” (В РУССКОМ, УКРАИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ) КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Возросший интерес к проблеме языковой картины мира именно в конце 20 века был вызван общей гуманизацией общества и распространением идей антропоцентризма. Именно с этих позиций начинает рассматриваться понятие картины мира (КМ), которое стало неотъемлемым составным термином современной лингвистики со значением “совокупность представлений человека об окружающем его мире”.

“КМ является компонентом мировоззрения общества, индивида” [Яценко, 1983:44]. “КМ — базисный компонент мировидения человека, способствует тесной связи и единству знаний и поведения людей в обществе” [Серебренников, 1988(а):25].

“КМ может трактоваться не как совокупность отдельных явлений, а как идеальное представление всей взаимосвязанности объективных предметов и процессов, соответственно существующих в такой же сложной сети взаимосвязей в мире понятий” [Колшанский, 1990:18].

В наше время словосочетание КМ, как правило, употребляется с определением, суживающим его значение: **общенаучная** картина мира, т. е. познание мира, его анализ, объяснение, конкретные знания об объектах, явлениях, процессах, являющихся отражением объективного мира и подтверждающихся на-

укой и практикой; **специальная** картина мира, в которой содержится видение основных системных характеристик предмета исследования конкретных наук [Акуленко, 1995:7-55].

По мнению Г. Я. Солганика, “в языке не может содержаться целостная концептуальная картина мира. Он представляет лишь возможность для конструирования такой картины (или картин) мира. Так, язык выражает и эксплицирует религиозно-мифологическую, философскую, научную, художественную картины мира” [2000:32]. Среди специальных картин мира логичным представляется и существование языковой картины мира.

Исследования ученых-лингвистов (Брутян Г. А., Колшанский Г. В., Серебренников Б. А., Телия В. Н.) способствуют всестороннему рассмотрению ЯКМ. Изучение ЯКМ и ее отдельных фрагментов осуществляется с различных позиций.

О. Н. Лазарович рассматривает теоретические проблемы описания ЯКМ. Автор считает, что введение понятия “картина мира” открывает широкие перспективы для целостного анализа совокупности значений слов языка, а представление о ЯКМ, существующей в человеческом сознании, можно получить благодаря искусственной модели фрагмента ЯКМ [1995:29-30].

Материал, наполняющий отдельные фрагменты ЯКМ, рассматривался М. С. Ретунской в функциональном аспекте. Исследование показало, что “оценочный акт протекает успешно, если аксиологическая номинация имеет национально-культурную значимость, понятна и привычна, стереотипна” [1998:440].

В настоящее время отмечается сдвиг интересов исследователей от проблем, связанных с дифференциацией концептуальной картины и языковой картины мира, специальных картин одного языка к проблеме различия между картинами, отраженными в разных языках [Зализняк, 2000; Манакин, 1994].

В современном сопоставительном языкознании делается акцент на ЯКМ как источнике “информации об этнокультурном и этнопсихическом опыте народа” [Маликова, 2001; Еримбетова, 2001; Сятковский 2001].

Работы, посвященные изучению национальных ЯКМ, содержат в себе анализ языкового материала и направлены на выявление общих и специфических особенностей видения мира различными лингвосоциумами.

Можно выделить два основных аспекта рассмотрения лексики с использованием понятия ЯКМ — это 1) совокупность всего языкового содержания и 2) совокупность специфических черт семантики конкретного естественного языка.

Вслед за Ж. П. Соколовской мы считаем, что ЯКМ включает в себя и “интеллектуальное содержание”, общее для всех языков, и “внутреннюю форму”, фиксирующую особенности разных языков. Для овладения, изучения этого сложнейшего явления необходимо создание некоторого упорядоченного множества, классификация и систематизация языкового материала, что становится возможным, благодаря созданию **модели языковой картины мира**.

Одна из возможных моделей ЯКМ была построена на основе “Общей концептуальной схемы” [Соколовская, 1998:64] (табл. 1).

Таблица 1

Общая концептуальная схема

Категория познания	Сфера бытия			
	Неотмеченность	Природа	Человек	Общество
Бытие	‘сущий’			
Пространство	‘пространственный’			
Время	‘временной’			
Движение	‘движущийся’			
Отдельное	‘отдельный’			
Качество	‘качественный’			
Количество	‘количественный’			
Отношение	‘относящийся’			

Общая концептуальная схема представляется как модель семантических отношений с самыми общими параметрами; раскрытие содержания категорий познания и сфер бытия приводит к “наполнению” модели и упорядочению членения семантического континуума.

Постижение содержания категорий познания, сфер бытия помогает осмысливать в словарных толкованиях те или иные компоненты, находить видовые, родовые понятия.

Моделирование семантических отношений в лексике возможно благодаря ее системности и иерархическому взаимоположению составляющих элементов. Выбор в качестве исходной системы координат категорий познания и сфер бытия позволяет установить связь между системно-структурным подходом и современным когнитивным подходом, который рассматривается как “новый этап развития лингвистики” [Манакин, 1999:3].

При исследовании материала с его кажущейся бесконечностью и вариативностью единиц важным моментом является введение понятия инварианта смыслов — “семантемы” [Соколовская, 1998:215].

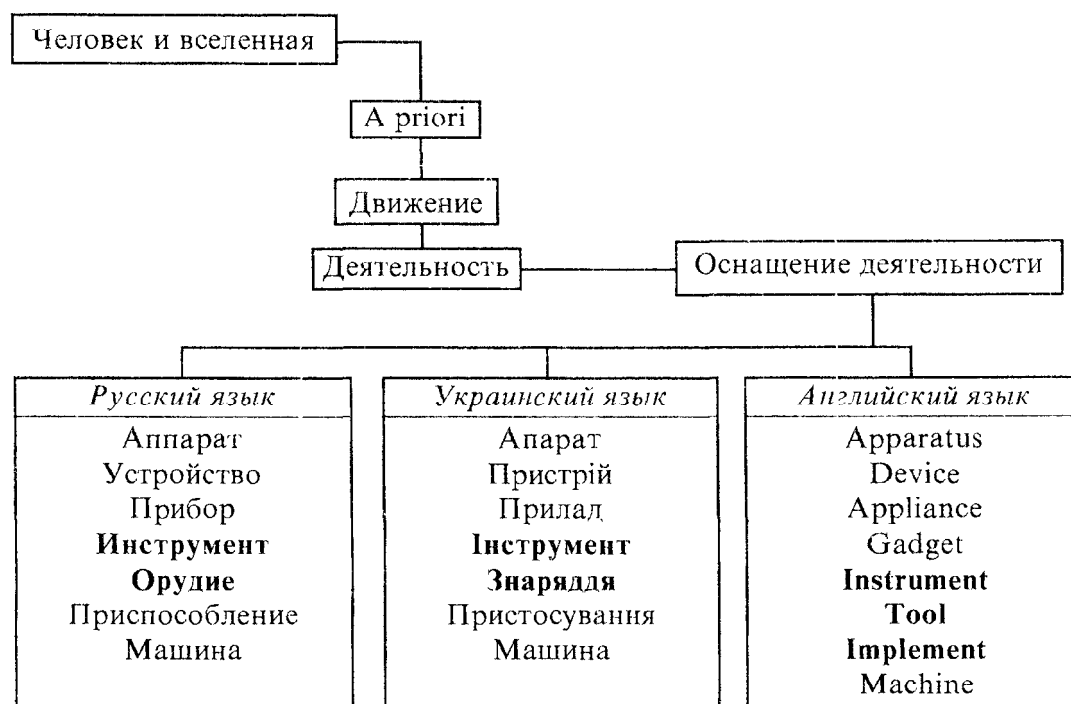
Семантема характеризуется набором расположенных в строгой иерархии сем. Семантема и сема относятся к уровню языковой абстракции и соотносятся между собой как единица и элемент.

Взяв за основу классификацию понятий по Р. Халлигу и В. фон Вартбургу, возможно составить схему, отражающую иерархию смысловых единиц — семантем и получить языковую картину или модель мира, которая является основой и отражает все отношения в семантике (табл. 2).

Также для наполнения этой схемы были использованы толковые словари русского, украинского и английского языков, и двуязычные словари.

Как видно из предложенной схемы, исследуемые нами “орудие, инструмент” в русском языке соотносятся с понятиями “зряддя, інструмент” в ук-

Таблица 2

раинском языке и “tool, instrument, implement” в английском языке. Это было выявлено в результате определения семного состава смысла рассматриваемых семем.

Данная схема наглядно представляет место семантем (семантемы как единицы языковой абстракции даются со знаком метаязыка — запятых сверху) ‘орудие’, ‘инструмент’ в русском языке, ‘знаряддя’, ‘інструмент’ в украинском языке, ‘tool’, ‘instrument’, ‘implement’ в английском языке среди единиц языковой абстракции: классемы ‘человек и вселенная’, подклассемы ‘а ргіогі’, родосемы ‘движение’, видосемы первого порядка ‘деятельность’ и видосемы второго порядка ‘оснащение деятельности’.

Упорядоченность единиц смысла основана на упорядоченности и строгой иерархии элементов смысла. В данной статье принимается порядок расположения смысла, представляющий интерпретацию Ю. Н. Карауловым [1976:256-257] систематизации лексики, предложенной в словаре Халлига и Вартбурга: классемы, подклассемы, родосемы, видосемы. Выделяются: три классемы (‘вселенная’(1), ‘человек’(2), ‘человек и вселенная’(3)); десять подклассем (‘небо и небесные тела’(1), ‘земля’(2), ‘растительный мир’(3), ‘животный мир’(4), ‘человек как живое существо’(5), ‘душа и разум’(6), ‘человек как общественное существо’(7), ‘социальная организация и социальные институты’(8), ‘а ргіогі’(9), ‘наука и техника’(10)); восемьдесят две родосемы; видосемы, число которых может быть установлено в процессе специального исследования.

Иерархия сем может основываться на базе категорий познания и сфер бытия. Ж. П. Соколовская в качестве одной из возможных предлагает следующую парадигму:

— семы, соотносимые с категориями познания — родосемы;

— семы, соотносимые с основными моментами содержания категорий познания, с широкими понятиями — видосемы первого порядка;

— семы, соотносимые с основными моментами дальнейшего членения содержания каждого из широких понятий — видосемы второго порядка (выделяются для видосем первого порядка);

— семы, соотносимые с дальнейшим членением каждого из моментов содержания широких понятий на понятия, различающиеся лишь степенью проявления признаков, качества, состояния и т. д. — видосемы третьего порядка (выделяются для видосем второго порядка);

— семы, соотносимые с выделением в каждом из понятий каждого широкого понятия, определяются как видосемы четвертого порядка (выделяются для видосем третьего порядка).

Таким образом, семы являются исходными элементами при членении смысловой стороны языка. "Их иерархия устанавливается в соответствии с представлением об организации объективного мира. Они являются предельными элементами смысловой стороны языка, то есть в содержательном отношении далее не членятся" [Соколовская, 1998:123]. Семантическая классификация семем является производной от иерархии сем и только введение иерархии сем дает возможность представить толкование слова-семемы в последовательности заключенных в нем смысловых "узлов".

Литература

Акуленко Л. Г. О выражении количественности в семантике языка//Категории количества в современных европейских языках. — К.: Наукова думка, 1995. С. 7-55.

Еримбетова А. М. Познавательный потенциал сравнения (на материале русского и казахского языков)//Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка. М: Изд-во МГУ, 2001. — 520 с.

Зализняк А. А. Рецензия на: Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)//Вопросы языкознания, 2000. — №2. — С.149

Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. — М.: Наука, 1990. — 103 с.

Лазарович О. Н. Теоретические проблемы описания фрагмента языковой картины мира: Дисс. канд. филол. наук:10.02.19. — Ивано-Франковск, 1995. — 197 с.

Маликова Л. Т. Словарный состав неродного языка как источник информации об этнокультурном и этнопсихологическом опыте народа (на материале русского и украинского языков)// Русский язык: исторические судьбы и современность

менность. Международный конгресс исследователей русского языка. М: Изд-во МГУ, 2001. — 520 с.

Манакин В. М. Когнітивні аспекти контрактивної семантики//Проблеми зіставної семантики. — Київ: КДЛУ, 1999. — С.3-6

Манакин В. Н. Основы контрактивной лексикологии: близкородственные и родственные языки. — Киев; Кировоград: Центральноукраинское изд-во, 1994. — 264 с.

Серсбреников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М: Наука, 1988(а). — 216 с.

Соколовская Ж. П. Модель семантичних відношень у лексиці // Мовознавство. — 1986. — №6. — С.38-43

Соколовская Ж. П. Семантическая структура слова и “картина мира”. — Симферополь: ТЭИ, 1998. — 183 с.

Сятковский С. Синхронно-сопоставительные исследования как актуальный аспект русского языкознания в условиях информационной революции//Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс исследователей русского языка. М: Изд-во МГУ, 2001. — 520 с.

Яценко Л. В. Научная картина мира как компонент современного мировоззрения. — М.: Обнинск, 1983. — С.44

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2004 г.

УДК 81'373.7: 159.942.5

М. Н. Сысоева

СТРАХ И ЕГО ВЫРАЖЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

С каждым днем в современных цивилизациях все чаще наблюдается возрастающее число объектов, событий, условий, ситуаций, которые пугают или потенциально могут быть пугающими. Чувством страха практически охвачен весь мир. Люди переживают за себя, своих детей, свое будущее.

Для лингвистов любопытно выяснить, получило ли это явление каким-либо образом отражение в языке, ибо слово всегда являлось самым ярким внешним выражением внутренних, субъективно психических состояний человека.

Таким образом, целью поставлено: а) определить место страха в системе эмоциональных переживаний человека; б) провести анализ фразеологических средств, используемых для обозначения эмоциональных состояний в языке; в) рассмотреть фразеологический разряд “Страх. Ужас” фразеологической микросистемы “Эмоции человека” в идеографической классификации фразеологического устройства русского, украинского и английского языков; г) выявить частотность употребления эмоции страха в тематических группах фразеологи-

ческих единиц (ФЕ) различных сфер человеческих эмоций с целью выявления является ли страх преобладающей эмоцией наряду с другими.

Материалом исследования послужили ФЕ, обозначающие эмоции человека и отобранные из фразеологических словарей русского, украинского и английского языков. Фактический материал исследования составил 1153 единицы.

В данной работе проводится анализ фразеологических средств для выражения эмоций в языке, ибо они, во-первых, наиболее ярко характеризуют мир переживаемых человеком эмоциональных состояний, а во-вторых, представляют собой предмет недостаточного изучения, в сравнении с лексическими. Как правило, лексика отображает совокупность явлений, фактов, процессов деятельности, а фразеология, прежде всего, сферу переживаний и чувств, психических состояний человека. Если же говорить о фразеологических единицах, то все же ФЕ, которые характеризуют эмоциональные процессы человека, притягивали внимание филологов чаще, чем ФЕ, которые обозначают другие психические процессы, например, внимание, познание, волю, речь и т. д. [10:96].

Существует множество позиций и подходов в работах по проблеме эмоций. Есть даже мнение (Я. Рейковский), что эмоции и чувства — различные формы отражения мира и являются различными ступенями развития эмоциональной сферы отражения действительности. В то же время чувства, эмоции и даже ощущения так тесно связаны между собой, что не всегда дифференцируются и не имеют четких границ. В трудах ученых (А. Лук, Я. Рейковский, Б. Додонов), занимающихся исследованием ряда вопросов, связанных с эмоциями человека можно встретить разнообразное множество толкования самого термина “эмоция”, а вместе с этим и различные подходы к изучению проблемы. Так, например, широко известная в западном мире американская ученая, психолог и педагог Лиз Бурбо дает следующее определение: “...эмоции являются результатом деятельности ментальной, рассудочной сферы. Человек переживает эмоцию, когда испытывает страх за себя — страх, обусловленный каким-то его верованием”. “За всякой пережитой эмоцией скрывается еще одна эмоция — эмоция страха” [4:13].

Действительно нелегко найти человека, который бы не испытывал чувство страха. Ощущение страха варьирует от неприятного предчувствия до ужаса, причиной которого обычно являются события, условия или ситуации, сигнализирующие об опасности, причем угроза может быть как физической, так и психологической, тем самым, страх переживается как незащищенность, неуверенность, чувство опасности и надвигающегося несчастья, как угроза своему существованию, своему “Я”. Осторожное всматривание, подавление движений, испуганное выражение лица, которое может сопровождаться дрожанием и слезами, съеживание, убегание, поиск контакта с кем-либо — все это внешнее проявление страха. Эволюционно-биологическая функция страха состоит в усилении социальных связей, в “бегстве за помощью”.

Итак, страх подразумевает переживание какой-либо реальной и воображаемой опасности. Однако страх не всегда выступает как негативное проявление эмоции. Представьте, что у вас болит нога, вы ходите на костылях. Но вот на

вас набросились вооруженные грабители. Что в это время происходит с больной ногой? Никаких болей! Вы будете бежать так быстро, что ни один бандит вас не догонит. (Не случайна пословица “Страх окрыляет пятки”.) Нельзя относиться к страху односторонне. Существует множество подтверждений его двойственной природы. Страх, как тень, преследовал человека еще с незапамятных времен. Был он и у первобытного человека, постоянно подвергающегося опасностям. Страх — неотъемлемое звено в эволюции человеческого рода, так как он предотвращал слишком опасные для жизни безрассудные и импульсивные действия, служил предупреждающим сигналом и изменял направление мысли и поведения человека. Современные исследования психологов (У. Томкинс, К. Балл) доказывают, что в принципе любая эмоция может вызвать страх. Сходство нейрофизиологических механизмов с эмоцией страха приводит к тому, что они часто являются ее активаторами. Вероятно, именно этим и можно объяснить позицию современных психологов о том, что из всех эмоций страх представляет собой предмет научного исследования и познаний чаще, чем какая-либо другая, и является самой распространенной, наиболее переживаемой и часто выражаемой эмоцией.

В данной же работе, в первую очередь, для нас представляют интерес языковые средства, а в частности фразеологизмы, используемые для выражения состояния страха.

Как известно, “разграничение переменных и устойчивых словосочетаний, зародилось в исследованиях немецких ученых XIX-XX столетий Г. Пауля, О. Бехагеля, И. Риса” [11:8]. Однако впервые научную классификацию неразложимых сочетаний слов разработал, опираясь на труды А. А. Шахматова, Н. К. Кульмана, А. А. Потемни и других отечественных лингвистов, академик В. В. Виноградов [5:21-28]. Эта классификация легла в основу современных фразеологических теорий, которые, однако, существенно различаются, и поэтому вопросы определения ФЕ и границ фразеологии остаются спорными [7:90]. Под фразеологизмами нами понимаются устойчивые обороты языка, наделенные целостными, а иногда частично целостными значениями, которые вступают в смысловые и грамматические связи с другими языковыми единицами и имеют постоянную, соответствующую традициям воспроизведения в речи, компонентную структуру [10: 4-5].

Все чаще стал употребим в современном языкознании термин “фразеологическая микросистема”, которым обозначают сравнительно небольшие в своем количественном составе структуры группирования ФЕ. Так, например, фразеологической микросистемой можно считать синонимический ряд, объединение двух и больше синонимических рядов (семантическая группа), объединение двух и больше семантических групп (семантическое поле) и т. д. [10:40]. В ходе анализа особенностей функционирования ФЕ, характеризующих эмоциональное состояние, была выделена подобная структура группирования — фразеологическая микросистема “Эмоции человека”, насчитывающая 13 фразеологических разрядов (согласно классификации Ю. Ф. Прадида). Каждый фразеологический разряд обозначен двумя словами, с целью показать изменчивость эмо-

циональных процессов по силе и интенсивности. Кратковременная эмоциональная реакция, очень бурно протекающая и носящая характер эмоционального взрыва, в психологической литературе называется аффектом. [10:7]. Для обозначения аффектов используются слова, имеющие специальные оттенки. Например, если гнев — это эмоция, то ярость — та же самая по содержанию эмоция, но доведенная до аффекта. Таким образом, фразеологическая микросистема “Эмоции человека” в идеографической классификации фразеологического устройства русского, украинского и английского языков представлена следующими рубриками: 1. Отвращение. Омерзение; 2. Удовольствие. Радость; 3. Гнев. Ярость; 4. Восторг. Восхищение; 5. Любовь. Страсть; 6. Странствие. Мука; 7. Беспокойство. Тревога; 8. Удивление. Изумление; 9. Презрение. Пренебрежение; 10. Смушение. Стыд; 11. Страх. Ужас; 12. Грусть. Печаль; 13. Отчаяние. Безысходность.

Фразеологический разряд “Страх. Ужас” представлен 29 ФЕ в русском языке, 41 ФЕ в украинском языке и 32 ФЕ в английском. В таблице приведены примеры выражения страха фразеологическими средствами трех языков с учетом описания психологами (Ч. Дарвин, У. Боулби) симптомов этого эмоционального состояния.

Симптомы страха	Фразеологические способы выражения страха в русском, украинском и английском языках
1. Частое сердцебиение, нарушение кровообращения, бледность лица	Лица нет, ни жив ни мерте. Лица нема, ні живий ні мертвий. More dead than alive, blue fear.
2. Выделение пота, чувство холода на поверхности кожного покрова	В пот вгонять, нагнать холоду, мороз дерет по коже, волосы становятся дыбом, как варом обдало. Потом холодним пройняло, мороз іде по шкірі, мурашки бігають по спині, волосся стає дибом. Take alarm, give the creeps.
3. Дрожь во всем теле, пересыхание во рту	Поджилки трясутся, зуб на зуб не попадает, поджимать хвост. Жижки трясуться, дрож пробирає, мову відібрало. Shake in one's boots.
4. Мертвая бледность, затруднение дыхания, широко открытые глаза, перерастание страха в агонию ужаса	Вколачивать душу в пятки, душа ушла в пятки, как с креста снятый, сердце оборвалось, сердце замерло, не сметьдохнуть. Душа так і покотилася, серце захолонуло, серце перестало битися, очі на лоб полізли. Make somebody's blood run cold, go down to one's boots.

Анализ позволяет утверждать, что эмоция страха не обладает наибольшей частотностью ее выражения языковыми, фразеологическими средствами, т. к. общее число ФЕ, описывающих это состояние составило в среднем около 10% от общего количества эмоций, составляющих фразеологическую микросистему “Эмоции человека”. Превалирующее число составили такие эмоциональные состояния как гнев (30 %), удивление (14 %), беспокойство (12 %) в русском языке, гнев (40 %), тревога (20 %), страдание (15 %) в украинском, восторг (20 %), удовольствие (16 %), изумление (11 %) в английском. Тем самым мы в праве не согласиться с утверждением современных психологов о том, что эмоция страха — это чаще всего переживаемая и выражаемая эмоция ибо “за всякой пережитой эмоцией скрывается еще одна эмоция — эмоция страха”. [4:13]. Полученные нами результаты позволяют сделать вывод о том, что анализ эмоционального состояния страха на языковом, а в частности, фразеологическом уровне, не дал подобного результата возможно в силу того, что, во-первых, мир эмоций очень сложный и разнообразный, а изысканность его организации и многогранность выражения иногда не осознаются самим человеком. Во-вторых, порой бывает тяжело рассказать о своих переживаниях, выразить их способами языка, поскольку слова и выражения, которые подбираются, кажутся недостаточно яркими и не совсем точно характеризующими эмоциональные состояния и их оттенки. Если в психике, по мнению немецкого ученого конца XIX — начала XX века Вильгельма Вундта, можно выделить более пятидесяти тысяч ощущений, то эмоций насчитывается гораздо больше [10:91].

Проведенный лингвистический анализ ФЕ сферы человеческих эмоций, а в частности страха, может стать полезным материалом для ученых-психологов в процессе разработки ими единой классификации эмоциональных процессов, а также использоваться филологами для подготовки спецкурсов по фразеологии русского, украинского и английского языков, создании фразеологических словарей.

Литература

1. Авалиани Ю. Ю. , Ройзензон Л. И. О разграничении синонимии и вариантности в области фразеологических единиц // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей. — Баку, 1986. С. 70-77.
2. Авва Дорофей. Поучения, послания, вопросы, ответы. М.: “Актис”, 1991.
3. Айрапетов С. Г. Здоровье, эмоции, красота. Нальчик: “Эльбрус”, 1974.
4. Бурбо Лиз. Эмоции, чувства и прощение. Пер. с фр. С. Мелишкевич. — К.: “София”, 2001. М.: ИД “Гелиос”, 2001.
5. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение с слове. М.-Л., 1947.
6. Додонов Б. И. В мире эмоций. — К.: Политиздат Украины, 1987.
7. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. — 360с.
8. Миллер Е. Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990.

9. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания: Гносеол. аспекты / В. З. Панфилов; АН СССР, Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1977.
10. Прадид Ю. Ф. Русско-украинский и украинско-русский фразеологический тематический словарь. Эмоции человека. Симферополь; 1994.
11. Прадід Ю. Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень) / НАН України, Ін-т української мови; Відп. ред. О. О. Тараненко. — К.; Сімферополь; 1997.
12. Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. М., 1970.
13. Collis H. 101 American English Idioms. Understanding and Speaking English Like an American. Passport Books, USA, 1987. — 104 p.
14. McCarthy M., Walter E. Cambridge International Dictionary of Idioms (CID). Cambridge University Press, UK, 1999. — 433 p.

Статья поступила в редакцию 14 октября 2004 г.

УДК 81'373.7:811.512.145

Л. Ш. Абдураманова

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ФРАЗЕО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ "ГОВОРИТЬ" СОВРЕМЕННОГО КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Целью данной статьи является определение парадигматических отношений во фразео-семантическом поле "говорить" крымскотатарского языка. В задачи входит выделение фразео-семантических групп, составляющих данное поле, и описание особенностей наполнения фразео-семантических групп, а также установление типов отношений между ними и их описание.

Несмотря на обилие исследований по фразеологии, фразеология тюркских языков как в теоретическом, так и в практическом плане изучена неравномерно. Наибольшее число публикаций и диссертационных работ имеется по татарскому, азербайджанскому, туркменскому и узбекскому языкам. Что касается крымскотатарского языка, то в целом, научных работ по фразеологии данного языка очень мало.

Изучение фразеологических систем языков в полном объеме может быть успешным лишь при условии тщательного анализа отдельных подсистем и микросистем как носителей общих и специфических признаков, свойственных всей системе. В настоящей статье исследование фразео-семантического поля "говорить" крымскотатарского языка осуществляется на парадигматическом уровне без учета контекстуальных связей фразеологических единиц.

Несмотря на то, что крымскотатарский язык относится к тюркской языковой семье, мы и в данной работе будем придерживаться спределений

фразеологической единицы (А. В. Кунин) и фразео-семантической группы (А. И. Алехина). Мы считаем, что результаты исследований таких великих ученых, как Ш. Балли [3], В. В. Виноградов [4], Н. Н. Амосова [2], А. В. - Кунин [7], В. Г. Гак [5], Н. М. Шанский [14] и других, которые внесли огромный вклад в развитие фразеологии, можно применить к фразеологии различных языков, независимо от того, на материале какого языка они были получены.

“Фразеологические единицы — устойчивые сочетания слов, полностью или частично переосмысленные, раздельнооформленные (т. е. состоящие из двух или более компонентов), обладающие целостным значением.” Важными признаками фразеологизма также принято считать немоделированность и воспроизводимость [8; 7].

Фразео-семантическая группа — такая группа фразеологических единиц, которые имеют тот или иной набор дифференциальных признаков. ФЕ объединяются по тому или иному семантическому признаку и могут выражать различные отношения: тождества между значениями — синонимия; отношения полярности между значениями — антонимия; отношение подчинения или соподчинения значений — полисемия [1; 22].

Материалом исследования являются крымскотатарские глагольные фразеологические единицы, полученные в результате сплошной выборки из статей “Сез бирикмелери” Усеина Куркчи [9]. Общий объем выборки равен 200 ФЕ.

Фразео-семантическое поле (ФСП) “говорить” разнообразно по содержанию фразео-семантических групп (ФСГ), составляющих его.

Ядром данного ФСП являются 5 фразео-семантических групп, которые отличаются следующими дифференциальными семами: “словесно выражать мысль”, “высказывать мысль, суждение”, “словесно обмениваться информацией”, “прекращать словесное выражение чего-л.” и “молчать”. Отношения между ФЕ, входящими в их состав, могут носить как синонимический, так и антонимический характер. Каждый из синонимических рядов, на которые делятся ФСГ, должен рассматриваться не как группа “абсолютно тождественных ФЕ, а как совокупность синснимов, имеющих самые разнообразные индивидуальные признаки и способных в силу этого выполнять не только функцию равноценной замены, но также служить средством уточнения мысли и стилистического варьирования средств выражения” [13]. Отношения между членами ФСГ могут рассматриваться с точки зрения их образной, смысловой и коннотативной дифференциации.

ФСГ “словесно выражать мысль”

Эта ФСГ делится на три синонимических ряда, одну антонимическую пару и единичный фразеологизм, которые отличаются следующими дифференциальными семами: “заставить кого-л. говорить”, “заставить кого-л. вспомнить”, “обещать” и “просить”.

1. *Агъзындан бал тамлай* (букв. у него со рта мед капает) — говорить самые нежные, чистосердечные слова кому-л. (близкому человеку, ребенку); хвалить кого-л.;

2. *Агъзынь бармакъ* — осмелиться сказать что-л., собраться с духом сказать что-л.;

Агъзындан сез/лаф/сыр алмакъ (букв. взять слово/тайну у кого-л. со рта) — выведать что-л., разузнать о ком-л./чем-л.; выведать секрет, тайну;

Агъыз арамакъ (букв. искать рот) — с осторожностью, хитростью выведывать секреты, мысли во время разговора;

Агъзыны ачтырмакъ (букв. открыть кому-л. рот) — заставить кого-л. говорить, стараться выведать, разузнать что-л., выводить кого-л. на разговор;

Между членами данного синонимического ряда выявлены следующие различия в семантических оттенках значения ФЕ: "заставлять говорить себя" и "заставлять говорить кого-л."

3. *Сезюни уфюртин айтмакъ* (букв. говорить, надувая слова) — давать пустые обещания;

Буюк сез сейлемек (*Буюк лаф этмек*) (букв. говорить великие речи) — давать пустые обещания;

4. *Аякъларына йыкъылмакъ* (букв. броситься на колени) — просить о чем-л. унижаясь;

Аякъларына сарылмакъ (букв. обхватывать чьи-л. ноги) — просить (с любовью) кого-л., не совершать чего-л.; просить прощения;

5. Антонимическая пара:

Агъзыньи алмамакъ — не говорить, не вспоминать (о ком-л./ чем-л.), не желать упоминать кого-л./ что-л.;

Акъылына къоймакъ (букв. положить кому-л. на ум) — напомнить;

ФСГ "высказывать мысль, суждение"

Данная фразео-семантическая группа имеет только один синонимический ряд с интегральной семой "учить чему-л." и одну ФЕ со значением "несправедливо обвинять кого-л.", которое было включено в эту группу в силу совпадения интегральной семы "высказывать суждение".

1. *Агъызгъа бермек* — несправедливо обвинять кого-л. в чем-л., наговаривать; представить всеобщему осуждению;

2. *Акъыл бермек* (букв. давать разум) — давать наставления;

Акъыл огретмек (букв. учить уму) — давать наставления;

Агъзыньа чайнап къаптырмакъ (букв. разжевывая в рот положить) — что-то детально, подробно объяснять;

Анасыны айгъа бакътырмакъ (букв. заставляя чью-л. мать смотреть на луну) — вдалбливать что-л. кому-л. в голову;

В последних двух фразеологизмах данного синонимического ряда существует различие в степени интенсивности выражаемого признака.

Следующая фразео-семантическая группа состоит из одного синонимического ряда и трех единичных ФЕ, в силу своих дифференциальных сем. Все

ФЕ, кроме одной, являются полностью переосмысленными фразеологическими единицами. Фразеологизм *агъызгъа (тильге) тюшмек* (букв. *попасть кому-л. в рот, на язык*) — попасть на язык, являться темой для разговора — частично переосмысленный, в силу сохранения одним из его компонентом (*тюшмек* — *попасть*) своего буквального значения.

ФСГ “словесно обмениваться информацией”

1. *Тиль тапмакъ (умумий тиль тапмакъ)* — найти общий язык (с кем-л.); *Бир сезге кельмек (Бир тильге кельмек)* (букв. *прийти к общему слову/языку*) — прийти к общему мнению;

2. *Аслына етмек (лаф эткенде, сез юрюткенде)* — дойти до сути вопроса, темы разговора;

3. *Агъызгъа (тильге) тюшмек* (букв. *попасть кому-л. в рот, на язык*) — попасть на язык, являться темой для разговора;

4. *(Лафкъа) бурунъны сокъма* (букв. *совать нос*) — вмешиваться (в чужой разговор, в чужие дела);

ФСГ “прекращать словесное выражение чего-л.” делится на два синонимических ряда, отличающихся друг от друга тем, что фразеологизмы одного ряда выражают “прекращение действия по своей воле”, а второго — “прекращение действия по принуждению”. Конечно, ФЕ второго синонимического ряда несут в себе негативную оценку, так как в большинстве случаев нам не нравится, когда нас принуждают к чему-либо.

1. *Арасы кесильмек (узюльмек) (лафнынъ, сезнинъ)* — прекратить (приостановить) разговор;

Тилинъни тишлемек (букв. *укусить свой язык*) — прикусить язык, замолчать сразу, внезапно;

Агъызынъ юмулмакъ (букв. *рот закрыться*) — перестать говорить, замолчать, оборвать свою речь;

Различия в степени интенсивности прекращения действия по принуждению в полной мере продемонстрированы на примере следующих ФЕ.

2. *Агъызыны тыкъатмакъ* (букв. *заткнуть чей-то рот*) — заставить замолчать; заткнуть рот;

Агъыз тийдирмемек — не давать кому-л. говорить, заставить замолчать;

Агъызыны ачтырмамакъ (букв. *не давать кому-л. открывать рот*) — не разрешать кому-л. говорить, не давать кому-л. говорить (боясь того, что говорящий выдаст секрет, какую-нибудь информацию и т. д.).

ФСГ “молчать” также состоит из двух синонимических рядов и единичного ФЕ. Объединенные интегральной семьей “ничего не говорить” в одну ФСГ, данные ФЕ все же имеют незначительные дифференциальные признаки. Один из них определяет более точно “тему молчания” — не говорить о ком-л./о чем-л. (*агъызынъа алмамакъ* (букв. *не брать в рот*) — не говорить, не вспоминать (о ком-л./ чем-л.), не желать упоминать кого-л./ что-л.), а дру-

гой указывает на "причину молчания" — не говорить из-за страха, смущения и т. д. (*Агъызынъ бармамакъ* — не осмелиться сказать что-л.).

1. *Лям-мим демемек* (букв. не говорить лям-мим) — араб. ничего не говорить (лям, мим — буквы арабского алфавита);

Агъызынъ ачылмамакъ (букв. рот не раскрываться) — молчать, ничего не говорить;

Сес-солукъ чыкъармамакъ — не издавать ни звука, не говорить ни слова;

Агъыздан тиошмемек (букв. не сходит со рта) — не говорить ни слова;

Агъызыны ачмамакъ (букв. не открывать своей рот) — ничего не говорить; рта не раскрывать;

2. *Агъызынъ бармамакъ* — не осмелиться сказать что-л.;

Юмгъан агъызыны ачмамакъ (букв. не открывать закрытый рот) — не открывать рта, нанести себе урон своими словами и поэтому бояться говорить;

3. *Агъызынъ бармамакъ* — не осмелиться сказать что-л.;

Фразеологизмы, объединенные интегральной семой "способ словесного выражения чего-л.", делятся на три антонимические пары и один синонимический ряд.

1. *Кесен-кес* (*сейлемек, айтмакъ*) — говорить прямо, в лоб;

Астыны-устюни чевирмек (*лаф эткенде*) (букв. вывернуть наизнанку) — переиначивать слова;

2. *Алып къачмакъ* (букв. взяв убежать) — 1) говорить не по- существу, не по теме; 2) говорить без меры, говорить долго и нудно;

Агъызыны тыймакъ (букв. унять свой рот) — знать меру словам, говорить, когда нужно и что нужно;

3. *Сезюни къабартып айтмакъ* (букв. говорить, увеличивая слова) — высокомерно разговаривать с кем-л.;

Агъызыны ортымек (букв. прикрыть рот) — сбавить тон, присмиреть, попридержаться язык;

Следующие крымскотатарские ФЕ отличаются сильной коннотацией, в результате чего, в них особенно подчеркивается эмоциональное состояние собеседника.

4. *Сезюни чимирдетип айтмакъ* — сильно воздействовать на кого-л. своими словами, нарушать чье-л. душевное спокойствие своими намеками (мурашки по коже от таких слов);

Сезюни тюкюни тикке турдырып айтмакъ — поражать кого-л. своими словами (от сказанного волосы встают дыбом);

Агъыр кельмек — причинять боль, ранить словами;

Из исследуемого нами материала, состоящего из 200 фразеологизмов крымскотатарского языка, мы смогли составить один синонимический ряд, состоящий из трех синонимов и отражающий такое действие, как "спорить", и ни одного фразеологизма со значением "ссориться". Причем каждый из трех синонимов, входящих в этот ряд, имеет свой оценочный характер. Первый фразеологизм имеет нейтральную оценку, которая будет меняться в зависимости от контекста, в котором находится данная ФЕ. Следующий фра-

зеологизм (*бир динде турмакъ* (букв. *стоять на своей вере*) — отстаивать свое мнение) имеет положительную оценку, а последний (*аякъ тиремек* (*лафта, лафында*) (букв. *упираться ногой*) — стоять на своем, не слушать чьих-л. советов, противиться чему-л.) — с отрицательной оценкой, так как несет в себе значение “спорить из-за упрямства”.

Дегенинде турмакъ — отстаивать свою позицию;

Бир динде турмакъ (букв. *стоять на своей вере*) — отстаивать свое мнение;

Аякъ тиремек (*лафта, лафында*) (букв. *упираться ногой*) — стоять на своем, не слушать чьих-л. советов, противиться чему-л.;

Что касается синонимического ряда со значением “ругаться”, то он представлен более многочисленными ФЕ, которые имеют явно негативный оттенок:

Иш кесмек (букв. *прекратить работу*) — ругать, устраивать скандал;

Атып тутмакъ (букв. *бросив, поймать*) — закатывать скандал, поднимать шум;

Богъаз богъазгъа кельмек — ругаться, скандалить, драться;

Богъаз кермек (букв. *растягивать горло*) — сильно кричать, ругаться, поднимать шум;

Пычакъ пычакъа кельмек (букв. *скрестить ножи*) — ругаться, скандалить, драться;

Фразеологизмы-синонимы, с общим значением “не одобрять чье-л. поведение, внешность, манеры и т. д., осуждая его(их)”, входят в следующий синонимический ряд:

Ерге къаршы тюкюрмек (букв. *плюнуть пред кем-л. на землю*) — выступить против кого-л.;

Инджеден элп, сыкъ токъумаъ (букв. *мелко просеивать, плотно ткать*) — критиковать для проформы, мягко критиковать;

Крайняя же форма критики в крымскотатарском языке представлена фразеологизмами со значением “оскорблять”, которые несут ярко негативную эмоциональную окраску.

Адына (*намусына, шанына*) *леке тюшюрмек* (букв. *поставить пятно на имени/чести*) — унижить, оскорбить кого-л.; очернить кого-л. (в основном о чести);

Аякъ астына алмакъ (*аякъ тюбюне алмакъ*) — унижать, оскорблять, позорить кого-л.; издеваться над кем-л.;

Зезр къусмакъ (*пукюрмек*) (букв. *изливать желчь*) — оскорблять, унижать;

Крымскотатарская ФСГ “много говорить” представлена различными фразеологизмами с широким спектром экспрессивно-смысловых оттенков.

Синонимический ряд, объединяя в себе ФЕ с интегральной семой “много говорить, ведя пустой разговор”, является наиболее многочисленным из данной фразео-семантической группы. Синонимический ряд состоит из метафо-

рических полностью переосмысленных фразеологизмов. Нужно отметить, что в состав данного ряда входят ФЕ, которые несут гиперболический характер: *агъыз патлатмакъ* (букв. рот взрывать) — говорить без меры; слишком хвастаться; наговаривать; делать из мухи слона; *агъызынь (ны) бурунынь (ны) коюртмек* (букв. вспенивать рот и нос) — слишком много разговаривать; беспрестанно говорить, хвататься.

Агъыз шапыртып айтмакъ — вести пустые разговоры;

Баи айландырмакъ (бои лафнен) (букв. вскружить кому-л. голову пустыми разговорами) — надоедать кому-л. пустыми разговорами, глупыми вопросами (особ. в неподходящее время);

Агъыз патлатмакъ (букв. взрывать рот) — говорить без меры; слишком хвастаться; наговаривать; делать из мухи слона;

Агъыз толдырып айтмакъ (букв. говорить, наполнив рот) — говорить без меры; слишком хвастаться;

Агъызынь (ны) бурунынь (ны) коюртмек (букв. вспенивать рот и нос) — слишком много разговаривать; беспрестанно говорить, хвастаться;

Агъыздан тюшмек (букв. не сходить со рта) — говорить без конца, беспрестанно;

Артыны кесмек (ардыны кесмек) (лафнынь, сезнинь) (букв. не резать конец) — без конца говорить, снова и снова возвращаться к одной теме разговора;

Синонимический ряд "много говорить, обсуждая кого-то" представлен только двумя ФЕ, имеющими отрицательную оценку, как результат осуждения данного действия в обществе.

Артындан айтмакъ (букв. говорить позади кого-л.) — сплетничать;

Аркъасындан айтмакъ (букв. говорить за чье-л. спиной) — сплетничать, говорить за чей-л. спиной плохие вещи.

Между членами синонимического ряда "много говорить, делясь чем-то сокровенным" выявляются различия в семантических оттенках значения ФЕ.

"много говорить, делясь чем-то сокровенным"

Агъызынь ачылмакъ (букв. открывать рот) — рассказать все свои секреты; высказать все, что на душе, выговориться; доверить (семантический оттенок "делиться своими секретами");

Ах чекмек (букв. издать звук ах) — изливать душу кому-л. о своих неудачах (обязательно с сожалением) (семантический оттенок "жаловаться на свои неудачи");

Ачувыньны алмакъ (букв. взять гнев) — высказаться, отвести душу (крича, говоря на повышенных тонах) (оттенок "высказывать свое недовольство чем-л.").

Синонимические ряды "много говорить, раскрывая тайну" и "хранить что-л. в секрете", представляющие собой антонимическую пару, соответ-

ственно несут в себе противоположные оценки действий, которые они выражают. ФЕ, входящие в синонимический ряд “много говорить, раскрывая тайну”, являются полностью переосмысленными и имеют негативную оценку, как результат неодобрения данного действия. Тогда как ФЕ, в составе синонимического ряда “хранить что-л. в секрете”, несут в себе положительный оттенок. Нужно отметить, что два фразеологизма из их числа являются частично переосмысленными, так как их компоненты *сыр (тайна)* и *тутмакъ (держатъ)* сохранили свои буквальные значения.

“много говорить, раскрывая тайну”

Агъызынъ бармакъ — осмелиться сказать о чем-л.; проговориться;

Агъызындан чыкъмакъ (букв. *высочить изо рта*) — невзначай проговориться;

Агъызынъда бакъла сыланмаз (букв. *во рту у него фасоль не намочится*) — только узнав, сразу же выдать, разболтать секрет;

“хранить что-л. в секрете”

Агъызын ачылмамакъ (букв. *рот не раскрываться*) — молчать, ничего не говорить; прикусить язык, смолкнуть; скрывать что-л.

Сыр тутмагъа бильмек — уметь хранить тайны;

Агъызынъа сув алмакъ (букв. *в рот воды набрать*) — держать что-л. в секрете (не выдавать секрета);

Ичинъде тутмакъ (букв. *держатъ внутри*) — держать что-л. в секрете, хранить тайну;

В большинстве своем ФЕ, входящие в данную ФСГ, являются частично переосмысленными метафорическими фразеологизмами. Компонентами таких ФЕ, сохранившими свое буквальное значение, довольно часто являются такие слова как, *агъыз (рот)*, *тиль (язык)*, *сез (слово)*, *айтмакъ, сейлемек (говорить)*. Это не удивительно, так как все фразеологические единицы, которые входят во ФСП “говорить”, носят антропоцентрический характер, что подразумевается выбранной нами темой. Основным типом переосмысления в крымскотатарских ФЕ является метафорическое переосмысление. Метафорические фразеологизмы основаны на различных сходствах действий. Например: *ерге къаршы тюкюрмек* (букв. *плюнуть пред кем-л. на землю*) — выступить против кого-л.; *зеэр къусмакъ (пускюрмек)* (букв. *изливать желчь*) — оскорблять, унижать; *агъызынъа сув алмакъ* (букв. *в рот воды набрать*) — держать что-л. в секрете (не выдавать секрета). Метафоры могут носить и гиперболический характер, например, *агъыз патлатмакъ* (букв. *рот взрывать*) — говорить без меры; слишком хвастаться; наговаривать; делать из мухи слона; *агъызынъ (ны) бурунынъ (ны) копюртмек* (букв. *вспенивать рот и нос*) — слишком много разговаривать; беспрестанно говорить, хвастаться;

Практически все ФЕ имеют оценочный характер. Оценка может быть как положительной — *ах чекмек* (букв. *издать звук ах*) — изливать душу кому-л. о своих неудачах (обязательно с сожалением); *агъызындан бал тамлай* (букв.

у него со рта мед капает) — говорить самые нежные, чистосердечные слова кому-л. (близкому человеку, ребенку); хвалить кого-л.; *агъызыны тыймакъ* (букв. унять свой рот) — знать меру словам, говорить, когда нужно и что нужно, так и отрицательной, которую имеют ФЕ, отражающие действия человека, осуждаемые обществом - *сезюни уфюртип айтмакъ* (букв. говорить, надувая слова) — давать пустые обещания; *агъызгъа (тильге) ткъшмек* (букв. попасть кому-л. в рот, на язык) — попасть на язык, являться темой для разговора; *сезюни туюкюни тикке турдырып айтмакъ* — поражать кого-л. своими словами (от сказанного волосы встают дыбом); *агъыр кельмек* — причинять боль, ранить словами.

Проанализировав парадигматические отношения между элементами фразео-семантического поля “говорить” крымскотатарского языка, можно отметить следующее: 1) эти отношения носят как синонимический, так и антонимический характер; 2) парадигматика членов синонимических рядов обнаруживает оппозитивные связи по степени интенсивности выражаемого действия, семантическим оттенкам значения, семантическим оттенкам значения в сочетании с эмоциональной окраской.

Как мы видим, фразео-семантическое поле “говорить” в крымскотатарском языке имеет сложную систему парадигматических отношений его составляющих, которую мы попытались отразить в нижеприведенной схеме.

ФСП “говорить” в крымскотатарском языке

Источники и литература

1. Алехина А. И. Фразеологическая единица и слово. — Минск, 1991.
2. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
3. Балли Ш. Французская стилистика. — М., 1961.
4. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. 1819-1844. — Л., 1946.
5. Гак В. Г., Рецкер Я. И. О французской фразеологии и французо-русском фразеологическом словаре // Гак В. Г., Рецкер Я. И., Кунина И. А. и др. Французско-русский фразеологический словарь. — М., 1963.
6. Головин Б. Н. К вопросу о парадигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. — М., 1969.
7. Кунин А. В. Английская фразеология. — М., 1970.
8. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. — М.: Высшая школа, Дубна: изд. центр Феникс, 1996. — С. 381.
9. Куркчи Усеин “Сез бирикмелери” // “Йылдыз”. — Симф., 1987. — №1 — С. 127-135, №2 — С. 136-141, №3 — С. 140-143, №4 — С. 135-139, №6 — С. 136-140, 1988. — №1 — С. 137-140, №3 — С. 134-138, №4 — С. 136-140, 1989. — №1 — С. 139-144, №2 — С. 139-144.
10. Парадигматические отношения в языке / Сб. науч. тр. — Свердловск, 1989. — С. 126.
11. Парадигматические отношения на разных уровнях языка / Сб. науч. тр. — Свердловск, 1990. — С. 126.
12. Соссюр Ф де Труды по языкознанию, пер. с фран., — М., 1977.
13. Ходос Б. С. Синонимия фразеологизмов в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.
14. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. — М., 1964.
15. Эмирова А. М. Сопоставительная характеристика фразеологии русского и крымскотатарского языков: универсальное и специфическое // Культура народов Причерноморья — Симф., 1998. — №5 — С. 329-332.
16. Эмирова А. М. Языковая ситуация в Крыму и насущные проблемы возрождения крымскотатарского языка // Культура народов Причерноморья — Симф., 1997. — №1 — С. 83-86.

Статья поступила в редакцию 20 октября 2004 г.

УДК 811.161.1

М. А. Афанасиади

РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГРАЖДАН В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

(на примере художественной литературы,
написанной и изданной эмигрантами в Греции)

Взаимодействие культур — необычайно актуальная тема в условиях современного мира. Распад многонационального Советского Союза привел к возникновению мощной эмиграционной волны. Многие представители национальных меньшинств репатриировали на территории своих “исторических родин”, по-прежнему оставаясь носителями русского языка, но уже на правах второго языка в условиях новой культуры, иного мышления и совершенно другой позиции в восприятии мира.

Задача нашего исследования заключается в анализе примеров, свидетельствующих о “стыке” культур и языков, проявляющемся на уровне разговорной речи русскоязычных граждан и непосредственно отображенном на письме, например, в художественных произведениях, созданных ими в эмиграции.

“Многообразие субкультур характерно практически для всего цивилизованного мира в целом. В значительной мере через это многообразие осуществляется культурное развитие общества, выкристаллизовываются доминантные ценности, нормы, образцы поведения, удовлетворяются потребности людей в духовной и материальной сферах жизни” [2, с. 535].

С течением времени появляется потребность не только в информации о стране, в которой жили до переселения, но и в описании личного опыта из жизни в этой стране, в переосмыслении ситуации, приведшей к массовой эмиграции, в рассказе о начальном этапе адаптации и о многом другом. Так, помимо малых жанров (небольших рассказов и стихотворений) в русскоязычных газетах и журналах появляются более крупные произведения — первые пробы пера разных авторов, как филологов-русистов, так и историков, а также людей других профессий (как правило, врачей), выражающих собственную позицию.

“Субъективная языковая картина мира, отраженная в произведении, представляет характер и особенности индивидуально — авторских языковых структур, субъективное авторское воззрение на отрезок действительности, изображенный в произведении, и субъективное авторское мирозерцание, в котором прежде всего представлены национальная духовность и проблемы национального сообщества (государства), переживаемые автором.” [4, с. 114].

Конечно, надо отметить, что в данном случае мы говорим о художественной литературе, написанной, по сути, дилетантами вдали от митрополии, грамотного редактора и корректора, поэтому в процессе исследования следует учитывать уровень свободного владения русским языком самого автора. Как известно, на территории Греции сегодня проживают не только греки — понтий-

цы, приехавшие из советских республик, таких как Грузия, Армения, Украина, Казахстан и др., но и политэмигранты греческого происхождения, проживавшие в Узбекистане после гражданской войны в Греции, а также представители других национальностей бывшего Советского Союза (русские, украинцы, грузины и многие другие), что обуславливает большой диапазон речи русскоговорящих.

Небольшое количество произведений, лексика которых является объектом нашего исследования, изданных на русском языке иммигрантами Греции, отображает не только языковое сознание его авторов, но и разговорную речь той группы носителей русского языка, к которой они непосредственно относятся.* К примеру, в следующей фразе из книги Валиды Будакиду совершенно очевидно просматривается “грузинский фон” употребляемой лексики: “... он заговорил *очень литературно*, придавая голосу ноты старого *мудрого орла*” [1, с.49].

Нашей целью является выявление тенденций дальнейшего развития русского языка на территории Греции.

Под влиянием новой культуры западного общества у носителей русского языка — выходцев из бывших социалистических республик — формируется новая концепция мышления, базирующаяся на основе старой, что приводит к созданию некоего “конгломерата”.

“Казюлас,— пишет Валида Будакиду,— не отчаялся, и в действие вступил план “*Вита*” [1, с.178], здесь “Вита” — вторая буква греческого алфавита, т. е. герой произведения имеет в виду второй вариант своего плана (по-русски следовало сказать *план “Б”*).

“Каждая конкретная культурная общность характеризуется национальным своеобразием, отражающимся в менталитете народа и языка. Находясь в инонациональном окружении, носитель определенного языка начинает видеть мир не только под углом зрения, подсказанным его родным языком, но сживается с концептуализацией мира, характерной для окружающей его культуры” [6, с.539].

Рассмотрим пример: “Вес мой для тринадцати лет был очень впечатляющим — 76 килограммов. (*По-по-но!*)” [1, с.131]. Так пишет автор, вспоминая свое детство, которое прошло на территории Грузии в городе Рустави, употребляя греческое восклицание “По-по-но!” вместо русского: *Ну, и ну! Вот это да!* (Данное восклицание употребляется греками при восхищении и при стеснении). Этот пример демонстрирует утвердившийся в сознании носителя языка элемент новой культуры, который “вжился” в воспоминания о прошлых событиях, сплетаясь с элементами “старой культуры”.

Безусловно, большой интерес представляют факты интерференции, когда русское слово находит одинаковый по звучанию “эквивалент” в греческом языке: “... рюмки с ароматным ципуро** не преломляли свет, а всеми гранями *кристалла* отбрасывали его на белоснежную скатерть семицветной радугой” [1, с.185]. Здесь русское слово “кристалл” употреблено в значении греческого слова *κρῖσταλλο* — “кристалло” — “хрусталь”.

* В данном случае мы не имеем в виду переводы с греческого языка на русский язык.

** Греческая водка.

Возникающий конфликт устоявшихся в сознании форм языка с наложением на существующую уже “матрицу значения” другого слова наблюдается и в следующем примере: “А вот наш Мичо ... демонстрирует серый костюм... “всего” за 950 € (оплата дозами, принимаются все виды карт)” [1, с.240]. Здесь русское слово “взнос” заменено русским же словом “доза” в значении “понемного, чуть-чуть”, что соответствует значению греческого слова δόση – “доси” — “взнос” и обладает схожей звуковой оболочкой.

В процессе адаптации к новым условиям жизни наряду с проявлением подсознательной тенденции в сохранении языка той страны, где родились и выросли те или иные носители русского языка, наблюдается образование определенных “вариаций”, связанных с непосредственным воздействием языка новой среды проживания. Так возникают новые региональные разновидности русского языка, понятные только русскоговорящим иммигрантам той страны, где они возникли, и совершенно чуждые для жителей самой России.

“Используемый в социолингвистике термин “региональное варьирование” русского языка предполагает, прежде всего, “более или менее значительные отклонения от русской литературной нормы, которые являются следствием интерферирующего влияния языка коренного населения” (по Л. П. Крысину)” [3, с.536].

В частности, русская диаспора на территории Греции, сохраняя русский язык в “привнесённом виде”, в момент иммиграции впитала и впитывает в себя новые реалии (особенно в области делопроизводства), основываясь при их номинации на речевых механизмах русского языка, но, как правило, с учетом произношения греческого языка.

Так, например, в предложении “Не надо *тафтотит*у” [1, с.257] слово “тафтотита” — удостоверение личности — в греческом языке относится к женскому роду и в разговорной речи русскоговорящих эмигрантов фигурирует как существительное женского рода. В приведенном примере стоит в форме винительного падежа по схеме: *не надо что? Тафтотит*у вместо родительного: *не надо чего? Тафтотиты*.

То же в примерах: “Работала я в *виотехнии*” [1, с.219]. Греческое слово женского рода βιοτεχνία — “виотехния” получает окончание *ии* предложного падежа по правилам русского языка. “Я младший полицейский Ламбру. Начальник *асфалии*” [7, с.117], где существительное женского рода “асфалия”* приобретает русское окончание родительного падежа *ии*.

Есть случаи, когда греческое слово в форме единственного числа в разговорной речи иммигрантов употребляется как словоформа множественного числа: “... днем ходили торговать на *лайки* — базары**” [1, с. 132], которое склоняется по парадигме множественного числа: “... пока никто не работал, мы всем табуном чего-то продавали на “*лайках*” [1, с. 212].

На базе греческих и русских слов появляются неологизмы. Так, например,

* Орган государственной безопасности.

** Лайки - еженедельный базар под открытым небом в каждом районе города на определенной улице в определенный день, установленный муниципалитетом.

составлено новое слово путем сложения греческой основы “макро” (большой) и русского “баба”: “А еще ставропольские дамы поразили меня своими гигантскими размерами(...). Если к *макробадам* я ухитрилась привыкнуть, то к виду с обрыва на Гацлу — никак” [1, с.82-83].

Другой авторский неологизм: греческое прилагательное в сравнительной степени, образованной по законам грамматики русского языка: “Особенно усердствовал “микрос”*, ведь Илюшка был еще “микрее” [1, с. 176].

Для людей, хорошо владеющих греческим языком, характерно калькирование. Так, Владимир Малышев (корреспондент ТАСС, проживающий на территории Греции в течение 10 лет) пишет в своей книге: “И надо сказать, говорит **книгопродавец**, матерый преступник вел себя очень вежливо...” [7, с. 208] (вместо *книготорговец* или *продавец книг*). Греческое сложное слово βιβλιοπώλης в прямом переводе на русский язык значит “*книгопродавец*”, таким образом возникает калька (ср. *христопродавец*). Довольно часто наблюдается частичное калькирование в сочетании с переводом составных частей греческих собственных имен: “Мирошника не выдали России даже после того, как **Совет Эпикратиа** — высший юридический орган Эллады признал его греческое гражданство липовым” [7, с. 47].

Проблема перевода топонимов не нова. В некоторых случаях прямой перевод не оправдан, т. к. разрушается необходимая ассоциация с греческим названием, что мешает “узнаванию” топонима: “Как-то поздно вечером, прогуливаясь по набережной в городе Салоники, вдруг, не доходя до **Белой башни**** ...” [1, с. 161]. В других случаях русский перевод слова более уместен, потому что связан с общеизвестными корнями: “... на улице Макензи Кинг, прямо напротив собора **Айя София**” (“Святая София”***).

Нередко наблюдается параллельное употребление одного и того же названия по-гречески и по-русски: “Шустрая сотрудница афинской газеты “**Элефтеротипия**” Вики Сьюти ...” [7, с. 34] и “... пересказываю эти события в изложении “**Независимой газеты**”**** [7, с.216]. Иногда в результате перевода появляется тавтология: “...(дорога), которая ведет на **Акропольский холм**” [7, с. 216], потому что в греческом языке слово *акрополь* означает не только окраину города, но и укрепление (крепость) на его самой высокой точке. Следовательно, слово *холм* излишне при употреблении слова *Акрополь*.

Аббревиатуры обычно не переводятся: “Мы не претендуем ни на место **ПАСОК**, ни на место **Новой демократии**, ни **КуКуЕ*******” [1, с. 242]. ПАСОК — Всегреческая (Πανελληνίο) Социалистическая (Σοσιαλιστικό) партия (κόμμα) при переводе получила бы форму ВСП, что совершенно ничего не говорит не только “греческому уху”, но и всей русскоязычной аудитории, знакомой с политической жизнью Греции. Однако **Новая демократия** вызывает необходимую ассоциацию с названием партии Νέα Δημοκρατία в

* Маленький.

** Λευκόζ Πύργος — Белая башня.

*** Напротив собора Св. Софии.

**** Более точный перевод — “Свободная печать”.

***** КуКуЕ — Коммунистическая (Κομμουνιστικό) партия (κόμμα) Греции (Ελλάδος).

связи с наличием в русском языке таких давно заимствованных греческих корней, как *нео*, *макро*, *микро*, *демократия* и др.

Таким образом, мы рассмотрели особенности разговорной речи представителей 4ой эмиграционной волны, возникшие вследствие взаимодействия языков и непосредственного влияния инокультуры и нового мышления. Среди этих особенностей можно выделить следующие:

- 1) отображение в языке смещения концепций старого мировоззрения с новым восприятием окружающего мира;
- 2) введение в обиход элементов речи новой культуры;
- 3) употребление русского слова в значении созвучного греческого слова (интерференция);
- 4) словоизменение заимствованных из греческого языка слов и форм по нормам русского языка;
- 5) образование неологизмов в результате сложения русских и греческих слов, а также калькирование греческой лексики;
- 6) употребление имен собственных как в виде прямого перевода с греческого языка на русский, так и их фонетическое калькирование и случаи смешанного употребления.

“Очевидно, что судьба языка прямо или косвенно связана и с судьбой его носителей. Культурные, социальные, политико — идеологические, а также собственно коммуникативно — языковые аспекты их бытия сказываются и на состоянии и развитии языка как всего эмигрантского социума, так и каждой отдельно взятой языковой личности” [5, с. 539].

Русскоязычные диаспоры сегодня существуют во многих странах мира. В этих странах русский язык развивается, естественно, во взаимодействии с языком страны пребывания и с ее культурой. “Результаты такого влияния имеют первостепенное значение для дальнейших путей развития русского языка, так как слова, принадлежащие другой культуре, иной “языковой” стихии, органично входят в русский язык и отражают особенности восприятия мира и его ценностей, зависимые от инонационального окружения, территории и длительности контактов” [6, с.540].

Литература

1. Будакиду В. Улыбка с прикусом Эллады. — Афины: Изд-во “Афинский курьер”, 2003. — 304 с.
2. Гаджихмедов Н. Э. Язык межнационального и межэтнического общения в полилингвокультурной ситуации Дагестана // II Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. — М.: Изд-во МГУ, 2004. — С. 535-536.
3. Гамалей Т. В. Деструкция функционально — стилистической системы русского языка в зоне языкового контактирования // II Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы — М.: Изд-во МГУ, 2004. — С. 536-537.
4. Гольцева О. Н., Городилова Г. Г. “Черный квадрат” в языковой картине

мира романа Андрея Белого “Москва” / II Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. — М.: Изд-во МГУ, 2004 — С. 114-115.

5. Жданова В. Лингвистические индикаторы идентификационных стратегий иммигрантов — билингвов // II Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы — М.: Изд-во МГУ, 2004 — С. 539.

6. Журавлева Е. А. Влияние культурно — языковых контактов на лексическую систему русского языка // II Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. — М.: Изд-во МГУ, 2004 — С. 539-540.

7. Малышев В. Греческие тайны и секреты.— Афины: Скорпион, 2004. — 272 с.

Статья поступила в редакцию 16 сентября 2004 г.

УДК 81'243:378.147

В. И. Невойт

ФОНОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАИМЕНОВАНИЙ РАСТЕНИЙ

В настоящее время уже не вызывает сомнения тот факт, что одной из составных частей сложного многокомпонентного феномена, называемого лексическим значением слова, является некий лексический фон, содержание которого суть определённые знания о предмете номинации, терминологизированные особенностями культуры и мировоззрения народа-носителя определённого языка. Эта составляющая семантики слова не всегда представлена эксплицитно в виде отдельных сем или целых лексико-семантических вариантов. Однако она, безусловно, играет важную роль в функционировании слов, так как зачастую именно лексический фон определяет контексты их употребления, является базой для развития переносных значений, служит ключом для адекватного и полного понимания пословиц, поговорок и фразеологизмов.

Поэтому в последние десятилетия XX века проблемы обнаружения и описания лексического фона отдельных слов и групп слов были предметом пристального внимания лексикологов. Достаточно назвать неоднократно проводимые конференции, посвящённые проблемам соотношения языка и культуры, проблемам лингвострановедения и культуроведения в преподавании русского языка. Интерес к этой стороне лексической семантики не ослабевает и сейчас. Об этом свидетельствуют публикации недавнего времени, среди которых наиболее содержательными являются сборники “Слово и текст в диалоге культур” [2], “Межкультурная коммуникация” [1] и другие.

Установлено, что лексическим фоном обладают 90% слов любого языка. Но значимость фоновых характеристик, их ёмкость и глубина различны, почти индивидуальны у каждого слова. Очевидно, что наиболее яркие фоновые ха-

раактеристики присущи словам, как правило, древним и, что самое важное, тесно связанным с жизнью носителей языка. Таковыми, среди прочих, являются наименования растений, ибо они суть неотъемлемая часть окружающей среды, спутники и зачастую источники жизни человека, поскольку были и остаются продуктами питания, сырьём для лекарств, материалом для изготовления необходимых в быту предметов (мебели, посуды и др.).

Целью данного исследования является анализ лексического фона наименований растений, главным образом, русского языка, а также украинского. Для сравнения привлекался и соответствующий материал английского языка. Задачи исследования определялись тем, что для достижения указанной цели необходимо было изучить словарные дефиниции наименований указанной тематической группы, проанализировать контексты их употребления, выяснить содержательные особенности их производных и степень активности использования указанных наименований во фразеологизмах, пословицах, поговорках и сравнительных оборотах.

Как показал анализ, практически все рассмотренные наименования растительного мира имеют фоновые характеристики. Правда, их объём, эмоциональная окрашенность и интенсивность различны. Максимально фоновыми являются слова БЕРЕЗА, ДУБ, КЛЁН, РОМАШКА, МАЛИНА и др. Определённые растения превращаются даже в национально-патриотические символы. Таковыми, как известно, в русской ментальности стала БЕРЕЗА, в украинском сознании фитосимволами выступают ВЕРБА, КАЛИНА и БАРВИНОК. Напомним, что для англичан в национальный символ превратился ДУБ, для канадцев — КЛЁН, а для японцев — вишня (САКУРА).

Всё это также проецируется на соответствующие наименования, определяя специфику их национальной маркированности, а значит — и контексты употребления. В то же время лексический фон других наименований флоры (например, ГРАБ, ПИХТА, ОСОКОРЬ) представлен менее значительными, но всё же национально маркированными характеристиками.

Объём и глубина лексического фона указанных наименований определяется не только типичностью, распространённостью, спектром использования денотата, но и отношением к нему со стороны носителей языка. Иначе говоря, мировидение и его отражение в языках основывается не только на объективных характеристиках предметов, но и на некоем их “переживании”, на эмоциональном отношении к ним. В соответствии с этим растения начинают играть роль эталонов внешних и внутренних качеств человека. Вспомним сравнения типа украинского ПРЯМИЙ ЯК СОСНА или ВИСОКИЙ ЯК ЯСЕНЬ, а также русского ДУБОВАЯ ГОЛОВА, ДУБ-ДУБОМ для обозначения глупости и тулости. Сравнение лексических фонов русских слов с аналогичной частью семантики их понятийных эквивалентов в других языках показало, что даже в близкородственных (например, русском и украинском языках), а тем более в не родственных языках, нет абсолютно фоновых адекватных слов среди наименований деревьев. Такая ситуация закономерна, поскольку сам лексический фон является отражением национального восприятия мира. Если попы-

таться составить градационную таблицу, в которой были бы представлены рассматриваемые слова разных языков в порядке убывания степени интенсивности и яркости лексического фона, то картины бы получились разные. В русском языке последовательность слов может выглядеть приблизительно так: БЕРЕЗА, РЯБИНА, ДУБ, ЛИПА, КЛЁН, ЯСЕНЬ, ВЕРБА, АКАЦИЯ, ТОПОЛЬ и т. д. Завершать такую таблицу могли бы слова КАШТАН, ОЛЬХА, СОСНА как таковые, которые почти не имеют фоновых характеристик. В украинском языке первые позиции в аналогичной таблице занимают слова ВЕРБА, ТОПОЛЯ, затем — БУК, СМЕРЕКА, КАШТАН, АКАЦІЯ, ДУБ, ЯСЕН, ЯВІР, БЕРЕЗА, ОСИКА и т. д.

Даже в тех случаях, когда фон слов по объёму и значимости адекватен у эквивалентных слов разных языков, по конкретному наполнению он не совпадает. Так, фоновые характеристики русского слова БЕРЕЗА многообразны. В первую очередь, следует вспомнить, что соответствующий денотат стал символом России, русской природы. Следующая особенность связана с тем, что в русском сознании дерево берёза ассоциируется с девушкой, с нежностью и женственностью. Не менее яркой является часть лексического фона данного слова, связанная с использованием её прутьев как средства наказания, нашедшая отражение во фразеологизме НАКОРМИТЬ БЕРЕЗОВОЙ КАШЕЙ или ИСПРОБОВАТЬ БЕРЕЗОВОЙ КАШИ. Фоново значимыми являются и такие понятия, как БЕРЕЗОВЫЙ СОК, БЕРЕЗОВЫЙ ВЕНИК и БЕРЕЗОВЫЕ РОЗГИ, а также БЕРЕЗОВКА “водка”.

Украинское слово БЕРЕЗА лишь частично совпадает с русским в отношении лексического фона. Соответствующее дерево не является национальным символом Украины (такovým является ВЕРБА). Чуждым для украинского быта является и БЕРЕЗОВЫЙ ВЕНИК в виду отсутствия “банной культуры” как таковой. Зато дерево берёза для украинцев — это не только символ девичьей чистоты, но и весны. К такому выводу подводит украинское название первого весеннего месяца — БЕРЕЗЕНЬ.

Логично предположить, что в генетически более отдалённом европейском языке (например, английском) лексические фоны эквивалентных слов (в данном случае — рус. БЕРЕЗА, укр. БЕРЕЗА и англ. BIRCH) вообще будут различными. В целом, так и оказалось. Тем более интересен факт частичного совпадения фоновых характеристик, который связан с уже упомянутым выше специфическим применением берёзовых прутьев в качестве средства наказания. Об этом свидетельствует английское производное BIRCH-ROD “розга” и значение глагола BIRCH “сечь розгами”.

Ещё одно немаловажное наблюдение: как правило, у понятийно эквивалентных слов разной степени родственной отдалённости совпадает та часть лексического фона, которая порождается объективными характеристиками реалей. Так, дерево дуб в сознании и русских, и украинцев, и англичан является олицетворением крепости, силы, что подтверждается и лексическим материалом. Бросающейся в глаза особенностью дерева осины является её постоянное дрожание. Отсюда --- символика страха (во всех названных языках аб-

солютно адекватное и по форме, и по содержанию выражение, в русском варианте выглядящее как “ДРОЖАТЬ КАК ОСИНОВЫЙ ЛИСТ”). Верба у всех трёх народов является эталоном гибкости.

Однако то в лексическом фоне, что детерминировано особенностями жизни, быта, географии, верованиями и т. д., является различным у слов разных языков. Так, дуб для русских и украинцев это ещё и символ тупости, а для англичан — это национальный символ (срв. ОАК-ДАУ= 29 мая — день реставрации Чарльза II). В русском и украинском мифологическом сознании осина считалась защитой от упырей и вампиров, отсюда понятие осинового кола и выражение ВБИТЬ ОСИНОВЫЙ КОЛ, то есть “поставить точку в чём-либо; прекратить что-либо”. Это нехарактерно для лексического фона соответствующего английского наименования.

Как уже отмечалось выше, внепонятийная информация в большинстве случаев хранится в слове имплицитно. Это значит, что знания, ассоциирующиеся со словом, не всегда представлены в языковой семантике. Но они существуют в памяти людей и актуализируются по мере необходимости и в определённом объёме в конкретной речевой ситуации. Вместе с тем нередки и случаи, когда эти знания эксплицируются в каких-либо лингвистических фактах, в частности, определяют речевые особенности слова. Это могут быть специфические контексты употребления и частотность использования в сравнении с другими словами той же тематической группы. Именно анализ макро- и микроконтекстов употребления способствовал установлению символичности названий БЕРЕЗА для русского языка и ВЕРБА, КАЛИНА, ТОПОЛЯ- для украинского. Яркой и своеобразной языковой презентацией фоновых характеристик являются фиксируемые словарями переносные значения и употребления указанных наименований. Например: переносное значение слова ЛИПА “обман, подделка, фальсификация”, характерное лишь для восточнославянских языков, свидетельствует о существенном отличии лексического фона этого восточнославянского наименования от его эквивалентов в других языках. Одной из лингвистических экспликаций является использование слов-названий флоры в качестве стержневых в пословицах и поговорках, а также производные от соответствующих наименований, особенно в сочетании с лексической валентностью (например, КЛЕНОВЫЙ листок, КЛЕНОВАЯ ветка имеют универсальный лингво-культурный статус, а КЛЕНОВЫЙ сироп — национально-маркированный в пользу инокультуры, тогда как понятие БЕРЕЗОВОГО сока является принадлежностью отечественной культуры). Лексический фон слова в определённой степени может быть представлен в сохраняющей свою прозрачность внутренней форме, так как она сигнализирует о том, каким представлялась реальность субъектам речи в момент её наименования, что именно в ней было особенно актуальным. Достаточно выразительными в этом смысле можно считать слова ПОДСНЕЖНИК, ПОДСОЛНУХ, МАТЬ-И-МАЧЕХА, НЕЗАБУДКА, АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ (срв., укр. БРАТКИ) и др.

Своеобразным открытием явилось осознание того, что и грамматическое оформление слова также может считаться частью лексического фона ибо яв-

ляется культурологически и национально информативным, поскольку сигнализирует об определённом взгляде на реалию, о её восприятии. Речь идёт о том, что наименования плодовых деревьев древнейшего происхождения являются в русском и украинском языках словами женского рода (ВИШНЯ, ЧЕРЕШНЯ, ГРУША, СЛИВА). Можно предположить, что в момент номинирования в сознании субъектов номинации они ассоциировались с женским началом, в частности со способностью произвести на свет плод. Своеобразным подтверждением этой мысли может служить пара ЯБЛОНЯ и ЯБЛОКО. Исходя из их принадлежности к грамматическому роду, можно сделать вывод, что отношения между растением и плодом в сознании носителей языка в момент рождения названия отождествлялись с отношениями типа “мать” и “дитя”. Названия же плодовых деревьев более позднего происхождения являются, в основном, заимствованными и в соответствии со своим грамматическим оформлением, как правило, классифицируются как существительные мужского рода (АБРИКОС, АПЕЛЬСИН, ПЕРСИК, ГРАНАТ). 80% наименований ягод также являются словами женского рода. Возможно, это продиктовано грамматическими характеристиками гиперонима ЯГОДА. Но не исключено, что, как и в случае с наименованиями плодовых деревьев, принадлежность их к грамматическому роду детерминирована представлением о данных растениях как о способных родить.

Грамматическое оформление наименований неплодовых деревьев может быть объяснено иными причинами. Здесь определяющими были, очевидно, ассоциации, вызываемые с внешним видом растения. Названия деревьев с относительно тонкими стеблями и ветками, с небольшими листьями, производящие впечатление лёгкости, хрупкости, гибкости, слабости — это слова женского рода (БЕРЁЗА, ОСИНА, ЛИПА, ИВА, тем более “плакучая”), а названия деревьев, больших по размерам, с толстым стволом (ср., “в три обхвата”), с крупными листьями — это слова мужского рода (ДУБ, КЛЁН, ЯСЕНЬ). Тем не менее, и эти факты также подтверждают мысль о том, что грамматическое оформление названий неплодовых деревьев отражает определённое видение реалии, определённое отношение к ней, то есть является страноведчески значимым и национально маркированным. Иллюстрацией может служить факт расхождение в принадлежности к грамматическому роду слова ТОПОЛЬ в русском языке, где оно классифицируется как существительное мужского рода, и в украинском, где ТОПОЛЯ — слово женского рода. Возможно, это вызвано тем, что внешние характеристики у соответствующего дерева нечётко определены: стройность, утончённость, наличие “серёжек” сближает с представлением о женщине, но в то же время, большая высота и достаточно крепкий ствол ассоциируются со статностью мужчин. Отметим, что и в русской речи встречаются высказывания типа: “А была она сухонькая и пряменькая, ровно молодой тополёк” (Станюк).

Таким образом, основные выводы, вытекающие из проведенного исследования, сводятся к тому, что подавляющее большинство наименований растений обладают специфическим лексическим фоном, который детерминирован

как объективными характеристиками реалий, так и отношением к ним со стороны носителей языка. Понятийно эквивалентные названия флоры разных языков никогда не совпадают полностью в части своего лексического фона. В отдельных случаях они бывают даже абсолютно противоположными по фоновым характеристикам. Как правило, совпадает та часть лексического фона, которая связана с внешними особенностями денотата, но часть фона, порождаемая национально-культурными факторами, всегда различна. Лексический фон влияет на языковые и речевые особенности слова. В свою очередь, именно эти особенности и позволяют обнаружить и описать лексический фон. Одним из источников информации культурологического характера, вызываемых в сознании людей словами-наименованиями растений, является его грамматическое оформление, в частности, принадлежность к грамматическому роду. Изыскания, подобные проведенному, безусловно, вносят определённый вклад в разработку теории лексического фона вообще.

Литература

1. Межкультурная коммуникация: к проблеме формирования толерантной языковой личности в системе вузовского и школьного лингвистического образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 1, 2 — Уфа, 2001.

2. Слово и текст в диалоге культур. Юбилейный сборник. — М., 2000.

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2004 г.

УДК 811.161.1'243

Цинь Жуй

ОБЩЕСЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАИМЕНОВАНИЙ ОБУВИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Анализ семантики различных пластов лексической системы языка всегда представлял собой одно из актуальных направлений лингвистических исследований, поскольку значение слова достаточно сложное и многогранное психолингвистическое явление, ещё до конца не изученное. Одним из возможных аспектов семантических разработок является изучение особенностей содержательной стороны слов, объединённых по какому-либо признаку (например, темой), так как подобные объединения являются фрагментом системы в целом и, как таковые, отражают особенности этой системы. Изучением лексической семантики по теме занималось много лингвистов, в том числе Акулова Е. А. [4], Пяст Н. Й. [5], Савич. Г. [6].

Материалом для данного исследования послужили названия обуви, функционирующие в современном русском языке. Выбор этой группы слов мотивирован тем, что указанные названия активно употребляются в сфере по-

вседневного общения. К тому же они выполняют не только примитивно-номинативную функцию, но и в ряде случаев выступают как образные номинации. Семантические особенности слов указанной группы отражают характерные особенности лексико-семантической системы в целом.

Целью статьи является описание особенностей семантики слов, служащих в современном русском языке наименованиями обуви. Достижение этой цели предполагало определение характера значения данной лексической группы в целом и отдельных её элементов, анализ семантической структуры многозначных слов и исследование особенностей взаимоотношений между их лексико-семантическими вариантами.

Яркой, бросающейся в глаза в первую очередь, семантической особенностью слов указанного лексического объединения является чётко выраженная денотативная отнесённость слов, номинативность их семантики, связанная с тем, что рассмотренные лексемы являются наименованиями конкретных предметов действительности. В связи с этим вполне закономерным можно считать тот факт, что большая часть проанализированных слов обладает чётко очерченным объёмом семантики. Например, такие слова: сапоги это род обуви с высокими голенищами [ССРЛЯ, XIII, 175-176], башмак род низкой обуви, обычно женской [ССРЛЯ, I, 302].

Следует также отметить, что среди выбранных для анализа наблюдаются и слова с нечёткими ономастическими границами. Например, слово обувь, которое не называет конкретного предмета в этой сфере, а выражает соответствующее понятие в наиболее общем виде. В этом случае можно говорить о том, что их семантика носит в большей степени не денотативный, а сигнификативный характер. В свою очередь, это напрямую связывается с парадигматическими характеристиками слова, то есть с его местом в системе лексических единиц.

Именно на противопоставлении общей и конкретной семантики основывается определение родо-видовых отношений в лексике. В данном случае речь идёт об отношениях между словами обувь, с одной стороны, и, например, сапог, туфля и т. д. с другой. В свою очередь, эти родо-видовые отношения помогают выявить такие слова, которые занимают промежуточное положение между общими и конкретными названиями. Речь идёт о слове туфли, которое по отношению к лексеме обувь является видовым понятием (сравн. туфли например, род обуви, закрывающей ногу не выше щиколотки [ССРЛЯ, XV, 1169]). Однако по отношению к словам типа лодочка, тапочка оно выполняет функцию родового понятия, о чём свидетельствуют также словарные дефиниции, которые не обходятся без этого слова (сравн., лодочки открытые дамские туфли без застёжки [ССРЛЯ, VI, 322], тапочки легкие (спортивные) туфли без каблуков [ССРЛЯ, XV, 108]). Таким образом, среди проанализированных лексем обнаруживаются слова с разным объёмом семантики, а именно: с общей семантикой (обувь), с конкретной семантикой (ботинки, лодочки, сандалий и т. д.), с обобщённо конкретной семантикой (туфли, сапоги). И именно на основе характера семантики выстраиваются

системные отношения внутри данной тематической группы.

Несмотря на достаточно жёсткую предметную отнесённость, предполагающую в основном номинативное употребление этих лексических единиц, в некоторых из них обнаруживают достаточно яркие прагматические и фоновые семантические характеристики.

Важным аспектом описания особенностей лексической семантики является анализ степени сложности не только отдельного значения, но всей семантической структуры слова в целом. Такой анализ предполагает установление количества значений (или лексико-семантических вариантов) слова и выяснение характера их взаимоотношений в пределах семантической структуры лексемы.

В результате проведенного исследования было установлено, что наиболее распространёнными в данном лексическом объединении являются однозначные слова. Они составляют 68% всех рассматриваемых единиц (например, валенки, кеды, шлёпанцы), двузначные лексемы 27% (например, сандалии, бахилы, танкетка). И два слова имеют более двух значений (босоножки, шпилька).

Наличие в семантике эмоционально-оценочных компонентов, стилистической маркированности, при помощи которых выражено определённое отношение говорящего к тому, о чём говорится, может быть представлено в виде отдельных сем в составе значения (например, как у слова шкары, или бахилы). Чаще наблюдается переплетение и взаимообусловленность прагматических характеристик с фоновыми, предполагающие определённые знания носителей языка о предмете. Отсюда и эмоционально-экспрессивное отношение к нему.

Взаимодействие указанных аспектов эксплицируется либо в виде отдельных самостоятельных переносных значений в семантической структуре слова (например, лапоть о невежественном, некультурном, отсталом человеке [ССРЛЯ, VI, 63]), либо в виде переносных употреблений. Например, как со словом стелька (сравн. выражения пьян как стелька или пьян в стельку, которые активно используются в разговорной речи).

Наименования обуви, семантическая структура которых состоит более, чем из одного значения, в зависимости от характера отношений между этими значениями могут быть разделены на две основные группы.

Первую группу составляют слова, у которых значения связаны отношениями производности, а другая представлена словами, у которых значения не зависимы друг от друга. Проанализируем подробнее каждую из этих групп.

В группе слов с производными отношениями между отдельными лексико-семантическими вариантами значительную часть составляют лексические единицы, у которых главным, первым, номинативным значением является наименование определённого вида обуви. Это напр.: туфельки — род обуви, закрывающей ногу не выше щиколотки [ССРЛЯ, XV, 1169], подошва — нижняя часть, низ обуви под ступней [ССРЛЯ, X, 520-521]. Всего таких слов насчитывается в данной группе 9.

Вторые значения этих слов являются производными от первых, т. е. образованы от них в результате различного рода семантических переносов. Однако у таких двузначных слов, как туфельки, башмак, башмачок, сапожки, подошва, исходная образность утратилась и их вторые значения превратились в различного рода термины (технические, биологические и т. д.), то есть, их вторичные значения в настоящее время также являются номинативными. напр., слово туфельки в своём втором значении — это простейшие организмы класса инфузорий, обитающие в пресной воде. [БТСРЯ, 1354]. Это значение образовалось в результате метафорического переноса по внешнему сходству, а именно, по сходству формы. Значение лексемы подошва “нижняя часть, основание (горы, холма и т. п.)” [ССРЛЯ, X, 520-521] было произведено от первого номинативного значения “нижняя часть, низ обуви под ступней” (там же), и уже упомянутого выше. Семантическим основанием для его возникновения также явилось внешнее сходство. Сегодня мы используем словосочетаниями подошва чайника, подошва утюга, уже не думая о первичном значении, которое связано с обувью.

Вместе с тем есть и лексемы, у которых второе, производное значение не только не потеряло своей фигуральности, но и активно используется в речи как таковое. Напр., вторым значением слова лапоть, зафиксированным в словаре, является такое: о невежественном, некультурном, отсталом человеке. Это значение наиболее ярко реализуется в оборотах лаптем щи хлебать — жить в нищете, невежестве, быть отсталым, некультурным [ФСРЯ, 507], плести лапти — неумело, бестолково делать что-либо, путать [ФСРЯ, 322]. Подобная ситуация сложилась со словом сапоги. Его второе значение в своё время, очевидно, образовалось путём метафорического переноса от первого. И определяется как о невежественном, ничего не понимающем в чем-либо человеке [ССРЛЯ, XIII, 175-176]. Как видно из проведенного анализа, образные значения для характеристики человека, при этом характеристика является негативной.

Особую позицию в рассматриваемом лексическом объединении занимают двузначные слова, которые являются наименованиями обуви лишь во втором из своих значений. Это значение также появилось в результате семантических переносов. Речь идёт о словах лодочка, танкетка, пуанты. Первое значение у слова лодочка “небольшое судно”. А второе значение получилось в результате метафорического переноса (сходство по форме). У слова танкетка, первым для которого является обозначение подошвы определённого вида (или форме). Второе значение “легкие женские туфли на такой подошве” [ССРЛЯ, XV, 98] было произведено от первого “сплошная подошва, утолщающаяся от носка к пятке” в результате метонимии. В то же время слово танкетка имеет омоним со значением малый быстроходный танк, оснащенный пулеметами. Слово пуанты также связано с переносом метонимического характера. Оно называет твердые носки балетных туфель [ССРЛЯ, XI, 1645], используется как туфли с таким носком (сравн., стоять на пуантах).

Третий тип зависимости между лексическими вариантами представлен словом босоножка, которое имеет 3 значения: человек, ходящий босиком, босой; артистка, танцующая босиком; и род женских открытых сандалий [ССРЛЯ, I, 590]. Здесь отсутствует вышеуказанный способ производности, так как эти значения независимы друг от друга. Но они имеют одну семантическую основу — это внутренняя форма слова (босая нога). Также, например, первичным значением у слова шпилька является приспособление для закаливания волос в причёске, согнутая пополам проволока или что-либо такой формы [БТСРЯ, 1504]. От него произведено в результате метафорического переноса значение “тонкий высокий каблук женской туфли” (там же). Третье значение “колкое, язвительное замечание, колкость” (там же) образовалось также от первого, сохраняя образность. Это свидетельствует о том, что значения слова, возникающие как переносные, со временем могут утрачивать это качество.

Проведенное исследование показало, что семантика большей части проанализированных слов носит денотативный характер. В то же время они могут иметь разный объём значения, а именно: среди них есть слова с общим, конкретным и с обобщённо конкретным значением. В основном рассмотренные слова являются однозначными (68%). У слов с более сложной семантической структурой обнаруживаются разные типы отношений между отдельными лексико-семантическими вариантами.

Литература

1. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти томах М.1948-1975 г. (В тексте название словаря сокращено как ССРЛЯ, римской обозначен том, арабская страница).
2. Фразеологический словарь русского языка / под ред. Молсткова А. И. М. 1986.
3. Большой толковый словарь русского языка / Кузнецов С. А. СПб.2003.
4. Акулова Елена Александровна. Лексико-семантическая группа существительных со значением «искусство» в современном русском языке: дис. канд. филол. наук: 10.02.02 / Национальный педагогический ун-т им. М. П. Драгоманова. К., 1998.
5. П'яст Наталя Йосипівна. Формування тематичної групи «назви посуду» в сучасній українській літературній мові: Автореф. дис. канд. філол. наук: 10.02.01 / Національний педагогічний ун-т м. М. П. Драгоманова. К., 2003.
6. Саєвич Ірина Георгіївна. Назви музичних інструментів у сучасній російській мові: функціональний та культурологічний аспекти: Дис. канд. філол. наук: 10.02.02 / Львівський держ. ун-т ім. Івана Франка. Л., 1999.

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2004 г.

Н. И. Николенко

**УКРАИНСКИЕ ЛЕКСЕМЫ
“НЕЗАЛЕЖНОСТЬ”, “ДЕРЖАВНИЙ”, “САМОСТИЙНИЙ”, “МОВА”
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Как отмечают украинские исследователи Л. А. Кудрявцева, Л. П. Дядечко, А. А. Черненко, И. А. Филатенко, “язык СМИ — это новая формирующаяся разновидность языка, которая оказывает на систему общенациональных языков наибольшее влияние и при этом является тем лакмусом, который первый обнаруживает тенденции, намечающиеся в развитии данной системы” [2; 435].

Язык СМИ обладает ярко выраженными социальными признаками и оказывает воздействие на социальные, экономические, культурные стороны жизни, а также в значительной мере формирует языковое сознание людей, поэтому он послужил материалом для анализа.

Российские ученые к основным чертам, характерным для языка СМИ сегодня, относят:

- 1) количественное и качественное усложнение сфер речевой коммуникации;
- 2) разнообразие норм речевого поведения отдельных социальных групп, свойственное современной речевой коммуникации, которое находит отражение в языковой действительности СМИ;
- 3) демократизацию публицистического стиля и расширение нормативных границ языка массовой коммуникации;
- 4) “американизацию” языка СМИ;
- 5) следование речевой моде [1; 427].

Характеризуя русский язык масс-медиа Украины, необходимо добавить “украинизацию” русскоязычных СМИ, которая проявляется в использовании украинизмов для создания национального колорита (и тем самым для усиления экспрессивности текста), в употреблении прямых включений словосочетаний и предложений на украинском языке в речи как характерологического средства, во введении в текст аутентичной украинской ономастической, в частности топонимической, лексики и т. д.

Цель настоящей статьи: рассмотреть функционирование украинских лексем “незалежність” (“незалежный”), “самостійність” (“самостийный”), “державний” (“держава”), “мова” в русском языке средств массовой информации Украины и России; определить функцию перечисленных лексем в русском дискурсе.

Анализируя дискурс СМИ, можно сказать, что лексем “незалежність”, “державність”, “самостійність” и “мова” создают социально-политический образ “новой Украины”. В рамках создания этого образа намечается возрождение национальной идеи, с которой связывают надежды на духовный расцвет нации, выход страны из кризиса.

Наиболее частотными в употреблении (46% из всех отмеченных нами примеров включения украинских лексем в русскую речь СМИ) являются слова “незалежность” (“незалежный”) (16%), “самостийный” (“самостийность”) (13%), “державный” (“держава”, “державность”) (9%), “мова” (8%).

Первое место среди перечисленных лексем по частотности занимает слово “незалежность” (“незалежный”). Главным праздником “новой Украины” является День Незалежности (не Независимости), а одним из символов — Майдан Незалежности.

В словаре украинского языка слово “незалежный” дается в следующих ЛСВ: “1. який не залежить від кого-, чого-небудь, не підкоряється комусь, чомусь; 2. самостійний у міжнародних відносинах та у внутрішніх справах; суверенний” [4; 308]. В русском дискурсе лексемы “незалежность”, “незалежный” свидетельствуют о том, что речь идет об украинском государстве: “Таков сегодня порядок в незалежной” (Крымская правда, 05.03.2004); “Прошло не так уж много времени, но от чувства “горячей признательности” к братскому русскому народу в незалежной Украине не осталось и следа” (Крымская правда, 03.02.2004).

На наш взгляд, украинские лексемы “незалежность”, “незалежный” в речи жителей Украины постепенно вытесняют русские лексемы “независимость”, “независимый” в сочетаниях “независимая Украина”, “независимость Украины” и подобных. Подтверждением этому служат многочисленные случаи употребления данного слова в русскоязычных передачах на украинском телевидении: “При советской власти не было понятия “национальность”, а сейчас, при незалежности, об этом заговорили” (Интер, “N-километр”, 14.05.2004, из речи человека крымско-татарской национальности); “Я голосовал против незалежности” (Интер, “Большая стирка по-украински”, 17.08.2004).

Слова “незалежный”, “самостийный” и “мова” являются украинскими лексемами и не входят в словарный состав современного русского языка.

Неотъемлемую часть образа “новой незалежной Украины” составляет украинский язык. Сочетание “украинский язык” в русском дискурсе все чаще заменяют одной украинской лексемой — “мова”. Например, в периодической печати: “Зато справочники и методички-инструкции, особенно по юриспруденции и делопроизводству, словом, все, что навязывается сверху на государственной мове — это в ходу” (Крымская правда, 11.02.2004); “Поток обращений обрушили они на президента и правительственные органы, стремясь искусственно создать впечатление общенародного требования заставить “российских шовинистов” отказать от своего родного языка и немедленно перейти на “мову” (Крымская правда, 24.05.2003). По словарю украинского языка “мова — 1. здатність людини говорити, висловлювати свої думки; 2. сукупність доволно відтворюваних загально-прийнятих у межах даного суспільства звукових знаків для об’єктивно існуючих явищ і понять, а також загальноприйнятих правил їх комбінування у процесі вираження думок; 3. мовлення, властиве кому-небудь; манера говорити; 4. те, що говорять, чий-небудь слова, вислови” [3; 768-769].

Лексема “мова”, употребляясь в речи масс-медиа, имеет ярко выраженную политическую коннотацию, особенно в СМИ Крыма и Восточной Украины.

Лексемы “мова”, “незалежність” и “самостійність” употребляются при описаниях русско-украинских отношений и в российских СМИ: “Язык Достоевского или *“мова окупантів”?*” (Российская газета, 30.10.1999), “Вести из *Незалежної*” (Дуэль, 16.10.2001), “Однако нынешние украинские СМИ имеют свои особенности... за без малого 10 лет *“незалежного”* плавання очи накопили некий опыт” (Русский журнал, 26.03.1999), заголовок статьи об Украине: “*Незалежність* слили в трубу” (Спецназ России, апрель 2001 г.); “*Самостійний*” глобус” (о глобусе, сделанном в Украине) (Завтра, 31.07.2001), “Блеск и пиццета *“самостійної”*” (статья об Украине) (Дуэль, 12.07.2001), “Он (Олесь Бузина) пропагандирует *самостійність* Украшны” (А. Малахов, ТВ, “Большая стирка по-украински”, 17.08.2004).

Лексема “самостійний” употребляется в украинском языке в следующих значениях: “1. який не перебуває під чієюсь владою; не підпорядкований. не підлеглий кому-, чому-небудь (про держави, політичні організації тощо); 2. відособлений від інших; який в ряді інших має значення сам по собі, окремий; 3. який здійснюється своїми силами чи з власної ініціативи, без сторонньої допомоги або керівництва” [5; 768-769].

Впрочем, слово “самостійность” есть и в других славянских языках и сфера его употребления несколько шире. Например: “*Цезарь жгелал покончить с этой понтийской самостійностью*” (С. Мерцалов, “Хронограф”, Русское радио, 12.07.2004); “*Я и самостійно вел переговори...*” (Е. И. Примаков, ТВ, “Вести недели”, 27.10.2002).

Лексема “державна” является общеславянской по происхождению. Она образована от *държа* — “владычество, могущество”, сохранившееся ныне лишь в диалектах, с помощью суффикса — *ава*. Сл. *държа* в свою очередь является образованием от основы *dъrg-*, выступающей в *дъргать*, с суф. *j, dj > ж* [8; 124]. Эта лексема входит в состав обоих языков, но различается стилистической окраской.

В современном украинском языке “державна” — это общеупотребительная нейтральная лексема со значением “государство” [7; 127].

В современном русском языке слово “державна” относится к книжной лексике (в словаре дается с пометой *высок.*) и имеет следующие значения:

- 1) “независимое государство (обычно большое и сильное);
- 2) о стране, имеющей всемирно значимые достижения в какой-либо области: военной, экономической, спортивной и т. п.” [6; 204-205].

В русском языке наряду с лексемой “державна” функционируют синонимы “страна”, “государство”, среди которых “страна” — разговорная, нейтральная лексема; “государство” — нейтральная, официальная; “державна” — книжная, высокая.

При переносе украинского слова “державна” (государство) в русскую речь происходит коннотация дополнительных значений (государство большое и сильное, независимое), что придает тексту стилистическую окраску возвышенности, не свойственную современной газетной публицистике. Например: “*Потому что нью-Тузла — это своего рода визитная карточка оплота державной*

границы” (Крымская правда, 01.07.2004); “Процесс, который называют “русификацией”, возник значительно позже, когда часть украинской интеллигенции начала мечтать о независимой от России национальной державе” (Крымская правда, 24.05.2003); “Я думаю, что цель сегодняшнего мероприятия (премии самым талантливым молодым людям района) достигнута — оценен потенциал нашей гордости, будущего нашей державы” (Комсомольская правда в Украине, 07.07.2004); “Он имеет только один язык — украинский и только с ним может осуществлять себя и свою державу” (Крымская правда, 04.06.2003). В приведенных примерах речь идет об Украине, поэтому лексема “держава” в них воспринимается как украинизм и служит для усиления экспрессивности текста, создает иронический эффект. В русском контексте следовало бы употреблять слова “государство”, “страна”.

В таком же значении выступает слово “держава” в сочетании “незалежная держава”: “Хотя на него (о. Тузла), а стало быть, и на суверенитет незалежной державы, как выяснилось, никто не зарится” (Крымская правда, 01.07.2004); “Коснувшись с нового года периодики, он (НДС) не обошел и книжную продукцию, производимую в пределах незалежной державы” (Крымская правда, 11.02.2004). Выражение “незалежная держава”, употребляясь в русском языке, становится тавтологией, что создает еще более сильный иронический эффект.

Употребление украинских лексем в русской речи является также современной речевой модой, о чем свидетельствуют примеры включения украинизмов в свои произведения современными российскими писателями (“Нема за що” (А. Маринина “Светлый лик смерти”), “А як же ж” (Д. Донцова “Букет ядовитых ягод”), в кино (“Шерше ля фам — шукаем вумен” (телесериал “Российское лекарство”)).

Выводы

Языковая действительность, реализуемая в речевой практике СМИ, отражает все “болевы точки” нашего времени, обнаруживая при этом зависимость формируемого образа государства от масс-медиа. И необходимо признать, что русскоязычные СМИ, говоря об Украине, используют лексемы “незалежность”, “самостийность”, “державность”, “мова” чаще с целью создания иронического эффекта.

Однако какова бы ни была цель включения украинских слов в русский дискурс СМИ, многочисленные факты их употребления позволяют говорить о том, что они стали фактами языка. В настоящее время, на наш взгляд, уже можно утверждать, что в определенных контекстах украинские и русские лексемы выступают как взаимозаменяемые, при этом чаще употребляются украинские, придающие тексту эмоциональную окраску (часто политическую, скрытую):

независимая Украина = незалежная Украина = незалежная;
независимое государство = незалежная держава;
украинское государство = украинская держава = держава;
государственный = державный;

украинский язык (= государственный язык) = украинская мова = державная мова = мова;

самостоятельная Украина = самостийная Украина;

самостоятельность = самостийность.

Использование украинских лексем в русском языке СМИ — это тенденция, намечающаяся в развитии русского языка в целом. Мы считаем, что на наших глазах происходит заимствование украинских лексем в современный русский язык.

Литература

1. Володина М. Н. Влияние языка СМИ на современный русский язык. // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2004 г.): Труды и материалы. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — С. 427.

2. Кудрявцева Л. А., Дядечко Л. П., Черненко А. А., Филатенко И. А. Формирование и развитие языка массовой коммуникации в современном информационном обществе. // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2004 г.): Труды и материалы. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — С. 435-436.

3. Словник української мови. Т. 4. — Київ: Наукова думка, 1973. — 840 с.

4. Словник української мови. Т. 5. — Київ: Наукова думка, 1974. — 840 с.

5. Словник української мови. Т. 9. — Київ: Наукова думка, 1978. — 840 с.

6. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г. Н. Складневской. — СПб.: Фолио-Пресс, 2002. — 700 с.

7. Украинско-русский и русско-украинский словарь. — Харьков: Свитовид, 2002. — 576 с.

8. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. — М.: Просвещение, 1971. — 524 с.

Статья поступила в редакцию 14 октября 2004 г.

УДК 81'366.58

Н. В. Андросюк

МЕСТО ДВУВИДОВЫХ ГЛАГОЛОВ В АСПЕКТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В ходе развития аспектологии внимание учёных неоднократно привлекали так называемые двувидовые глаголы. Анализ двувидовых глаголов содержится в работах Н. С. Авиловой, А. Н. Тихонова, М. А. Шелякина, И. П. Мучника, А. В. Исаченко, А. Н. Горбачевич, М. Ю. Чертовой, Л. П. Демиденко, им

посвящены специальные исследования Л. П. Бирюковой, П.-Ч. Чанг и др. Тем не менее, многие вопросы остаются спорными и до сих пор дискутируются в специальной литературе. В их числе:

- терминология;
- теоретические положения;
- количественный состав;
- устойчивость / неустойчивость в языке;
- тенденция развития в языке.

Целью настоящей статьи является изучение процесса эволюции и адаптации двувидовых глаголов в современном русском языке, их количественного состава и терминологии.

По определению Русской грамматики, двувидовыми называют глаголы, видовое значение которых в большей части форм специальными показателями не выражено [10].

В работах по аспектологии нередко эти глаголы рассматривались как нейтральные в видовом отношении, т. е. “безвидовые”, “нейтральные по виду” (такую точку зрения высказывал, например, профессор Н. И. Поливанов[8]). С. О. Каршевский считал, что “подобное двойное видовое значение находится в вопиющем противоречии с духом русского языка, который требует, чтобы каждый глагол имел только одно видовое значение”. Он называл двувидовые глаголы глаголами “неопределённого вида” [5]. Л. П. Демиденко говорит о тройственном характере видового противопоставления (глаголы СВ, глаголы НСВ, двувидовые глаголы) [2].

А. В. Исаченко считал двувидовые глаголы аномалией, которая, как и всякая другая аномалия, постепенно устраняется [4]. Л. Н. Смирнов же писал, что “двувидовые глаголы, как и все другие, представляют собой одно из звеньев видовой системы славянского глагола и подчинены этой системе” [11, с. 110]. М. Ю. Черткова и П.-Ч. Чанг делают выводы об аномальном характере двувидовости. Двувидовые глаголы, по их мнению, вынуждены подчиняться системе, преобразовываться, т. е. утрачивать свою двувидовость. Они приходят к выводам, что конкретные двувидовые глаголы образуют пары по вполне определённым моделям [19]. М. А. Шелякин [22] не признаёт двувидовость безвидовостью и аномалией видовой системы русского языка.

И. П. Мучник утверждал, что двувидовые глаголы подчиняются основным закономерностям развития системы видов во всём её объёме [7, с. 155]. Двувидовость не исключает соответствующие глаголы из сферы категории вида, а “только определённым образом модифицирует план её выражения, расширяя круг аналитических средств” [7, 153]. С этим была согласна и Л. П. Бирюкова, которая писала: “...двувидовые глаголы также входят в систему видов, так как способны самостоятельно и с помощью других средств контекста выражать все основные частные значения противоположных видов” [1, с. 8].

А. Н. Тихонов писал о том, что двувидовые глаголы в своём употреблении подчиняются тем же нормам, что и глаголы, имеющие внешние показатели видов: в синтаксических позициях, где в русском языке могут быть только гла-

голы НСВ, они всегда выступают именно в значении НСВ, а в позициях, где допустимо только употребление глагола СВ, они обязательно выступают в значении СВ [16].

Е. Н. Ремчукова находит давнюю дискуссию “по поводу того, являются ли двувидовые глаголы аномалией или устойчивым явлением в системе русского языка” уже не актуальной, так как большинство подобных глаголов продолжает функционировать в качестве только двувидовых [9].

На наш взгляд, двувидовые глаголы нельзя называть безвидовыми, нейтральными по виду или глаголами неопределённого вида. Мы согласны с тем, что они входят в систему видов и подчиняются общим нормам, свойственным всем глаголам. И как справедливо отмечал А. Н. Тихонов, отсутствие единого взгляда относительно места двувидовых глаголов в системе видов объясняется не только недостаточной изученностью их грамматической природы (собственно видовой характеристики), но и её сложностью [16]. Именно поэтому мы считаем необходимым продолжение изучения грамматической природы двувидовых глаголов в современном русском языке.

Существуют различные точки зрения по вопросу правомерности использования самого термина. Ю. С. Маслов ещё в 1961 году писал об условности термина “*двувидовой*” по отношению к глаголам данной группы. Его было бы правильно использовать по отношению ко всем глаголам, имеющим видовые пары, поскольку *одновидовыми* называют глаголы, видовых пар не имеющие. На этом основании Ю. С. Маслов предлагал вообще не пользоваться терминами “одновидовые и двувидовые” глаголы, а говорить о глаголах с двувидовыми основами [6].

Крайне неудачным термин “двувидовой глагол” считают и представители Казанской лингвистической школы. “Есть два глагола с фонетической оболочкой “женить”, а вернее, две глагольные формы (семантическое видообразование)” [23]. Таким образом, они считают, что двувидовые глаголы — это обыкновенные омонимы.

Несмотря на это термин “двувидовые глаголы” продолжает активно использоваться.

Логично предположить, что если видовая пара — это один глагол (как писал В. В. Виноградов, Русская грамматика и др.), представленный формами СВ и НСВ, то именно двувидовые глаголы являют образец видовой пары, потому что это действительно полное совпадение формы (СВ — НСВ) при полном совпадении лексического значения. В таком случае термин “двувидовой” по отношению к этим глаголам абсолютно правильный (см., например, [14]). Тогда и все остальные глаголы, имеющие видовые пары, в которых (по определению) лексическое значение общее, тождественное, но формы СВ и НСВ различаются грамматически, следовало бы называть “двувидовыми”, а глаголы, у которых нет видовой пары — одновидовыми (как писал Ю. С. Маслов).

Если же исходить из того, что глаголы в видовой паре — разные слова, что вид является словоклассифицирующей категорией, распределяющей все глаголы на две группы: СВ и НСВ, то двувидовые глаголы оправдывают своё назва-

ние тем, что у них совпадает форма при различии содержания.* Следовательно, двувидовые глаголы являются либо омонимами (как считает, например, Казанская школа), либо представляют собой грамматическую полисемию, о которой О. М. Соколов писал: "...границы между полисемией и омонимией являются размытыми, тем более что многие признаки этих лексических типов оказываются общими" [12].

В этом случае все "обычные" глаголы, имеющие видовые пары, (такие как *писать/написать, переписать/переписывать*) следует называть одновидовыми, а глаголы, у которых нет пар, очевидно, следует называть Perfectiva и Imperfectiva Tantum.

Таким образом, в любом случае в терминологической системе не хватает одного термина: либо нет названия для глаголов типа "женить", "казнить", либо нет названия для глаголов абсолютного СВ и НСВ, т. е. не имеющих видовых пар.

В настоящей статье термином "двувидовые" обозначаются глаголы типа "женить", "казнить", которые мы, вслед за профессором О. М. Соколовым, считаем одним словом, имеющим грамматическую полисемию, т. е. один ЛСВ такого глагола СВ, а другой НСВ.

Количественный состав двувидовых глаголов по разным данным колеблется от 500 до 1500. Так, А. Н. Тихонов считал, что двувидовых глаголов — не более 5-6 % от общего количества. По подсчётам Е. Н. Николаевой, "толковыми словарями русского языка зафиксировано около 1500 двувидовых глаголов" [16]. По данным М. Ю. Чертковой и П.-Ч. Чанг, только в словаре С. И. Ожегова 460 двувидовых глаголов [20]. В "Толковом словаре русского языка к концу XX в." [18] приведено ещё 38 глаголов. Мы сделали сплошную выборку из МАСа [13], где зафиксировано 765 двувидовых глаголов. Таким образом, мы располагаем картотекой из 803 глаголов.

По происхождению двувидовые глаголы распадаются на две неравные по объёму группы. Существует устойчивая, хотя и немногочисленная группа двувидовых глаголов исконно русского происхождения. Их полный список и количество также являются предметом дискуссии. Мы насчитываем в этой группе 42 глагола (5 %)(по МАСу): *бежать (в 6-м значении), велесть, венчать, венчаться, воздействовать, завещать, забавлять, даровать, женить, жениться, использовать, исследовать, исповедовать, исповедаться, колесовать, крестить, креститься, молвить, миновать, напутствовать, наследовать, ночевать, обещать, обещаться, обследовать, образовать¹, образоваться¹, образоваться², образоваться², ответственность, полонить, расследовать, ранить, родить, родиться, соборовать, собороваться, согласоваться, содействовать, сочетать, сочетаться, четвертовать.*

А. А. Зализняк и А. Д. Шмелёв утверждают, что количество глаголов данной группы постоянно уменьшается, так как они функционально теряют двувидовость. Бесспорно двувидовыми в настоящее время остались глаголы *казнить*,

* Согласно теории Е. Я. Титаренко, глаголы разных видов имеют разный набор лексических и грамматических сем [15] и являются разными словами.

обещать, завещать [3]. А вот глагол *женить* употребляется преимущественно как глагол СВ, *жениться* является двувидовым только в контексте единичного субъекта (с множественным субъектом этот глагол только НСВ). Данное замечание следует уточнить: глагол *жениться* употребляется как двувидовой с множественным субъектом, если речь идёт о лицах мужского пола (*мои сыновья женились в прошлом году, когда-нибудь все мои дети/сыновья женятся*). Если же речь идёт о множественном субъекте и употребляется глагол СВ *пожениться*, то можно с уверенностью говорить о паре: мужчина и женщина (ср: *они поженились в прошлом году; когда-нибудь наши дети поженятся и т. п.*) Несмотря на то, что глагол *почевать* словарь фиксирует как двувидовой, мы можем утверждать, что он функционирует только как глагол НСВ. Такие глаголы, как *молвить, крестить, венчать, полонить, таранить, сочетать и стяжать* А. А. Зализняк и А. Д. Шмелёв затрудняются отнести к данной группе из-за их малой употребительности. Действительно, среди перечисленных выше 42 глаголов устаревшими и малоупотребительными являются не только *полонить, сочетать, стяжать*, но *образовать*², *образоваться*², *ответствовать*. Их можно исключить из данной группы, но не потому что они утратили двувидовость, а потому что сами они вышли из употребления, стали архаичными. С другой стороны, в последнее время наблюдается возврат в употребление глаголов *крестить, креститься, венчать*, что отмечено и в Толковом словаре русского языка конца XX в. [18]. Это объясняется возвращением в светскую жизнь церковных обрядов и, следовательно, лексики. Это свидетельствует о том, что нельзя однозначно говорить об уменьшении количественного состава данной группы глаголов, и тем более об утрате двувидовости этими глаголами.

Вторая группа — глаголы иноязычного происхождения — составляет 761 глагол (95 %). Это глаголы, объединённые наличием суффиксального элемента — ова с добавлением интерфикса и своеобразных прокладок — из-, -ир-, —изир-, -фицир- (*авторизовать, ампутировать, автоматизировать, классифицировать и т. д.*) Следует отметить, что многие глаголы, в настоящее время функционирующие как двувидовые, в МАСе не представлены. Это, например, такие глаголы, как *акционировать, актуализировать, инициировать, имплицировать, примитивизировать, мутировать, лицензировать, спонсировать и др.* Е. Н. Ремчукова отмечает, что лексикографические списки двувидовых глаголов не отражают их реального количества [9]. Глаголы *минимизировать, монографировать, типографировать, режиссировать и др.* не представлены в словарях, но встречаются в разговорной речи, в СМИ. Однако у нас возникают сомнения в том, что эти глаголы действительно являются двувидовыми, а не глаголами СВ. Для того чтобы в этом убедиться, следует собрать достаточное количество примеров.

В “Толковом словаре русского языка конца XX в.” отмечено 14 глаголов, зафиксированных также МАСом, но получивших в последнее время новые значения. Семантические преобразования происходят сейчас чрезвычайно интенсивно, стремительно расширяется сочетаемость слов, что приводит к быстрому образованию новых значений. Вот некоторые примеры несоответствий:

Словарь русского языка в 4-х томах (МАС)	Толковый словарь русского языка конца XX в.
САНКЦИОНИРОВАТЬ — сов. и несов., перех. Юрид. и книжн. Дать (давать) санкцию на что-либо; утвердить (утверждать); одобрить (одобрять).	САНКЦИОНИРОВАТЬ — сов. и несов. Признать (признавать) законным; узаконить (узаконивать).
СИНТЕЗИРОВАТЬ — сов. и несов., перех 1. Произвести (производить) синтез; соединить (соединять); обобщить (обобщать). 2. Хим. Получать (получить) путём синтеза.	СИНТЕЗИРОВАТЬ — сов. и несов. Создавать (изображение, звук), преобразуя электронные сигналы (об электронной технике).
РУСИФИЦИРОВАТЬ — сов. и несов., перех. Сделать (делать) русским по языку, обычаям.	РУСИФИЦИРОВАТЬ — сов. и несов. — в информ. Расширить возможности системы, добавить заботу с кириллическими символами.

Таким образом, в русском языке не только появляются новые двувидовые глаголы, но и “старые” глаголы расширяют возможности употребления за счёт возникновения новых ЛСВ, которые также являются двувидовыми.

По частотности употребления в речи двувидовые глаголы также распадаются на неравные по количеству группы:

- Общеупотребительные;
- Малоупотребительные.

Малоупотребительные составляют 195 глаголов (25,5%). Это в основном терминологическая лексика, знакомая и понятная узкому кругу специалистов.

Общеупотребительные составляют 566 глаголов (т. е. 74,5%). Эти глаголы можно также разделить на две группы по стилистической окраске: книжные и нейтральные.

Малоупотребительные	Общеупотребительные	
	книжные	нейтральные
адсорбировать, дренажировать, копулировать, лессировать, мульгировать, гальванизировать суспензировать и др.	стабилизировать, утрировать, деформировать, инкассировать, оккупировать, передислоцировать, хлороформировать, теплофицировать и др.	адресовать, драматизировать, датировать, изолировать, командировать и др.

Границы между данными группами очень подвижны, глаголы могут из разряда терминологической лексики переходить в разряд общеупотребительной, незначительная часть лексики уходит в пассив. Большинство новых двувидовых глаголов, а также новые значения старых относятся к общеупотребительной лексике, это в основном слова книжные.

Таким образом, двувидовость — это не безвидовость, не аномалия в русском языке. Двувидовые глаголы входят в систему и подчиняются общим нормам, они представляют собой грамматическую полисемию. В терминологии не хватает равновесия, так как существует три группы глаголов и только два термина. Современными словарями русского языка на данный период зафиксировано 803 глагола, но процесс вхождения новых двувидовых глаголов продолжается, многие глаголы, функционирующие в речи, ещё не нашли своего отражения в словарях.

По происхождению двувидовые глаголы делятся на две группы:

1. Исконно русского происхождения (5 %);
2. Иноязычного происхождения (95 %).

По частотности употребления вторая группа глаголов делится на общеупотребительные и малоупотребительные. Группа общеупотребительных глаголов составляет 74,5 %, что говорит о том, что большая часть двувидовых глаголов очень активно используется. Двувидовость не исчезает в результате возникновения параллельно функционирующих глаголов с аффиксальным выражением значения вида, при этом количество таких глаголов составляет не более 10%.

Литература

1. Бирюкова Л. П. Функционирование двувидовых глаголов в современном русском языке: Автореферат дис... канд. филол. наук. — Л., 1973.
2. Демиденко Л. П. О проблеме двувидовости в современном русском языке. // Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка. — Новосибирск, Западно — сибирское книжное издательство, 1966.
3. Зализняк А. А. Шмелёв А. Д. Введение в русскую аспектологию. — М. 2000. 229 с.
4. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. II Братислава, 1960.
5. Карцевский С. О. Язык, война и революция. — Берлин, 1923.
6. Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. // Вопросы общего языкознания. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1965.
7. Мучник И. П. Двувидовые глаголы в современном русском языке. // Вопросы культуры речи. Вып. 3, 1961.
8. Поливанов Е. Д. Введение в языкознание для языковедных курсов. — Л., 1928.
9. Ремчукова Е. Н. Двувидовые глаголы: процесс адаптации и видовая соотносительность. // Учёные записки ТНУ, Т.15 (54), №4, 2002. — С. 114-125.
10. Русская грамматика. Т.1. — М.: Наука, 1980. — 783 с.
11. Смирнов Л. Н. Глагольное словообразование в современном словацком литературном языке. — М., 1970.
12. Соколов О. М. Методические рекомендации к изучению курса “Проблемы лексики и семантики русского языка как иностранного” — Москва, Изд-во РУДН, 1988.

13. Словарь русского языка. В 4-х т. / под ред. А. Н. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981 — 1984.
14. Титаренко Е. Я. Об особенностях двувидовых глаголов в современном русском языке. // *Культуры народов Причерноморья*, №37, 2003.
15. Титаренко Е. Я. Взаимодействие лексической и грамматической аспектуальности в русском глаголе. // *Учёные записки ГНУ*, Т.15 (54), №4.
16. Тихонов А. Н. Русский глагол: проблемы теории лексикографии. — М., 1998.
17. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т., М., 1990.
18. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. Под ред. Г. Н. Склиаревской, РАН. Изд-во “Фолио — Пресс”. СПб. 2002.
19. Черткова М. Ю., П.-Ч. Чанг. Эволюция двувидовых глаголов в современном русском языке. // *Russian linguistics*, № 22, 1998.
20. Черткова М. Ю. Типология и эволюция функционально — структурных моделей категории вида/аспекта (на материале современных русского, французского, шведского, финского и японского языков) // *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*. Т. 4, 2004.
21. Шелякин М. А. О причинах устойчивости двувидовых глаголов в современном русском языке. [Категория вида и её функциональные связи] // *Вопросы русской аспектологии*. № 4, Учёные записки ТартУ, Вып. 482, 1978.
22. Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. — М., 2001.
23. <http://kazanlingvuiet.narod.ru/kursja.htm>, 2000.

Статья поступила в редакцию 26 октября 2004 г.

Раздел 2.
КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ.
СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В. М. Шаклеин

О ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННЫХ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Известно, что развитие наук, в основе которых находится гуманитарное знание, в последние десятилетия XX — начале XXI века отличалось исходными типологическими характеристиками. Эти характеристики определили общую для всех гуманитарных наук эволюционную парадигму, одним из итогов которой стала постановка задачи построения “теории всего” [1].

Анализируя направленность гуманитарного знания к универсальности, можно предположить, что первым шагом на этом пути становится синкретизм научных направлений, отличающихся в отношении друг к другу структурно-функциональным подобием. Так, квантовая физика изоморфно близка теории возможных миров, а эволюционная теория Ч. Дарвина — современной теории познания. Указанное структурно-функциональное подобие проистекает из изоморфизма предметов их исследования.

Лингвистика не выходит за рамки общего контекста гуманитарного знания, поскольку и здесь найдены свои изоморфные предметы исследования. Так, В. Н. Телия, В. А. Маслова указывают на структурно-функциональное сходство языка и культуры: язык и культура взаимоотражаются и не существуют вне взаимного диалога; язык и культура имеют индивидуальные и социализированные формы бытования; и языку, и культуре свойственны информатизм, историзм, нормированность, способность быть носителем менталитета этноса [2, с. 225-226; с. 35-37, 39]. По определению В. В. Воробьева, лингвокультурология является комплексной научной дисциплиной, изучающей взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка [3, с. 4]. Справедливость этой мысли также подтверждается тем, что “в отношении друг к другу язык и культура прежде всего представляются факторами взаимного развития и существования” [4, с. 16].

Конечно, сам термин лингвокультурология отражает лишь этап в закономерном синтезе уже существовавших направлений лингвистики, например, этнолингвистики, лингвострановедения, социолингвистики. Вместе с тем современная лингвокультурология выступает как новая самостоятельная парадигма исследовательского подхода и взаимосвязи языка и культуры.

Следует помнить, что почти все указанные научные направления в лингвистике еще продолжают развиваться, вырабатывать свои законы, терминологическую базу. Понимая подобное положение, например, этнолингвистики, Н. И. Толстой в свое время подчеркивал ее как бы начальное состояние, говорил, что в настоящее время только собирается материал для будущих поколений этнолингвистов, которые сделают ожидаемый качественный шаг [5, с. 181].

Большая же часть этнолингвистических исследований, разумеется, не имеет отношения к накоплению материала, а служит отражением другого процесса, в основе которого лежит общественный интерес ко всему национальному, этническому. Корни этого процесса уходят не только в собственно научный интерес исследователей, но и отражают иногда моду на тип духовности. Неслучайно вершинами развития этнолингвистики были так называемые застойные 70-е начало 80-гг. и самое начало 90-х XX века во время этнических конфликтов на территории бывшего Советского Союза. Нередко декларируемый этнолингвистический поиск национальных культурных корней имел сиюминутный конъюнктурный характер, который необходимо видеть и отделять от собственно научных успехов в этом направлении. К последним, безусловно, следует отнести работу целых коллективов ученых по составлению особого типа словарей [6]. Скорее всего, их составители, а также собиратели различного рода архивов выработали методологическую базу исследований. В целом же отечественная этнолингвистика в настоящее время все еще продолжает вырабатывать свою методологию, свою терминологию, свои законы.

Необходимо отметить, что и лучшие этнолингвистические исследования зарубежных авторов отличаются теми же особенностями.

В 70-80-е годы прошлого века в СССР, как известно, активно развивалось лингвострановедческое направление, существенно отличающееся и от этнолингвистики, и от современной лингвокультурологии. Особенность лингвострановедения заключалась в том, что исследователи стояли не только на позициях лингвистов, но прежде всего они проецировали свои научные изыскания на преподавание русского языка как иностранного.

Последнее обстоятельство и определило специфику лингвострановедения, представляющего “аспект преподавания русского языка иностранцам, в котором с целью обеспечения коммуникативности обучения и для решения общеобразовательных и гуманистических задач лингводидактически реализуется кумулятивная функция языка и проводится аккультурация адресата, причем методика преподавания имеет филологическую природу — ознакомление проводится через посредство русского языка и в процессе его изучения” [7]. Из определения видно, что лингвострановедение является одним из аспектов методики преподавания русского языка в иностранной аудитории. Вместе с изучением языка изучалась, главным образом, определенная культурная среда, познание которой мотивировало интерес к языку. Неслучайно поэтому, наряду с разработкой теоретической базы лингвострановедения, значительное число лингвострановедческих работ имело вид учебных, учебно-методических материалов [8].

Современная лингвокультурология, находящаяся на стыке лингвистики, этнолингвистики, культурологии, лингвострановедения ставит перед собой иные задачи, основной из которых является нахождение механизмов связи языка и культуры [9]. Именно на эти цели и, как следствие, на дальнейшую разработку общепризнанной теоретической базы направлены исследования современных лингвокультурологов.

Наряду с продолжающимися поисками, в лингвокультурологии достигнуты уже определенные научные результаты. Так, сам факт того, что лингвокультурология дистанцировалась от лингвистики, этнолингвистики, лингвострановедения уже свидетельствует об осознании исследователями целей и задач своего направления.

Что же сделано на сегодня в лингвокультурологии? Прежде всего — это подчеркнутая ориентация исследователей на поиск структурно-функциональных подобий, примерную тематическую схему которых в общем виде можно представить следующим образом:

Язык — культура — текст — дискурс — общество — цивилизация — этническая общность — субэтнос — субкультура.

Например, в изоморфии язык — текст — культура многими авторами подчеркивается ряд структурно-функциональных сходжений в этих сущностях: ситуативность, ориентация на внеязыковую действительность; одновременная дискретность и целостность; многократная кодированность; интерпретируемость; совмещение объективного и субъективного; внутренняя противоречивость как основа для рождения нового качества и т. п. [10].

Известная ориентация лингвокультурологии на текст способствовала дальнейшему развитию текстологии. Так, было расширено понятие текста, связанного с контекстом произведения. Стали активно разрабатываться такие научные понятия, как дискурс, супертекст, сверхтекст, совокупность текстов [11, с. 214-230].

Особенность лингвокультурологической парадигмы заключается в том, что достаточно известные языковые и внеязыковые явления, материалы рассматриваются с точки зрения вновь выведенных закономерностей. Иногда авторы в своих научных изысканиях достигают нового качества, иногда известные постулаты облачают в новую словесную упаковку.

Существенным достижением лингвокультурологии можно признать констатацию наличия в ней своего метаязыка, то есть знаковой системы, общей как для культуры, так и непосредственно для языка [12, с. 17-18].

Наиболее признанным и общеупотребительным термином в лингвокультурологических исследованиях можно признать концепт, содержащий в себе “основную ячейку культуры в ментальном мире человека” [13, с. 43]. Ю. С. Степанов в содержании концепта выделяет три структурные составляющие: основной /актуальный/ признак; дополнительные признаки, являющиеся историческими; внутреннюю форму [14, с. 48].

Строго говоря, с теоретической точки зрения, возникшее учение о концептах русской лингвокультуры, разумеется, в целом нового не несет. Так, еще с XIX века известно, что наиболее значимыми и культурно весомыми словами для

русского человека являлись “Бог”, “хлеб”, “душа”, “любовь”, “слово” и т. п. И снова писать о том, что подобные слова отражают духовные устремления русских, казалось бы, не имеет смысла. Вместе с тем очень важно / и Ю. С. Степанов это тонко подметил/, что лингвокультурологи пришли к общему мнению в плане терминологического обозначения подобных слов. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что существует принципиальная возможность выработать универсальную систему лингвокультурологических терминов, поиск которых, как известно, продолжается.

Так, кроме термина концепт общеупотребительными и общепризнанными являются и ряд других терминов.

Например, в лингвокультурологических исследованиях также используется термин “установки культуры”, под которыми понимают культурно и этнически значимые образцы, социальные и духовные ориентиры, культурно-цивилизационные установки мышления, деятельности, предпочтений этнических и субэтнических образований.

Кроме того, используются некоторые термины семиотики / код культуры, знаковая система культуры, гены культуры, культурная популяция, тезаурус культуры и т. д./, дающие основание говорить о культуре как знаковой системе и, соответственно, использовать такой термин, как “язык культуры”, определяемый следующим образом: “разноуровневая знаковая система, образуемая ее текстами, их тезаурусами, кодами и симболярием” / [15, с. 23].

В последнее время часто используются такие термины, как “лингвокультурная компетенция”, “лингвокультурная коннотация”, “культурный фон”, “культурные семы”, “культурная информация”, “лингвокультурная ситуация”, “лингвокультурема”, “лингвокультурное поле” и др.

Все эти термины в работах лингвокультурологов имеют свои объяснения и толкования. Само по себе их возникновение отражает оформление лингвокультурологии как самостоятельного научного направления в лингвистике. Однако следует иметь в виду, что часть используемых в ней терминов представляет собой в ряде случаев терминологическую интерференцию, иногда творческую интерпретацию известных идей. Вряд ли стоит, например, обозначать новым термином “культурные семы”, такую этнически значимую лексику, как например, /баранки, водка, самовар, кокошник и т. д./ . Наверное, научное осмысление указанных слов от этого не меняется. Использование же их анализа в лингвокультурологическом исследовании не всегда требует обязательной модернизации устоявшейся традиционной терминологии.

Отсюда вытекает другая трудность, которая сегодня встречается в современной лингвокультурологии. Возникшая в том числе и как реакция на проблемы современной лингвистики, связанные с изученностью основных грамматических, синтаксических сторон языка, эта научная дисциплина, не успев развиваться, сама начинает испытывать кризисные симптомы. Нередко не всегда успешные попытки выявить механизмы связи языка и культуры, не всегда оправданная модернизация традиционных научных позиций, терминологическая инвариантность, пока еще недостаточно разработанные идеи метаязыка — все это

свидетельствует о начавшихся трудностях современной парадигмы лингвокультурологических исследований.

Однако можно ли обвинять в этом исследователей-лингвокультурологов? Думается, нет.

Третья трудность лингвокультурологии заключается в том, что кажущийся, на первый взгляд, очевидным факт связи языка и культуры в действительности оказался более сложным с точки зрения выявления механизмов этой связи. Одновременное использование традиционной парадигмы исследований для решения задач лингвокультурологии оказалось недостаточно эффективным, малопродуктивным. Также стало очевидным и то, что механическое сочленение лингвистики и культурологии вряд ли сможет дать искомое качество, то есть создание “грамматики”, “морфологии”, “синтаксиса” метаязыка. При этом пока не ясно, каким образом и в какие сроки лингвокультурология будет преодолевать наметившиеся трудности. Во всяком случае перспективы, намеченные в статье И. Г. Ольшанского “Лингвокультурология в конце XX века: Итоги, тенденции, перспективы”, мало что проясняют и по своей сути являются своего рода “декларацией о намерениях”: “выявить глубинно-семантическую структуру и функциональное многообразие языковых единиц как знаков культуры”, “изучение языка в действии, связь знаний языка и его адекватного использования в коммуникации”, “получить культурно-языковую информацию как выводное значение” [16, с. 48].

Таким образом, на сегодняшний день назрела острая необходимость дальнейшего развития парадигмы лингвокультурологических исследований. Сложность задач, стоящих перед лингвокультурологией, не предполагает быстрых и легких решений. Но становится очевидным — традиционная парадигма исследований для понимания метаязыковых явлений в своем прежнем виде вряд ли пригодна. Не приведет к успеху и ее поверхностная модернизация.

Все вышеизложенное, возможно, не бесспорное, тем не менее необходимо учитывать в определении тем новых научных исследований в области лингвокультурологии.

Литература

1. Deutsch D. The Fabrik of Reality. N. Y., 1992.
2. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. М., 1997.
3. Воробьев В. В. Лингвокультурологическая парадигма личности. М., 1996.
4. Шаклеин В. М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. — М.: 1997.
5. Толстой Н. И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса / Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Язык и этнос. Л., 1983.
6. См., например, Словарь древнерусского языка (11-14 вв.): В 10 т. / АН СССР Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. — М.: Рус. яз., 1988.

7. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: 1990.

8. Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. Москва — 1999; Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: Концепция логоэпистемы. — М.: 2000; Прохоров Ю. Е. Лингвострановедение. Культуроведение. Страноведение. Теория и практика обучения русскому языку как иностранному. — М., 1988.

9. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Теория и методы. М.: 1998; Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: 2001.

10. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / структура и семиотика художественного текста. Тарту, 1981. — /Труды по знаковым системам. Вып. 12/.

11. Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности / Человек — текст — культура / Под ред. Купиной Н. А., Матвеевой Т. В. Екатеринбург, 1994.

12. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / Фразеология в контексте культуры. М., 1999.

13. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: 2001.

14. Там же.

15. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры — М.: 1999.

16. Ольшанский И. Г. Лингвокультурология в конце XX в.: Итоги тенденции, перспективы / Лингвистические исследования в конце XX в. М., 2000.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2004 г.

УДК 811:37.02

В. А. Маслова

“ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА” И “ПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА” И ИХ РОЛЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В данном докладе предпринята попытка не только определить, но дифференцировать концептуальную, языковую и поэтическую картины мира.

Хотя термин “картина мира” введен в научный обиход физиками на рубеже XIX – XX-го вв, в гуманитарных науках он возник в работах Л. Витгенштейна, который вполне осознавал метафоричность этого термина и подчеркивал его синонимичность психологическому понятию “образ мира”.

Другие исследователи, например, А. А. Леонтьев, напротив, считает, что понятие “образ мира” ни в коей мере нельзя считать тождественным таким понятиям, как “языковая картина мира” и “когнитивная картина мира” (Леонтьев, 1993, с. 18).

Совокупность знаний о мире, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется то как “языковой промежуточный мир”, то как “языковая репрезентация мира”, то как “языковая модель мира”, то как “языковая картина мира”, то как концептуальная система, индивидуальная когнитивная система и др. В силу большей распространенности мы выбираем термин “картина мира”.

“Картина мира” — это наше представление о реальности; целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, она возникает у человека в ходе всех его контактов с миром и представлений о мире. Если мир — это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира — “результат переработки информации о среде и человеке” (Цивьян, 1990, с. 5).

М. Хайдеггер писал, что при слове “картина” мы думаем прежде всего об отображении чего-либо, “картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина” (Хайдеггер, 1991, с. 103). Мы полагаем, что в дефиниции данного термина в качестве обязательных следует выделить два компонента: мировидение (видение мира, сумма представлений о мире, знания о мире, отражающая способность мышления и т. п.) и деятельностная природа картины мира (познающая деятельность человека, духовная активность, опыт человека).

Интерес к языковой картине мира обнаруживается еще в работах В. Гумбольдта, который писал, что “различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия” (Гумбольдт, 1984, с. 324). Отечественные философы (Г. А. Брутян, Р. И. Павиленис) и лингвисты (Ю. Н. Караулов, Г. В. Колшанский, В. И. Постовалова, Г. В. Рамишвили, Б. А. Серебренников, В. Н. Телия и др.) различают концептуальную и языковую картины мира.

Языковая картина мира предшествует концептуальной и формирует ее, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку. Именно в языке закрепляется общественно-исторический опыт — как общечеловеческий, так и национальный. С одной стороны, условия жизни людей, окружающий их материальный мир определяют их сознание и поведение, что находит отражение в языке, прежде всего в семантике и грамматических формах. С другой — человек воспринимает мир преимущественно через формы родного языка, который детерминирует человеческие структуры мышления и поведения.

Между картиной мира, как отражением реального мира, и языковой картиной мира, как фиксацией этого отражения, существуют сложные отношения: границы между ними “кажутся зыбкими, неопределенными” (Караулов, 1976, с. 271). Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира поэтому постоянно меняется, “перерисовывается”, тогда как языковая картина мира еще долгое время хранит

следы этих ошибок и заблуждений: *солнце садится*, *атом* как мельчайшая частица, фразеологизм *воспарить душой*, который, например, связан с архаическими представлениями о душе, которая в виде пара и могла покидать тело, поднимаясь к небу.

Есть мнения, согласно которым концептуальная картина мира гораздо богаче, чем языковая картина мира: "Картина мира — то, каким себе рисует мир человек в своей воображении, — феномен более сложный, чем языковая картина мира, т. е. та часть концептуального мира человека, которая имеет "привязку" к языку и преломлена через языковые формы" (Кубрякова, 1988, с. 142).

Картина мира — субъектно-объектная категория. Она не зеркально отображает характеристики объективной действительности, а с участием ассоциативно-апперцепционного содержания мышления, которое интериоризирует воспринимаемую индивидом действительность.

Так, например, вместе с языком человек воспринимает нормы наивной этики, которые можно реконструировать на основании сравнения пар слов, близких по смыслу, одно из которых нейтрально, а другое несет негативную коннотацию, например: *хвалить* и *льстить*, *смотреть* и *подсматривать*, *рассказывать* и *хвастаться*, *добиваться* и *домогааться*, *жаловаться* и *ябедничать* и т. п. Анализ подобных пар позволяет составить представление об основополагающих заповедях русской наивно-языковой этики: "нехорошо преследовать узкокорыстные цели"; "нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей"; "нехорошо преувеличивать свои достоинства и чужие недостатки", "нехорошо делать достоянием других какие-то вещи, которые известны только двоим" и т. д.

Языковая картина мира отчасти универсальна, отчасти национально специфична. Так известно, что слова в языке обладают значением и значимостью, по Соссюру, и совпадая в своих значениях, в разных языках они отличаются прежде всего значимостями. Например, *свобода* для русских — это воля вольная, без границ и законов; в западных культурах — *свобода* понимается как возможность беспрепятственно развивать заложенные в каждом человеке возможности; *справедливость* — отражает одну из самых важных этических ценностей в русской ментальности. Слова: "Как судить: по закону или по справедливости?" — непереводимы на европейские языки, для них *честность* и *законность* — синонимы. Справедливым для русских является человек, который занимается распределением благ или наказаний и делает это честно, справедливо: начальник, а не подчиненный, преподаватель, а не студент, судья, не подсудимый. Следовательно, справедливость — это характеристика человека, наделенного полномочиями власти. Соблюдение ценностных ориентаций в обществе — это тоже справедливость. Но фактически справедлив прежде всего тот, кто осуществляет справедливый суд — Бог.

Человек, овладевая речевыми навыками, формирует у себя с детства особое национальное мировидение (картину мира) и даже отличную от других народов эмоциональную систему. Например, повышенная эмоциональность русских репрезентируется обилием восклицательных знаков там, где носитель европейских языков их не поставит: *Здравствуйте!!!*

Таким образом, картина мира любого языка отчасти универсальна и отчасти национально-специфична. Но для сознания ее носителей она представляется не как интерпретация мира, а как двойник мира. Поэтому осознать ее национальную специфику можно лишь при сопоставлении картин мира разных народов. Например, еще О. Шпенглер предложил термин “парасимвол” для представления культуры в пространственной протяженности. Если египетская душа видит себя идущей по предначертанному пути, то ее парасимвол — дорога; парасимвол арабской культуры — мир-пещера, идея такого мировосприятия выразилась в изобретении арки и купола (первое купольное сооружение — Пантеон в Риме — построено архитектором-сирийцем); парасимвол русской культуры — бесконечная равнина. Вероятно, поэтому даже время (век человеческий) у русских представляется пространством: *Жизнь прожить — что поле перейти*.

Сейчас существует несколько направлений в изучении языковой картины мира. Это 1) типологические исследования: славянская языковая картина мира, балканская модель мира и т. д.; 2) изучение языковой картины мира в аспекте реконструкции духовной культуры народа; 3) исследование отдельных сторон языка: отражение языковой картины мира в русской лексике, словообразовании, в зеркале метафор и т. д. (Яковлева, 1994, с. 9). Но наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет еще одно направление — поэтическая картина мира народа.

Если языковая картина мира универсальна, а творцом ее является весь народ, то поэтическая — индивидуальна, она создается в текстах одного человека, представителя данного народа. Внечеловеческих и всечеловеческих картин мира не бывает, поэтому каждая индивидуальная картина мира содержит хотя бы частичку истины, понимаемую каждым по-своему. В. И. Постовалова пишет: “в строгом смысле слова, существует столько картин мира, сколько имеется наблюдателей, контактирующих с миром” (Постовалова, 1988, с. 32).

Следовательно, языковая картина мира и картина мира, реконструируемая на материале поэтических текстов одного автора, соотносимы.

Однако не сам язык создает эту субъективную картину мира, а поэт. Поэтическая картина мира является индивидуально-авторской, она в значительной степени субъективна и несет в себе черты языковой личности ее создателя. Это образная, “очеловеченная” картина, в которой личность поэта предстает как отражение ее существования. Такая картина мира понимается нами как альтернатива миру реальному. Это образ мира, сконструированный сквозь призму сознания и языка поэта, он является результатом его духовной активности. Материальным выражением поэтической картины мира являются произведения поэта, их единое текстовое пространство.

В поэзии любого крупного национального поэта много и общего, наднационального, ведь поэзия не без основания считается древнейшим способом освобождения человеческого духа, являя собой проповедь истины, наделенной поэтической энергией. Она не раз спасала человеческие души в трагические для культуры моменты.

Мышление первобытного человека было мифопоэтическим, т. е. поэтическим, именно таким, каким оно являет себя в поэзии. "Зачем вы выбиваете мальчикам при инициации передние зубы? — спрашивает наблюдатель этнограф у вождя племени. "Чтобы его лицо стало похожим на грозовую тучу перед дождем". И это не уход от ответа, они так мыслят. Пример взят у известного этнографа Деметрио Соди. Отсюда предположение, что человеческая речь, появляясь в форме поэзии, выполняет функцию мифосемантического пространства культуры.

Поэтический текст и сейчас лишь очерчивает границы рисуемой им картины мира. А основные цветовые мазки накладывает читатель. Поэзия имеет в себе мудрость, и эту мудрость в одежде красоты легко схватывает словом поэт, но она трудно извлекается из текста.

Поэзия — это такой способ формальной организации слов, в результате которого не столько разъясняется смысл слова, сколько усложняется и генерируется новый, неожиданный, воспринимаемый носителями языка как открытие.

Существует по-детски наивная презумпция непосредственной данности художественного образа сознанию. Но это не так. В интерпретации нуждается все, что находится за пределами индивидуального опыта читателя. Поэтому нужна активная просветительская работа, чтобы неумоимо внедрять в сознание читателя представление о поэзии как о сложно устроенном смысле.

Американский лингвист Сол Сапорта сказал: "Поэзия — это язык независимо от того, чем она еще является". Аналогичную мысль мы встречаем у И. Бродского: "Великая литература — это феномен языка, а не идей". "Поэзия есть искусство слова, и действие, производимое ею, есть тайнодействие слова", — писал А. А. Потебня [Потебня. 2000, с. 61]. О магии слова писал также П. А. Флоренский, слово, с его т. зр., может концентрировать в едином фокусе историческую волю целого народа. Поэт способен оживить слово. Голос поэта, его Слово преобразует мировой хаос в гармонию. В слове целый мир культуры.

Поэт ведет нацию к свету по обманчивым мостам радуги. И каждый это делает по-своему. Так, М. Цветаева, лучший русский поэт XX века, жила в каждом своем слове, утверждая, что у нее не было и нет ни одной строки, которая не была бы продиктована внутренней необходимостью. Некоторые исследователи говорят об "уничтожении слова" М. Цветаевой, но, по сути, это предельное его раскрытие, обнажение таящегося в глубине таинственного смысла.

Нагромождения ударных слогов, ее тире и переносы как бы вбивают кол в слово, привлекают читателя к смыслу. Например:

*По холмам — круглым и смуглым,
Под лучом — сильным и пыльным,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — рдяным и рваным.*

Здесь нет ни одного подлежащего и сказуемого, но это стихотворение динамично, ибо в нем 4 тире подчеркивают стремительность движения женского

сапожка за мужским плащом. В ее творчестве присутствует поэтическая “чара”, которая позволяет нам услышать музыку ее времени и ее внутренний голос.

Наши наблюдения показывают, что поэт создает виртуальную, а не реальную, концептуальную картину мира, поэтому поэзия (как и литература вообще) не может быть ни учителем жизни, ни толкователем мира. Закончить свой доклад мне хотелось весьма пространной, но верной по сути цитатой Ивана Солоновича: “Психология народа не может быть понята по литературе. Литература отражает только отдельные клочки национального быта — и, кроме того, клочки, резко окрашенные в цвет лорнета наблюдателя. Так, Лев Толстой, разочарованный крепостник, с 1 стороны, рисовал быт русской знати, и, с другой, отражал чувство обреченности родного писателю слоя. Ф. Достоевский — быт деклассированного и озлобленного разночинца, окрашенный в тона писательской эпилепсии. А. Чехов — быт мелкой интеллигенции туберкулезного происхождения. М. Горький — социал-демократического босяка. Л. Андреев — просто свои алкогольные кошмары.

... Всякая литература живет противоречиями жизни — а не ее нормальными явлениями. Всякая настоящая литература есть литература критическая. В тоталитарных режимах нет критики, но нет и литературы. Литература всегда является кривым зеркалом народной души” (Солонович, 2002, с. 17). Хотелось бы добавить: и кривым зеркалом мира.

И еще пример, Зошенко рисовал русского человека придурком, а немцы подсовывали его рассказы своим солдатам утверждая, что такой народ легко победить. Судя по современной поэтической (художественной) картине мира, Россия — это страна, в которой крадут и обманывают, бьют и доносят, в которой все предано и продано, в которой берут, но не дают, а ко всему окружающему относятся с отвращением либо безразличием (Т. Толстая, А. Петрушевская, М. Харитонов и др.). Но мы знаем, что это не совсем так.

Искусство — всегда условность. Жизнеподобность произведения всегда мнимая. В. Набоков: “Реальность — бесконечная вереница шагов, уровней понимания, ложно достигнутого дна, и, следовательно, она недостижима”.

Итак, если языковая картина мира не отражает реальность, а лишь “отображает ее знаковым способом” (Б. А. Серебренников), то поэтическая картина мира искажает реальность, затемняет ее, но одновременно и открывает мир в новом неожиданном свете.

Литература

- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
 Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. — М., Наука, 1976.
 Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.
 Леонтьев А. А. Психолингвистика. М., 1993.
 Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М., 2000.
 Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.

Солонович И. Народная монархия. М., 2002, с. 17.

Хайдеггер М. Искусство и пространство // Самосознание Европейской культуры XX века. М., 1991.

Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М., 1994.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2004 г.

УДК 821.161.1-31'42

Т. А. Яценко

**ПЕРЕСЕЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА "ЦЕЛЬ"
С ДРУГИМИ КУЛЬТУРНЫМИ КОНЦЕПТАМИ
(на материале романа Ф. М. Достоевского
"Преступление и наказание")**

Культурный концепт "Цель", несомненно, относится к числу мировых концептов (Ю. С. Степанов, В. Г. Проскурин, Н. Д. Арутюнова, Г. Е. Крейдлин, Т. В. Радзиевская и др.). Само понятие "цели", занимающее одно из центральных мест в языковой картине мира, обусловило многочисленность лингвистических исследований, посвященных языковым средствам выражения целевых отношений (А. К. Жолковский, И. Б. Левонтина, Т. В. Радзиевская, М. В. Севолодова, Г. А. Золотова, В. М. Брицын, Е. В. Рахилина и др.). Отнесенность "цели" к важнейшим константам русской и мировой культуры и "мировоззренческий" характер концепта объясняет необходимость обращения при его исследовании к работам по теологии и философии. В связи с тем, что языковая реализация концепта, а также обширных областей пересечения с другими концептами исследуется на материале текста романа Достоевского, необходимым оказывается обращение к специальным исследованиям по творчеству писателя (см. список литературы).

В ходе исследования культурных концептов отмечена их взаимосвязь, причем во многих случаях она так тесна, что "их интерпретация скоро замыкается кругом рикошетов" [1, с. 326].

В связи с этим возникает необходимость более полного исчисления концептов, изучения их реализации в дискурсах разных типов, проведение их лингвистического анализа — в синхронии и диахронии. Значительно расширяет представление о концептосфере национального языка в целом обращение к концептосфере великих национальных писателей [18].

Результаты моей работы по изучению явления пересечения важнейших культурных концептов представлены в ряде статей [41-44].

Новизна данного исследования заключается в следующем:

анализ ценностной составляющей концепта “Цель” рассматривается на материале целостного текста, представляющего важнейшие константы русской культуры; обосновывается взаимодействие культурных концептов “Цель”, “Счастье” и “Рассудок”; расширяется представление о ценностной составляющей культурного концепта “Цель”.

Теоретические основы исследования: 1. Культурный концепт понимается как языковая реализация ментальной единицы, детерминированной национальной культурой [32]. 2. Необходимо разграничение терминов “понятие” (восходящее к латинскому *conceptus*) и “культурный концепт” (восходящее к латинскому *conceptum* — “зародыш, зернышко” первосмысла) [17, с. 81]. 3. Культурные концепты рассматриваются как ментальные образования с нечеткими границами. 4. Исследование культурных концептов предполагает обращение к фактам истории языка.

Цели исследования: 1. расширить представление о ценностных составляющих культурного концепта “Цель”; 2. установить области пересечения исследуемого концепта с другими концептами культуры на материале текста романа “Преступление и наказание”.

Материалом исследования является роман Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание”, текст которого открывает безграничные возможности для лингвокультурологического анализа концепта ‘Цель’.

На особое место романа “Преступление и наказание” в творчестве Ф. М. Достоевского указывают многие исследователи [5, 16, 19, 22, 31, 37, 40] Именно этим романом открывается новый этап духовного и художественного поиска писателя, который продлился до “Братьев Карамазовых”.

Широта понимания культурного концепта, с одной стороны, исключает наличие “сковывающих ограничений”, но, с другой стороны, обуславливает невозможность его полного постижения. “В частности, говоря о концепте, мы точно понимаем, что его-то нам не постичь никогда, поскольку, в отличие от образа, понятия или символа, источающий их концепт обретает свою энергию где-то в четвертом, нам недоступном измерении бытия” [17, с. 85]. Думается, что это “обретение энергии” осуществляется и в области пересечения культурных концептов.

Ближайшим “спутником” “Цели” является, конечно, “Причина”. Известно, что Ю. С. Степанов рассматривает их в пределах одного культурного концепта [33], а Н. Д. Арутюнова, Т. В. Радзиевская — как самостоятельные культурные концепты [1, 27].

Обращение к понятийной составляющей культурного концепта ‘Цель’ показывает, с одной стороны, его отличие от концепта ‘Причина’ (“Причины существуют, цели осуществляются. Причины проецируются в прошлое, цели — в будущее” [1, с. 386]), а с другой стороны, явление контаминации. Эта контаминация может носить как поверхностный характер [29], так и внутренний, [Н. Д. Арутюнова, М. В. Всеволодова, Мельчук, Иорданская и др.], когда речь идет о субъективной причине осознанного намеренного действия.

Н. Д. Арутюнова замечает, что в понятии цели часто объединяются мотивы и собственно цели действия, которые могут совпадать по пропозициональ-

ному содержанию, но неизбежно различаются по модальности. “Мотив входит в контекст желаний и потребностей, цель — в панораму возможных миров” [1, с. 387]. По поводу мотива человеческих поступков и психических состояний отмечается, что он “может быть заключен как в прошлом, так и в будущем” [2, с. 46].

Если говорить о главном герое романа Ф. М. Достоевского, то цель его преступления представлена широчайшей панорамой “возможных миров” (подробней этот вопрос рассмотрен в: [44]), а мотив — самое сокровенное желание, формулируется предельно ясно: *Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил...* (с. 433). Мотив проецируется в план будущего и выражается в синтаксической конструкции, типичной для передачи причинно-следственных отношений.

Если сравнить ценностные составляющие “Причины” и “Цели” именно как культурных концептов, то можно сделать предварительный вывод, что причины чаще носят оправдывающий характер (причины поражений занимают людей больше, чем причины побед) или объясняющий отклонение от нормы (аномальность). Причины “оправдывают” следствия. И оба факта (*причина и следствие*) существуют в модальной рамке реальности: *И странно мне: Петр Петрович так об ней пишет, а он ее нам рекомендует, да еще тебе! Стало быть, ему дорога!* (с. 259). Если действие, направленное на достижение цели, тоже назвать “следствием”, что вполне оправдано, то оно может находиться как в модальной рамке реальности, так и в модальной рамке желания, стремления, ориентированных на цель [1, с. 395]: *Подмигнул мне давеча Порфирий аль нет? Верно, вздор; для чего бы подмигивать? Нервы, что ль, хотят мои раздражать али дразнят меня?* (с. 264).

Из этого следует, что агенсом (который может совпадать или не совпадать с субъектом высказывания — как в приведенном примере) цель оценивается положительно. Даже сам факт наличия цели уже представляется рядом исследователей положительно. *Цель* и близкое ей тоже целевое слово *мечта*, выступая как объекты обладания, заключают в себе информацию о положительных характеристиках лица: *У него есть цель (мечта) в жизни (+ и это хорошо)* [7, с. 29]. См. также фон Вригт о неотделимости концептуального анализа, включая концепт цели, от таксономии оценок [45, с. 5-7].

Выявляя характерные черты слова-концепта *цель*, Т. В. Радзиевская отмечает соотношенность его с ценностным аспектом жизни. “Будучи принадлежностью внутреннего мира лица, цель осмысливается как ментальный “капитал”, а наличие цели трактуется как обладание чем-то ценным, положительным” [27, с. 400]. Но при этом, как указывает Т. В. Радзиевская, наличие цели не связывается с идеей нормы. Высказывания о наличии или отсутствии цели относятся к качественной стороне жизни. То есть иметь цель — хорошо, а не иметь ее — плохо. С этим положением можно согласиться, но неизбежно возникает вопрос об аксиологической оценке цели.

Вот здесь можно провести еще одну границу между причиной и целью: собственно причины (не мотивы!) не нуждаются в аксиологической оценке, они не

бывают “хорошими” или “плохими”; они только способствуют или препятствуют совершению факта — следствия. Другое дело — мотивы: их аксиологическая оценка весьма существенна. Мотивы, как известно, связаны с ситуацией целенаправленного действия, где центральным (активным) актантом является агент. В позиции агенса, по выражению Н. Д. Арутюновой, “как бы записан “генетический код” развития синтаксиса действия. Т. к. цель составляет “неотчуждаемую собственность агенса”, то агент и бенефактор (лицо, в пользу которого совершается действие) в этой ситуации неразделимы [1, с. 394]. Причем это положение считается справедливым не только по отношению к естественным действиям, но и по отношению к целенаправленным, в том числе и социальным, действиям. Если важно подчеркнуть, что действие производится не в собственных интересах, а в интересах *другого*, позиция бенефактора маркируется предлогами *для* и *ради*, которые могут использоваться как в бенефактивном (адресат действия), так и в целевом значении. И в том, и в другом случае агенту свойственно отстаивать полезность своей цели.

Таким образом, “Цель” обладает следующими характеристиками: ориентация на будущее время, модальность желания, стремления, соотносимость с ценностным аспектом жизни, осознание ее полезности, неразрывная связь с агентом.

Представленные особенности “Цели” дают достаточно оснований для вывода о ее неразрывной связи с другим важнейшим концептом русской культуры — “Счастье”. Прежде всего надо помнить, что представления о счастье, о благе, о душе, о жизни и смерти, о цели жизни образуют древнейший пласт мировоззрения человека, а соответствующие понятия покрывают центральную часть аксиологической области личного сознания [8, с. 54].

При всем разнообразии определений счастья и, очевидно, принципиальной невозможности исчерпывающего определения, в семантическом составе *счастья*, по справедливому замечанию С. Г. Воркачева, присутствуют, как минимум, “два семантически неразложимых признака — “семантических примитива”: “желание” и “благо” [8, с. 55]. Но, как известно, “желание” — основная семантическая составляющая “цели”, а осуществление этого желания агенту представляется “благом” (или по крайней мере — полезным), независимо от его объективной оценки со стороны наблюдателя.

Обращаясь к “семантическим антиномиям” счастья, исследователи отмечают, что счастье — это одновременно и оценка человеком своей жизни, и ценность, к которой стремится человек [Додонов, 1978, с. 133]; это эмоция (“переживание полноты бытия”), и интеллектуальная оценка (“положительный баланс жизни”) [Философская энциклопедия, 1960 — 1970, т. 5, с. 175].

Обратим внимание на характерное для определения счастья выражение “то, к чему стремится человек”. Это типично целевая конструкция — и по синтаксической структуре, и по лексике. “Цель”, как и “счастье”, может сопровождаться и эмоциональной, и интеллектуальной оценкой. Но для “цели”, в отличие от “счастья” (эмоциональная оценка), в первую очередь характерна модальная оценка — с преобладанием модальности необходимости [1; 21; 27].

Сближению концептов ‘Цель’ и ‘Счастье’ способствует и тот факт, что представление о счастье в российском менталитете, как отмечается рядом авторов [23; 24; 25] носит компенсационный характер и сопряжено в основном с будущим, а не с настоящим.

Для романа Достоевского эти две константы русской и мировой культуры — “Цель” и “Счастье” — являются основой и сюжета, и идеи романа.

В черновых записях Ф. М. Достоевского, относящихся к третьей редакции романа, есть изложение основной авторской идеи произведения, датированное январем 1866 г. **“ИДЕЯ РОМАНА 1. ПРАВОСЛАВНОЕ ВОЗЗРЕНИЕ, В ЧЕМ ЕСТЬ ПРАВОСЛАВИЕ.** Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием (...) Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием.

Тут нет никакой несправедливости, ибо жизненное знание и сознание (т. е. непосредственно чувствуемое телом и духом, т. е. жизненным всем процессом) приобретается опытом про и contra, которое нужно перетащить на себе (...) [12].

Известно, что, начиная писать роман летом 1865 г., Достоевский находился в крайне тяжелом психологическом и материальном состоянии, переживая трагическое одиночество после смерти в 1864 г. первой жены и брата Михаила. По наблюдениям ряда исследователей [31; 47], именно в это время особую роль для писателя обретает обращение к святоотеческой культуре (Исаак Сирин, Симеон Новый Богослов, Иоанн Лествичник, Нил Сорский, оптинские старцы). Причем книга Исаака Сирина “Слова подвижнические” [14] становится непосредственным источником многих идей романа: необходимость страдания для обретения счастья, живительная сила смирения. (Подробнее см.: [10; 31, с. 24-26]).

Пожалуй, первый раз в романе тема “Счастья” и “Цели” появляется в тексте письма матери Раскольниковова. Пульхерия Александровна пишет, что теперь они могут **“даже похвалиться фортуной”** (с. 35). Думаю, показательно, что здесь использовано именно такое слово: *фортуна* как счастливый поворот судьбы (в противовес прежним страданиям, когда “нам даже в церковь нельзя было ходить от презрительных взглядов и шептаний”). Как следует из текста письма, “фортуна” заключается в том, что мать и дочь живут вместе, несправедливое обвинение с дочери снято и появился жених — господин Лужин. Слово *счастье* появляется позже, когда речь заходит о готовящемся браке. Будущая супружеская жизнь, которая чисто традиционно именуется *счастьем*, соотносится для Дуни с выполнением долга (за долг поставит себе составить счастье мужа), а для Лужина — с откровенным расчетом (человек очень расчетливый и, конечно, сам увидит, что его собственное супружеское счастье будет тем вернее, чем Дунечка будет за ним счастливей). Счастье Дуни и Лужина начисто лишено душевного и эмоционального начала, возможность которого сразу же категорически отрицается: *Конечно, ни с ее, ни с его стороны особенной любви тут нет...* (с. 40). Само отсутствие любви (*нет*) усиливается двойным отрицанием (*ни с ее, ни с его стороны*) и подкрепляется к тому же модальностью полной уверенности (*конечно*).

Настоящее, **сердечное**, счастье обеих женщин — это появившаяся (как им кажется) возможность помочь сыну и брату, в котором сошлись смысл и цель их жизни: *...ты один у нас, у меня и у Дуни, ты наше все, вся надежда, упование наше* (начало письма — с. 34). Эти же слова повторяются и в заключительной части письма (с. 44). Рядом со словом *надежда*, относимом рядом исследователей к целевым словам (И. Б. Левонтина, Ю. Д. Апресян и др.), появляется *упование*, которое отличается от *надежды* семантикой “твердости” и “уверенности”, см. у В. И. Даля: **уповать** “твердо надеяться, ждать с уверенностью, полагаться ничем не смущаясь” [т. IV, с. 502].

Т. о., цель и счастье матери и сестры — **сделать счастливым** “бесценного Родио́на”. Строятся уже и планы для достижения этой цели: наряду с определяющими для этого текста эмоциональными целевыми словами *надежда, мечта, мечтание*, появляются и рациональные *план, проект*. Мать, понимая в душе, что “фортуна” относительна, а жертва дочери ее несомненна, оправдывает цель именно ее **полезностью** для Родиона: Лужин будет **полезен** для карьеры, появится **выгода** для будущего, будущий муж будет **способствовать деньгами** для учебы, сын получит **заслуженное жалование**.

В заключении письма с новой силой звучит тема счастья. Счастье Родиона представляется одновременно и как цель, и как условие счастья его матери и сестры: *Был бы только ты счастлив, и мы будем счастливы*. После строк, выражающих опасение (*не посетило ли и тебя новейшее модное безверие?*) следует напоминание о счастливом времени детства: *Вспомни, милый, как еще в детстве своем, при жизни твоего отца, ты лепетал молитвы свои у меня на коленях и как мы все тогда были счастливы* (с. 44).

Кстати, это напоминание о детстве, отце и молитве — чрезвычайно важно для понимания сна о лошади (письмо получено поздним утром, а сон увиден на закате этого же дня).

Родион Романович, конечно, прочитывает между строк письма, что Дуня готова ради него пожертвовать собой. Здесь как раз тот случай, когда действующее целенаправленно лицо не совмещает, по выражению Н. Д. Арутюновой, функции агенса и бенефактора.

Во внутреннем монологе Раскольниковова, построенном на антитезе, многократно и предельно экспрессивно повторяется, что Дуня не продаст себя и свою душу для своего блага или своего комфорта, а для другого — готова продать: *Дело ясное: для себя, для комфорта своего, даже для спасения себя от смерти, себя не продаст, а для другого вот и продает! (...) Пропадай, жизнь! Только бы эти возлюбленные существа наши были счастливы* (с. 48-49).

Возникает вопрос о средствах достижения цели и путях к счастью. Первый вопрос при лингвистическом подходе находит решение в аспекте модальности. Рядом с модальностью желания, ориентированной на осуществление цели, присутствует и модальность нужды, маркирующая способы, условия и орудия достижения цели [1, с. 395]. “Модальность нужды” связывается со средством достижения цели [там же]. Это значение целенаправленного волеизъявления именуется в филологической и философской литературе по-разному: Х. Зигварт

пишет о "гелеологической необходимости" [13, с. 5], фон Вригт -- об "интенциональности" [6, с. 115-160]. По Х. Зигварту, характер цели соотносится с характером средств ее достижения: "хотение определенной цели делает необходимым хотение определенных средств" [13, с. 244].

Средства достижения цели оказываются связанными с принесением жертвы (в религиозном, мифологическом и обыденном сознании). Для романа Достоевского (как и для всего его творчества в целом) тема жертвы чрезвычайно важна. В "Преступлении и наказании" выделяются три основных типа жертвы как средства достижения цели (и отчасти --- счастья). Первое --- это самопожертвование (Соня, Дуня), когда человек переступает через свой "нравственный закон", ставя целью спасение других людей. *"Для доброй цели", для того, чтобы "счастье его ... устроить"*, Дуня готова переступить через себя: *О, тут мы при случае и нравственное чувство наше придавим: свободу, спокойствие, даже совесть, все, все на толкучий рынок спесем* (с. 48). Образ "переступания", "перешагивания" в целом весьма характерен для романа. Раскольников несколько раз напоминает Соне, что она, как и он, "переступила". О "перешагивании черты" он говорит и сестре: *...и дойдешь до такой черты, что не перешагнешь ее --- несчастна будешь, а перешагнешь --- может, еще несчастнее будешь...* (с. 235).

Второй тип жертвы --- это принесение в жертву людей, которые мешают "людям необыкновенным" достигать своей цели. Третий тип жертвы --- человек, сознательно престапующий закон (и нравственный, и юридический) во имя доказательств справедливости ложной идеи. Такой жертвой идеи становится Раскольников --- вплоть до "Эпилога" романа.

Вопрос о жертвах социальной несправедливости должен быть рассмотрен отдельно.

В теории Раскольникова, изложенной им в статье (фактически первый шаг к преступлению) и написанной за полгода до совершения им убийства, **цель**, к которой ведут мир люди из немногочисленного разряда "необыкновенных", представляется в самом общем виде (ч. II, гл. V). Это нечто "лучшее", во имя чего надо разрушить настоящее, и "обновление", которое соотносится: с научными открытиями ("Кеплеровы и Ньютоновы открытия"), новыми законами ("законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее"), вообще с "новым словом", сказать которое способны только люди из разряда "необыкновенных". Вспомним, что тема "нового слова" является основной в первом же внутреннем монологе героя, которым перебивается авторское повествование: *Любопытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они все больше боятся...* (с. 6).

Утверждение высокой ценности этой весьма туманной цели (которая, впрочем, может быть определена и как прогресс человечества) необходимо для оправдания жертв, которые приносятся во имя ее исполнения (см. справедливое наблюдение Т. В. Радзиевской: чем более абстрактной и отдаленной является цель, тем туманней представление о ней [27]). Но мысль о конкретном убий-

стве появилась позже, примерно за полтора месяца до совершения преступления, когда Раскольников заложил у старухи-процентщицы старые серебряные отцовские часы и золотое колечко, подаренное сестрой. К старухе он почувствовал “непреодолимое отвращение”; по дороге домой зашел в трактир, сел и “крепко задумался”. В этом же трактире он услышал разговор студента с офицером о том, что эту самую старуху “для справедливости” надо убить (ч. I, гл. VI). Цель опять в высшей степени благородная и альтруистическая: справедливость (см.: о концепции “справедливости” у Достоевского в земных и неземных критериях [31, с. 28-31]).

Анализ диалога об убийстве “для справедливости” заслуживает особого внимания: цель *справедливость* представляется как гуманная и полезная, невербализованный бенефактор мыслится как человечество (см. [1, с. 394] — о деконкретизации бенефактора, осмысляемого как высшая цель). Но — обратим внимание! — агент как исполнитель целенаправленного действия отсутствует. Есть только субъект высказываемой мысли: — *Я бы эту проклятую старуху убил и ограбил, и уверяю тебя, что без всякого зазору совести, — с жаром прибавил студент. (...) — Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи мне: убьешь ты сам старуху или нет? — Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут дело* (с. 71-72).

В этом монологе студента, рассуждавшего в унисон мыслям не только Раскольникова (“в собственной голове его только что зародились ... *такие же точные мысли*” — с. 72), но и многих молодых современников (*это были самые обыкновенные и самые частые (...) молодые разговоры и мысли* — там же) прослеживается важнейшая ценностная составляющая культурного концепта “Цель”, связанная с прагматикой высказывания. Автор высказывания, совпадающий с агентом, **свою** цель всегда (или почти всегда) оценивает как полезную, справедливую, достойную. Причем, как представляется, для русского сознания характерно отнесение цели к неопределенному будущему и придавание ей “вселенского” характера.

Такой характер цели непосредственно связывается с представлением не просто о будущем, а о вселенском будущем (см. философию русского космизма — Муравьев В. Н. — [24, с. 11, 78]).

Проповедующий “справедливость” студент цель ставит очень высокую и абстрактную: “служению всему человечеству и общему делу” (стилистика высказывания вполне соответствует этому настрою), но **средство достижения** этой цели (по выражению Н. Д. Арутюновой, “ее ближайший концептуальный партнер”) предельно конкретно: *Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу...* (с. 71).

“Полезность” цели часто подкрепляется “расчетом”. В дальнейшем изложении предпринимается попытка показать, что Достоевский чисто рассудочный подход к определению цели и к способам ее достижения представляет как губный для человека. В языке романа в ассоциативное поле концепта “Рассудок”, помимо центрального слова (*рассудок*), входят также *расчет, выгода, точность* и др., но особая роль принадлежит слову *арифметика*. Оно повторяется

многократно как попытка (именно *попытка!*) доказательства неопровержимой правильности рассуждения, в данном случае — правильности цели: “*Одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь виш, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна*” (с. 71) Это из монолога студента, встреченного в трактире. “Арифметика” как попытка самооправдания является одним из лейтмотивов и монологов Раскольникова (равно внутренних и произнесенных): *...возможную справедливость положил наблюдать в исполнение, вес и меру, и арифметику...* (с. 285).

Даже будучи уже на грани признания в убийстве, Раскольников по-прежнему ищет спасения в “арифметике, не признавая содеянное “преступлением”: *Я сам хотел добра людям и сделал бы сотни, тысячи добрых дел вместо одной этой глупости (...)* *Этой глупостью я хотел только поставить себя в независимое положение, первый шаг сделать, достичь средств, а там все бы загладилось неизмеримой, сравнительно, пользой...* (с. 543). Повторяется то же основание антитезы: ничтожно малая жертва (*убил гадкую, зловредную вошь, старушонку-процентщицу, никому не нужную, которую убить сорок грехов просят, которая из бедных сок высасывала, и это-то преступление?* (с. 542) одна глупость (*даже не глупость, а просто неловкость*) и тысячи добрых дел.

Ничтожность жертвы выражается, помимо повторяющейся метафоры *вошь* (“вредность”, “ничтожество”), морфолого-слообразовательными средствами выражения крайней степени бесполезности: самую **наибеспольнейшую** вошь (аналитическая форма суперлятива усилена префиксом *наи-* и суффиксом — *ейш* — со значением усиления качества).

Другим “арифметическим” оправданием преступления является тезис: **все** проливают кровь и много крови (*льется и всегда лилась на свете, как дождь*), но за нее “венчают в Капитолии и называют потом благодетелем человечества” (с. 543).

Страстное отвергание Достоевским “арифметики” как средства решения важнейших вопросов жизни человека, к которым относится и целеполагание, несомненно, соотносится с концептосферой русского языка.

Если говорить о “Цели” как о концепте русской культуры (а не целесообразности в научном смысле), то как раз точный расчет (арифметика) и абстрактная логика, которые могут быть соотнесены с “Рассудком” не входят в число его положительных ценностей.

Заслуживает внимания наблюдение С. Сальвестрони о том, что автор наделяет Раскольникова двумя совершенно разными языками: языком сознательного рассуждения, которому удастся привести все к согласию благодаря упрощениям строгой и абстрактной логики, и языком, который через череду сновидений приводит к свету от желаний, идущих в ином направлении” [31, с. 32]. Это совершенно справедливо, но нужно добавить, что это и два разных мировосприятия, трагически совмещенных в одном человеке.

Цельные натуры вообще встречаются нечасто, внутренняя противоречивость, в той или иной степени, присуща большинству людей. Но, по мысли мно-

гих исследователей, внутренние противоречия русских характеров особенно выразительны и загадочны. И в этом смысле герои Достоевского тоже стали выразителями русского духа для не-русского мира [36, с. 384]. (Кстати, Соня не может понять мотива и самого факта преступления Раскольникова именно в силу рассогласованности преступления с его личностью в ее представлении).

Соединение разных идеологий и взаимоисключающих мыслей в одном человеке представляет психологический феномен, который в трудах Ф. А. Степуна назван “оборотничеством”, при этом автор основывает свои мысли не только на наблюдениях над предреволюционной и революционной Россией, но и над героями Достоевского. “В русской душе есть целый ряд свойств, благодаря которым она с легкостью, быть может не свойственной другим европейским народам, становится, сама иной раз того не зная, игрищем темных оборотнических сил” [34, с. 214].

В исследовании Н. Д. Арутюновой нет обращения к тексту романа “Преступление и наказание”, но сделанные ею наблюдения во многих случаях к нему вполне приложимы. Особенно существенным представляется ее наблюдение по поводу конфликта между самой природой (натурой) человека и его идеологией, сосредоточенной в “усиленном сознании”. “Тема адекватности поведения “первооснове” личности была очень важна для Достоевского” [3, с. 866]. Эта тема связывается с вопросом о причине греха.

Принято считать, что Достоевский, как никто другой до него, показал глубокий разрыв между поведением человека и его нравственной сущностью [3, с. 861]. Предельно чеканно эта мысль выражена В. В. Розановым: “Поднимите “Преступление и наказание” к свету вечности, и что вы там увидите, за выбором всех подробностей, в единственно исключительном сюжете: “праведного” “убийцу”, “святую” “проститутку”. Вот суть; остальное — аксессуары” [30, с. 319].

Многие исследователи отмечают, что противоречивость поведения и мышления Раскольникова объясняется неоднозначностью его личности. М. Бахтин, пользуясь музыкальной терминологией, определяет специфику его мышления как “внутриатомный контрапункт”, своего рода психологическую полифонию [4]. Показательна в этом плане и сама фамилия героя *Раскольников*, дающая основание для соотнесенности ее с идейно-художественным замыслом произведения. Ю. Карякин пишет о “говорящей” фамилии в духе классицизма: “Во второй половине XIX века Достоевский не устранился наделять своего героя откровенно выразительной, вызывающе наглядной фамилией, как бы в духе классицизма: Раскольников, расколотый человек”. Б. Н. Любимов соотносит фамилию героя с социально-политической атмосферой России 60-х годов XIX века: “Герой впервые представляет себя: Раскольников, студент. И его фамилия, и социальная принадлежность относятся к значащим элементам, особенно в атмосфере 60-х годов прошлого века. В роман вводится тема молодости, незрелости и протеста, раскола” [22, с. 214]. И. Ф. Рагозина, отталкиваясь от характеристики, данной Раскольникову Разумихиным (*велико-*

душен и добр и холоден и бесчувственен до бесчеловечности), считает возможным говорить, что в Раскольникове уживаются не два человека, а человек и "не человек" [26], далее говорится, что он избывает в себе "нелюдя". Л. В. Карасев "прочитывает" фамилию Раскольников в буквальном смысле — как раскалывающий жертву топором: "Раскольников — тот, кто раскалывает". Он и сам, "со своей смертельной идеей, нависшей над толпой, и в самом деле похож на топор" [15].

Думается, что главный "раскол" в личности героя — это противоречие между его натурой и принятой и исповедуемой губительной идеей.

Натура героя бунтует против "арифметики". В контексте романа эта мысль с удивительной выразительностью реализована в гл. V первой части романа. Проснувшись на Петровском острове после страшного сна о том, как бессмысленно и страшно люди убивают лошадь, он чувствует, как "смутно и темно на душе". Только что пережитая детская боль за истязаемое животное и прерывающийся крик "За что..." переходят в ужас перед тем, что он сам готовится стать убийцей: — *Боже!* — воскликнул он, — *да неужели жэ, неужели жэ в самом деле возьму топор, стану бить по голове, разможжу ей череп... буду скользить в липкой, теплой крови, взламывать замок, красть и дрожать; прятаться и весь залитый кровью... с топором... Господи, неужели?* (с. 65). Этот ужасный сон приводит героя в состояние катарсиса. Наступает мгновенное прозрение: *Нет я не вытерплю, не вытерплю! Пусть, пусть даже нет никаких сомнений во всех этих расчетах, будь это все, что решено в этот месяц, ясно как день, справедливо как арифметика. Господи! Ведь я все жэ равно не решусь! Я ведь не вытерплю, не вытерплю!..* (с. 65). Он впервые взывает к Господу, он даже молится: "*Господи! — молил он, — покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!*" (с. 66). Впервые слово *путь* употребляется в особом значении. Заслуживает особого внимания и анализа в этом контексте слово *мечта*, произнесенное после паузы, выдающей невольную остановку перед тем, чтобы назвать свой "замысел" убийством.

Среди ряда значений слова *мечта* (1. что-л. созданное воображением, фантазией; 2. процесс создания в воображении каких-н. образов, представляемых как существующие; 3. мысль о чем-то сильно желаемом; стремление, желание; 4. о чем-то, являющемся пределом желаний; 5. о чем-то нереальном, несуществующем или неосуществимом) [МАС, т. II, с. 263-264] со значением *цели* соотносится четвертое значение.

Заметим, что в пределах первого значения выделяется также устаревшее 'призрак, видение'. Кстати, "Словарь языка Пушкина" отмечает 11 употреблений слова *мечта* в значении 'сновидение, видение, призрак'. В таком же значении отмечено употребление слова *мечтанье*. В словаре В. И. Даля, *мечта* толкуется и в привычном для нас значении 'всякая картина воображения и игра мысли; пустая, несбыточная выдумка' и в устаревшем значении 'призрак, видение, мара' [Даль, т. II, с. 324]. См. наблюдение В. А. Масловой об употреблении М. Цветасвой слова *мечта* в старом значении — "наваждение", "чара" [23, с. 125].

М. Фасмер (со ссылкой на Мельникова) указывает на значение *мечты* в народной речи: “видение, призрак, умопомрачение”. Этимологически *мечта* связывается с латинским *micare* ‘трепетать, шевелиться, мерцать’, см. также *мигать*; в-лужицкий *mikas*, н-лужицкий *mikas*, ‘мигать, прищуривать, мерцать, сверкать’. По Г. А. Ильинскому, “из такого значения одинаково легко могли развиться как ‘призрак, видение, наваждение’, так и ‘фантазия, неопределенная и неясная мысль’” [38, т. II, с. 614];

О разграничении семантики *цели* и *мечты* написано уже немало [21; 27]. Но обращение к контексту целостного произведения позволяет увидеть области перехода от одного значения к другому. В самом начале романа при первой встрече с Раскольниковым, который идет “делать *пробу* своему предприятию”, *мечта* еще не соотносится с целью и представлена иносказательно как мысли “...о царе Горохе”, которые мешают делу. Не случайна эта пауза, переданная многоточием, потому что герою даже во внутреннем монологе страшно выговорить, что им задумано. В последующем авторском тексте, описывающем психологическое состояние героя, можно проследить, как “безобразная мечта”, которая сродни *наваждению* и *злым чарам*, что подкрепляется наличием семных характеристик ‘соблазна’ и ‘безобразия’, становится “предприятием”.

После сна эта *мечта* названа *проклятой*, и то, что эта “проклятая мечта”, является порождением темных сил, подтверждается не только эпитетом, в целом не характерным для этого слова, но и последующим текстом: *Он свободен теперь от этих чар, от колдовства, обаяния, от наваждения* (с. 66).

Но это счастливое состояние Богоприсутствия и облегчения было прервано в тот же вечер — все тем же “вредным расчетом”. Совершенно случайно Раскольников услышал, что завтра, в семь часов вечера, старуха будет одна. Он вошел к себе домой, “как приговоренный к смерти”. Тема духовной смерти Раскольникова и последующего его воскресения связывается с Евангельским текстом о воскрешении Лазаря (см. об этом [10; 15; 31])

Глава заканчивается абзацем, где безумное решение, глубоко противное душе человека, который подчиняется ему, обосновывается с позиции якобы здравого смысла, с активным использованием “рациональной” целевой лексики: *Конечно, если бы даже целые годы приходилось ему ждать удобного случая, то и тогда, имея замысел, нельзя было **рассчитывать** наверное на более **очевидный шаг к успеху** этого замысла, как тот, который представляется вдруг сейчас. Во всяком случае, трудно было бы **узнать** накануне и **наверно, с большей точностью и с наименьшим риском**, без всяких опасных расспросов и разыскиваний, что завтра, в таком-то часу, такая-то старуха, на которую готовится покушение, будет дома одна-одинехонька* (с. 68).

Как “мыслящий” человек, он надеется, что точный расчет и логика помогут ему осуществить замысел, достичь цели, при этом внутренне “оправдать” ее и избежать внешнего наказания. Тщательно продумав все “мелочи” (т. е. сам способ достижения цели), надеясь, что “рассудок и воля останутся при нем” (с. 77), Раскольников завершает свой анализ “предприятия”: “*А между тем, ка-*

залось бы, весь анализ в смысле нравственного разрешения вопроса, был уже им по-кончен..." (с. 76). И вот здесь чрезвычайно важно модальное слово *казалось бы*, выражающее смысловую неуверенность. Но за этим прорвавшимся сомнением следует чеканная фраза: *"Казуистика его выточилась, как бритва, и сам в себе он уже не находил сознательных возражений"* (с. 76-77). Уподобление остроты казуистики остроте бритвы в контексте глав (ч. I, гл. V, VI), где ее особы достижения цели, а именно орудия — в прямом смысле орудия убийства (топор, нож, кнут, лом) представлены в устрашающей наглядности, воспринимается как предупреждение о гибельности иных теорий, отличающихся заманчивой интеллектуальной остротой.

Раскольников приходит к выводу, что *"главнейшая причина"*, почему *"так ясно"* обозначаются следы почти всех преступников, заключается в самом преступнике (в абзаце текста, где развивается эта мысль, слова *"преступление"* и *"преступник"* повторяются 10 раз! — с. 77). И эта причина — *"загмение рассудка и упадок воли"*. Т. о., необходимое условие выполнения задуманного — воля и рассудок.

Что касалось именно его, то он *решил* (тоже очень важное слово), что *"рассудок и воля останутся при нем неотъемлемо, во все время исполнения задуманного, единственно по той причине, что задуманное им — "не преступление"...*(с. 77). В авторский текст включается реплика из внутреннего монолога Раскольникова, где вновь подтверждается определяющая сила *"воли и рассудка"* в решении *"фактических, чисто материальных затруднений дела"*: *Стоит только сохранить над ними всю волю и весь рассудок, и они, в свое время, все будут побеждены, когда придется познакомиться до малейшей тонкости со всеми подробностями дела...* (с. 78). И когда рассудок не может преодолеть непредвиденную случайность (невозможность взять топор на кухне, т. к. Настасья развешивала там белье), *"выручает"* другой случай: нашел топор в дворницкой (подробный анализ символики этого эпизода [15]). *"Не рассудок, так бес!" — подумал он, странно усмехаясь* (с. 79).

Вспомним также, что в романе Достоевского рассудочное оправдание преступления часто стоит рядом с воздействием темных сил. Так, Раскольников в сцене признания Соне в преступлении говорит одновременно и о тщательной продуманности решения (*И неужели ты думаешь, что я как дурак пошел, чертя голову? Я пошел как умник, и это-то меня и сгубило* — с. 437) и о том, что был не властен над собою (*я ведь и сам знаю, что меня черт тащил* — с. 436 — 437; *это ведь дьявол смущал меня* — с. 436).

"Рассудок" отождествляется с бесом, хотя часто считается, что рассудок должен *"побороть беса"*. Но это скорее дело Разума.

Напомним, что в трудах П. Флоренского рассудок определяется как *"враждебный жизни"*, а разум определяется как сама *жизнь* [39].

Обретение счастья героем романа (Эпилог, гл. 2) происходит не в результате сознательного решения, а по движению его души. *"Бесконечность"* счастья, которую он впервые почувствовал, находясь в остроге, неразрывно связана с *"обновлением"*. Это *"обновление человека"* (а не социальных условий)

представляется Достоевским как “полное воскресение в новую жизнь” (с. 573).

Выводы

1. Основополагающей для характеристики концепта “Цель” в романе является аксиологическая оценка самого содержания целеполагания с христианских позиций.

2. Аксиологическая оценка концепта “Цель” обуславливает его соотносительность с концептом “Счастье”. При этом, как выявляется в контексте романа, цель и счастье не должны быть привносимы из вне; человек сам должен пройти путь для понимания и достижения.

3. Ценностная составляющая концепта “Рассудок”, ассоциируемая с расчетом и механической логикой, воспринимается отрицательно, как враждебная естественным законам жизни. Рассудочный подход к определению цели и способов ее достижения представляется как пагубный для человека.

4. Обращение к материалу произведения, включенного в контекст национальной культуры, открывает новые возможности для изучения концептосферы данного языка.

Перспективы исследования состоят в изучении концептосферы романа “Преступление и наказание” как отражения концептосферы русского языкового сознания.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык цели // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. — М.: Индрик, 2003. — С. 386-396.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896с.
3. Арутюнова Н. Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Язык и мир человека. — С. 846-873.
4. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. — М., 1972.
5. Ветловская В. Е. Приемы идеологической полемики в “Преступлении и наказании” Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 12. — СПб, 1996.
6. Вригт Г. Х. Интенциональность и телеологическое объяснение // Логико-философские исследования: Избранные труды. М., 1986.
7. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного. — М., 1978.
8. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. — М.: Гнозис, 2004. — 236 с.
9. Всеволодова М. В., Ященко Т. А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. — М., Русский язык, 1988.
10. Достоевский и православие. — М., 1997.
11. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Собр. соч. в 10 томах, т. 5. — Государственное изд-во художественной литературы. — М., — 1957 г.
12. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т., Л., 1972-1988, Т.7, с. 154-155.

13. Зигварт Х. Логика. Т. 1. Учение о суждении, понятии и выводе. СПб., — 1908.
14. Исаак Сириин. Слова подвижнические. — М., 1911.
15. Карасев Л. В. О символах Достоевского // Вопросы философии. — 1994. — №10. — с. 90-111.
16. Касаткина Т. А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. — М., Наследие, 1996. — 336 с.
17. Колесов В. В. "Жизнь происходит от слова..." — СПб.: Златоуст, 1999. — 368 с.
18. Космеда Т. А. Концептосфера дневника Т. Г. Шевченко: концепт Украина // Мова. Науково-теоритичний часопис з мовознавства. — №8. Одеса, 2003.
19. Котельников В. А. Православная аскетика и русская литература. — СПб, 1994.
20. Крейдлин Г. Е. К проблеме языкового анализа концептов "Цель" VS "Предназначение" // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. — М.: Индрик, 2003. — С. 430-438.
21. Левонтина И. Б. Целесообразность без цели // ВЯ, 1996. — №1. — С. 42-57.
22. Любимов Б. Н. Роль Достоевского // Действо и действие, том 1. — М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. — С. 137 — 241.
23. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: Учебное пособие. — М.: Флинта: Наука, 2004. — 256с.
24. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В. А. Маслова. — Мн.: Тетра Системс, 2004. — 256с.
25. Нива Ж. Модели будущего в русской культуре // Звезда, 1995, №10.
26. Рагозина И. Ф. Логика этических рассуждений в романе "Преступление и наказание" и специфика их языкового выражения // Логический анализ языка: Языки этики. — М.: Языки русской культуры, 2000. — с. 313-318.
27. Радзиевская Т. В. Семантика слова *цель* // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. — М.: Индрик, 2003. — С. 397-402.
28. Радлов Э. Л. Соловьев и Достоевский // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931гг. — М., 1990.
29. Рахилина Е. В. Отношение причины и цели в русском тексте // ВЯ., 1986, №6.
30. Розанов В. В. Из лекции о Достоевском // Опыты: Литературно-философский ежегодник. — М., 1990.
31. Сальвестрони С. Библиейские и святоотеческие источники романов Достоевского / Пер. с итальянского. СПб.: Академический проект, 2001. — 187 с.
32. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М.: Academia, 2000.
33. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. — М.: Школа "Языки русской культуры". — М., 1997.

34. Степун Ф. А. Мирозерцание Достоевского // О Достоевском: Творчество. — М., 1991.
35. Степун Ф. А. Мысли о России // Новый мир., 1991. №6.
36. Струве П. Б. Достоевский — путь к Пушкину // Русская идея: В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. — М., 1994.
37. Тихомиров Б. Н. Творческая история романа Ф. Достоевского “Преступление и наказание”. — Л., 1986.
38. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е. В четырех томах. — М.: Прогресс, 1986.
39. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. — Берлин., 1929.
40. Фудель С. Наследство Достоевского. — М., 1998.
41. Яценко Т. А. Концепт причины в “Толковом словаре живого великорусского языка” В. И. Даля // Т. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. — С-Петербург, 2003. — С. 283-289.
42. Яценко Т. А. Концептуальное представление “Причины” и “Цели” в “Толковом словаре живого великорусского языка” В. И. Даля // Вісник Черкаського університету. — Серія “Філологічні науки” Черкаси, 2003.
43. Яценко Т. А. Семантика “ради” как область пересечения культурных концептов `радость`, `цель` и `причина` // Язык и культура. — вып.6, т.3. ч.1. — К., 2003. — С. 381-388.
44. Яценко Т. А. О некоторых особенностях реализации культурного концепта “Цель” в романе Ф. М. Достоевского “преступление и наказание” // Культура народов Причерноморья. №3, сентябрь 2004. — С. 86-90.
45. Wrigt G. H. Von. The varieties of goodness. N. Y.; L, 1963, с. 5-7.
46. Evdokimov P. La houeaute' de l'espit. Abbaye de Bellefontaine. — Paris, 1979.
47. Evdokimov P. Golol et Dostoevskiy. — Paris, 1961.

Статья поступила в редакцию 18 октября 2004 г.

81'23:81'33+159.953.32

Л. Е. Бессонова, А. Ю. Зелинская

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ
АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА «ОБРАЗОВАНИЕ»
(из опыта проведения экспериментальных методик)**

Постановка проблемы. Лингвистика нового тысячелетия характеризуется переходом от изучения внешней формальной стороны языка к исследованию его глубинной структуры, связей и отношений с другими объектами научного познания. Это объясняется тем неоспоримым фактом, что в рамках современной антропоцентрической парадигмы, которую принято называть суперпарадигмой,

в последней трети XX века достаточно интенсивно развивается коммуникативно-прагматическая концепция лингвистического видения мира [1; 3; 9; 10; 11]. Эта концепция обуславливает и развитие самостоятельных лингвистических парадигм. «Проблема интерпретации происходящих в языке изменений может быть в той или иной степени решена лишь при условии фокусирования внимания на трех составляющих: мир как он есть, как воспринят, и как вербализуются представления о нем» [16, с. 84]. Так, по справедливому замечанию Е. И. Горюшко, на смену психолингвистической парадигме постоянно приходят более «антропоориентированные», культурологические и ментальные парадигмы, одной из которых является ассоциативная модель «языкового сознания» (концепция Ю. Н. Караулова и авторов Ассоциативного тезауруса современного русского языка) [5, с. 299].

Построение новой ассоциативной парадигмы концептуальной теории позволяет получить информацию о способах концептуализации языка и мира человека, о содержании и структуре концептов как комплексных мыслительных единиц, выявить не только концептуально значимые когнитивные признаки, но и образные, ценностные составляющие концептов. Более того, эта концепция прямо базируется на идее Ю. Н. Караулова о том, что язык может быть представлен не только в виде системных отношений, не только в виде большой совокупности текстов, но и в виде ассоциативно-вербальной сети, соотносящейся с языковой способностью человека [8, с. 8-9; с. 13]. Таким образом, ассоциативная лингвистика, одно из приоритетных направлений в теории лингвистического описания, отработывает специфический методологический аппарат, в котором ассоциативный эксперимент выделяется как основной и перспективный метод исследования.

Цель статьи — построение ассоциативного поля концепта «образование» как предмета конструирования процесса познания, а также описание его структурно-семантического содержания.

Эта цель реализуется в следующих **задачах**: 1) раскрыть основные теоретические предпосылки построения ассоциативной модели языкового сознания; 2) определить и классифицировать концептуальные признаки понятия «образование»; 3) охарактеризовать ассоциативно-семантические зоны концептуального поля «образование» с использованием данных свободного ассоциативного эксперимента.

При описании теоретико-методологических основ ассоциативного подхода к исследованию концептов в современной лингвистике принято обозначать общенаучные принципы теории отражения Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Ж. Пиаже.

Разграничивая мышление и сознание, Л. С. Выготский в известной работе «Мышление и речь» (1934) справедливо отмечает, что единицы мысли и единицы речи не совпадают. На наш взгляд, важными для понимания механизмов концептуализации мира являются также его размышления о содержании так называемого «черного ящика» — когнитивного и речемыслительного действия, которое разворачивается от мысли к слову. Процесс отражения, по мнению

Л. С. Выготского, происходит в сознании человека, а его связи с мышлением незначительны. Согласно его теории действительность, воспринимаемая человеком, вначале проявляется в сознании в виде представления, а “всякое представление, проникшее в сознание, имеет тенденцию укрепиться, задержаться в нем” [2, с. 336].

Один из ценных моментов в теории Л. С. Выготского заключается в том, что он объясняет движение от личностного смысла, возникающего в процессе восприятия и отражения действительности отдельным человеком, к значению этого объекта. Иначе говоря, это путь от индивидуального смысла к тому, что понимается всеми носителями данного языка и что позволяет определять деятельностный фрейм в учении о порождении речи. В рамках этой теории и сформировался деятельностный подход А. Н. Леонтьева. Отражение возникает в сознании только в том случае, когда субъект проявляет определенную активность в познавательной деятельности. И когда он при помощи органов чувств и мозга воспринимает окружающий мир, происходит “вычерпывание реальной действительности, ее свойств и отношений” [13, с. 61]. По мнению А. Н. Леонтьева, для возникновения отражения недостаточно одностороннего воздействия вещи на органы чувств субъекта, для этого необходимо еще, чтобы существовал встречный, активный со стороны субъекта процесс. Таким образом, мы можем уверенно говорить о том, что для возникновения отражения недостаточно простого раздражения органов чувств, т. к. воспринимают действительность не сами органы чувств, а человек при помощи этих органов. Действительно, вся жизнь человека фиксируется, интерпретируется и обобщается в категориях языкового сознания, которые вербализуются системой языковых единиц.

На вышеизложенных позициях основывается ряд психолингвистических теорий, в том числе теория языковой картины мира.

Одним из методов изучения языковой картины мира является анализ концептуальных блоков, которые предопределяют наше видение окружающего мира, наше восприятие и членение реальной действительности.

Анализ научной литературы показывает, что современная лингвистика характеризуется многообразием подходов и приемов изучения концепта (Анна Вежицкая, Н. Д. Арутюнова, Д. С. Лихачёв, Ю. С. Степанов, А. Д. Шмелёв, Е. С. Кубрякова, И. А. Стернин, Э. Д. Попова, Г. Г. Слышкин, В. И. Карасик, Н. Н. Болдырев, С. Г. Воркачёв, Е. А. Селиванова, Л. Н. Синельникова, Г. Ю. Богданович, Г. М. Яворская).

Исследование может начинаться с некоторого выбранного концепта, рассматриваются все возможные средства его выражения. Научное описание концепта совершенно справедливо начинают с выделения некоторого ключевого слова — имени концепта — к которому подбираются различные контексты его употребления. Это позволяет изучить семантику данного слова, выявить набор семантических признаков, которые чётко проявляются в процессе употребления. Таким образом выявляется специфика концепта, репрезентируемого этим словом.

В рамках этого направления выделяются несколько способов исследования, наиболее эффективных в совокупности.

Наиболее полным образом концепт слова и его когнитивная модель определяются посредством построения ассоциативных полей слов. Информация, извлекаемая из ассоциативного словаря (как коллективного, так и индивидуального), относится ко всем трём уровням языковой личности: грамматико-семантическому, когнитивному, прагматическому. Основные теоретические положения ассоциативного эксперимента (АЭ) подробно раскрыты в работах Ю. Н. Караулова и Е. И. Горошко. Так, Ю. Н. Караулов считает продуктивным обращение учёных к экспериментальным данным ассоциативных норм языка, так как ассоциативное поле составляет ядро языкового сознания носителей языка [6, с. 194]. Кроме того, в работе «Русский язык и языковая личность» исследователь отмечает, что ассоциативный эксперимент позволяет получить тонкие наблюдения над субъективными смыслами и составить более или менее полную характеристику личности [7, с. 102]. Анализируя отечественную теорию когнитивных процессов, Е. И. Горошко отмечает, что АЭ обладает достаточно большой валидностью и объяснительной силой [4, с. 5]. Более того, метод свободных ассоциаций является одним из самых мощных инструментов исследования специфики языкового сознания малых социальных групп [4, с. 292]. По мнению С. Л. Мартинек, «ассоциативный эксперимент является методом, позволяющим получать психологически релевантные результаты» [12, с. 131]. Исследовательница убеждена в том, что «ассоциативные связи между словами не являются случайными, они детерминированы всей познавательной деятельностью человека» [12, с. 130]. Поскольку ассоциативная связь как феномен определяется «именно культурой во всём её многообразии, со всеми значениями, опытом, в том числе чувственным опытом, в котором мы не отдаём себе отчёта», поэтому изучая ассоциации, мы «апеллируем к неосознаваемому глубинному слою нашей психики» [17, с. 192].

Различают следующие основные виды ассоциативного эксперимента:

1. Свободный (САЭ), когда испытуемому предлагается ответить на слово-стимул S первым пришедшим в голову словом R. Свободный ассоциативный эксперимент считается самым простым и, в то же время, очень эффективным. На ассоциации, полученные в результате этого эксперимента, могут влиять два фактора: «лингвистический», т. е. характеристики слова- стимула, и «парадигматический», т. е. личность испытуемого.

2. Направленный (НАЭ), в котором экспериментатор некоторым образом ограничивает выбор ответа R, например, от испытуемого требуется дать слово, противоположное по значению, синоним и т. п. или же определённые синтагматические реакции. Считается, однако, что направленность эксперимента снижает его валидность.

3. Цепной (ЦАЭ), в котором испытуемому предлагают за ограниченный промежуток времени ответить любым количеством слов на слово-стимул S. Главный недостаток этого типа эксперимента заключается в том, что в нём наблюдается сильная зависимость между последовательно поступающими реакция-

ми и часто оказывается, что ассоциация является реакцией не на слово-стимул, а на предыдущее слово [4, с. 16-17].

На наш взгляд, определяющим при исследовании социокультурных концептов, к которым относится и концепт “образование”, является САЭ.

В результате лексикографического описания и проведённого семантического моделирования семантемы ключевого слова “образование” были выделены такие слова-стимулы: “знание”, “обучение”, “культура”, “наука”, “чтение”, “профессия”, “университет”, “студент”, “диплом”, “коллектив”, “самореализация”, “интерес”, “деньги”, “работа”, “будущее” (всего 15 слов-стимулов).

Данные АЭ, проведенного со студентами, носителями русского языка, включают 854 реакции, причем возраст респондентов варьируется от 18 до 23 лет. Среди респондентов 60 лиц женского пола и 40 мужского. В процессе проведения эксперимента использовались как групповая, так и индивидуальная формы.

Эксперимент проводился в письменной форме и включал несколько этапов. На первом этапе нашей целью было выявление глубинной структуры лексемы “образование” путем построения его парадигматических моделей. Для этого испытуемым предлагалось подобрать два-три прилагательных и два-три синонима к слову “образование”. На втором этапе информантам необходимо было в свободной форме дать определение образованию. И третьим этапом был собственно ассоциативный эксперимент, когда опрашиваемым предлагалось дать реакцию на 15 слов-стимулов, которые были выбраны нами как вербализующие концепт “образование”.

Обратимся к результатам эксперимента. На первом этапе информанты наиболее часто использовали модель “высшее образование”, что, очевидно, связано с идентификацией себя как студента высшего учебного заведения. Частотными также оказались атрибутивные характеристики “среднее”(48%) и “хорошее”(34%). Остальные определения менее частотны и составляют периферийную зону анализируемого фрагмента концептуальной картины мира.

Построение парадигматического ряда с доминантой “образование” позволило сделать вывод о том, что респонденты рассматривают образование и как *процесс* получения знаний и как *результат* этого процесса, что соответствует данным, полученным в результате анализа словарных дефиниций. Так, синонимами слова “образование” выступают такие слова, как “обучение” (88%), “наука” (43%), “учённость” (34%), “просвещение” (34%), “образованность” (18%), “знание” (15%), “профессия” (8%), “эрудированность” (2%). Ответы респондентов практически не дают возможности многозначной интерпретации понятийной составляющей исследуемого концепта, что свидетельствует о чёткости представления образования в языковом сознании современника.

Реакции, полученные на втором этапе исследования, позволяют эксплицировать значения, зафиксированные в толковых словарях: 48% опрошенных рассматривает образование как *процесс* получения систематизированных знаний, 52% определяют его как *результат* этого процесса. Кроме того, как показывает эксперимент, 20% из 100% связывают образование с каким-либо учебным заведением (школа, гимназия, лицей, техникум, вуз и т. п.). И при этом студен-

ты не связывают образование с процессом самостоятельного получения знаний. Интересно, что 21% информантов считает, что образование предполагает не только обучение, но и воспитание, развитие личности.

Далее мы обобщаем реакции на представленные слова-стимулы, что позволяет эксплицировать определённую концептуальную информацию.

Ассоциативные реакции на стимул **«знание»** позволяют сделать вывод, что знания связаны с обучением (образование, наука, профессионализм), знания дают уверенность (сила, свет, уверенность в себе), они связаны с интеллектуальной сферой (книга, интеллект). Знания **«нужны»** (12%), они **«прочные»** и связаны с будущим. Здесь следует заметить, что студенты связывают знание с определёнными перспективами своего жизненного пути.

«Обучение» информанты связывают с учебным заведением (школа, университет, институт), средствами обучения (компьютер (11%), учебники (8%), книги (10%), библиотека (2%); рассматривают его как процесс (32%), связывают его со знанием и дают оценочную характеристику (качественное, эффективное, неинтересное). Следовательно, эти концептуально значимые признаки и составляют ядерную зону микросистемы **«обучение»**.

«Культура» у 90% респондентов ассоциируется с нравственностью (этика, вежливость, нравственные ценности, воспитание) и с искусством (театр, искусство, фильм, музей, музыка, книги). Кроме того, отмечается связь культуры с традициями народа и необходимостью создания культурного пространства в современном украинском обществе. Интересно, что у 4% опрошенных культура ассоциируется со знанием.

Слово-стимул **«наука»**, к нашему удивлению, дало немного реакций (49 из 100). В большинстве ответов даётся ориентация на конкретную научную сферу (72%): биология, **«колбы и пробирки»**, лингвистика, механика, интегралы; также наука связывается с обучением (15%) (университет, институт, знание), субъектами науки (учёный, доктор наук, лингвист). Проанализировав частотность реакций и их семантику, можно сделать вывод о коммуникативной нерелевантности этих концептуальных признаков, что подтверждается слабым интересом студентов к научной жизни вузов.

«Чтение» 80% информантов связывают с книгой, 3% — с периодическими изданиями (газета, журнал). Многие отмечают, что чтение — это **«то, что я люблю»**, говорят об интересе, определяют чтение как захватывающее. 34% опрошенных дают ассоциацию **«знание»**.

Реакцией на слово **«профессия»** у большинства респондентов является название конкретной профессии (учитель, биолог, эколог, журналист, физик, переводчик). Кроме того, отмечается, что профессия связана с будущим (23%): после учёбы, то, к чему стремлюсь, работа. В этих ассоциациях логично проявляется и оценочность: **«престижная»**, **«высокооплачиваемая»**. Следует также отметить, что 20% респондентов дали ассоциацию **«призвание»**.

Понятие **«университет»** испытуемые связывают как с конкретным учебным заведением, так и воспринимают его более обобщённо (**«родные пенаты»**, **«где я учусь»**, **«вуз»**, **«Симферополь»**). Концептуальным признаком в этом ряду яв-

ляется локутивный признак, маркирующий в сознании студента прежде всего место обучения. Отмечалось также, что университет — это значит “рано вставать”, “на первую пару”, он “занимает много времени”. Университет в сознании опрашиваемых связывается с образованием (54%), субъектами (преподаватель (12%)) и объектами (студент (28%)) образования. Интересно, что в этом ряду из 100 реакций только одна несёт положительную эмоциональную нагрузку. Можно предположить, что для респондентов университет выглядит как нечто временное, преходящее.

Студент определяется следующими словами: коллега, умный, очкарик, хлявщик, юноша, весёлый, общительный, юный, труженик, т. е. испытуемые выделяют возрастные особенности, душевные качества, отношение к учёбе. Кроме того, часто имеет место самоидентификация (“я”) (54%), чётко прослеживается связь студента с традиционным местом проживания (общезитие) и отмечается его участие в процессе обучения (образование, получает образование, учится).

Понятие *“диплом”* вызывает две наиболее частотные ассоциации: “красный” (33%) и “конец учёбе” (28%). Кроме того, диплом связывается в сознании опрашиваемых с сессией, экзаменами, комиссией и, наконец, дипломной работой.

В понятии *“коллектив”* наиболее часто отмечается необходимость наличия “общих интересов”, “общих целей и взаимопонимания”. В коллективе должны быть “дружеские отношения”, а члены коллектива — “друзья”, “студенты”. Коллектив — это “группа” (21%), “моя группа” (11%), “наш курс” (8%), “коллеги” (3%). Присутствует и оценочный компонент (положительная оценка): “хороший”, “дружный”.

“Самореализацию” информанты связывают как с материальной (34%) (карьера, КВН, бизнес), так и с духовной (42%) (творчество, удовлетворение, гармония с собой, уверенность) сторонами жизни, но отмечается возможность отсутствия времени. Интересно, что респонденты не связывают самореализацию с образованием и будущей карьерой, т. е. отмеченные концептуальные признаки не входят в базовый когнитивный образ.

Понятие *“интерес”* испытуемые связывают с интеллектуальной сферой (78%) (информация, история, книга, “к знаниям”), а также человеческими отношениями (11%) (новые люди, человек, жизнь). Интерес — это “важно”. 30% опрошенных дали реакцию “к деньгам”:

“Деньги” рассматриваются молодыми людьми как необходимое условие хорошей жизни (уверенность (27%), стабильность (25%), “можно тратить” (3%), главное (17%), благополучие (2%), покупки (2%), подарки (2%). Кроме того, деньги — это плата за труд (19%) (зарплата, “за работу”) и нечто, дающее власть (5%).

“Работа” в сознании современного студента связывается с возможностью получить материальное вознаграждение (64%) (средство зарабатывания денег, деньги, чтобы жить, заработок). Респонденты дают как негативные (59%) (“с утра до вечера”, рутинная, каторга, утомляет, трудно), так и положительные (41%) (самореализация, интересно, удовольствие, любимое занятие) характеристики

этого понятия. Часто работа связывается с какой-либо конкретной профессией (журналист, учитель, бухгалтер).

Важным, на наш взгляд, является понятие *“будущее”*, которое также оценивается молодыми людьми двояко: с одной стороны, позитивно (24%): светлое, неплохое, обеспеченное, уверенность, счастье, счастливое, надежда, успех, прекрасное), с другой (32%) — оно “неясное”, “неизвестное”, “неопределённое”, “туманное”, “в тумане”. Интересно, что 58% опрошенных дают такие реакции как “семья”, “дети”, “работа”, что демонстрирует желание молодых людей приобрести определённый социальный статус. Думается, что ассоциативная микросистема “будущее” у группы от 23 до 30 лет будет значительно отличаться от концептуальных представлений студентов.

Для выявления полного содержания концепта “образование” в русском языковом сознании нами были проанализированы и данные “Русского ассоциативного словаря”. Набор ассоциативных признаков на слово-стимул “образование” представлен следующим образом: “Образование — высшее 60; среднее 9; школа 5; институт, учение 4; нужно, обучение, плохое 2; высокий, выше среднего, книги, министерство, наука, начальное, нет, одно из главных, очковительство, психолог, Союза, ум, учёба, ЭВМ 1; всего 102; разных 22; число отказов 0; число единичных реакций 14” [15, с. 392].

Следует отметить, что реакции на слово-стимул “образование” в большинстве случаев совпадают с реакциями информантов на слова-стимулы, использованные нами при проведении эксперимента. Наиболее частотной также является реакция “высшее” (60 реакций из 102), выделяется связь образования с учебным заведением, научной сферой. С учётом того, что информантами “РАС” выступали в основном студенты, можно говорить об универсальности ценностных характеристик образования в студенческой среде.

Выводы

1. Когнитивное исследование социокультурных концептов представляется нам неполным без построения ассоциативных моделей сознания. Определение и систематизация концептуальных признаков, формирующих представление о мире и его ценностных ориентирах, является важным условием анализа языковой личности.

2. Качественная интерпретация результатов описанного в статье АЭ должна быть поддержана вероятностно-статистической базой, которая и определит влияние различных социальных факторов на концептуальное содержание языкового сознания современника. В этом и состоят перспективы нашего исследования.

Литература

1. Березин Ф. М. О парадигмах в истории языкознания XX в. // Лингвистические исследования в конце XX века. Сб. обзоров. — М.: ИНИОН, 2000. — С. 9-25.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь. — М.: Лабиринт, 1999. — 351с.
3. Гак В. Г. О плюрализме в лингвистических теориях // Филологические науки. — 1997. — №6.

4. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков — М.: Изд. Группа “РА — Каравелла”. 2001. — 320 с.
5. Горошко Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма. — М.: Издат. дом “ИНЖЭК”, 2003. — 440 с.
6. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей. — М., 2000.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 264 с.
8. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. — М.: ИРЯ РАН, 1999. — 180 с.
9. Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и её современный статус // Изв. АН РФ. Сер. Лит. и яз. — 1994. — №2. — С. 3-15.
10. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца 20 века / Под ред. Ю. С. Степанова. — М., 1995. С. 144-238.
11. Кун Т. Структура научных революций. — М., 1977.
12. Мартинек С. Л. Экспликация валентностей слова в ассоциативном эксперименте // Культура народов Причерноморья. — 2003. — №44. — с. 130-134
13. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Полит. издат., 1997. — 303 с.
14. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. — Воронеж: Истоки, 2001. — 191 с.
15. Русский ассоциативный словарь: В 2-х т. Т.1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М.: ООО “Издательство Астрель”, 2002.
16. Сипельникова Л. Н. Подвижность вербальной среды как свойство языка и возможность манипуляции сознанием // Культура народов Причерноморья. — 2003. — №37. — с. 83-87.
17. Фрумкина Р. М. Психолингвистика. — М.: Изд. Центр “Академия”, 2003.
18. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. — М.: Русский язык, 1974. — 534 с.

Статья поступила в редакцию 20 октября 2004 г.

УДК 801. 558

Н. А. Лантух

СЕМАНТИКА НАЧАЛА И КОНЦА В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ РАССМОТРЕНИИ

На рубеже XX и XXI веков семантике “начала” и “конца” была посвящена большая научная дискуссия, завершившаяся конференцией (2000 г.) и выпуском сборника “Логический анализ языка. Семантика начала и конца” (2002 г.) [8].

Поскольку данной тематикой занимались учёные, входящие в проблемную группу “Логический анализ (естественного) языка”, то закономерно, что исследование проводилось в русле логического подхода к описанию языка, мотивированного тем, что в основе языков лежит “единая и неизменная система человеческого мышления, доступ к которой возможен только через анализ естественных языков” [2, 8]. Наряду с логическим, широко применялся логико-прагматический анализ, ставящий акцент на прагматическом аспекте функционирования языка, а также концептуальный анализ, и прежде всего анализ культурных концептов. Проблема концептуализации понятий ‘начало’ и ‘конец’ в лексическом фонде языка нашла отражение во многих работах указанного сборника [4, 9, 10, 11 и др.]. В анализе семантики начала и конца можно выделить несколько направлений: данные смыслы соотносят с перцептивным опытом человека; со шкалами как ментальными конструктами, являющимися итогом сенсомоторного опыта человека; рассматриваются как семантические примитивы и системообразующие смыслы абстрактных единиц языка и метафорических выражений; описывается роль концептов начало и конец в организации текста и дискурса, их функция как системы координат в православном мирозерцании. Используя результаты предыдущих разноаспектных исследований семантики начала и конца, мы рассматриваем субстантивы, выражающие идею начала и конца, в русле функциональной семантики, под иным — функционачальным — углом зрения. Материалом для исследования послужили существительные, выражающие идею начала и конца, а также соответствующие идисматические выражения из Словаря русского языка в 4-х томах, Словаря Даля и Словаря русского языка XI-XVII веков.

Общность этимологии и сохранившиеся в различных славянских языках факты свидетельствуют о первичности одного нерасчленённого понятия — “конца-начала”. Н. Д. Арутюнова отмечает, что в зрительно воспринимаемом мире Природы объекты целостны и обычно не мыслятся в терминах начал и концов [1, 6]. Действительно, в объективном мире не существует начала и конца, мир континуален; начала и концы появляются в обыденном сознании Интерпретатора — человека, дискретно воспринимающего и анализирующего действительность.

Словарь русского языка XI-XVII веков даёт многочисленные примеры энантиосемии в семемах со значением начала или конца, которые подтверждают бытование в древнерусском языковом сознании нерасчленённого понятия “начала-конца”. В нём отражено целостное восприятие объектов и отсутствует развившаяся позднее антонимия, расколовшая некогда единое понятие. Так, семантема *’оконечность острова’* в СРЯ XI-XVII веков имеет ряд экспликаций: *сглавие* ‘начало и конец речного острова’; *взголовь* ‘верхняя взголовь, нижняя взголовь — верхний (нижний) по течению конец острова’; *изголовь* ‘мыс на верхней или нижней оконечности острова’; *остредь*, ‘острый конец морды’; *отрубокъ* ‘отрубленный конец бревна’; *взножье* ‘нижняя часть оврага’.

В картине мира носителя языка Природа целостна, состоит из целостных объектов различной формы, образованных из частей, среди которых можно

отметить **начало** и **конец**. Целостное восприятие природы, как нам представляется, лежит в основе антонимии и симметрии семантем 'начало' и 'конец', а также в конкретизированной языковой экспликации этих семантем при назывании различных природных и рукотворных объектов. Н. Д. Арутюнова отмечает, что "о реках и ручьях, о деревьях и других вытянутых природных объектах не говорят в терминах начала и конца" [1, 11]. Действительно, начало и конец одного и того же объекта зачастую имеют различное языковое выражение. Так, семантемы 'начало реки' и 'конец реки' выражены разными семемами как в современном языке, так и в древнерусском языке: '**начало реки**' — исток₁, верховье (СОШ); (СРЯ XI-XVII вв.): вершина₃, верховье₂, верхъ₈¹; '**конец реки**' — устье₁, низовье (СОШ); горло₃, низъ₂¹ (СРЯ XI-XVII вв.).

Существует множество подтверждений мысли Н. Д. Арутюновой, что "Природа и её составляющие мыслятся в терминах целого и его частей, а целое нейтрализует противопоставление начала и конца" [2, 19]. Особенно много примеров языковой конкретики в назывании начал и концов объектов и временных эпизодов даёт Словарь русского языка XI-XVII вв. Семантема '**начало дня**' в СРЯ XI-XVII вв. выражается семемами прообрѣзг₂, свѣт₂¹, свѣтение₂, свѣтание₁, рассвѣтъ, а семантема '**конец дня**' — навечерье₁ и др.; семантема '**начало строительства**' — окладь₁, основание₁, а семантема '**конец строительства**' — вершение₂²; семантема '**начало сезона**' — перевозимье, пролетие; семантема '**начало вида с/х работ**' — зажинание, замолоть и др. Начало нового лунного цикла обозначает лексема **перекрой** 'начало ущерба луны в первые дни после полнолуния'.

Семантемы **начало** и **конец** — это '**начальный / конечный момент / период чего-либо протекающего во времени**' или '**начальная / конечная точка / часть чего-либо, имеющего пространственную протяжённость**'.

В нашем понимании и начало и конец, манифестируя конечность определённых актуальных систем, выполняют функцию предела — отделяют эти системы от среды, придавая этому отграничению пространственную или темпоральную конкретику. Понятия 'начало' и 'конец' — необходимые конструкты человеческого сознания, основа пространственной, временной и бытийной ориентации человека в мире. "И начало, и конец — грань чего-либо мыслимого в пространственном, временном или абстрактном плане. "Грань" не обязательно точка и не обязательно мала, она может быть растянутой как угодно широко. Важно, что понятие начала включает в себя мысль о перспективе, предполагает продолжение; в понятии конца значимо отсечена перспектива, значимо задана последняя точка" [9, 96].

Важнейшей составляющей понятий '**начало**' и '**конец**' является наличие дейктического компонента. Влияние закономерностей зрительного восприятия на семантику **начала** и **конца** отмечается многими исследователями. О значимости позиции Наблюдателя (или, в нашей терминологии, Интерпретатора) в

стратегии интерпретации **начал** и **концов** обстоятельно пишет Е. В. Падучева: “У человека есть перед и зад (лицо и спина), основные органы восприятия направлены вперед — человек движется туда, куда он смотрит. Кроме того, Конечная точка может выражать Цель движения целеполагающего субъекта, и тогда это обязательный участник. Так что Конечная точка как основной ориентир движения вытекает из природы человека. Между тем существование Начальной точки обосновывается скорее логически...” [11, 127].

Е. В. Рахилина также отмечает, что говорящий акцентирует внимание всегда на одном конце, несмотря на то, что вытянутый объект чаще всего имеет два конца. “Точкой отсчёта” здесь является положение говорящего (или наблюдателя): **конец** соотносится с конечной точкой движения взгляда говорящего, а не с геометрической границей объекта как такового. Таким образом, в конкретной речевой ситуации актуальным является только один конец — тот, к которому направлен взгляд говорящего [12, 239].

Е. В. Рахилина, давая когнитивный анализ лексемы **конец**, указывает на способность этого слова сочетаться только с названиями *протяжённых, вытянутых* объектов (*конец дороги, трубы, верёвки*), отмечает, что **конец** описывает точку или фрагмент пространства, где этот объект перестаёт продолжаться. Но верхняя граница вертикальных объектов, по замечанию Е. В. Рахилиной, оказывается в русском языке “необслуженной” общими языковыми средствами и как бы “невидимой” — ни “конец”, ни “край”, ни “кромка” здесь не годятся. Хотя для некоторых вертикальных объектов существует, по мнению Рахилиной, “специфическое” обозначение верхней границы: для горы — *вершина*, для дерева — *верхушка*, для человека — *макушка*” [12, 238]. Однако Е. В. Рахилина не ставит знака равенства между *вершиной* и *концом* горы, *верхушкой* и *концом* дерева [12, 238], видимо, исходя из когнитивных представлений о границах объектов, из когнитивного видения мира в целом. С точки зрения функционализма, факт “необслуженности” общими языковыми средствами верхней границы вертикальных объектов свидетельствует о богатстве и выразительности языка, использующего разнообразные конкретизирующие лексемы для названия **концов** различных объектов, о его способности обозначить данные денотаты наиболее точными словами. Так, семантема *‘конечная верхняя часть чего-либо’* выражается целым рядом семем, обозначающих отграничение от среды различных вертикальных объектов: глава_{0. //}, вершина₁, верхушка₁, верх₁, макушка₁, макушка₂, маковка₄ (разг.), маковка₅ (разг.) топ₀³ (морск.) [МАС].

Для данной семантемы актуальными являются семы: *‘пространство’*, *‘протяжённость’*, *‘вертикаль’*, *‘интерпретатор’*, *‘верх’*, *‘природный объект’* / *‘сооружение’* / *‘человек’*. Семантема *‘конечная нижняя часть чего-либо’* получает незначительную языковую экспликацию: дно_{///}, хвост_{1///}, хвост_{1///} и дифференцируется от предыдущей семантемы семой *‘низ’*. Семы *‘горизонталь’*, *‘интерпретатор’*, *‘зад’* формируют семантему *‘конечная задняя часть чего-либо’*, которая выражается внушительным фрагментом микрополя “конец”:

хвост₄, хвост₅, хвост₇, зад₁, задок₁, задок₃, задник₁ и др. Таким образом, названные выше семантемы --- 'конечная верхняя часть чего-либо', 'конечная нижняя часть чего-либо' --- конкретизируют семантему высшего уровня иерархии 'конечная часть чего-либо имеющего пространственную протяжённость'.

В целом структуру микрополя **конец** можно представить в виде иерархии семантем, и в качестве основных организующих данное поле понятий мы рассматриваем следующие:

- 1.1. 'конечная часть/точка чего-либо имеющего пространственную протяжённость'
- 1.2. 'конечный период/момент чего-либо протекающего во времени'
- 2.1. 'конечная часть какой-либо территории'
- 2.2. 'конечная часть природного объекта'
- 2.3. 'конечная часть сооружения'
- 2.4. 'конечная часть предмета'
- 2.5. 'конечная часть живого существа'
- 2.6. 'конечный период природного времени'
- 2.7. 'конечный этап/момент какого-либо действия'
- 2.8. 'конечный момент бытия кого-либо или чего-либо'
- 3.1. 'конечная верхняя часть чего-либо'
- 3.2. 'конечная нижняя часть чего-либо'
- 3.3. 'конечная задняя часть чего-либо'
- 3.4. 'конечный момент назначенного времени'
- 3.5. 'конечный результат какого-либо дела'
- 3.6. 'смерть'
- 3.7. 'гибель'
- 3.8. 'уничтожение'
- 3.9. 'конец света'
- 4.1. 'конечная задняя часть чего-либо имеющего вертикальную протяжённость'
- 4.2. 'конечная задняя часть чего-либо имеющего горизонтальную протяжённость'
- 4.3. 'удачный/неудачный результат какого-либо дела'

Таким образом, понятие **конец** в современном русском языке выражают 22 семантемы разного статуса. Как и во всех семемах семантического поля **граница**, в семантической структуре единиц микрополя **конец** выделяются три макросемы — функциональная сема (ФС), категориальная сема (КС) и экзистенциальная сема (ЭС), которые включают целый набор сем. Для единиц лексико-семантической группы "**конец**" типичными семемами в составе ФС являются следующие: 'ограничение', 'континуальное', 'незамкнутое', 'точечное', 'конечное'. ЭС включает такие семы, как: 'часть системы', 'природа', 'человек', 'общество', 'неограниченность', 'констатация мерности', 'одномерное'/'двухмерное'/'трёхмерное', 'условное'/'объективное'/'неотмеченность', 'территория', 'природный объект'/'сооружение'/'предмет'/'живое существо', 'человек'/'животное'.

"**пространство**": 'протяжённость', 'вертикаль'/'горизонталь', 'интерпретатор', 'зад'/'верх'/'низ'; **время**: 'срок', 'время суток';

'движение': 'действие', 'деятельность', 'дело', 'результат', 'позитивное'/'негативное'; 'бытие': 'смерть', 'гибель', 'виды смерти' ('естественная', 'неестественная', 'скоропостижная', 'насильственная', 'самоубийство')

Иерархия сем в смысловой структуре семем с интегральным значением 'начало' или 'конец':

- ФС-1: 'ограничение'
'непосредственное'
'континуальное'
'незамкнутое'
'точка/фрагмент чего-либо протяжённого'
'интерпретатор'
'начальное'/'конечное'
'внешняя интерпретация'/'внутренняя интерпретация'
'неотмеченность'
'перед'/'зад'/'вверх'/'низ'
- КС: 'пространство': 'протяжённость', 'вертикаль'/'горизонталь'
'время': 'круговое'/'линейное', 'срок', 'взаимное время'
'бытие': 'рождение'/'смерть'/'уничтожение'
'виды смерти'
'естественная'/'неестественная'
'скоропостижная'
'насильственная'
'самоубийство'
'виды гибели'
'массовая'
'всеобщая'
'движение':
'основание'/'причина'/'источник'
'действие'
'деятельность'
'дело'
'результат'
'позитивное'/'негативное'
- ЭС-1: 'часть системы'
'природа'/'человек'/'общество'/'неотмеченность'
'природный объект'/'сооружение'/'предмет'/'живое существо'
'человек'/'животное'
'измеряемое'/'неизмеряемое'
'одномерное'/'двухмерное'/'трёхмерное'
'передняя часть'/'задняя часть'/'верхняя часть'/'нижняя часть'
'входная часть'

Начало относится к числу ключевых понятий, отражающих наиболее важные сущности бытия. Это обстоятельство отмечал ещё Аристотель. В основу своего анализа данного понятия Аристотель положил различные значения греческого слова "начало" и на этой базе сформулировал общее понятие "начало". Опираясь только на материал греческого языка, считая семантическую

сторону того или иного слова одинаковой во всех языках, Аристотель сделал неправомерные онтологические выводы. “Началом называеся... то, по чьему решению движается движущееся и изменяется изменяющееся, как, например, начальствующие лица в полисах и власть правителей, царей и тиранов” [7, 167]. В структуре аристотелевского понятия “начало” сема ‘власть’ занимает доминантное положение. Сочетание в одном слове значений “начало” и “власть”, характерное для греческого слова “начало”, большинству языков не свойственно. Так, в латинских словах со значением “начало” (*initium, principium, exordium*), также в немецких *der Anfang, der Beginn* отсутствует сема ‘власть’. У русского слова “начало” значение **власть** появляется лишь в устойчивых словосочетаниях типа “находиться под чьим-либо началом” [7, 167]. По наблюдениям Н. Б. Мечковской, с русским концептом ‘начало’ связано представление о высшем, о власти. И вся русская фразеология со словом **начало** имеет отношение не к ‘началу (физическому)’, но к власти: **под начало попасть, под началом быть** [10, 118]. В. И. Даль в качестве одного из значений лексемы **начало** прямо называет ‘власть’: **‘начальство, власть, большая, старейшина, как сила, как право и как лицо’**, подтверждая фразеологизмом **кого в начало, кого и под начало**[6].

В русской народной культуре начало всегда было отмечено особым отношением, несло на себе заряд потенциального благополучного исхода дела при соответствующем ритуальном оформлении, предполагало духовную составляющую. Так, особо значимые дела сопровождалась молебном, который по просьбе общины проводил местный священник. Община особенно внимательно занималась духовной стороной начала основных сельскохозяйственных работ, так как повсеместно у русских считалось, что благочестивое начало определяет и успех всего дела. Не только заказ мирских молебнов с водосвятием, с выходом притча в поле, но и действия самих крестьян, участвующих в молебне и крестном ходе, призваны были освятить начало пахоты, сева, сенокоса, жатвы и других работ. Например, когда наступало время запашки, крестьяне на сходке избирали человека, который должен был сделать зачин — первую борозду через загоны всех хозяев [5, 255-256]. Соответствующие ритуалы сопровождали все важные стадии земледельческих работ. Высокий статус начального этапа различных видов сельскохозяйственных работ обусловил существование в языке целого ряда слов, дифференцирующих стадии сельского труда. СРЯ XI-XVII вв.: **зажинание** ‘начало жатвы’, **замолоть** ‘начало молотбы, пробный обмолот нескольких снопов для приблизительного определения урожая’. СД: **починок₂** ‘начало или закладка новой пашни в лесу, а с нею и заселенья’.

В целом, фрагмент семантического поля “начало”, эксплицирующий семантему **‘начальный период какого-либо действия’**, довольно внушителен и представлен группой семем — в СД 9 единицами: **начинание₁, начинание₂, начаток₁, начаток₂** и др., в СРЯ XI-XVII вв. 22 семемами: **начало₂, зачало₂, заводь₂, починь₂, початие₂, начинание₄** и др. Данные словарей подтверждают, что онтологический и культурный статус семантемы **‘начальный период ка-**

кого-либо действия' тем выше и тем богаче языковое выражение этой семан-
темы, чем древнее сфера функционирования. В русской фразеологии нашло от-
ражение отношение народа к началу как к частично реализованному будуще-
му, как к гаранту исполнения начатого дела, как к ценностно значимому ком-
поненту деятельности. *Почин — делу зачин. Зачин дороже работы. Почином
торг стоит. Почин всего дороже. Доброе начало полдела откачало.* [6]. Лек-
семы *начало* и *конец* практически не выступают как источники метафорической
интерпретации в связи с высокой абстрактностью данных понятий [3, 35]. Если
со словом *начало* количество фразеологизмов крайне ограничено, то для вы-
ражения идеи *начала* в русском языке существует целый ряд идиом. Так, семан-
тема *'начало временного интервала'* выражается несколькими идиомами, во
внутренней форме которых представлены метафоры, эксплицирующие “символы
младенчества” для обозначения уточняющей семантемы *'начало жизни'*: *с ко-
лыбели; с пелёнок; с/от младых ногтей* и символы прихода весны для вы-
ражения семантемы *'начало нового этапа какого-либо действия'*: *первая
ласточка; лёд тронулся; лёд сломан*. Семантема *'начало нового этапа како-
го-либо действия'* выражена также моновербально — семемами *начало*,
утро, *рассвет*.

В результате компонентного анализа и синтеза удалось построить иерархию
семантем, представляющую структуру микрополя “начало”.

Иерархия семантем микрополя “начало”:

- 1.1. *'начальный момент / период чего-либо протекающего во времени или на-
чальная точка / часть чего-либо имеющего пространственную протяжённость'*
- 1.2. *'основание, причина, источник появления, возникновения чего-либо'*
  - 2.1. *'начальный момент / период чего-либо длящегося'*
  - 2.2. *'начальная точка / часть чего-либо имеющего пространственную протя-
жённость'*
  - 2.3. *'основание появления чего-либо'*
  - 2.4. *'причина появления чего-либо'*
  - 2.5. *'источник появления чего-либо'*
- 3.1. *'начальный момент / период в действии чего-либо'*
- 3.2. *'начальный момент / период в развитии чего-либо'*
- 3.3. *'начальный момент / период в появлении, возникновении чего-либо'*
- 3.4. *'начальный момент / период природного явления'*
- 3.5. *'начальная часть природного объекта'*
- 3.6. *'начальная часть предмета'*
- 3.7. *'начальная часть сооружения'*
- 4.1. *'начальный момент / период в жизни живого существа'*
- 4.2. *'начальная передняя часть чего-либо'*
- 4.3. *'начальная верхняя часть чего-либо'*
- 4.4. *'начальная нижняя часть чего-либо'*
- 4.5. *'входная часть сооружения'*

Таким образом, семантема “начало” представляет собой сложное единство,
включающее 18 семантем различных уровней иерархии.

Что касается семантемы 'конец', то её статус в русской языковой картине мира весомее, семантическая структура сложнее, а языковое выражение богаче, чем у семантемы 'начало'. В обыденном сознании у начала и конца асимметричный онтологический статус, асимметричность семантем 'начало' и 'конец' превалирует над их симметрией [10; 118, 114]. В пословицах закреплён более высокий ценностный статус конца по отношению к началу, конец выступает здесь показателем результативности, успешности любого начинания. *Конец — делу венец. Не смотри начала, смотри конца. Не дорого начало, а похвilen конец. Всякое дело с концом хорошо. Не страшай началом, а покажи конец. У всякого словца ожидай конца.* [Даль].

Как отмечает Н. Б. Мечковская, слова со значением 'конец' входят в состав большего числа фразеологизмов и паремий, у них шире круг дериватов, сферы применения слов со значением 'конец' более разнообразны, чем слов со значением 'начало'. Семантема 'конец' реализует больше конкретных значений; у обозначений начала больше абстрактных и общих значений, в том числе философских и проповеднических [10, 117]. Наши данные также подтверждают эти выводы.

Так, в СРЯ XI-XVII вв. 124 семемы эксплицируют семантему 'начало', которая, в свою очередь, представлена 18 семантемами различных уровней иерархии, которые тоже могут уточняться другими, более конкретными семантемами. Семантема 'конец' конкретизируется 30 семантемами и выражается 168 единицами микрополя 'конец'. Разумеется, названное число семантем не является исчерпывающим, поскольку сюда не входят семантемы самых нижних уровней иерархии, представляющих периферийные области поля.

Семантема 'конец' является одной из самых значимых семантем в языковой картине мира. В древнерусском языке она отличалась сложной семантической структурой, разнообразной смысловой нюансировкой и богатым смысловым выражением. Понятие конца "участвует в онтологических, логических, богословских умозрительных построениях, включает ностальгические и трагические обертоны. Начало, даже чего-нибудь очень плохого, таит в себе выход. У конца же нет будущего". [9, 102]. Богатое языковое выражение семантемы 'конец', по материалам СРЯ XI-XVII вв., свидетельствует о широкой востребованности данного понятия в русской жизни того времени. Это понятие способно охватить всё разнообразие денотатов, характерных для данной эпохи. Микрополе "конец" в СРЯ XI-XVII вв. естественно распадается на четыре фрагмента в соответствии с наличием в каждом из них категориальной семы — 'пространство', 'время', 'бытие', 'движение'.

Семантему *'конечная часть/точка чего-либо имеющего пространственную протяжённость'* выражает 38 семем, в которых в разных комбинациях реализуются актуальные для данного фрагмента поля семы: 'пространство', 'протяжённость', 'вертикаль'/горизонталь', 'интерпретатор', 'зад', 'верх', 'низ', 'территория', 'природный объект', 'сооружение', 'предмет', 'живое существо', 'человек', 'животное', 'земля', 'помещение' и др.: **конец₁**, **кончание₂**, **вершение₂**,

верхь¹, верховица, остредь¹, остредь², рогы⁸, рожокъ⁶.

Категориальная сема 'время' организует фрагмент микрополя "конец", который выражает семантему *'конечный период/момент какого-либо времени'*. Этот фрагмент составляет группа семем из 17 единиц, которые обозначают, как правило, 'срок', 'назначенное время': *время₃, нарокъ₉, зарокъ₂, годъ₁, година₁₁, опредѣление₃*. 45 семем с категориальной семой 'движение' составляют большой фрагмент семантического поля "конец". Сема 'движение' является интегральной для данной группы семем, она конкретизируется семами низшего порядка 'действие', 'деятельность', 'дело', 'результат' и др.: *отделка¹ 'окончание какого-либо дела'; окончание₂ 'окончание, завершение (какого-либо дела); кончина₁₁₁ (СРЯ XI-XIV вв.) 'конечный итог, результат'; случение₃ 'благополучный исход, успех'*

Представляет интерес соотношение единиц основных фрагментов микрополей "начало" и "конец", эксплицирующих категориальные семы 'пространство', 'время', 'движение', 'бытие', по данным МАС и СРЯ XI-XVII вв.

Имя поля	Пространство		Время		Движение		Бытие	
	МАС	XI-XVII	МАС	XI-XVII	МАС	XI-XVII	МАС	XI-XVII
Конец	26	38	2	17	27	45	28	68
Начало	12	44	8	13	20	55	2	6

Эти данные показывают, что не для всех фрагментов поля является справедливым утверждение о большем количестве слов со значением 'конец'. Так, по данным СРЯ XI-XVII вв. количество единиц, выражающих семантему *'начальная точка/часть чего-либо имеющего пространственную протяжённость'*, превышает количество семем, которые эксплицируют соответствующую семантему со значением 'конец'. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении семантических единиц с категориальной семой 'движение', которые выражают семантему *'начальный момент/период в действии чего-либо'*. Пространственный фрагмент в составе микрополей "начало" и "конец", формируемый категориальной семой 'пространство', является одним из наиболее значительных как по количеству семем, так и по набору сем.

Самое богатое языковое выражение в СРЯ XI-XVII вв. получает семантема *'конечный момент существования кого-/чего-либо'*, которая представлена 68 семемами. Данное объединение семем интегрирует категориальная сема 'бытие', которая конкретизируется семами: 'всё живое', 'живое существо', 'человек'. Семантемы *'смерть', 'гибель', 'уничтожение', 'конец света'* различаются семами *'виды смерти' ('естественная'/неестественная', 'самоубийство', 'скоропостижная', 'насильственная')*, *'виды гибели' ('массовая', 'всеобщая')*. Осознание смысла смерти как завершающего момента человеческой жизни, драматическое переживание конца личного бытия в контексте православного мировоззре-

ния сформировало целый пласт лексики, выражающий понятие смерти. Традиционное народное понимание смерти отражено в Словаре В. И. Даля: *'конец земной жизни, кончина, разлученье души с телом, умиранье, состоянье отжившего; смерть человека — конец плотской жизни, воскресенье, переход к вечной, к духовной жизни'* [6]. Здесь отмечается значимость духовной составляющей смерти, обеспечивающей переход к вечной жизни в ином мире, чётко обозначен мировоззренческий вектор.

Семантические единицы, выражающие семантему *'смерть'* в СРЯ XI-XVII вв., хранят отблески богатой образности, философской приподнятости, высокого онтологического статуса данного понятия в языковом сознании русских людей той эпохи. Бросается в глаза характерный ассоциативный ряд, связанный с понятием *смерть* и отражённый в лексике. Так, смерть ассоциируется с концом пути, выражается семемами преимущественно глагольного происхождения со значением движения: *ошествоие₂, отшествоие₂, отходь₇, отшествоие к богу, отхождение₃, отхождение от жизни сея*. Мотив покоя, упокоения, характерный для ассоциативного образа смерти, запечатлён в семемах *покой₆, покоище₃*. Активно представлена в СРЯ XI-XVII вв. лексема *послѣдний*, которая в сочетании с другими словами эксплицирует семантемы *'смерть'*, *'конец света'*, придавая им оттенок трагизма: *послѣдняя₂* (мн.) (в знач. существительного), *послѣдний живот, послѣдний день, послѣдний вѣк, послѣднее время, послѣдние лѣта, послѣдняя година*. Ассоциативный образ *'конца света'* в древнерусском сознании формирует также семема *жатва₄*, которая уподобляет массовую гибель людей сбору богатого урожая смертью. В древнерусском языковом сознании смерть неразрывно связана с судьбой, зависит от деяний человека, от степени его греховности. Идею взаимосвязанности смерти и судьбы выражают семемы: *рок₄* *'предел, конец жизни'*, *рок₄* *'смерть, неизбежный, как бы предреши́нный презними деяниями конец'*. Богатый ассоциативный потенциал семем, эксплицирующих семантему *'смерть'*, отражает эмоционально-оценочное восприятие человеком феномена смерти.

В оппозиции семантем *'начало'* и *'конец'* и лексики, которая выражает эти семантемы, можно отметить три линии взаимоотношений: глубинное тождество начала и конца, их антонимия и симметрия, их асимметричность. Н. Б. Мечковская отмечает, что глубинное тождество начала и конца проявляется ярче всего в этимологии, в наличии общих этимонов (мотивировок) при образовании слов, связанных со смыслами *'начало'* или *'конец'*, но оно осталось в прошлом и не характерно для современного сознания [10, 141; 119].

Тождество семантем *'начало'* и *'конец'* проявляется в нейтрализации их различий, совпадении их характеристик и нашло отражение в семантеме *оконечность*. С точки зрения говорящего, вытянутые в длину, продолговатые предметы имеют один, маркированный конец (тот, куда направлен взгляд Интерпретатора) или два конца, но тогда вторым концом считается "точка отсчёта" исходный пункт движения взгляда Наблюдателя-Интерпретатора [12, 240]. Таким

образом, **оконечность** исключает **начало**. Антонимия и симметрия семантем 'начало' и 'конец' проявляется в силе и напряжении антонимического противопоставления. По данным Словаря ассоциативных норм русского языка (под редакцией А. А. Леонтьева), слова **начало** и **конец** выступают как яркие антонимии (на стимул **начало** антонимические реакции составили 44%) [10, 113; 13]. Существительные со значением 'конец' более частотны, чем слова со значением 'начало'. Н. Б. Мечковская приводит данные частотных словарей, которые указывают на наличие тенденции к уменьшению асимметрии концептов 'начало' и 'конец'. Значительный перевес 'конца' по сравнению с 'началом' в прошлом, в старославянском языке, в настоящее время существенно уменьшился и в современном русском языке не достигает даже двукратной величины [10, 116]. Наши данные по МАС и СРЯ XI-XVII вв. также подтверждают существенный перевес субстантивов со значением 'конец' над существительными с интегральным значением 'начало' (МАС: 'конец'- 84 единицы, 'начало'- 42; СРЯ XI-XVII вв.: 'конец'-168 и 'начало'-124).

На базе компонентного анализа и синтеза удалось выделить список семантем, составляющих скелет микрополей "начало" и "конец", и построить их иерархию. Иерархии семантем, построенные на базе СРЯ XI-XVII вв. и МАС, по своему строению идентичны. различие наблюдается лишь на уровне семантической структуры отдельных семем, отдельных фрагментов поля, а также в количественном соотношении языковых единиц, эксплицирующих микрополя "начало" и "конец".

Микрополя "начало" и "конец" распадаются на четыре крупных фрагмента в соответствии с наличием категориальной семы — 'пространство', 'время', 'движение', 'бытие'. Пространственный фрагмент в составе микрополей "начало" и "конец", формируемый категориальной семой 'пространство', является одним из наиболее значительных как по количеству семем, так и по набору сем.

По данным СРЯ XI-XVII вв., понятие 'начало' выражается 18 семантемами различных уровней иерархии, а понятие 'конец' 30 семантемами. Соотношение семантем, выражающих эти понятия, показывает, что понятие 'конец' в русском языковом сознании того времени более стратифицировано, детализировано, более многозначно, имеет более богатую языковую экспликацию. Асимметрия семантем 'начало' и 'конец' по данным Словаря XI-XVII вв. имеет очевидный характер.

Соотношение семантем 'начало' (18) и 'конец'(22) и выражающих их языковых единиц, по данным МАС, демонстрирует снижение антонимического напряжения и уменьшение асимметрии между ними в современную эпоху, хотя асимметрия начала и конца всё ещё продолжает превалировать над симметрией в обыденном языковом сознании.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Вступление. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности. // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. — М.: "Индрик", 2002. — С. 3-18.

2. Арутюнова Н. Д. О работе группы “Логический анализ языка” Института языкознания РАН. // Логический анализ языка. Избранное. — М.: “Индрик”, 2003. — С. 7-23.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. “Начало” и “конец” в русской идиоматике. // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. — М.: Индрик, 2002. — С. 27-35.
4. Гак В. Г. Семантическое поле **конца**. // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. — М.: Индрик, 2002. — С. 50-55.
5. Громько М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. — М.: “Паломник”, 2000. — 540 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Русский язык, 1978.
7. История лингвистических учений. Древний мир. — Ленинград: Наука. Ленинградское отделение. 1980.
8. Логический анализ языка. Семантика начала и конца. — М.: “Индрик”, 2002.
9. Матвиенко В. А. Начало как продолжение и конец, как исполнение (на материале старо- и церковно-славянского языка). // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. — М.: “Индрик”, 2002. — С. 96-108.
10. Мечковская Н. Б. Концепты “начало” и “конец”: тождество, антонимия. Асимметричность. // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. — М.: “Индрик”, 2002. — С. 109-120.
11. Падучева Е. В. Дейктические компоненты в семантике глаголов движения. // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. — М.: “Индрик”, 2002. — С. 121-136.
12. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость. — М.: Русские словари, 2000.
13. Словарь ассоциативных норм русского языка. / Под ред. А. А. Леонтьева. — М., 1977.

Сокращения

- МАС:** Словарь русского языка. В 4-х томах. — М.: Русский язык, 1985 — 1988.
- СД:** Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Русский язык, 1978.
- СРЯ XI-XIII вв.:** Словарь русского языка XI — XIII веков. Вып. 1 — 25. — М., 1975 — 2000.
- СОШ:** Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: Азбуковник, 1997.

Статья поступила в редакцию 27 октября 2004 г.

УДК 811.111-821.111

В. Г. Ніконова

КОНЦЕПТУАЛІЗАЦІЯ СВІТУ В ТРАГЕДІЯХ ШЕКСПІРА

Сформульовані у контексті когнітивної лінгвістики ідеї про існування концептуальної картини світу як цілісної, постійно конструйованої системи знань про універсум, яку має індивід, а також про наявність вербалізованої картини, пов'язаної з мовним її вираженням через внутрішній лексикон [7], стимулювали дослідження, спрямовані на визначення авторських концептуальних метафор, що уможлиблює описання психологічного “портрету” автора і його / її “портрету” як мовної особистості [5], дає змогу порівняти образні картини світу різних поетів [4], виявити особливості когнітивного стилю авторів [9, 10]. У цій статті продовжується дослідження концептуального простору індивідуально-авторських метафор, шекспіризмів. Аналіз концептуальної семантики авторських метафор передбачає визначення концептів, які підводяться під сутності царин джерела й мети, та виявлення концептуальних схем, на котрих ґрунтуються поетичні образи.

Мета статті — простежити зумовленість індивідуально-авторського світовідчуття і світооцінки, тобто осмислення й оцінювання автором зовнішнього світу, історичними і культурними традиціями епохи. **Завданням** статті є проведення концептуального аналізу царини мети і виявлення того, які когнітивні сутності позначаються мовленнєвими структурами; визначення концептуальних сфер, що відображають знання індивіда про певні фрагменти світу, центром якого він є, і сукупність яких формує структуру концептуальної картини світу; встановлення ієрархії концептів в авторській картині світу; дослідження наповнення концептів залежно від культурних парадигм. **Об'єктом** дослідження є шекспіризми — фразеологічні одиниці, створені Шекспіром. В п'єсах Шекспіра вони були лише потенційними фразеологічними одиницями, тобто мовленнєвими утвореннями, індивідуально-авторськими метафорами, які сприяли посиленню експресивності й емоційності контексту, але у виборі і створенні яких виявляється специфічне світобачення і мислення Шекспіра.

Аналіз мови Шекспіра — геніального представника своєї епохи, великої епохи Відродження — дає багатий матеріал для відтворення картини світу того часу. У творчості Шекспіра створений синтез культури, науки і мистецтва XVI в. У його творах знайшли своєрідне відбиття суспільно-політичні і культурно-історичні традиції народу, реальний світ того часу (побут та повсякденне життя; релігійні вірування; природні явища та тваринний світ; історичні події та міфологічні алюзії; астрономія, навігація, військова справа, сільське господарство, медицина, музика, живопис, фольклор і т. д.), соціально-політичні проблеми, що випереджають майбутню велику соціальну кризу.

Письменник, носій і творець національної культури мови, користується загальнонародною мовою свого часу, відбираючи, комбінуючи і поєднуючи різні

засоби словникового складу і граматичного строю своєї рідної мови. Цей творчий процес обумовлений багатьма факторами, серед яких — культура національної мови і соціально-історичний контекст відповідної епохи, рівень розвитку суспільної думки і естетична культура сприймаючого середовища, поетика національної літератури і літературний стиль епохи, закони словесно-образотворчого мистецтва (жанр, сюжет, художній час, метод художнього зображення дійсності), особливості і міра таланта самого письменника, його морально-естетична позиція (тобто ідейна, політична, соціальна, філософська і моральна спрямованість його естетичних ідей [1, с. 19]). Художнє різноманіття форм і способів, у яких письменник реалізує свою етичну і естетичну платформу, образно-стильова структура його творів виявляють неповторність і своєрідність його поетичного бачення світу.

Представниками когнітивної картини світу у свідомості виступають *концепти*. В апараті когнітивної лінгвістики наукові праці з когнітології представляють концепт одним із центральних термінів. Опису архетипічних властивостей дослідження концептів присвячені праці К. Юнга, Є. Ноймана, Є. Мелетинського. У лінгвістичних працях кінця ХХ — початку ХХІ століття чимало робіт українських дослідників (О. Селіванової, Ж. Соколовської, Л. Синельникової, Л. Пелепейченко, В. Ужченка) присвячено розробці перспективних аспектів даної проблеми в українському та російському мовознавстві. Категорія концепту приваблює дослідників з когнітивної лінгвістики, чим пояснюється поява багатьох дисертацій. Вчені намагаються дати цілісний опис концепту, розмежувати цей термін з такими, як поняття, значення, лексичне значення, сема, денотат та ін., а також описати співвідношення концепту з такими поняттями, як образ, символ, архетип, міфологема.

Концепти є одиницями пізнання світу, це фрагменти свідомості та мислення, що відображають та узагальнюють людський досвід та осмислену в різних типах діяльності дійсність. Концепти розуміють як цілісні утворення особливого виду, яким властива здатність поповнюватися, змінюватися та відображати людський досвід. Серед лінгвістичних словників лише “Короткий словник когнітивних термінів” містить дефініцію концепту. Автор словникової статті О. С. Кубрякова подає таке визначення: “концепт (concept, konzept) — термін, який служить поясненню одиниць ментальних або психічних ресурсів нашої свідомості і тієї інформаційної структури, яка відображає знання і досвід людини; оперативна змістова одиниця пам’яті, ментального лексикону, концептуальної системи і мови мозку (*lingua mentalis*), всієї картини світу, відображеної в людській психіці. Поняття концепту всієї картини світу відповідає уявленню про ті смисли, якими оперує людина в процесах мислення і які відображають зміст досвіду й знання, зміст результатів усієї людської діяльності і процесів пізнання світу у вигляді деяких “квантів” знання” [8, с. 90].

Концепти створюють відповідний семіотичний простір. Сукупність взаємно зв’язаних концептуальних сфер, що відображають знання і дивіда про певні фрагменти світу, центром якого він є, формують структуру концептуальної картини світу. Концептуальні сфери як закодована соціокультурна інформація

постають сукупністю інваріантних категорій, котрі розуміються як “основний семантичний “інвентар” культури, загальний фон або фільтри, які зумовлюють характер здобуття й організації нового знання та досвіду” [6, с. 18]. Зміст кожної концептуальної сфери визначається наявністю в них семантичних сфер (полів), які відображують основні категоріальні інваріанти, що визначають певний культурно-історичний тип.

Члени мовної спільноти накладають на світ “концептуальну мережу”, тобто виділяють концепти реальної дійсності, які членують світ відповідно до бачення реальності і її асоціативно-предметних зв'язків. Одна і та ж ситуація може мати декілька найменувань, особливо коли йдеться про висловлювання на різноструктурних мовах. На закономірність вибору цих найменувань вказує ряд дослідників (В. Г. Гак, К. А. Долінін, В. Н. Комісаров, Б. О. Серебренников, О. Г. Почепцов та ін.). З одного боку, вибір найменувань залежить від ієрархічних засобів, якими володіє певна мова, тобто закономірностей мовної картини світу; з іншого боку, мовець відзначає у своєму висловлюванні лише ті референти і ті їхні зв'язки, що, на його погляд, найсуттєвіші та допомагають йому вирішувати найважливіші проблеми і досягти тієї мети, яку він ставить відповідно до відомостей про референту ситуацію.

Розрізняються базові концепти (the alphabet of human mind), про які писали ще Лейбниц, Декарт і Паскаль (див., наприклад, список, запропонований Р. Джекендоффом [11]: “річ”, “місце”, “час”, “напрямок”, “простір”, “дія”, “подія”, “кількість” та ін.), загальнокультурні (універсальні, загальнолюдські) концепти (“світ”, “воля”, “життя”, “любов”, “смерть”, “вічність”), що відбивають загальнолюдські цінності, і етнокультурні (національно-специфічні) концепти (“дача” у росіян, “хата” в українців, “халупа” у чехів).

Хоча концепт завжди містить етнокультурний компонент, різні етнокультурні сформували “свою” уяву про світ, волю, життя, любов, смерть і вічність [2, с. 17]. Наповнення концептів буває різним залежно від культурних парадигм і змін культурних кодів. Співвідношення концептів має історичні, соціальні, національні особливості. Концепти виникають у процесі пізнання світу людиною в її свідомості. “Дух народу” [3, с. 365] сконцентровано у концепті — пучку представлень, понять, знань, асоціацій, переживань. як найважливішій константі культури, що породжені осмисленою діяльністю людей. Концепт — це одиниця колективної свідомості / знання, що має мовне вираження і відзначена етнокультурною специфікою.

Дослідження концептуального простору індивідуально-авторських метафор починається з аналізу поверхневої, вербальної структури шекспіризмів. Методом суцільної вибірки з трагедій Шекспіра отримано 174 фразеологічних одиниць, “шекспірівських зворотів”, і вивірено по фразеологічних і лексикографічних джерелах [12]. Аналіз царини мети виявив такі базові концепти: ЧАС, ДІЯ, РІЧ. Кожен з цих базових концептів складається з системи загальнокультурних (загальнолюдських) та етнокультурних (національно-специфічних) концептів.

Так, концептуальні сфери базового концепту ЧАС — “життя”, “вічність”, які у свою чергу підрозділяються на такі сфери, як “сутність життя”, “спосіб жит-

тя”, “часові періоди життя”, “бистроплинність життя”, “доля”. Джерелом соціокультурної інформації, яку Шекспір використовував для створення концептуальних сфер базового концепту ЧАС, є такі донорські зони:

СУТНІСТЬ ЖИТТЯ — побут, повсякденне життя: *the time is out of joint* — the age is disturbed, restless and quite unsatisfactory [12, с. 687]; *the seamy side* — the undesirable, the least attractive side of life, the dark side of society, of one's life [12, с. 590]; їжа: *something is rotten in the state of Denmark* — something is amiss, things are unsatisfactory [12, с. 570]; абстрактні поняття: *more honoured in the breach than in the observance* — said of a law or custom which is not kept or followed [12, с. 350].

СПОСІБ ЖИТТЯ — побут, повсякденне життя: *to bear a charmed life* — be protected from harm as though by magic. be marvelously invulnerable [12, с. 406]; *to go the primrose way* — the pleasant and alluring road which leads to destruction, pursuit of pleasure [12, с. 534];

ЧАСОВІ ПЕРІОДИ ЖИТТЯ — людина, її тіло: *in the womb of time* — yet to reveal or slow itself in the unknown future [12, с. 753]; *man and boy* — from boyhood upwards, all one's life [12, с. 432]; їжа: *one's salad days* — the days of one's youth and inexperience [12, с. 580]; природа: *fall into the yellow leaf* — fall into decline [12, с. 397]; релігійні вірування: *till the crack of doom* — till the end of the world, for ever [12, с. 79].

БИСТОПЛИННІСТЬ ЖИТТЯ — побут, повсякденне життя: *the wheel has come full circle* — things have come round to stay where they started [12, с. 736].

ДОЛЯ — війна: *the slings and arrows of outrageous fortune* — severe, hard blows, strokes, or attacks [12, с. 621]; хвороба: *the ills that flesh is heir to* — the evils, misfortunes, or pains that human nature is destined to inherit [12, с. 239]; релігійні вірування: *a special providence* — a particular act of divine interaction [12, с. 537].

Концептуальні сфери базового концепту ДІЯ — “рух у просторі”, “становище, його зміна”, “діяльність людини”; їхні донорські зони такі:

РУХ У ПРОСТОРІ — історичні алюзії: *meet at Philippi* — keep an appointment without fail [12, с. 512].

СТАНОВИЩЕ, ЙОГО ЗМІНА — побут, повсякденне життя: *to know a hawk from a handsaw* — have ordinary discernment, be normally intelligent [12, с. 309]; абстрактні поняття: *to screw one's courage to the sticking point* — determine to act boldly and courageously after a period of hesitation due either to fear or to diffidence (reference to the screwing up of the peg of a musical instrument until it becomes tightly fixed in the hole) [12, с. 139]; *pride of place* — exalted position, arrogance [12, с. 534]; *sound and fury* — much furious talk of no importance and little meaning [12, с. 627]; історичні алюзії: *be Greek to a person* — be quite incomprehensible or unintelligible to him [12, с. 284]; природа: *trifles light as air* — airy trifles, baseless suspicions [12, с. 702].

ДІЯЛЬНІСТЬ ЛЮДИНИ — абстрактні поняття: *tear a passion to pieces* — overdo a pretended rage [12, с. 503]; побут, повсякденне життя: *suit the action to the word* — cause the action to conform to or follow the word [12, с. 5]; *hold the mirror up to nature* — reflect the faithful image [12, с. 451]; природа: *to bay (bark) at the moon* — engage in some futile enterprise [12, с. 454]; їжа: *chronicle small beer* — register

or notify trivial or unimportant matters [12, с. 44]; війна: *hit the mark* — succeed in an attempt [12, с. 520]; *hoist with one's own petard* — caught and injured by one's own devices or plots against another [12, с. 511]; тваринний світ: *to scotch the snake, not kill it* — render something regarded as dangerous temporarily harmless [12, с. 587].

Концептуальне поле базового концепту РІЧ складається з таких сфер, як “людина як феномен”, “буття людини”, “відносини між людьми”. Донорськими зонами цих концептів є такі:

ЛЮДИНА ЯК ФЕНОМЕН — побут, повсякденне життя: *the common herd* — common people, rabble [12, с. 340]; *a thing of shreds and patches* — a poor creature (in motley) [12, с. 609]; абстрактні поняття: *the glass of fashion* — a person in whom is reflected all that is in the highest fashion [12, с. 267].

БУТТЯ ЛЮДИНИ — людина, її тіло: *in one's heart of heart* — in one's inmost feelings [12, с. 330]; *in one's mind's eye* — in mental vision, imagination or remembrance [12, с. 449]; *the head and front* — the summit, height [12, с. 526]; побут, повсякденне життя: *be made of sterner stuff* — have a more resolute character [12, с. 656]; *a coign of vantage* — an advantageous position for observation or action [12, с. 125]; природа: *in the melting mood* — in a gentle, yielding condition [12, с. 454]; *in one's stars* — in one's predestination, and not from one's negligence or slackness [12, с. 639]; абстрактні поняття: *into a towering passion* — into a very violent rage [12, с. 502]; їжа: *the milk of human kindness* — tenderness of heart, pity, sympathy, or spontaneous kindness [12, с. 447]; релігійні вірування: *a fool's paradise* — a state of deceptive happiness based on illusions [12, с. 142]; *out-Herod Herod* — outdo Herod in violence, be more outrageous than the most outrageous [12, с. 495].

ВІДНОСИНИ (СТОСУНКИ) МІЖ ЛЮДЬМИ — побут, повсякденне життя: *to cheer a person to the echo* — cheer him so vociferously as to produce echoes [12, с. 195]; людина, її тіло: *to lead by the nose* — cajole him into obedience, dominate completely [12, с. 477]; *pluck out the heart of a person's mystery* — worm out his secret [12, с. 461]; *to gall a person's kibe* — press on closely so as to irritate or annoy him, hurt his feelings [12, с. 381]; абстрактні поняття: *sound and fury* — much furious talk of no importance and little meaning [12, с. 627]; їжа: *caviar to the general* — something unappreciated by the general run of men because not suited to please their taste [12, с. 107].

За результатами кількісного аналізу мовленнєвих засобів вираження концептів найбільш численними є концепти світу людини: “буття людини” (34 шекспіризми), “діяльність людини” (29 шекспіризмів), “становище, його зміна” (26 шекспіризмів), “відносини між людьми” (15 шекспіризмів), “спосіб життя” (11 шекспіризмів), “людина як феномен” (7 шекспіризмів), що складає 70% усього аналізованого матеріалу. Концепти, що виражають світоглядні настанови Шекспіра, його осмислення світового устрою, — “рух у просторі”, “сутність життя”, “часові періоди життя”, “бистроплинність життя”, “доля” — передаються лише 30% індивідуально-авторських утворень.

Інтерес Шекспіра до світу людини у всій розмаїтості його буттєвих характеристик відбиває культурні парадигми та історичні, соціальні, національні тенденції епохи Ренесансу з її гуманістичним культом цілісної, гармонійної особи-

стості. Найважливішою проблемою для Шекспіра є проблема людського характеру. Будь-яка п'єса Шекспіра — не п'єса про людей і про їхні відносини, але це і п'єса про одну людину, що стоїть у її центрі сюжету більшості драм Шекспіра. Підкреслюючи у своїх персонажах риси типові, що мають загальне і принципове значення в зображенні характерного образу людини епохи Ренесансу з її світоглядом, звичками, пристрастями, Шекспір у той же час індивідуалізує своїх персонажів, наділяючи їх різноманітними, додатковими рисками, що роблять їх насправді живими. Шекспір особливо висуває значення людського розуму, він шукає тих почуттів, що були б очищені розумом від своєї згубної дії на людську свідомість.

Люди в п'єсах Шекспіра змінюються і діють відповідно своїм індивідуальним особливостям. Але розвиток людини в Шекспіра, зміни, що відбуваються в неї, визначаються факторами громадського життя, тісно зв'язані з участю героя в його подіях. У багатосторонності образів Шекспіра, завжди обумовленій їхнім життєвим досвідом, вперше у світовій літературі була відбита неповторність індивідуальності, живе багатство і складність людської душі. Людська психіка — людська свідомість, розум, почуття, пристрасть, афекти людської суті — перетворилися в нього в основний елемент драматургії. Нове розуміння, а виходить, і нове зображення людини було найбільшим відкриттям Шекспіра.

Виконане дослідження показало зумовленість індивідуально-авторського світовідчуття і світооцінки, тобто осмислення й оцінювання автором зовнішнього світу, історичними і культурними традиціями епохи Ренесансу. Ієрархія концептів у текстовому світі трагедій обумовлюється світоглядними настановами Шекспіра, новим розумінням природи людини, що підкреслювало її гармонійність, індивідуальність і найглибшу внутрішню суперечливість.

Подальші розробки у цьому напрямку передбачають дослідження характеру концепту, який, як родове поняття, охоплює цілий ряд ментальних сутностей, та виявлення концептуальних схем, на котрих ґрунтуються поетичні образи.

Література

1. Алексеева Н. В. Нравственно-эстетическая позиция писателя и пути ее художественной реализации. — АДД. — К, 1983.
2. Алефиренко Н. Ю. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. — М.: Academia, 2002.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986.
4. Димитренко Л. В. Когнітивні та лінгвостилістичні особливості поетичного образу (на матеріалі американської поезії ХХ ст.). — АКД— Одеса, 2000.— 19 с.
5. Колесник Д. М. Концептуальное пространство авторской метафоры в творчестве А. Мердок. — КД. — Черкасы, 1996. — 260 с.
6. Колесник О. С. Мовні засоби відображення міфологічної картини світу: лінгвокогнітивний аспект (на матеріалі давньоанглійського епосу та сучасних британських художніх творів жанру фентезі). — КД. — К., 2003.

7. Кубрякова Е. С. Категоризация мира: Пространство и время // Категоризация мира: Пространство и время: Матер. науч. конф. — М., 1997. — С. 3 — 14.
8. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. — М., 1996.
9. Переломова О. С. Ідіосгиль Валерія Шевчука. — АКД. — К., 2002. — 18 с.
10. Freeman M. Emily Dickinson and the discourse of intimacy // Semantics of Silence in Language and Literature / Ed. by G. Grabher, U. Jessner. — Heidelberg: Universitat C. Winter, 1996. — P. 191-210.
11. Jackendoff, R. Conceptual semantics // Meaning and mental representations / U. Eco, M. Santambrogio, P. Viola (eds.). — Bloomington, 1988.
12. The Kenkyusha Dictionary of Current English Idioms. — Tokyo: Kenkyusha, 1964.

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2004 г.

УДК 821.161.1 — 31 Дост.

Г. А. Зябрева

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ О ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ — ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО К ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОМУ

Постановка проблемы

Сегодня с полным правом можно утверждать: общественно-идеологические, философско-психологические, этико-эстетические воззрения Достоевского по-прежнему остаются на острие внимания мировой и отечественной науки. Работы, посвященные этой проблематике, уже с трудом поддаются учету. Тем не менее есть в мироведении Достоевского области, которые рассматриваются литературоведами лишь от случая к случаю, причем с долей некоторого смущения. Здесь имеется в виду прежде всего область политических взглядов писателя, порой столь парадоксальных, даже эпатажных для массового сознания, что перед оценкой их останавливаются и независимые умы, признанные авторитеты достоевистики.

Между тем политические суждения классика вполне логично укладываются в формат его представлений о судьбах современной цивилизации; рожденное конкретными жизненными реалиями естественно увязывается с вечным, бытийным. Считаем: непредвзятый, объективный анализ политических идей Достоевского с особой ясностью обнаруживает системность его мировоззрения и творчества, взаимопроникновение и взаимообусловленность таких основополагающих категорий мышления художника, как “социальное” и “духовное”, “историческое” и “метафизическое”, “национальное” и “общечеловеческое”. Кроме того, полагаем: без изучения политического кредо Достоевского невозможно достоверно выявить ни его место в историософии XIX — XXI веков, ни

роль в развитии религиозного сознания нового и новейшего времени, ни — соответственно — воздействия на мировую культуру в целом. Указанными обстоятельствами и определяется **актуальность данной публикации**, составляющей часть более обширного исследования.

Целью работы является освещение раздумий писателя по Восточному вопросу как “сердцевины”, ядра его политической концепции. При этом рассматривается генезис данного вопроса, его трактовки, предложенные крупнейшими отечественными мыслителями, проясняется типологическое родство их суждений и точки зрения Достоевского; характеризуется эволюция взглядов писателя на проблему “Россия — Восток — Запад”, вскрывается глубинная связь между оценками конкретно-временного, эпохального и универсальными, сущностными началами его миропонимания. Решение всех этих **задач** и формирует **научную значимость** статьи, **новизну** выдвигаемых в ней положений.

История вопроса

Кажется несомненным, что возникновение Восточного вопроса напрямую связано с крушением Византийской империи, с катастрофой 1453 года, когда турками-османами был захвачен Константинополь. Тем не менее, несмотря на длительность существования Восточного вопроса, в отечественной науке до сих пор не выработано единого представления о его содержании, хронологических границах; не сформировано и общеприимной концепции его разрешения. Вот, например, что можно прочесть по данному поводу в Советском энциклопедическом словаре 1985-го — “перестроечного” — года издания: “Восточный вопрос, принятое в дипломатии и в исторической литературе обозначение международных противоречий в 18 — начале 20 вв., связанных с наметившимся распадом Османской империи, ширившимся национально-освободительным движением населявших империю народов и борьбой европейских великих держав за раздел ее владений (некоторые исследователи включают в понятие Восточного вопроса также широкий комплекс политических проблем Среднего Востока и Кавказа). Потеря Турцией ее владений в Европе и Азии в 19 — начале 20 вв. и образование в результате Великой Октябрьской социалистической революции Советской республики, оказавшей поддержку возникшему на обломках Османской империи независимому Турецкому государству, устранили Восточный вопрос с арены мировой политики” [10, с. 249].

Ограниченность, даже некоторый мифологизм подобного рода суждений, к сожалению, доминирующих в современном сознании, проясняются на фоне немногих серьезных работ, специально посвященных Восточному вопросу (см., к примеру, книгу Н. А. Нарочницкой “Россия и русские в мировой истории”) или касающихся его лишь косвенно (см. работу С. Н. Киселева, Н. В. Киселевой “Размышления о Крыме и геополитике”). Но с особой очевидностью многосложность и острая актуальность данного вопроса обнаруживаются в трудах классиков русской истории и геополитики, которые трактовали восточную проблематику в иной, гораздо более масштабной, чем принято сегодня, системе координат, вскрывали ее глубинную — цивилизационную по своей природе — сущность, отмечали невысокую эффективность социально-политических спо-

собов разрешения. Так, С. М. Соловьев утверждал, что движущей силой глобального исторического процесса является антагонизм, противоборство цивилизаций, формирующее, в частности, и мировой Восточный вопрос — историческое тысячелетнее соперничество между Европой и Азией, “европейским и азиатским духом”, приводящее то к появлению Ксеркса в Греции, то к движению Александра Македонского на берега Евфрата, то к походам крестоносцев в Палестину, то к монгольскому нашествию на Русь, то к победам русского оружия в Астрахани, Казани, то, наконец, “к войнам с Османской Турцией вплоть до XX века” [11, т. 13, с. 25].

Н. Я. Данилевский различал в структуре Восточного вопроса общемировой и региональный его аспекты. Первый связывался с агрессивнo-нигилистическим отношением Запада к России и славянству как особым, неприемлемым для романо-германского культурно-исторического типа явлениям человеческой цивилизации.

Второй, “локальный”, виделся в остром соперничестве между Европой и Россией за влияние на Балканах, контроль над Черноморскими проливами, обладание Константинополем, что, согласно Данилевскому, нередко приводило к прямым военным столкновениям заинтересованных сторон. При этом даже возможность положительной для славян развязки регионального конфликта не рассматривалась исследователем как окончательное решение Восточного вопроса, ведь, будучи заложен “еще во времена древних Греков и Рима”, он знаменовал борьбу “славянского племени — члена арийской семьи за свое миродержавное значение”, за успешное развитие духовной самобытности, призванное “наложить свою печать на целый период Истории” [цит. по: 5, с. 127].

Доказательную трактовку и пути закрепления этой самобытности предлагал крупнейший русский философ К. Н. Леонтьев, который исходил из того, что в лице России и братских ей народов должна развиваться совершенно оригинальная славяно-азиатская цивилизация. А для этого необходимо сознательное сохранение Россией духа византизма (монархизма, христианства, свободного от расколов и ересей, религиозного нравственного идеала, оппозиционного идеалу земного процветания) [7, с. 94] и формирование на его почве славизма (единения по признаку общей крови и сходных языков) [7, с. 108], что, по Леонтьеву, достигается лишь на основе Православия [7, с. 115] — истинно охранительного, цементирующего начала раздробленного славянства. Потребность добиваться живого церковного союза напрямую соотносилась Леонтьевым с решением Восточного вопроса и в особенности со взятием Константинополя (Царьграда) как сакральной ценности для всех православных народов.

Цивилизационный смысл Восточного вопроса, предельно четко разработанный в русской философии и геополитике, был вполне ясен и великому современнику рассмотренных авторов Ф. М. Достоевскому. Но если Данилевский и Леонтьев в своих решениях проблемы программировали конкретные задания в адрес России, формулировали ее геостратегическую, культурно-историческую, религиозную миссию, то Достоевский открывал на этом пути воистину мессинскую перспективу, акцентировал мессинскую “сущность

русского призвания”. Естественно, представление об этом “призвании” складывалось у писателя постепенно, претерпевая по мере углубления и обогащения определенную эволюцию.

Концептуальный аспект

Впервые к восточной проблематике Достоевский подступил во время Крымской войны, когда после освобождения из Омского каторжного острога служил рядовым в Семипалатинске. В это время писателем были созданы три стихотворения: “На европейские события в 1854 году”, “На 1 июля 1855 года” и “Умолкла грозная война” <На коронацию и заключение мира>. В первом содержалась оценка конфликта между Россией и европейскими державами, выступившими в войне на стороне Турции; во втором — обращение к Императрице, недавно потерявшей венценосного супруга, по случаю Дня ее рождения; третье было посвящено восхождению на престол нового самодержца Александра II.

В отечественной достоевистике сложилось твердое убеждение, будто целью написания этих стихотворений было стремление опального Достоевского заявить о своих “верноподданических чувствах” и благодаря этому вернуться в литературу. Вот почему якобы “в оценке лиц и событий он старался строго придерживаться официальных формул и клише русской периодической печати периода Крымской войны, отражавшей правительственные взгляды” [2, т. 2, с. 521]. Однако авторы данной точки зрения не могут отрицать, “что Достоевский, как видно из его писем к А. Н. Майкову 1856 г., был захвачен общим патриотическим воодушевлением, которое переживали в эпоху Крымской войны широкие слои русского общества” [2, т. 2, с. 521], и даже решаются предположить, “что именно в это время сложилось его убеждение об особой роли России в борьбе за освобождение славянских народов от турецкого владычества” [2, т. 2, с. 521].

Не отвергая ни первого, ни второго тезисов в принципе, заметим, однако, что человек предельной искренности и честности, Достоевский вряд ли руководствовался конъюнктурными соображениями в своей характеристике Крымской (Восточной) войны. В противном случае эта характеристика была бы забыта по возвращении автора к нормальной жизни, а не явилась бы зерном представлений об участии России в судьбах человечества, которое мощно, хотя и по-разному, проросло в публицистике 1860-х годов (“Зимние заметки о летних впечатлениях”), четырех романах великого “пятикнижия” (“Идиот”, “Бесы”, “Подросток”, “Братья Карамазовы”), статьях “Дневника писателя” за 1876 — 1878 годы, а также в последних выпусках данного издания в 1880 — 1881 годах.

Этим зерном, оплодотворившим “восточную концепцию” зрелого Достоевского — исток и итог его мессианских прозрений, — считаем:

— взгляд на войну как момент крайнего обнажения противоречий между Россией и Европой по вопросу о Балканах и Турции:

*Писали Вы, что начал ссору русской,
Что как-то мы ведем себя не так,
Что честью мы не дорожим французской,
Что стыдно вам за ваш союзный флаг,*

*Что жаль вам очень Порты златорогой,
Что хочется завоеваний нам,
Что то да се... Ответ вам дали строгой,
Как школьникам, крикливым шалунам.
Не нравится. — На то пеняйте сами.
Не шапку же ломать нам перед вами!*

[2, т. 2, с. 405];

— взгляд на католический Запад как на противоестественного сторонника мусульманской империи и сознательного недруга православной державы:

*Христианин за турка на Христа!
Христианин — защитник Магомета!
Позор на вас, отступники Креста,
Гасители Божественного света!*

[2, т. 2, с. 405];

— взгляд на союз Церкви и Самодержавия как спасительный для России во всех ее испытаниях:

*Спасемся мы в годину наваждений,
Спасут нас Крест, Святыня, Вера, Трон.
У нас в душе сложился сей закон,
Как знаменье побед и избавлений!*

[2, т. 2, с. 403];

— взгляд на миссию России как освободительницы и духовной окормительницы единоверных народов:

*Не вам судьбы России разбирать!
Неясны вам ее предназначенья!
Восток — ее! К ней руки простирать
Не устают мильоны поколений.
И властвуя над Азией глубокой,
Она всему младую жизнь дает,
И возрожденье древнего Востока
(Так Бог велел!) Россией настает*

[2, т. 2, с. 405];

— взгляд на завоевание православной Россией Царьграда как путь возрождения и утверждения Христовой Истины:

*И наконец Твой час, Господь, настал!
Звучит труба, шумит орел двуглавый
И на Царьград несется величаво!*

[2, т. 2, с. 406]

Прямым развитием всех выдвинутых положений явилась у Достоевского трактовка Восточного вопроса как такого, который по преимуществу заключа-

ется в прошлом, настоящем, будущем Православия. А проблемы освобождения балканских славян и овладения турецким “наследством” соотносились с ним в качестве весьма важных, но все же сопутствующих, нацеленных на разрешение в ходе конкретных исторических деяний — войн против Османской Порты, поддержки национально-освободительного движения братских народов, борьбы за их политическое самоопределение. В ноябрьском выпуске “Дневника писателя” за 1877 год Достоевский максимально точно проясняет свою позицию: “... что такое Восточный вопрос? Восточный вопрос есть в сущности своей разрешение судеб Православия <...> Что же это за судьбы Православия? Римское католичество, продавшее давно уже Христа за земное владение, заставившее отвернуться от себя человечество и бывшее, таким образом, главнейшей причиной материализма и атеизма Европы, это католичество естественно породило в Европе и социализм. Ибо социализм имеет задачей разрешение судеб человечества уже не по Христу, а вне Бога и вне Христа, и должен был зародиться в Европе естественно, взамен упавшего христианского в ней начала, по мере извращения и утраты его в самой церкви католической. Утраченный образ Христа сохранился во всем свете чистотой своей в Православии. С Востока и пронесется новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может, вновь спасет европейское человечество. Вот назначение Востока, вот в чем для России заключается Восточный вопрос” [2, т. 26, с. 85].

Но почему же именно России предстоит решить Восточный вопрос, почему “судьбы Православия слиты с <ее> назначением”? Для Достоевского ответ очевиден: потому, что Россия — духовная наследница первого Рима, который “Христос почтил своим Воплощением”, воспреемница Второго Рима (Константинополя), сохранившего Христову Истину неповрежденной, да и, наконец, сама она являет Третий — последний — Рим в истории человеческой цивилизации.

Высказанная мысль нуждается в пояснении. Дело в том, что в художественных произведениях писателя не используется формула старца псковского Флеазарова монастыря Филофея “Два убо Рима падоша, а третии стоит, а четвертому не быти”, изложенная им в посланиях к великому князю Василию III, а также к великокняжескому дьяку М. Мисюрю-Мунехину. Крайне редко используется она даже в публицистике и записных тетрадях Достоевского (нам пока удалось обнаружить лишь три случая) [см.: 2, т. 23, с. 7, т. 24, с. 169, 181]. Исследовательница теории Третьего Рима Н. В. Сеницына выражает сомнение, что Достоевский, равно как Данилевский и иные авторы славянофильской ориентации, разделяли эту теорию, более того — она считает искусственным “приписывание” “мессиантической идеи” Достоевскому и многим другим [9, с. 15]. В контексте ее книги слово “мессианство” явно имеет отрицательную смысловую окраску.

Между тем, мнение Н. В. Сеницыной опровергает статья Достоевского “Утопическое понимание истории”, помещенная в июньском выпуске “Дневника писателя” за 1876 год. Здесь автор прямо характеризует Россию как предводительницу мирового Православия, как покровительницу и охранительницу его **еще с эпохи Ивана III**, отнюдь не случайно поставившего “царьградского двуглавого орла выше древнего герба России” [2, т. 23, с. 49]. Т. е. совершенно оче-

видно, что Достоевский связывал перспективу Вселенского Православия с судьбой России уже с момента падения Константинополя под напором турок, когда и сложились предпосылки для формирования доктрины Филофея, исходной для всей последующей отечественной историософии. К сказанному следует также добавить, что концепция “Москва (символ России) — Третий Рим” не могла не привлечь внимания Достоевского, поскольку в ней предстали в синтезе “эсхатологический, культурно-исторический и политический аспекты” [4, с. 280]. А именно их сумма всегда определяла парадигму мышления Достоевского, сущность и вектор его раздумий о праве и долге России решать судьбы Европы и человечества в целом.

Свое завершенное выражение представления писателя о Восточном вопросе и русском мессианстве получили во время войны 1877 — 1878 годов. Политической составляющей этих представлений явилась система аргументов в пользу инициативного вступления России в вооруженную борьбу с Османской Портой на стороне единокровных народов. При этом Достоевский не устал подчеркивать, что, обретя независимость, эти народы сразу же начнут “заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, <...> интриговать против нее” [2, т. 26, с. 79]. Тем не менее России надлежит со смирением принять такую неблагодарность и добровольно явить всю полноту бескорыстия по отношению к освобожденным. Она не должна и помыслить о получении за их счет каких бы то ни было пространственно-географических приращений или социально-экономических выгод, и уж тем более не может стремиться к политической гегемонии на балканских территориях.

В чем же тогда смысл бесчисленных жертв, приносимых ради тех, кто замкнут на собственных эгоистических интересах, кто не способен оценить братскую помощь и участие в собственной судьбе? Ответ на этот вопрос связан с культурно-исторической компонентой прозрений Достоевского. Писатель полагает, что “выгода” России состоит в физическом сохранении славянского мира для осуществления им самостоятельного житнетворчества, в ходе которого естественно и неизбежно, хотя очень не скоро, сформируется влечение к братскому сообществу, тяготение к “великому магниту” — России, — в результате чего возрожденным народам удастся сказать “новое целительное слово человечеству” [2, т. 26, с. 80-82]. Содействовать этому означает, по Достоевскому, самим “выйти в полноту истории” [2, т. 25, с. 74], выполнить свою национальную задачу [2, т. 26, с. 81-82], приобщиться к подлинной “живой жизни” [2, т. 25, с. 96].

Здесь необходимы два замечания: относительно понятия “живая жизнь”, а также его родства с категорией “национальное”. Идея “живой жизни” впервые была выдвинута Достоевским в 1864 году (“Записки из подполья”) и с тех пор активно функционировала в творческом мире писателя, обогащаясь, конкретизируясь, наполняясь новыми смысловыми оттенками в связи с общим направлением его религиозно-нравственного поиска. В конце концов, идея эта была напрямую соотнесена с проблемой веры / неверия и стала восприниматься синонимом бытийного, воплощением христиански-любовного, самоабвенно-жерт-

твенного отношения к окружающему. Понятно поэтому, что защита славянства трактовалась Достоевским как утверждение России на почве “живой жизни”, т. е. как форма служения Богу и Истине. Отсюда и оправдание, даже апология войны, отсюда и чеканные формулы типа: “Война. Мы всех сильнее” [2, т. 25, с. 94], “Константинополь должен быть наш” [2, т. 26, с. 82], “Не всегда война бич. иногда и спасение” [2, т. 25, с. 98]. Причем спасение не только распинаемого турками православного населения Балкан, но и спасение самой России, поскольку она отрешается от “мертвящей болтовни” [2, т. 25, с. 96] собственной интеллигенции, преодолевает “немоощь растреления” [2, т. 25, с. 95], переживает необыкновенный “подъем духа” [2, т. 25, с. 98] и “сознает про себя, с народом и царем своим во главе, что <...> слово Православия переходит в ней в великое дело, что уже началось это дело <...>, а впереди перед ней еще века трудов самопожертвования, насаждения братства народов и горячего материнского служения <...> им, как дорогим детям [2, т. 26, с. 85-86]. Но это служение есть не что иное, как сугубо национальный выбор, как жажда поделиться “избытком живой силы своей” [2, т. 25, с. 19], как готовность, объединив и возродив братьев по вере, то есть решив славянскую часть Восточного вопроса, решать и его общемировой аспект: содействовать обновлению враждебной Европы, а затем и всего человечества. У Достоевского нет ни малейших сомнений в том, что желанное преображение возможно лишь в результате “великого будущего единения Церкви” [2, т. 25, с. 73], а в этом и заключается эсхатологическая перспектива “рокового” и “страшного” [2, т. 25, с. 74] Восточного вопроса, “грозы и беды нашего текущего и нашего будущего” [2, т. 27, с. 34].

В качестве **вывода** подчеркнем, что развитием истории были отвергнуты самые светлые упования Достоевского и подтверждены худшие его опасения. Тем не менее писатель не разуверился в возможностях решения Восточного вопроса на почве и в духе Христовой Истины. Незадолго до смерти в январе 1881 года он еще раз дал ясно понять, что “Константинополь должен быть наш”, пусть и “в отдаленном, загадочном еще нашем грядущем” [2, т. 27, с. 39]. Более того, Достоевский предложил новые пути для реализации этой перспективы, а именно: призвал Россию к масштабному освоению Азии, к последовательному осуществлению на ее поле “цивилизаторской миссии” [2, т. 27, с. 37]. Поразительно, как тонко и точно почувствовал русский художественный гений ту линию отечественной геополитики, которая возобладала на рубеже XIX — XX веков и значимость которой сполна подтвердила современная эпоха.

Литература

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — М., 1991. — 574 с.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л., 1972 — 1990. — тт. 2, 23, 24, 25, 26, 27.
3. Затулин К. П. Что такое Россия? // Русский дом. — 2004. — №1. — С. 8-9.
4. Ишин А. В. Концепция “Москва — Третий Рим”: От эсхатологии к геополитике // Ялта 1945-2000: Проблемы международной безопасности на пороге нового столетия / Гл. ред. В. П. Казарин. — Симферополь, 2001. — С. 279-282.

5. Киселев С. Н. Русский гений: Николай Данилевский // Крымский архив. — 1999. — №4. — С. 99-153.
6. Киселев С. Н., Киселева Н. В. Размышления о Крыме и геополитике. — Симферополь, 1994. — 64 с.
7. Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. — М., 1996. — 800 с.
8. Нарочницкая Н. Россия и русские в мировой истории. — М., 2003. — 534 с.
9. Сеницына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (15-16 вв.). — М., 1998. — 410 с.
10. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. — М., 1985. — 1600 с.
11. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — М., 1959-1966. — тт. 13, 14.

Статья поступила в редакцию 18 октября 2004 г.

УДК94(477.75)

В. В. Лавров

ДУХОВНЫЕ ПОИСКИ УЧЕНЫХ

(историографическая концепция термина "ноосфера":

В. И. Вернадский, И. М. Гревс, П. А. Флоренский)

Ноосфера переводится с греческого как сфера разума. Идеи о существовании оболочки Земли, контролируемой разумом, формировались в первой трети XX века и нашли свое выражение в идеях о *ноосфере* (Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден), *психозойской эре* (Ле Конт), *цефализации* (Д. Дана), *техносфере* (А. Ферсман) и др. В отечественной науке понятие термина ноосфера связано с именем академика В. И. Вернадского, который переосмыслил содержание этого понятия в контексте развиваемого им учения о биосфере, духовного начала и роли научной мысли как планетарного (космического) явления. Процесс научного осмысления ноосферы у В. И. Вернадского был достаточно длительным. Он тщательно выверял ноосферные явления в различных науках естественного цикла, подкрепляя их многовековым философско-религиозным опытом. Своими научными идеями В. И. Вернадский часто делился с близкими по научному творчеству друзьями, которые, в свою очередь, помогали ученому более точно подойти к определению учения о ноосфере. Среди его постоянных корреспондентов были И. М. Гревс — профессор истории, и П. А. Флоренский — математик, религиозный философ. Все трое ученых принадлежали к такому типу исследователя, в котором органически соединялись как религиозные, так и научные искания. Именно в таком типе исследователя наиболее нуждалось развитие русской научной мысли в начале XX века.

Цель настоящей статьи — осмыслить историографическую концепцию термина “ноосфера” в научном наследии В. И. Вернадского, И. М. Гревса и П. А. Флоренского. Одновременно показать необычность эпохи, в которой происходило формирование и формулирование учения о ноосфере; определить истоки творческого вдохновения, приведшие мыслителей к созданию нового направления в науке — ноосферы.

Духовные истоки научного творчества В. И. Вернадского

В начале XX века авторы знаменитого сборника “Вехи” (1909) обратили внимание интеллигенции на духовное раздвоение общества и предложили конкретный выход из этого духовного кризиса. Друг В. И. Вернадского, философ, юрист П. И. Новгородцев чуть позже, обобщая статьи, представленные в сборнике, замечал: “Они (авторы сборника. — *В. Л.*) хотели лишь указать, что путь, по которому шло до сих пор господствующее течение русской интеллигенции, есть неправильный и гибельный путь и что для нее возможен и необходим иной путь, к которому ее давно призывали ее величайшие представители, как Чаадаев, Достоевский, Вл. Соловьев. Если вместо этого она избрала в свои руководители Бакунина и Чернышевского, Лаврова и Михайловского, это великое несчастье и самой интеллигенции, и нашей родины. Ибо это есть путь отпадения, отщепенства от положительных начал жизни. Разорвать с этой традицией, ведущей к бездне и гибели, вернуться к объективным основам истории — вот задача, которую русская интеллигенция должна себе поставить... Надо сделать выбор: с этим связана и судьба России” [6].

В. И. Вернадский, размышляя над этой же проблемой, отмечал, что, с одной стороны, духовенство как “образованный класс” остается еще “чуждый точным наукам”: “Иезуит Саккери [8] — предшественник Лоб[ачевского] по новаторству. Поразительна в этом отношении сила католицизма. Могут ли наши христианские мыслители быть столь же глубокими и свободными в отношении к миру? Русская философия и теология далеки от математики и естествознания. Это ее слабость или недостаточная еще глубина проникновения в окружающее” [2]. С другой стороны, — “русская интеллигенция была безразлична к одному из величайших проявлений духовной жизни человечества — религиозной жизни” [1]. Выступая на съезде Таврической научной ассоциации 7 ноября 1920 г., В. И. Вернадский скажет еще резче: “Русская интеллигенция была даже не атеистична, она была арелигиозна; она пыталась прожить, не замечая религиозных вопросов, замалчивая их. Так было. Но так не будет” [3]. Ставя новые задачи перед интеллигенцией, В. И. Вернадский особо подчеркивал: “Черты новой интеллигенции вырисовываются. Замечающийся сейчас интерес к религиозным вопросам, попытки возрождения реального православия являются фактом громадной важности. Напрасно многие боятся этого как симптома реакции и застоя. Нет. История говорит нам, что человеческая мысль в области научного знания может постигать новое, а не топтаться на одном месте, только если рядом с научным творчеством идет широкое творчество религиозное. И теперешнее религиозное движение в России таит в себе залог будущего расцвета русской науки” [3].

Итак, в конце 1920 г., в Крыму, В. И. Вернадский четко и ясно сформулировал основные направления будущей своей научной деятельности, которые можно свести к следующим тезисам:

а) **наука как геологическая сила:** *"рост науки увеличивает силу человечества, увеличивает его геохимическую работу"*;

б) **человек как геологическая сила:** *"все тенденции, которые мы наблюдаем в окружающей нас истории, которые повышают культурную силу человечества, увеличивают его геохимическое значение"*;

в) **переоценка духовных ценностей:** *"вопросы, которые сейчас в реальных формах стали перед человечеством, выходят за пределы одного народа — это вопросы вечные; с ними связаны теснейшим образом такие великие творения духовной жизни человечества, как наука, философская мысль, религия, художественное творчество"*.

Эти мысли ученого можно смело отнести к духовным исканиям В. И. Вернадского, увенчавшимся введением им чуть позже понятия *ноосферы* как этапа эволюции *биосферы*.

В 1921 г. В. И. Вернадский, покидая Крым, познакомился с одним из основных трудов своего бывшего ученика по Московскому университету П. А. Флоренского "Столп и утверждение истины". В дневнике он делает характерную запись: "Теперь начал читать Флоренского <...>. Книга, кажется, очень интересная. Я страшно ценю самостоятельное творчество, какую бы форму оно не принимало. Здесь чувствуется сильная и оригинальная личность" [4]. Отметим, что В. И. Вернадский будет внимательно в дальнейшем следить за творчеством этого выдающегося религиозного мыслителя, а вскоре между ними завяжется и дружеская переписка.

В. И. Вернадский и П. А. Флоренский: диалог ученых

По всей видимости переписка П. А. Флоренского и В. И. Вернадского началась после возвращения последнего на родину в 1926 г. В. И. Вернадскому было важно выяснить на тот момент роль и место человека в наступающей ноосферной эре. Его никак не устраивало эволюционистское представление о человеке, считавшее, что человек — не что иное, как эволюция, осознавшая саму себя. В. И. Вернадский в это время читает труды религиозных философов, утверждавших обратное: "Вся тварь тоскует в цепях ислечения. Вся природа есть портрет Всевышнего, совершеннейший и полный. Природа в Боге; Бог — около нас, кругом нас. Апостол Павел говорит: " <...> тварь с надеждой ожидает откровения сынов Божиих: знаем, что вся тварь совокупно стонет и мучается донныне" (Рим. 18, 28). Следовательно, вся тварь, включая человека, одного происхождения. Его (человека. — *В. Л.*) объективность — богоданная тварь", — писал П. А. Флоренский. Он же утверждал, что "земная природа — лишь подножие храма Божия, а человек — полный конспект мира" [9].

Обращаясь к В. И. Вернадскому, П. А. Флоренский пишет: "Человек есть бесконечность. Но не за формальный признак бесконечности человек и мир могут почитаться взаимоотражающими друг друга; между человеком и средою

есть действительное подобие, часть части, сторона стороне, разрез разрезу. В Среде нет ничего такого, что в сокращенном виде, в зачатке хотя бы, не имелось бы у Человека; и в Человеке нет ничего такого, что в увеличенных, скажем временно, размерах, но разрозненно, не имелось бы у Среды. Человек есть сумма Мира, сокращенный конспект его; Мир есть раскрытие Человека, проекция его” [7].

Далее П. А. Флоренский размышляет: “Конечно, проще всего было бы доказать эту мысль, опираясь на данные современного естествознания, — имею в виду преимущественно современную биологию. Но переменчивые с каждым ветром времена, и при том в нынешнее время переменчивые ускоренно, естественно-научные положения были бы слишком малопрочным фундаментом философской антропологии; несравненно надежнее в этом смысле основные инварианты лирики, а тем более — неизбежно прочные символы религии: ведь вопреки тому, что полагают обычно среди науковеров, научные “истины” весьма недолговечны и ускорительным процессом современной науки делаются все более недолговечными, а кроме того — чрезвычайно субъективны, хотя и не индивидуально-субъективны, а группово-кружковски, не говоря уже об узости их, определяемое применительно в области лишь отдельных дисциплин и ветвей дисциплин. Напротив, истины и символы религии всечеловечны и всеисторичны, в основе своей вселенски понятны и вселенски же приемлемы, оставаясь устойчивой осью истории и, подобно радуге, несдуваемые вихрями времени. И моя глубочайшая уверенность, что если высказываемые здесь мысли будут обоснованы религии и поэзии, то навсегда этим мыслям обеспечена современность и всякая живая душа найдет в себе им отклик, тогда как обоснования естественно-зрительные уже лет через двадцать будут заивны и приблизительны, как смешная старомодная шляпа” [7, с. 277].

Приведенный отрывок письма наглядно демонстрирует, почему П. А. Флоренского не устраивали перспективы дарвинистского объяснения картины мира: он не видел в ней прогрессирующего одухотворения в человечестве. А человек, по Флоренскому, — есть труд, и его мысль — не стороннее явление, наблюдающее и трансформирующее природу, а неотъемлемая, главная часть мира и его мера.

Говоря о “признании поэзии”, как символе “всечеловечности и всеисторичности”, П. А. Флоренский имел, прежде всего, в виду русскую поэзию, оставившую довольно богатое наследие в своих размышлениях о природе-храме, о природе-мастерской. Вспомним пушкинское “и равнодушная природа”, а так же “Не то, что мните вы, природа... в ней есть душа” Тютчева. Базаров в “Отцах и детях” Тургенева говорит, что она не храм, а мастерская, и человек в ней работник. А рядом с Базаровым и Тургеневым — размышления Гончарова из сибирских страниц “Фрегата Паллады” (с вопросом: “кто этот Титан, преобразующий суровое бытие, возделывающий естество?”).

Конечно, В. И. Вернадскому была знакома русская поэзия XIX века с ее поисками и объяснениями Среды и Человека. Еще ближе была ему современная поэзия века XX, где природа-мастерская и “природы вековечная давящая” у

Николая Заболоцкого, с одной стороны, а так же природа как храм молитвы и труда одновременно у Есенина и Клюева — с другой. Не говоря уже об Андрее Платонове с его мотивом “ремонтирования” природы, явно произрастающего из принципа Николая Федорова “преодоления природы”. Творчество всех перечисленных авторов как XIX, так и XX веков В. И. Вернадский хорошо знал, о чем свидетельствуют его дневниковые записи. Из зарубежных поэтов он больше всего выделял Гете, у которого, по слову Вернадского, “природа совпадает почти целиком с биосферой и всегда связана с жизнью”.

Во втором письме к В. И. Вернадскому, датированному 21 сентября 1929 года, П. А. Флоренский высказывает “мысль о существовании в биосфере или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать *пневмосферой*, то есть о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот или, точнее, в круговорот духа” [7, с. 280].

В ответном письме В. И. Вернадский, в частности, отвечал: “Мне кажется, что сейчас мы переживаем очень ответственный перелом в научном мировоззрении. Впервые в научном мировоззрении должно войти явление жизни, и, может быть, мы пойдем к ослаблению того противоречия, какое наблюдается между научным представлением о Космосе и философским или религиозным его постижением. Ведь сейчас все дорогое для человечества не находит в нем — научном образе Космоса — места” [6].

Заметим, что П. А. Флоренский внимательно следил в эти годы за тем, что выходило из-под пера ученого Вернадского. В письме к сыну П. А. Флоренский дает характеристику Вернадскому-ученому: “<...> большинство мыслей, им высказываемых, очень созвучны мне, я думаю о том же, хотя подходил с несколько иных отправных пунктов <...>. Он единственный у нас ученый, мыслящий глубоко, <...> один из самых глубоких натуралистов нашего времени в мировом масштабе” [11].

Итак, то что В. И. Вернадский назвал *ноосферой*, стало точкой пересечения двух независимых сфер интересов мыслителей. В формулировке *пневмосферы* П. А. Флоренский так же как и Вернадский в формулировке *ноосферы*, синтезировал в едином понятии свои религиозно-философские и естественно-научные воззрения.

В. И. Вернадский и И. М. Гревс

В круг близкого духовного общения В. И. Вернадского, где вырабатывалась и обсуждалась концепция ноосферы, входил и И. М. Гревс, близкий друг Вернадского со студенческих лет. В своих культурологических изысканиях под влиянием В. И. Вернадского И. М. Гревс разрабатывал идею *антропосферы* как сферы человеческой культуры. В последнем по времени фрагменте своих воспоминаний (1941) И. М. Гревс излагает представление Вернадского о ноосфере как одной из трех “основных мирообразующих сфер” (геосфера, биосфера, ноосфера): “Ноосфера является областью, мировым элементом (именно сферой, как у Данте “небеса”), которая осуществляет, обнимает и завершает Космос, дает ему конечное единство”. Излагая далее свое понимание ноосферы,

Гревс пишет: “<...> Чувствуется мне в творимом им мире нечто сродное тому, куда меня влечет та сила, которая живет во мне и начала жить с самого начала моего бытия на земле <...>. Это — создание ноосферы творчеством духа в истории жизни Вселенной. Вот мне теперь и кажется-то, что совершалось в ходе моего единичного <...> существования (жизни “микрокосма” внутри “макркосма”), — это поднималось по пути такого шествия ввысь с колебаниями, остановками, падениями и возрождениями, но именно так и к такой цели (участию в творчестве ноосферы). И такое “дело” рисуется мне функцией человеческой личности, как бы “духовно-телесного атома”, вечного исчезающего” [10].

Если принять во внимание высказывание В. И. Вернадского о том, что “материя и энергия не охватывают всю жизнь”, что сознание (духовное начало) является “регулятором энергии” и никогда не исчезает, то интерпретация учения В. И. Вернадского о *ноосфере* и И. М. Гревсом (*антропосферы*) и П. А. Флоренским (*пневмосферы*) не только не противостоят друг другу, а наоборот, — дополняют друг друга, или, по крайней мере, равноправно сосуществуют.

Литература

1. АРАН. — Ф. 518, оп. 2, д. 45, л. 193 об. — 195 об.
2. Вернадский В. И. Дневники. 1921—1925. — М.: Наука, 1998. — С. 125.
3. Вернадский В. И. Русская интеллигенция и новая Россия // Таврический голос. — 1920. — 27 окт. (9 нояб.). — №358.
4. Вернадский В. И. Дневники. 1917—1921. Январь 1920 — март 1921. — К.: Наукова думка, 1997. — С. 119.
5. Новгородцев П. И. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. — М.; Пг.: Русская мысль, 1918. — С. 239.
6. Переписка В. И. Вернадского с семьей Флоренского // Вопросы истории естествознания и техники. — Москва. — 1988. — №1. — С. 84.
7. Письма П. А. Флоренского и В. И. Вернадского // Флоренский П. А. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1990. — С. 277.
8. См.: Проф. Васильев. Иезуит Саккери, итальянский предшественник Лобачевского // Известия физико-математического общества при Казанском университете. — Казань. — 1893. — Сер. 2. — Т. 3. — С. 53-57.
9. Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. — М.: Путь, 1914. — С. 712
10. Флоренский П. В. Судьба двух идей // Природа и человек. — М., 1989. №9. — С. 66.
11. Цит. по: Флоренский П. А. Философия, наука, техника. — Л., 1989. — С. 31.

Статья поступила в редакцию 27 октября 2004 г.

УДК 81-139:378

Е. Ю. Муратова

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ЛИРИКЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Серебряный век русской поэзии определяется плеядой блистательных имен, его ореол создавали самые разные поэты, которые внесли в поэзию новое видение мира, осознание особенности своей эпохи, новые темы и образы. Не менее важно, что поэзию XX отличает иной, по сравнению с XIX в., поэтический язык. В творчестве В. Хлебникова, А. Белого, В. Маяковского, Б. Пастернака и других именно язык стал предметом пристального внимания и творческого преобразования: поэтический язык стал реализовываться как сложная, часто экзистенциальная форма отражения действительности и самовыражения творящего сознания.

В этом ряду М. Цветаева занимает, бесспорно, одно из ведущих мест. Хотя М. Цветаева никогда формально не принадлежала ни к каким школам, течениям, направлениям, сознательно избегая какой бы то ни было коллективности, но все ее творчество: в модусе реализуемых тем, художественных образов, жанрового разнообразия, реализации языковых потенций — погружено в самые глубинные пласты не только русской, но и мировой культуры.

Несмотря на обилие работ, анализирующих творчество М. Цветаевой (М. Белкина, Л. Мнухин, А. Саакянц, В. Лосская, Е. Коркина, И. Кудрова, Е. Фарыно, Т. Геворкян, С. Лаврова, Н. Осипова и др.), лингвистический аспект по-прежнему остается наименее изученным. В этой области, помимо отдельных статей, необходимо назвать известную работу Л. Зубовой по анализу поэзии М. Цветаевой, работы О. Ревзиной по поэтическому идиолекту, работы Э. Суодене по анализу поэтического синтаксиса поэта и некоторые другие. В рамках общей проблемы выявления и описания потенциальных возможностей языковых единиц в особых условиях поэтического текста исследование идиостиля Цветаевой как новатора и реформатора языка представляется весьма актуальным.

Цветаева — создатель особого вербального мира с собственным характером языкового самовыражения. В словесной организации стиха поэта активную роль играют ритм и интонация, диссонансная рифма, знаменитое цветаевское тире, смысловое сближение (или, наоборот, подчеркнутая оппозиция) слов на основе их звукового сходства, расщепление слов, актуализация морфем и многое другое.

В рамках доклада мы рассмотрим лишь одну, но очень важную особенность поэтического языка М. Цветаевой. Характерной приметой идиостиля Цветаевой является соположение в рамках одной (двух) стихотворной строки однокоренных слов: *О несчастное городское счастье*) (1), *Спите, спящие ты, / Летите, летящие листья!* (1, 9), *Ох мой родный, мой природный, мой безродный брат!* (1, 10), *Как хорошо мне под луною — / С нелюбщим и нелю-*

бимым (1, 212), *Встречный ветер не допрашивают, / Правды с соловья не спрашивают* (1, 160), *И как не умереть поэту, / Когда поэма удалась!* (1, 205), *Я знаю все ходы и выходы / в тюремной крепости души* (1, 210), *Мужайся: я твой щит и мужество!* (1, 210), *Друзья мои! Родное триединство! / Роднее чем в родстве!* (1, 145), *Слепая, шалая толпа! / — Всех ослепила — ибо эсенщина, / Все вижу — ибо я слепа* (1, 210). (В последнем примере — явный оксюморон, но анализ выразительных средств в поэтике Цветаевой в данном случае не входит в нашу задачу). При этом может наблюдаться намеренный повтор одного и того же слова: *Заедай верстою вёрсту / Отсылай версту к версте!* (1, 253), *Под окном — шарманчик: / — Обманчик, изменчик, / Изменчик, обманчик!* (1, 154). Художественные задачи такого словоупотребления различны. В одних случаях Цветаева употребляет однокоренное дополнение в творительном падеже к основному слову с тем, чтобы углубить его значение, “наполнить смыслом” до предела, художественно “сконденсировать” образ, чувство, признак или качество: *Я ей служил служеньем добровольца!* (1, 168), *Этой короной коронован* (1, 224), *Не скрестит две руки крестом* (1, 231), *Скоро громом начнет греметь* (1, 241), *Кремль! Черна чернотой твоей!* (1, 225), *Нет, чем таким цвести цветочком...* (1, 216). Однокорневое слово может выступать в синтаксической функции обстоятельства, но с той же художественной задачей: смыслового наращения изображаемого: *Эх, боюсь — уложат влежку* (1, 192), *Дурную память загонять в конец, — / Чтоб только не очнуться, наконец!* (1, 216), *За милым поползу ползком* (1, 231), *Так — в памяти — глаза закрыв, / Без памяти — люблюсь Вами!* (1, 246). Последний пример наглядно иллюстрирует характерную вообще для идиостиля М. Цветаевой примету: восстановление в слове тех смыслов и семантических связей, которые им в языке уже утрачены. Например, в выражении “любить без памяти” — *без памяти* имеет значение *очень сильно*, но не включает собственно сему *память*. А у Цветаевой в данном контексте актуализируется именно сема *память*. Аналогичное восстановление утраченной этимологии можно наблюдать, например, в словах *заочность* и *победоносец*, в которых в узуальном употреблении не вычленяются смыслы: *за оком* или *несущий победу*. А Цветаева “высвечивает” именно эти “стертые” значения: *Заочность: за оком лежащая явь...*, *Победоносец, / Победы не вынесший*.

Соположение однокоренных слов может иметь и иную художественную функцию, а именно: через однокорневую оппозицию поэт показывает несовместимость каких-то черт, состояний, взглядов, качеств, при этом до предела обнажая это противоречие: *Кто бескорыстней был?! — / Нет, я корыстна!* (1, 168), *Вы столь забывчивы, сколь незабвенны* (1, 140), *Кто я теперь? — Единая? — Нет, тыща! / Завоеватель? — Нет, завоеванье!* (1, 143), *Не любовницей — любимницей / Я пришла на землю нежную* (1, 206), *Ты мне велишь — единственный приказ! — / И засыпать и просыпаться — рано* (1, 212), *Та, что была неумной, / За вечер вдруг унялась* (1, 144).

Семантическая оппозиция может усиливаться и стилистически, когда однокорневыми в оппозиции оказываются русские и старославянские, литера-

турные и просторечные лексемы: *А единая была — одна!* (1, 68), *Не взойдешь, не выйдешь!* (1, 182), *Бедных писаний своих Вавилонскую башню, / писем — своих и чужих — огнедышащий холмик* (1, 201), *Превыше всех земных ворот — / Врата мне — —райские* (1, 255),

При семантическом противопоставлении М. Цветаева виртуозно использует возможности морфологической системы русского языка. Это может быть оппозиция форм ед. и мн. числа (что встречается в идиостиле Цветаевой довольно редко): *Так писем не ждут, / Так ждут — письма...*, *Все у Господа — сыны, / Человеку надо — сына* (1, 44), *Старые гордыни — новая гордыня* (1, 180). Категория числа у Цветаевой может и иначе “работать” на художественную идею. Так, она использует во множественном числе лексему *единодержец*. Хотя это слово заведомо, “по определению” может использоваться только в единственном числе, о чем говорит и его внутренняя форма (единственный держатель) и аура использования — то, о чем писал М. Бахтин: “каждое слово пахнет контекстом и контекстами, в которых оно жило...”(2). Тем не менее Цветаева пишет: *Единодержцы штыков и душ!... / Единодержцы грошей и часа!* (1, 76). В таком модусе использования категории числа и собственно контекста вскрывается иная внутренняя форма этой лексемы, более того — некий оксюморон этой формы, порождающий новые значения и вскрывающий абсурдность, хаос, бессмысленность того времени, которое описывает поэт. Гораздо активнее Цветаева использует категорию вида глагола и разнообразные его формы: *Вот: слышится — а слов не слышу* (1, 212), *Как встречалось — не знала, / А уж так: встрелось — спелось* (1, 109), *Ведь все равно — что говорят — не понимаю. / Ведь все равно — кто разберет? — что говорю* (1, 204), *Весь век дарю — не издарю! / Дробя, — свою же грудь дроблю!* (1, 231), *Судя по нашей общей каре — / Творцу кто отказал — и тварям / Кто не отказывал — равны* (1, 236), *И этого не помнящий Завадски! / Памятнейший из всех!* (1, 145).

Любая грамматическая антитеза влияет на смысл высказываемого, т. е. находится в лексико-семантической плоскости контекста. Так, в примере: *Не умереть хочу, а умирать* (1, 218) оппозиция глаголов совершенного и несовершенного вида несет огромную смысловую нагрузку.

Нет ничего дороже человеческой жизни, и умереть за кого-то или за что-то — это самая высокая цена, которую может предложить человек. Но Цветаева в своем мире “безмерности” находит ещё более высокую цену: не просто умереть, а умирать — долго, тяжело, мучительно — готова ее лирическая героиня.

В идиолекте Цветаевой отмечается значительное количество квазиродственных слов. Например: *Я — хранитель твоему перу: / Возращу и возвращу сторицей* (1, 96), *Память о Вас — легким дымком, / Память о Вас — тихим дымком* (1, 97), *От великого богатства / Заступи, заступник, заступ!* (1, 106), *Как меня — даже ты, что три года охаживал! — / Обходить научился стороной* (1, 177). Но эти явления лежат в области паронимической аттракции и требуют отдельного исследования.

Литература

1. М. Цветаева. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994 — 1995. Т.1. — С. 7. Далее ссылки даются на это издание с указанием тома и страницы.
2. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет М., 1975. — С. 75.

Статья поступила в редакцию 16 сентября 2004 г.

УДК 81' 37

Л. А. Петрова

ИНТЕНЦИИ РЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА

Постановка проблемы. В современной лингвистике стало аксиомой утверждение о том, что формирование значений языковых единиц есть сложный механизм, связанный с процессами категоризации окружающего мира и языковых форм. “Слово, — отмечал О. М. Соколов, — является той ячейкой знания о внешнем мире, в которой аккумулируется и отражается в свернутом виде опыт поколений” [10, с. 3]. За каждым словом он видел не только понятие, но и определенную сцену, фрейм. “Сценическая закрепленность особенно характерна для глагольной лексики”, — отмечал ученый. [10, с. 20].

Изучение семантики глагольного слова привело к обнаружению тесных связей глагольной синтагматики с денотативным, коннотативным, экспрессивным, эмоциональным, стилистическим компонентами значения. Следовательно, все эти компоненты значения глагола должны рассматриваться через анализ глагольной сочетаемости с учетом не только количественных, но и качественных характеристик.

Характеризуя ЛСГ речи, лингвисты разграничивают три аспекта: информативный, акустический и коммуникативный. С. М. Антонова [2] считает необходимым добавить императивный, манифестационный и номинативный. В акустическом аспекте реализуется звуковая сторона речевой деятельности; номинативный аспект представляет речь как средство актуализации знакового характера языка и функцию языковых единиц называть; в манифестационном аспекте обнаруживается способность речи выражать мысли и чувства говорящего; речь как средство общения обнаруживает себя в коммуникативном, информационном и императивном аспектах — в общении как таковом, как способе передачи информации и воздействии говорящего на слушающего. Речевой процесс, таким образом, может быть представлен как структура, состоящая из шести компонентов.

Представляя денотативные факторы в семантике глаголов речи, Л. М. Васильев выделяет следующие элементы денотативной ситуации речемыслитель-

ной деятельности: 1) говорящий, 2) слушающий, собеседник, 3) процесс произношения (или написания), 4) процесс выражения мысли (а также чувства и воли), 5) процесс сообщения мысли и в связи с этим обращение к слушающему, речевой контакт, 6) объект (содержание) речи и 7) характеристика процесса или объекта речи. Причем, первые пять факторов, по его мнению, являются обязательными, а остальные — факультативными [5, с. 4]. В соответствии с этим выделяются глаголы, характеризующие внешнюю сторону речи; глаголы, характеризующие содержание мысли; глаголы, характеризующие коммуникативную сторону речи; глаголы речевого взаимодействия и контакта; глаголы со значением речевого побуждения и глаголы речи со значением эмоционального отношения и оценки.

Большое внимание изучению глаголов речи в художественном тексте уделила Н. С. Болотнова [4, 5]. Рассматривая особенности формирования образной перспективы изучаемого класса слов, исследовательница делает вывод о том, что “функционирование глаголов говорения в развернутом контексте определяется спецификой конструкций в плане соотношения реплик и ремарок; характером семантической структуры глаголов, использованных автором: типами отношений, складывающихся между рассматриваемыми лексическими единицами и другими элементами развернутого контекста (лексическими, грамматическими, фонетическими, графическими)” [4, с. 54]. Делая акцент на последнем факторе, автор выделяет отношения дополнения, усиления и контраста. Подробный, поддержанный интересным иллюстративным материалом анализ Н. С. Болотновой позволяет проследить многообразные случаи актуализации глаголов говорения в художественной речи.

Цель предлагаемого исследования — путем анализа синтагматических связей глаголов говорения в художественном тексте определить особенности референтной ситуации речевого действия, отраженного в художественной картине мира.

Общим смысловым идентификатором глаголов речи признается слово **говорить**, за которым в системе языка зафиксировано 6 значений. Выявленные контексты показали функционирование трех из них: **III. Владеть каким-л. языком. 2. Выразить в устной речи какие-л. мысли, мнения, сообщить факты и т. п.; произносить что-л.** 3. *Вести беседу, разговаривать.* Видовым коррелятом является глагол **сказать**, которому в тезаурусе русского языка присуще 7 ЛСВ. В наших примерах функционирует только одна семема: **1. Выразить словесно (в устной речи) какую-л. мысль, мнение, сообщить что-л.; произнести.**

Вербализация речевой деятельности осуществляется в результате отражения в сознании денотативной ситуации, характеризующейся следующими аспектами: а) произносительный (акустико-физиологический), б) экспрессивный (аспект выражения речи) и в) коммуникативный (аспект речевого контакта и сообщения мысли). В соответствии с этим рассмотрим характер синтагматических отношений глаголов “говорить” и “сказать”.

а) произносительный (акустико-физиологический) аспект. Как отмечают исследователи, это самая богатая (в семантическом, конструктивном, функци-

ональном, частотном отношениях) группа распространителей, “обладающая наибольшей силой диагностирования глаголов говорения” [2, с. 130]. В анализируемых текстах произносительные характеристики говорения эксплицируются следующим образом: *говорить, поджимая губы; противно выговаривать слова* (Нянька подошла, вытянула шею. — Крыса это, а не кот! Крыса. Ишь, здоровенная! Этакая любого кота загрызет! Крыса! Она так *противно выговаривала* это слово, *растягивая рот, и, как старая кошка, щерили зубы...* [Тэффи, Неживой зверь]); *говорили тихими голосами, всякий раз замолкая*, когда мимо проходил руководитель [П. Романов, Суд над пионером]; *сказать негромко; сказать торопливо; сказать полувопросительно; сказать невнятно, сквозь не вполне раскрывшиеся губы; сказать, повысив голос; сказать заплетающимся языком; сказать как-то беззвучно; сказать, запинаясь; сказать ясно и звонко, говорить заикаясь; говорить дрожащими губами; тихо переговариваться; говорила прерывистым бредовым голосом; распялить рот и сказать; сказать пронзительным шепотом.*

Обстоятельственные распространители актуализируют семантические признаки, которые не участвуют в определении семем “говорить”, “сказать”. В художественной картине мира важными становятся компоненты значения, отражающие особенности движения губ, языка, положения зубов. Такое представление речевого действия выполняет двоякую функцию: с одной стороны, подчеркивает особенности речи персонажа, а с другой, — указывает на его эмоциональное состояние или личностные характеристики. Так, дрожащие губы свидетельствуют об эмоциональном переживании, волнении; поджатые губы — признак недовольства, неудовлетворенности чем-либо; заплетающийся язык обычно соотносят с нездоровьем, физическим недомоганием. Акустическая характеристика речи выполняет и эстетическую функцию, порождая положительные или отрицательные эмоции у читателя.

б) экспрессивный аспект (аспект выражения речи): *сказать равнодушным и тем сильнее действующим тоном* (И самое большое удовольствие для Афоньки было *сказать равнодушным и тем сильнее действующим тоном*: — Кончилась твоя музыка, нельзя починить [П. Романов, Непонятное явление]); *говорить обиженно; говорить быстро и весело* (Тетя Нелли очень мне понравилась. У нее были чудесные голубые глаза, фарфоровое личико и пушистые волосы. И она так *быстро и весело говорила*, совсем не похоже на других моих теток, строгих и некрасивых [Тэффи, Брат Сула]); *говорить громко и раздраженно; говорить, тяжело вздохнув* (— Господи... — *говорит* она, *тяжело вздохнув, как будто в безысходной тоске и муке* [П. Романов, Осень]); *говорить ласково; говорить лениво; весело переговариваться на ходу* (По коридору прошли торопливо две барышни в шубках, *весело переговариваясь на ходу* [П. Романов, Иродово племя]); *весело говорить; мирно разговаривать; говорить ласково, преувеличенно ласково* (Каждый из жильцов, когда встречался с молчаливым взглядом ребенка, как-то терялся, *преувеличенно ласково заговаривал* с ним, стараясь в то же время выдумать какой-нибудь предлог, чтобы поскорее отойти [П. Романов, Хорошие люди]); *сказать решительно;*

сказать недоброжелательно; говорить против воли (— Что ж, милости просим. — Отчего же не принять... — *сказали* остальные уже *совершенно против воли* и только потому, что один сказал и молчать было неудобно...); *сказать угрюмо; сказать возбужденно; сказать мрачно; сказать с досадой; сказать раздраженно; сказать недовольно; проговорить покорно-жалобно; сказать ворчливо, полусердито, полуворчливо* (Тихон сказал, что приготовиться надо, и стал было слабеющими руками сам открывать сундук. — Да ну, пусть, где тебе!.. — *ворчливо, полусердито сказала* Аксинья, как она *всегда полуворчливо говорила* ему за долгие годы совместной жизни [П. Романов, *Смерть Тихона*]); *сказать печально; сказать хмуро; сказать возбужденно; сказать угрюмо; сказать иронически; сказать с гневом; сказать растерянно; сказать ласково; сказать решительно; сказать нерешительно; говорить дружелюбно; говорить истерически; рассказывать так безнадежно уныло; говорить, дрожа от нетерпения; говорить робко; говорить страдальчески; говорить могильным голосом; говорить вдохновенно; говорить задумчиво; говорить обиженно; говорить радушно; говорить без ломанья; сказать трагически; сказать пылко; сказать любовно; сказать хорошо, искренне.*

Денотативное пространство глаголов говорения определяет участие в коммуникативном акте, обозначенном этими единицами, субъекта речи и адресата. В связи с этим экспрессивность речевого процесса может быть связана с психологическим состоянием либо первого участника, либо второго. В художественной картине мира превалирует эмоциональная характеристика речи говорящего. Она может иметь положительную оценку (*весело, ласково, дружелюбно, любовно* и т. п.) и отрицательную (*с гневом, трагически, угрюмо, сердито, ворчливо* и т. п.). Художественная интерпретация речевого действия может приводить к референции, в которой одновременно актуализируются экспрессивная и физиологическая характеристика. Например, в текстах *Старушка горестно, озабоченно смотрела перед собой в землю, собрав рот в горсть, потом, наконец, видимо решившись, подняла привычным жестом руку ко лбу, чтобы перекреститься, как крестятся перед начатием дела, но сейчас же как-то испуганно опустила ее и, вся потемнев, изменившимся голосом торопливо проговорила: — Ну... делай, как говорил* [П. Романов, *Яблоневый цвет*]. Он <дедушка> *говорил скоро, так что даже покраснел, и смотрел на всех пугливо и быстро, точно справлялся — правится ли то, что он говорит* [Тэффи, *Дедушка Леонтий*] глаголы говорения использованы в синтагматическом контексте, эксплицирующем артикуляционно-акустические признаки речевого акта (*проговорила торопливо, изменившимся голосом; говорил скоро*). Однако анализ всего предложения показывает, что в семантической структуре наречий *торопливо* и *скоро* сема “спешно, как можно быстрее” погашена.

в) коммуникативный аспект (аспект речевого контакта и сообщения мысли): *сам с собой разговаривал; говорили каждый свое* (*Разговаривают мало*, и так как оба слышат плохо, то *каждый говорит свое*. Если что и удастся расслышать, то понимается оно туговато, так что уж, конечно, *интереснее просто*

рассказывать про свое, родное, давно пережитое, хорошо понятое и много раз вспомнутое [Тэффи, Тихая заводь]; Было уже 10 часов вечера, потом 11, 12, а они все еще *говорили*, вернее, *говорил один Аvenir. Говорили о политике, о воздухоплавании, о войне, и Аvenir нигде не отставал и никогда не сдавался*. Он имел такой вид, как будто только что приехал с места, где он все видел и изучил, а Андрей Христофорович сидел в глуши и ничего не знает [П. Романов, Русская душа]); *проговорил* овчинник, *сплюнув*; ...она опустила голову и, *хитро улыгнувшись, договорила; сказал, приложив себе руки к груди...*; *сказал кузнец, покачив головой; подойдя к телеге, сказал, указав на разломанный сарай; сказал кто-то в раздумье, уходя; сказал, как-то неприятно засмеявшись; об этом не стоит говорить, — сказала, засмеявшись*, Лидия Николаевна. — Я бы не сказал, что не стоит... — возразил Ральф; *отозвался как-то беззвучно; продолжала с тем же наивным выражением; прищурясь, сказал...*; *вскользь* <демоническая женщина> *говорит; переговариваться отдельными группами* (Мужики тихо переговаривались отдельными группами [Тэффи, Соловки]); *говорить прямо; говорить (совершенно) серьезно; говорить откровенно; сказать, сконфузившись*.

В коммуникативном аспекте процесс говорения осложняется сопутствующими жестовыми и/или интеллектуальными действиями. Причем, нередко они носят оценочный характер. Семы, характеризующие мимику и жесты говорящего, не включаются в семантическую структуру глаголов речи. Однако можно утверждать, что эти компоненты влияют на формирование семантики слова, функционирование семантики слова, функционирующего в речи (ср.: *сказал, покачив головой — сказал с сожалением, проговорила, хитро улыгнувшись — проговорила насмешливо*).

Выводы. Глаголы речи (говорения) формируют в художественной картине мира широкое семантическое поле. Денотативное пространство речевого действия, представленное акустико-физиологическим, экспрессивным и коммуникативным планом, интерпретируется в художественной картине мира с учетом их референциальной соотнесенности.

Анализ речевых интенций глаголов говорения в художественном тексте дает возможность сформировать представление не о “мире реальных участников коммуникации, в процессе которой было употреблено то или иное языковое выражение, а ту картину мира, которую должны иметь участники коммуникации, чтобы употребление языковых выражений (с референциальной точки зрения) считалось корректным” [12, с. 16].

Литература

1. Анна А. Зализняк. Глагол “говорить”: три этюда к словесному портрету // Язык о языке. — М., 2000.
2. Антонова С. М. О роли обстоятельственной сочетаемости в актуализации семантики глаголов говорения // Семантическая структура слова. — Кемерово, 1984. — С. 127-135.
3. Антонова С. М. Глаголы говорения в языке А. С. Пушкина: номинативный и деривационный аспект // Словообразование и номинативная деривация.

Материалы Международной научной конференции, посв. памяти профессора В. М. Никитевича. — Гродно, 2004. — С. 19-28.

4. Болотнова Н. С. К вопросу о функциональном анализе глаголов в минимальном контексте (на материале слов, обозначающих внешнюю и внутреннюю речь в произведениях Ю. М. Нагибина) // Проблемы глагольной семантики. — Свердловск, 1984. — С. 85-94.

5. Болотнова Н. С. Функционирование глаголов говорения в конструкциях с прямой речью (на материале произведений Ю. М. Нагибина) // Классы глаголов в функциональном аспекте. — Свердловск, 1986. — С. 53-60.

6. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. — М.: Высшая школа, 1981. — 184 с.

7. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Гак В. Г. Языковые преобразования. — М.: Школа "Языки русской культуры", 1998. — С. 272-309.

8. Крылова И. А. Семантико-стилистическая характеристика ЛСГ глаголов речи: 10.02.01 — русский язык / Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. — Автореф. дис. ...канд. филол. наук. — М., 1996. — 21 с.

9. Соколов О. М. Методические рекомендации к изучению курса "Проблемы лексики и семантики русского языка как иностранного". Раздел "Семантическая структура слова в русском языке". — М.: Изд-во УДН, 1989. — 52 с.

10. Соколов О. М. Типы актантной распределенности семантики русского глагола // Вопросы глагольной семантики. Памяти профессора О. М. Соколова. — Симферополь, 1993. — С. 6-18.

11. Степанова Г. В. Лексико-семантическая группа глаголов речи в современном русском языке: 10.02.01 — русский язык / Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. — Автореф. дис. ...канд. филол. наук. — М., 1970. — 18 с.

12. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 496 с.

Статья поступила в редакцию 15 октября 2004 г.

УДК: 821. 161. 1 — "16" + 291. 37

О. В. Пуреховская

ЛИТЕРАТУРНО-РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ "СПОР О ПРЕСУЩЕСТВЛЕНИИ" 2-Й ПОЛОВИНЫ XVII СТОЛЕТИЯ В ПРОЗАИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

В статье предпринята попытка нового — комплексного осмысления литературно-религиозно-философской проблемы Пресуществления, актуальной во 2-й половине XVII столетия.

Автора интересует взгляд Симеона Полоцкого, известного писателя и общественно — религиозного деятеля указанного периода. Поэтому вопрос рассматривается в контексте прозаического наследия иеромонаха Симеона.

В рамках исследования внимание обращено также на выявление характерных для эпохи литературного барокко типов Просвещения.

Актуальность статьи заключается в переосмыслении воззрений на проблему, воссоздании не только имен, связанных с данным вопросом, но и известных произведений, посвященных обозначенной теме.

Научная новизна исследования состоит в указании роли Симеона Полоцкого и места его полемических сочинений в сопоставлении с вкладом его современников.

Цель настоящего сочинения — проанализировать прозаические тексты Симеона Полоцкого, хранящие сведения о Споре, в ключе полемики “грекофилов” и “латинствующих”.

Теоретической основой статьи следует считать опыт комплексного исторического исследования проблемы, “осуществленного” в XIX столетии Г. Мирковичем, в котором религиозно — философский аспект темы раскрывается вполне исчерпывающе. Из современных немногочисленных работ внимание акцентируется на монографии А. П. Богданова, посвященной публицистике последней четверти указанного столетия, в которой раскрывается суть обозначенного вопроса в интересующем пространственно — временном контексте. Без сомнения, ценны для понимания последствий “Спора” разработки Т. В. Панича, анализирующего памятник конца XVII века — “Книгу о пресуществлении” Афанасия Холмогорского — в связи с полемикой “грекофилов” (ортодоксально — московских авторов — богословов) и “латинствующих” (малороссийских “монахов — интеллектуалов”). Документальный материал представлен сборником “Остен” иеродиакона Дамаскина (включающим размышления древнерусского филолога Симеона Полоцкого и его оппонента Епифания Славинецкого).

Статья посвящена следующим малорешенным проблемам: специфике рассмотрения обозначенной проблемы в контексте риторизации культуры России 2-й половины XVII столетия; соотношению полемики “грекофилов” и “латинствующих” вокруг религиозно — философского вопроса Пресуществления.

В статье поставлены такие **задачи**:

1) определить круг литературных памятников, содержащих сведения по указанной проблеме;

2) переосмыслить роль Симеона Полоцкого в решении вопроса о Пресуществлении, который в России “не был, как на Западе, простым, чисто ученым, вполне кабинетным вопросом” [3, с. 9].

3) определить влияние Спора на формирование типов Просвещения в украинско — русском пространстве анализируемого периода.

Материал и результаты исследования воссоздают духовно — философский облик эпохи русско — украинского барокко XVII столетия.

Предложенный анализ позволяет рекомендовать настоящее исследование литературоведам, историкам, культурологам, богословам.

Предметом спора стала деталь обряда, связанная с таинством Евхаристии: в какой момент литургического действия совершается это сокровенное превращение. Древнерусское соборное сознание не позволило бы анализировать церковные таинства, но сознание, уже вкусившее идеи схоластики, воспринимало мельчайшие детали священнодействия как предмет, требующий огромного внимания, расшифровки и кодификации.

С началом богословского изучения славянского чина литургического действия в первые годы XVII века в Украине появляется множество печатных трудов, содержащих соответствующие указания: "Евангелие учительное" Кирилла Транквиллиона (1619 г.), "Мессия" Иоанникия Голятовского (1669 г.), "Выклад о церкви святых и о церковных речах..." Феодосия Сафоновича (1667 г.). Последнее издание способствовало распространению в Москве латинского учения о Пресуществлении. На него, главным образом, опирались московские защитники этого учения, как на книгу, в которой оно изложено вполне ясно, подробно и обстоятельно.

"Феодосий Сафонович, в развитии латинского учения о Пресуществлении, пошел гораздо дальше своих предшественников на литературном поприще. Он надлежащим образом усвоил и формировал в соответствующие схоластические рамки это учение в его чистом латинском духе, решительно отбросив всякую, даже чисто внешнюю, примесь православной точки зрения, чего не позволяли себе или позволяли с робостью его предшественники ... "Выклад" ... представлял собою последнюю ступень в развитии этого учения в юго — западной богословской литературе..." [3, с. 51-52].

Когда же учение о Пресуществлении достигло в Малороссии высшей ступени своего развития, потребовались другая почва, другие условия для его развития, — встреча с противоположным мнением, встреча с лицами, не признающими его как догматическую истину. Следует отметить, что все произведения юго — западных ученых с латинским мнением по данному вопросу принадлежали лицам, получившим образование в Киево—Могилянской Академии или же в заграничных латинских коллегиях (Симеон Полоцкий, например, окончил Виленскую коллегию).

В "Обзоре русской духовной литературы" (Харьков, 1859 г.) засвидетельствовано, что в конце XVII столетия патриархом Иоакимом был издан "Остен, состроенный из Духовещания св. отец, низвергающий, отреяющий и прободающий напирания к нему, то есть выписки из Священного Писания и церковных древних преданий о времени пресуществления евхаристии святых, и розыскание, откуда вошло в Россию неправое папистическое мнение о сем, также о флорентинском соборе, об униатах и западном мнении о происхождении Святаго Духа, о заблуждениях иеромонаха Симеона Полсцкого и единомышленниках его Яне Белободском, монахе Сильвестре Медведеве, монахе Симеоне Долгом ... Вся книга состоит из 26 глав". Однако почти все сочинения по вопросу Пресуществления содержит рукописный сборник "Щит веры" (составитель — Евфимий Чудовский, последователь Епифания Славинецкого).

“Вопрос о моменте пресуществления святых Даров на литургии был во второй половине XVII в., в течение 10—15 лет, не только господствующим, но исключительным вопросом времени; он волновал умы всех, решению его посвящались лучшие умственные силы того времени и порознь и в совокупности. Напряженность в решении его тогдашних великорусских умов ... была крайняя, интерес — всеобщий; для решения его потребовались совокупные силы многих русских архипастырей, потребовался собор”, — отмечает Г. Миркович [3, с. 9]. Этот вопрос был поводом, *“предлогом, орудием, точкой опоры для борьбы двух противоположных начал, двух принципов, двух цивилизаций; это был остановочный пункт на большой дороге исторической жизни русского народа, на котором встретились представители и проводники 2-х противоположных направлений, и, встретившись, не смогли ужиться друг с другом, завязали борьбу на жизнь или на смерть”* [3, с. 10]. По своему предмету он оставался богословским вопросом, но в сущности под ним скрывался другой вопрос, от решения которого зависели строй общественной жизни, перемена взглядов и господствующего направления. Это было столкновение греческого и латинского полюсов.

Возникший на Флорентийском соборе 9 июля 1493 г. богословский спор о времени Пресуществления Святых Даров на литургии впервые заставил греческую и латинскую стороны обратить внимание на различия церковей в этом вопросе, заключающиеся в следующем: *“Римская церковь учит, что освящение хлеба и вина совершается тогда, когда священнодействующий читает молитву, в которой выражается евангельское повествование об учреждении Евхаристии, и освящает дары, произнося слова Иисуса Христа (т. е. примите ядите... и пейте от нея вси...). Молитва призывания Св. Духа на св. Дары в чине римской литургии отсутствует”* [2, с. 194].

Как известно, эпоха правления Алексея Михайловича соотносится с распространением концепции “Москва — Третий Рим”.

Автор “Казанской истории”, сопоставляя историософские модели “Москва — Третий Рим” и “Москва — второй Киев”, где историософема “Киевская Русь” выступает автомоделью, самоописанием Московской Руси, приходит к выводу, что в XVII веке *“две последовательности — “Рим — новый Рим (Царьград) — Москва” и “Киев — Москва” оказываются как бы сращенными друг с другом, вторая “встроена” в первую: Рим — Киев — Москва. Киев... вступает в права “второго Рима”* [5, с. 152].

В результате сохраняется схема преемственности: киевский князь Владимир-Креститель ассоциируется с первым типом Просвещения — Просвещением Ума, московский царь Алексей Михайлович привносит в древнерусское пространство основы Просвещения Рассудка. Симеон Полоцкий определяет их значение следующими словами: *“Блажен есть виноград Российский, имея насадителя Владимира, иже добре веде терние Идол истерзати, добрыя же лозы насадити <...> Всем чадом российским Отец есть святой Владимир, но тебе благочестивейший самодержче, изряднейшим образом Отец есть ... второго ты нам Владимира напщеваш. Аще же и несть тебе имя Владимир, но самым делом Владимир еси: ибо владеши миром от Бога тебе врученным”* [6, “Слово второе, в

день происхождения честнаго и животворящаго креста Господня"]].

Несомненно, Симеон Полоцкий творчески осмыслил соприкосновение аскетического подвига и рассудочного делания. Для него последнее не заменило "умное делание": автор отталкивался от положения, что с помощью ума человек приобретает опыт познания Бога, а с помощью рассудка излагает результаты этого опыта. Симеон убеждал: *"грамота изобретена для существа, мыслию и словом одаренного. В ней заключаются ум и приятные искусства. Просвещение ведет к добродетели, невежество — к злобе"* [8, с. 625].

Однако имя иеромонаха Симеона Полоцкого, выпускника Киево — Могилянской Академии, в данном случае упоминается не только в связи с просветительским движением, ведь, как подчеркивает К. И. Храневич, *"Симеон Полоцкий служил живым и активным отрицанием той косности и неподвижности, в которой застывала московская церковная жизнь"* [9, с. 566].

И. Татарский достаточно подробно описывает ситуацию в Московской Руси во 2-й половине XVII века: *"Не имея возможности, вследствие разных неблагоприятных исторических условий, развить самобытные источники просвещения, Московская Русь получала его от Византии ... в области просвещения ... здесь образовался полный застой, совершенная исключительность, основанная на ревнивом оберегании древних преданий, занесённых сюда из Византии"* [7, с. 1-3]. Когда же в конце XVII столетия греки заявили, что *"всегда ... свет быша Грецы и будут даже до скончания века; и от Грек свет прияша и приемлют вся языки ... вси философы грецы, все богословы грецы; не последующии же сим, несмысленнии и непаказанныи, и буши, и сего ради речеса и сие: всяк не еллин варвар"* ("Акос" братьев Софрония и Иоанникия Лихудов, №440, л. 34), а "латиняне" им возразили: *"не откуда инуду таковое в московском царствии в вере православной сотворися разствие, точию от новых греческих печатных книг, которыя во градах латинския веры и люторския и кальвинская ереси печатаются и с греческими древними рукописьменными книгами не согласуются"* (Монастырский "Известие истинное православным и показание светлое о новоправлении книжном и о прочем", рукопись ГИМ, №1325), то византийское влияние оказалось преобладающим в Москве, ибо XVII век становится свидетелем реформы, предполагавшей два мотива: церковное "исправление" и равнение по грекам. В ходе реформы второе оказывается главным, что связано, по наблюдению Н. Ф. Каптерева, с представлением Алексея Михайловича, по мнению которого, русский царь — единственный теперь в целом мире опора и охранитель всего вселенского православия, наследник и продолжатель дела великих и благочестивых древних греческих царей. Это было начало спора идеологического.

Прения по вопросу Пресуществления между Симеоном Полоцким и Епифанием Славинецким в Крестовой палате патриарха Питирима, или "беседа о "неудоборазумеваемых вещей", продолжили литературно — философско — религиозный спор. Тогда же Епифаний Славинецкий посоветовал иеромонаху Симеону: *"...бегати бо силлогисмов, по святому Василию, повелевается, яко огня, зане силлогисмы, по святому Григорию Богослову, и веры развращение, и тайны источение"* [4, с. 71]. Епифаний свое исключительно православное

мнение о Пресуществлении изложил в переводной книге “Скрижалъ” (1656 г.). Симеон латинское мнение по этому вопросу впервые высказал в “Жезле правления”, а также в книге “Вопросы и ответы катихизическыи о вере христианстей”. В церковно-практическом отношении это учение развито в “Слове о благоговейном стоянии в храме Божиим и слушании божественной литургии”: “... обретаются нещи, иже словесам Христовым..., глаголемым сущим, ниже малаго сотворяют поклона, а пужда есть всячески тогда благодарение Господеви воздати. Ибо кто приседяи или предстояи трапезе царя земнаго, аще от нкго обдарствован будет пищею некою презряднейшею, не абие-ли до лица земли поклояется и благодарствие воссылает; кольми паче при божественной литургии на трапезе царя небснаго присутствующим, вегда им теми словесы Христос Бог самаго себя в пищу отдает и питание..., кольми паче достоин за сие подаяние поклон Господеви благолепный воздати и благодарение от всего усердия приносить. Отсем убо да научатся незнающии смиренно во время тех словес глаголения главы своя Господеви преклоняти” (лл. 262-263). В историографии Симеон часто провозглашается “латинствующим” противником “грекофилов”, но единственными свидетельствами тому служат сго принадлежность к ордену базилиан (согласно владельческим записям на книгах), не отвергавших греческую книжность, и заключение о незнании им греческого языка.

Однако Полемика изначально имела несколько уровней. Спор о Пресуществлении, составив первый “слой”, породил миф об угрозе проникновения “яда латинской ереси” не только в сценарий литургии, но и в ценностную систему, еще хранившую древнерусские ориентиры.

Вторая ступень представлена вопросом о языке Просвещения и связана с основанием “еллино — славянских школ” — Славяно — грек — латинской академии. Данный “слой”, сформированный в условиях внутрикультурного дуализма, представляет также размышления по поводу раскола.

В орациях (речах) участников Вселенского церковного собора 1666 — 1667 гг. впервые развернуто обоснована необходимость создания в России государственных училищ, в которых наряду со славянским языком должны были изучаться иностранные языки. Таким образом, потребность в появлении подобного учебного заведения соотносилась с борьбой за единство Церкви. Так, излагая причины раскола, митрополит Газский **Пансий Лигарид**, высокообразованный иерарх, принявший активное участие в деятельности собора, обращается к царю Алексею Михайловичу: “Исках и из корене духовного сего недуга... Напоследок, умом обрацая, обретох из двою истекшее, си жесть: от лишения и неимения народных училищ, такожде от скудости и недостаточества святых книгохранилищ” [1, с. 282-283]. В завершении приводится поэтическое рассуждение о пользе каждого из трех предложенных для изучения языков: греческого, латинского и славянского, а затем о значении библиотек (предположительно, из “Вертограда многоцветного” Симеона Полоцкого: авторская рукопись из Синодального собрания ГИМ №288). Аналогичную мысль высказывал в материалах собора и Симеон Полоцкий, обвиняя старообрядцев в том, что они “на брезу грамматического разума и в мелкости ся утопают”, а беседуя о бого-

словии, "ниже малейшим перстом прикоснулись ей" [1, с. 283]. В итоге показатель-но то, что патриарх Иоаким, избегавший ученой аргументации на практике, в книге "Увет духовный" заявлял, что люди, познавшие грамматику, философию и богословие, не будут "на святые книги порок наводити" (л. 264) [1, с. 284].

Малоизученным остается более глубокий третий "слой", придавший поле-мике политическую остроту, оставивший открытым вечный вопрос: что есть источник Истины: вера или укрепленный наукой разум.

Последнее может составить предмет самостоятельного исследования. В рассмотрении данного вопроса, в воссоздании историко — религиозно — фи-лософского облика эпохи Семнадцатого столетия (что позволит понять послед-ствия культуры цивилизации XVIII — XXI вв.) видится перспективность изу-чения обозначенной темы.

Богословский спор окончился только в 1690 г. церковным собором, осудив-шим ересь, и гонением на малорусских ученых, которые спешили уехать из Москвы. Спустя десятилетие после смерти старца Симеона Полоцкого (1629 — 1680 гг.) его книги были запрещены, а его ученик, келейник, писатель Сильвестр Медведев лишен иноческого сана.

В результате были сделаны нижеследующие **выводы**.

Под влиянием целенаправленного развития России в западном направлении представлялось необходимым создание новой модели мировидения, поэтому над древнерусским богословским критерием теперь значительно преобладало эс-тетическое начало.

Тем не менее, проза Симеона Полоцкого, рассчитанная на ещё не утрачен-ное соборное сознание, сохраняет литургичность и теогоностичность.

Соотношение Православия и Просвещения в творческом методе иеромона-ха, филолога — мыслителя Симеона иллюстрирует сочетание Просвещения ума с Просвещением рассудка в системе ценностей восточноевропейского про-странства анализируемого периода.

Украинско-русское барокко XVII века подготовило переход от аскетического и Евангельского типов благочестия к синодальному XVIII века и формирова-лось под влиянием уставщического и эстетического типов духовной жизни.

Просвещение было необходимо для укрепления Православия в Московской Руси в условиях усиливающейся западной ориентации.

Литература и источники

1. Богданов А. П. Московская публицистика последней четверти XVII века. — М. : Институт российской истории РАН, 2001. — 492 с.
2. Малиновский Н. П., протоиерей. Очерк православного догматического богословия. В 2 частях. Ч. II. — М.: ПСТБИ, 2003. — 351 с.
3. Миркович Г. О времени пресуществления святых Даров. Спор, бывший в Москве, во второй половине XVII века (Опыт исторического исследования). — Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1886. — 254 с.
4. Остен, памятник русской духовной письменности XVII века. — Казань: университетская типография, 1865. — 208 с.

5. Ранчин А. М. Киевская Русь в русской историософии XIV — XVII вв. (Некоторые наблюдения) // А. М. Ранчин. Статьи о древнерусской литературе. — М.: Диалог — МГУ, 1999. — С. 140-157.
6. Симеон Полоцкий. Вечеря душевная. — М.: Верхняя типография, 1683.
7. Татарский И. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). — М.: Б. и., 1886. — 342 с.
8. Толстой М. В. Рассказы по истории русской Церкви. — Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991. — 736 с.
9. Храчевич К. И. Симеон Полоцкий // Христианство: БЭС. В 3-х т. Т.2. / Под ред. С. С. Аверинцева. — М.: БРЭ, 1995. — С. 566-576.

Статья поступила в редакцию 4 октября 2004 г.

УДК 821.161.1-32(477.75)

С. О. Курьянов

КРЫМСКИЕ СТРАНИЦЫ М. АРЦЫБАШЕВА СТАТЬЯ ПЕРВАЯ: РАССКАЗ “СТАРАЯ ИСТОРИЯ”

Рассказ “Старая история”, созданный в начале 1910-х годов, несомненно, один из самых удачных рассказов М. Арцыбашева.

Практически обойденный исследователями, он представляет собой любопытное свидетельство чисто арцыбашевского взгляда на мир, авторских интересов и пристрастий. В нем нашли органическую связь идейные установки и художественные принципы писателя. Все это говорит о *новизне* и *актуальности* обращения к данному материалу.

Целью статьи является идейно-художественный анализ рассказа М. Арцыбашева “Старая история”, причем особо подчеркивается роль крымского контекста и своеобразия авторского мироотношения, и в раскрытии внутреннего мира главного героя.

“Старая история” — рассказ о человеческой деградации, медленном, добровольном уходе из жизни. Он близок чеховскому “Ионычу” и в чем-то повторяет его. Но Арцыбашев переводит проблему из социальной в психологическую плоскость, от чего она поворачивается неожиданной стороной и лишает ее однозначности в решении.

Это — история талантливого певца Дмитрия Аркадьевича Перовского, которому прочили карьеру “первого русского баритона” [1, 552]. Но он связал свою судьбу с немолодой женщиной, Лидией Павловной, быстрое увядание которой заставило его кардинально изменить жизнь, уверить “и ее, и себя в мишурности всякой карьеры” [1, 552] и увезти свою “незаметную, комичную, старающуюся притираниями и фальшивыми зубами продлить неудержимо уходящую молодость” [1, 552], возлюбленную подальше от столичной жизни, на Южный

берег Крыма и поселиться в горах: "живут они в своем хуторке, почти ни с кем не знают, сажают виноград, копают грядки..." [1, 553].

Были моменты, когда на Перовского накатывали приступы "раздражающей нудной скуки" [1, 561], но горный воздух, виды южнобережного пейзажа приносили успокоение душе: "В этой близости к земле, лесу, горам таяло и растворялось, как ничтожное в громадном, всякое иное чувство, кроме тихого и удивленного восторга" [1, 562].

Встреча с компанией курортников на время меняет жизнь героя. Она сильно влияет на отношение Перовского к жизни, разнообразит и изменяет ее. Чистая, робкая и восторженная девушка-художница, оказавшаяся в этой компании, вызвала такой яркий душевный всплеск, что он вновь поверил в жизнь, в возможность светлого и нетривиального будущего. Слияние их душ и тел было так естественно, что ни на минуту не вызвало у героя и тени сомнения в правильности поступка.

Но минутное отрезвление заставило заговорить совесть, напомнимшую о Лидии Павловне, о ее самоотдаче, о ее одиночестве. Перовский вернулся в прежний мир: доживать, а не жить.

Прятели, навестившие спустя два года Перовского и Лидию Павловну, нашли в герое человека, у которого не только не было настоящего и будущего, но и прошлого, поскольку приехавший с гостями молодой певец, с трудом уступая просьбам, вынужден был своим пением развеять миф о том, что Перовский — "великий артист, могущий, но только не желающий потрясти мир" [1, 374].

Поведение героя, силившегося убедить всех в обратном, но действовавшего особенно настойчиво, вызвало жалость и чувство неловкости. А когда настал момент прощания и Лидия Павловна стала просить заезжать еще, гости, отвечая утвердительно, "чувствовали, что больше не приедут" [1, 577].

Несмотря на то, что в рассказе нет (или почти нет) важных для Арцыбашева описаний плотских страстей, смертей и самоубийств, его тональность чисто арцыбашевская: любовь и смерть (особенно смерть!) владеют судьбами героев, дают направление их поступкам.

Мотив смерти незаметно, но отчетливо сменяет наметившийся было в рассказе мотив плотского вождения: в плотских утехах скучающие дачники видели едва ли не счастье.

О любви и ее формах велись споры и в той "компании интеллигентных, неглупых людей", с которой суждено было сойтись на время Перовскому. Здесь были "веселый доктор, в белой панаме, с женой — молодой и бледной дамой; известный писатель, большой и басистый мужчина, с огромной швейцарской трубкой; больной чахоткой студент и тоненькая, большеглазая, как будто бы вся голубая девушка, которую днем постоянно видели с красками, примостившуюся где-нибудь у розовых камней, обливаемых белой пеной" [1, 548].

Молчала лишь хорошенькая, "еще не любившая, но готовая полюбить девушка"; остальные говорили много: "доктор отрицал <...> поэзию чувства", "писатель, <...> щеголяя наблюдательностью, вдавался в тонкости психологии", "больной студент, иронически покашливая, подпускал пессимизма" [1, 548-549].

Но весь разговор носил по сути бессмысленный, умозрительный характер, пока не зашел о Перовском, его любви и судьбе.

Собственно, мотив смерти появляется чуть раньше. Мысль, возникшая у известного писателя, была связана с чахоточным студентом: “Бедняга... А ведь он <...> ничего не видел в своей жизни... Так и умрет, не увидев, и будет думать, что прав” [1, 551]. К Перовскому, его бывшей и будущей судьбе эта мысль имеет самое непосредственное отношение. Арцыбашев, сведя их через несколько страниц вместе, параллелизмом подчеркнет это. “Вот, умирает человек, — ловит себя на мысли Перовский, — а сердится, что ему долго не подают жареной камбалы по-гречески... Стоит ли вообще волноваться, мучиться и думать, если смерть у всякого за плечами”. И тут же понимает, “что и сам страдал во имя чего-то, что также ничтожно перед лицом смерти” [1, 562].

В той или иной мере разговор или мысли о смерти возникают у курортников в момент предварительного и первого знакомства с Перовским. В рассказе о нем известного писателя и в последующем споре по поводу сказанного звучит мысль о том, что Перовский “отказался от жизни”, что “жизнь кончена” [1, 553]. На героя смотрят как на человека, “которому уже недолго осталось жить” [1, 555]; а душа у него — “одинокая душа конченного человека” [1, 557].

Но, замечает Арцыбашев, “быстро развиваются и умирают события жизни” [1, 561]. В компании курортников душа Перовского “стала сживать и распускаться” [1, 557]. Перовский преобразается: уходит угрюмость, появляется ощущение полноты жизни, небесцельности существования; фразы и движения обретают смысл. И апогеем вновь рожденных чувств становится короткий роман с девушкой-художницей, чрезвычайно деликатно поданный Арцыбашевым. На страницах, описывающих пребывание Перовского у курортников, не встретить слов, которые хотя бы отдаленно могли напомнить уход из жизни.

Зато склепом, могилой веет от хутора Перовского, его комнат и вещей: “один огонек светился в темных деревьях и говорил о какой-то доживающей, никому не нужной одинокой жизни”. “Тишина полного одиночества охватила его... Темнота и уныние ходили по пустым комнатам” [1, 556-557]. В этой атмосфере Перовский становится похожим “на человека пережившего ночь перед казнью” и размышляет о своей судьбе “со смертельной тоской”, понимая, что не сможет “вывернуться из-под власти силы, давящей его” [1, 567].

Заключительный поворот сюжета прямо указывает на связь хутора Перовского с кладбищем: “Осень была уже во всем. И в прозрачном воздухе, и в слишком ярких, кристально чистых красках заката, и в том неуловимом аромате увядающих деревьев, который напоминает о тихих кладбищах, о том, что все проходит” [1, 568]. А когда доктор вместе с молодым певцом отправились на поиски хозяина хутора, на их крик “никто не отозвался. Горы молчали угрюмо смотрели сверху. Тишина ползла из оврага. Стало жутко, как будто они на огромном кладбище звали человека, который давно умер” [1, 570]. Именно в этой части рассказа становится ясно, что Перовский не просто переродился, но нравственно погиб: исчезла широта его души, он стал мелочным и завистливым.

Важная роль отведена в рассказе молоденькой девушке-художнице.

В какой-то мере она — двойник Лидии Павловны. Это подчеркнуто именем героини: ее тоже зовут Лидией, или Лидочкой, как она сама рекомендует себя Перовскому. Лидия Павловна "бредила его славой", "аккомпанировала ему, ухаживала за ним, берегла его голос, баловала... создала вокруг него целый культ", "готова была на смерть ради того только, чтобы он имел маленький лиш- ний успех" [1, 552].

Лидочка также стремится опекать этого человека, мечтая "спасти" его от добровольного заточения, отказа от жизни [1, 558].

Новая, молодая Лидочка — возможность прожить жизнь еще раз. Но для героя это вряд ли является искомым выходом. Ее усилия мало чем отличаются от усилий Лидии Павловны. Направленные на достижение счастья для Перовского, они подменяют стремление к счастью самого Перовского. Это делает его безвольным, а значит неспособным к развитию.

Но в Лидочкиных действиях заключена и антитеза действиям (а точнее бездействию) самого Перовского. По сути своей такое противопоставление отсылает читателя к библейской притче о талантах.

В начале рассказа Лидочка задает Перовскому вопрос: "Неужели вам не тяжело навсегда отказаться от искусства?" Герой категоричен: "Бог с ними, с этой сценой, с малеванными декорациями, с миром интриг, аплодисментов и рублей. Не в этом счастье. <...> ... он давно оставил мысль о карьере певца". Девушка удивлена: почему же? "Ведь это прекрасно... Боже мой, как хорошо!" — Перовский машет рукой.

Слова и мысли героя высоки и красивы, он даже верит им в момент разгово- ра. Но они все же — попытка оправдания перед самим собой собственного бездействия, которое медленно и неуклонно разрушает богатство, полученное им от Бога.

С этим Лидочка согласиться не может, и когда в конце рассказа молодой "дол- говязый певец", бродя по комнатам дачи Перовского, останавливается "у одно- го этюда масляными красками" ("Маленький кусочек холста весь горел мягким, радостным весенним солнцем. Таял снег дрожащей голубоватой дымкой. Тонень- кие березки блестели наивно и чисто, как невеста. Яркое голубел клочок весенне- го неба"), на вопрос об авторе этого этюда Лидия Павловна отвечает: "Это од- ной барышни... поклонницы Дмитрия Аркадьевича... Она ему подарила... <...> У нее большой талант... Умерла она... застрелилась, говорят, что ли..." [1, 576].

Гибель Лидочки не уничтожает ее талант. Не замечает этого лишь Перов- ский. И висит ее этюд неммым укором хозяйину дома, но воспринять его он уже не в состоянии.

Широко известно о следовании Арцыбашевым Льву Толстому, восприятию и переосмыслению его художественных приемов. Поэтому неслучайной видит- ся связь концовки рассказа с окончанием седьмой части "Анны Карениной" — сценой смерти Анны.

"... свеча, — описывал Толстой последние мгновенья жизни героини, — при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхну-

ла более ярким, чем когда-нибудь светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла”[2, 364].

“Не успели отъехать полверсты, — заканчивает рассказ Арцыбашев, — как хуторок совершенно растаял во мраке, только огонек в освещенном окне еще сверкал, но и он скоро мигнул и исчез за поворотом. Должно быть, заехали за деревья” [1, 557].

Нарочитое прозаизирование у Арцыбашева (“заехали за деревья”) не должно смущать: отъезд и смерть хоть и не являются действиями однонаправленными, но не являются равновеликими. Учтем также время создания произведений и индивидуальную манеру писателей.

Однако не только архитектоника, но даже акценты данных фраз схожи: “свеча вспыхнула более ярким ... светом” — “огонек в освещенном окне... сверкал” (заметим: не горел, не мерцал — “сверкал”, т. е. горел ярко); “затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла” — “скоро мигнул и исчез за поворотом”.

Очевидно, что этой (вряд ли случайной!) параллелью, автор окончательно уверяет в фактической смерти героя.

Но Арцыбашев не осуждает Перовского, как Чехов Ионыча. Он видит трагедию, которая близка русскому интеллигенту. Случайная (или неслучайная?) поблажка себе, нежелание отказа от маленького комфорта способны в конце концов взвалить на его душу такой груз моральных обязательств, который ломает ее и уничтожит. И нравственная смерть настигнет человека задолго до смерти физической.

Литература

1. Арцыбашев М. П. Старая история // Арцыбашев М. П. Собрание сочинений: В 3-х т.: Т. 3. — М., 1994. — С. 547-577.

2. Толстой Л. Н. Анна Каренина: Роман в VIII ч.: Ч. V — VIII // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т.: Т. 9. — М., 1982. — 462 с.

УДК 81-139:378

Н. П. Иванова

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕИ ДОБРА И ЗЛА В КАРТИНАХ ПРИРОДЫ РОМАНА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА “ВАДИМ”

Еще в литературоведении первой трети XX века было указано на важность обращения к форме в ходе анализа литературного произведения. Появление в 20-х годах прошлого столетия таких работ, как “В мастерской художника слова” А. И. Белецкого (1923 г.), “Теория литературы. Поэтика. Стилистика” В. М. Жирмунского (1928 г.), “Синтетическое построение литературы”, “Теория литературных стилей”, “Основы классической поэтики” П. Н. Сакулина (1925-1926 гг.), стало основанием для возникновения ряда литературоведческих

школ (примером может служить школа А. И. Белецкого в Харькове). На важность обращения к пейзажу при анализе "миросозерцания" автора В. Ф. Саводник указывал еще в 1911 году в работе "Чувство природы в поэзии Пушкина, Лермонтова и Тютчева", считая названное "чувство природы" сложным "психическим комплексом". В юбилейном "Венке Лермонтову", вышедшем к 100-летию поэта в 1914 году, П. Н. Сакулин опубликовал статью "Земля и небо в поэзии М. Ю. Лермонтова". Проведенные исследования были весьма глубокими и интересными и знаменовали выход на качественно новый уровень анализа художественного произведения. Однако внимание к содержанию, к идейной стороне произведения было признано первоочередным, несмотря на то, что В. М. Жирмунский в статье "Задачи поэтики" писал: "На самом деле разделение "что" и "как" в искусстве представляет лишь условное отвлечение. Любовь, грусть, трагическая душевная борьба, философская идея и т. п. существуют в поэзии не сами по себе, но в той конкретной форме, как они выражены в данном произведении. Поэтому... условное противопоставление формы и содержания ("как" и "что") в научном исследовании приводило всегда к их слитости в эстетическом объекте" [2, с. 16].

А затем в лермонтоведении 40-х — 70-х годов разгорались споры о романтическом и реалистическом характере лермонтовского творчества. Аргументами в этих спорах, как правило, являлись выводы, сделанные на основе анализа идейного содержания и системы образов произведений М. Ю. Лермонтова, хотя, как представляется, ответ на этот вопрос дает, в первую очередь, обращение к художественной системе писателя или поэта, и блестящее тому доказательство — работа В. П. Казарина "Поэтика романа М. Ю. Лермонтова "Герой нашего времени"", вышедшая в 1987 году. Именно в это время произошло возрождение интереса к вопросам формы художественного произведения и, в частности, к пейзажу. Этот интерес рос и углублялся, о чем свидетельствует, к примеру, тот факт, что VIII Крымские Пушкинские Международные Чтения в 1999 году прошли под названием "Русь-Россия и Великая Степь". Большинство материалов этой конференции посвящено вопросам поэтики пейзажа (в рамках тематики данной статьи следует отметить работу И. В. Александровой "Степь в образной системе М. Ю. Лермонтова").

В настоящее время анализ литературного пейзажа приобрел особую актуальность в связи с тем, что в современной филологии особое внимание уделяется таким категориям, как ментальность и когнитивность. Об этом свидетельствуют работы Д. С. Лихачева "Диалог в природе как признак жизни и одухотворения в литературе" (1997 г.), Э. М. Афанасьевой "Поэтика пейзажа в русской молитвенной лирике" (1999 г.), О. В. Васильевой "О художественном пространстве и времени" (1993 г.), А. П. Грачева "Пейзаж как явление интертекста" (1999 г.), Н. Д. Ивановой "Содержание и принципы филологического изучения пейзажа" (1994 г.), Fauconnier G., Turner M. "Blending as a Central Process of Grammar" (1996 г.), Т. Г. Скребцовой "Уровни метафоричности дискурса" (2002 г.), являющиеся **теоретической основой** данной работы.

Применительно к литературоведению изучение указанных категорий требует дальнейшего продвижения по пути, указанному В. И. Белецким, В. М. Жирмунским, П. Н. Сакулиным, В. Ф. Саводником и незаслуженно обойденному вниманием в прошлом веке, ведь литературный пейзаж как элемент формы — это то самое ментальное пространство автора, которое как нельзя более точно отражает его миропонимание, является краеугольным камнем его художественной системы, и в обращении к литературному пейзажу под указанным углом зрения видится **новизна** проводимого исследования. В связи с этим **целью данной статьи** является анализ отражения в пейзажных образах романа “Вадим” мировоззрения М. Ю. Лермонтова. **Задачи статьи:** 1) выделить основные пейзажные образы романа; 2) интерпретировать их как фрагменты ментального пространства автора, отражающие его мировосприятие и систему ценностей (в данном случае отношение к идеям добра и зла); 3) рассмотреть пейзажные образы в системе вопросов поэтики романа.

Материалом исследования являются пейзажные зарисовки романа М. Ю. Лермонтова “Вадим”.

В первую очередь хотелось бы отметить своеобразие стиля этого романа. Это так называемый “гибридный стиль” (термин П. Н. Сакулина), сочетающий в себе элементы сентиментализма и романтизма. В самом деле, мы не видим традиционной романтической эволюции внутреннего мира героя — его характер, как в образцах литературы XVIII века, задан раз и навсегда: озлобленный изгой от рождения. Виноваты в этом Бог и природа (кстати, на протяжении всего романа эти понятия выступают как синонимы). А раз так, Вадим не приемлет Бога, противопоставляет себя ему, и значит, мы имеем дело с традиционным лермонтовским демоническим героем.

В “Вадиме” мы встречаем символистские явные параллели и довольно подробные объяснения переживаний человека с помощью пейзажных образов. При этом мы отчасти не можем согласиться с В. Ф. Саводником, утверждавшим, что Лермонтов “первым стал привлекать сравнения из мира природы к человеку — не только очеловечивать природу, но и “оприроднивать” человека [5, с. 219], и это качество лермонтовских пейзажей — свидетельство, видимо, не столько новаторства, сколько преемственности и, в данном случае, следования символистским традициям в изображении природы. И еще о преемственности. М. Н. Эпштейн отмечает, что “Жуковский — создатель русской поэтической флоры (как Державин — фауны). У Жуковского многие явления природы выступают в качестве символов, знаменуют высокие состояния души: мотылек, лебедь, вообще “птичка”, вообще “цветок” как воплощенное бессмертие, нездешность, порыв в запредельное” [12, с. 211]. Как представляется, данное качество пейзажных зарисовок — тоже отличительная черта “сентиментального романтизма”. Оно присуще и пейзажам “Вадима”. Лермонтов и в этом случае прибегает к приему “оприроднивания” человека.

Среди довольно часто встречающихся в романе (видимо, законы избранного стиля требуют этого) “лирических отступлений”, построенных на основе пейзажных образов, описания облаков встречаются только дважды. Первое из

них посвящено угасшей жизни погибшей девушки: "...какая будущность! какое прошедшее! И все в один миг разлетелось; так иногда вечером облака дымные, багряные, лиловые гурьбой собираются на западе. свиваются столпы огненные, сплетаются в фантастические хороводы. и замок с башнями и зубцами, чудный, как мечта поэта. растет на голубом пространстве... но дунул северный ветер... и разлетелись облака и упадают росой на бесчувственную землю!.. Мир с тобою, дева красоты, да ангел твой хранитель споет над твоим прахом песнь мира, любви и прощанья..." [2, Т. 4, с. 248].

Видимо, демоническое начало главного героя диктует отказ от частого обращения к изображению неба при создании художественного пространства романа, и второе обращение к описанию облаков для объяснения состояния внутреннего мира человека мы встречаем тогда же, после рассказа о гибели отца и дочери. Сначала на "синем небе" мы видим "черные облака", что само по себе отражает ужас и противоестественность происходящего, так как нарушены законы устойчивого сочетания слов: черными бывают обычно тучи (и в художественной системе Лермонтова это так, потому что, к примеру, в "Герое нашего времени" читаем: "черная туча, такая черная, что на темном небе она казалась пятном"), облака, как правило, черными не бывают, хотя в том же "Герое нашего времени" встречаем "серое облако", но контекст полностью оправдывает его появление: "висело серое облако, и его холодное дыхание грозило близкою бурей".

Возможность понять состояние главного героя путем обращения к аналогии из мира природы (в данном случае — к облакам) дает нам диалог, который начинается вопросом Орленко о причине задумчивости Вадима:

— Ты видишь это облако, которое, как медвежья косматая шуба, висит над месяцем?... — отвечал Вадим, приподняв голову с презрительной усмешкой.

— Вижу!

— Ну, а как ты думаешь, что таится в глубине его?..

— Что?.. по-моему, гром и молния — вишь, как насупилось...

— И ты спрашиваешь, зачем я угрюм и молчалив?.. [1, Т. 4, с. 248].

Таким образом, картины природы дают нам возможность проникнуть не только в художественную, но и в ценностную систему Лермонтова, отражая, в частности, понимание писателем природы добра и зла. Идея о тесном сосуществовании этих, на первый взгляд, диаметрально противоположных категорий прослеживается в лермонтовском творчестве достаточно ясно. Доказательством этого в пейзаже "Вадима" является, к примеру, тот факт, что даже образ неба может иметь в художественном пространстве романа противоположную по знаку эмоциональную окраску. В романе буквально на одной странице соседствуют два неба: небо ангела с "дымными, багряными, лиловыми" с облаками "на голубом пространстве" и небо демона с черным, "как медвежья косматая шуба", облаком (вот сравнение для облака!) с таящимися в нем громом и молнией. Доказательства существования в художественной системе Лермонтова этих "двух небес" встречаем мы и в его поэзии. К примеру, столь любимые Д. С. Мережковским строки стихотворения "Ангел" (1831 г.):

*По небу полночи ангел летел
И тихую песню он пел.
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой*

[1, Т. 1, с. 374].

А с другой стороны, в “Демоне” встречаем буквальный перепев только что описанного пейзажа и настроения “Вадима”:

*Я был отвергнут, как эдем,
Мир для меня стал глух и нем...
Так ранней утренней порой
Отрывок тучи громовой,
В лазурной вышине чернея,
Один, нигде пристать не смея,
Летит без цели и следа,
Бог весть откуда и куда!*

[1, Т. 2, с. 66].

Соприкосновение с миром Бога и небесами ангела как частью этого мира вызывает в Демоне чувства, аналогичные переживаниям Вадима при виде того, в чем ему отказали Бог и природа:

*...и звезды яркие, как очи,
Как взор грузинки молодой!..
Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил,
И все, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел*

[1, Т. 2, с. 49].

Образы деревьев в пейзаже романа “Вадим” также отражают идею сосуществования добра и зла в мировосприятии М. Ю. Лермонтова. Особенно показателен в этом смысле образ рябины. Как отмечает М. Н. Эпштейн, “часто красные ягоды рябины, ассоциируясь с кровью, жертвой, страданием, передают... дерзость, вызов, неистовство, бушевание” [5; с. 66]. В данном романе образ рябины появляется дважды, но в одной и той же картине природы, которая дана после того, как Вадим открыл Ольге их страшную семейную тайну, перед произнесением “роковой клятвы”. В этот момент он сидит у развалившейся бани, “обсаженной высокими кустами кудрявой рябины” [1, Т. 4, с. 223]. Очень интересен здесь его портрет: “Тут сидел Вадим; один, облокотясь на свои колена и поддерживая голову обеими руками, он размышлял...” Думается, есть в этом описании что-то от того, каким увидел Демона Врубель, и символическое значение образа рябины раскрывает внутренний мир героя: “...тени рябиновых листьев рисовались на лице его непостоянными арабесками и придавали ему вид таинственный...” [1, Т. 4, с. 223]. У Вадима появляется замысел сделать и Ольгу орудием мести, хотя он и почитает ее ангелом, од-

нако следующий риторический для него вопрос приходит в голову герою: "Разве ангел и демон произошли не от одного начала?.." [1, Т. 4. с. 224].

И в этом вопросе видится не только позиция героя, но и взгляд автора, ведь именно он сделал Вадима и Ольгу родными братом и сестрой, именно из-под его пера выходит образ Демона, вновь пастышкого "святыню любви, добра и красоты". Об истоках этой грани мировоззрения Лермонтова писал Б. М. Эйхенбаум, указывая на сочинение Шеллинга "Философские исследования о сущности человеческой свободы" (1809 г.), в котором утверждается, что "добро и зло — одно и то же, лишь рассматриваемое с разных сторон, или еще: зло в себе, то есть рассматриваемое в своей тождественности, есть добро, как и, наоборот, добро, рассматриваемое в своей раздвоенности и нетождественности, есть зло... Душа всякой ненависти -- любовь... Основа зла должна, таким образом, содержаться не в чем-то положительном вообще, но скорее в высшем положительном, какое имеется в природе" [6, с. 189]. Но, думается, Лермонтов идет в этом убеждении даже дальше Шеллинга: если, по Шеллингу, небу противопоставляется не ад, как в традиционном понимании, а земля, то в мировоззрении Лермонтова сосуществуют, как мы видели, два неба, тем самым идея общего корня добра и зла многократно усиливается. И упомянутый пейзаж перед произнесением "роковой клятвы" дает нам возможность проследить, как видоизменяется небо, "перетекая" из одного состояния в другое: "...серебряные облака тяжелели ежечасно; и синие, покрытые туманом, уже показывались на дальнем небосклоне" [1, Т. 4. с. 223]. Даже цветовая символика подчеркивает это преобразование: в художественной системе Лермонтова сверкающие цвета несут радость, обновление, жизнелюбие, и это тоже имеет свои корни: по словам Алпатовой, со времен древнерусской иконописи эти тона "преодолевают цветовую плоть краски", старо-славянское же СНЬЦЬ означало "дьявол". Думается, что в данном случае образ неба служит своего рода символом неразделимости в нашем мире добра и зла, причем не только тесного сосуществования, но и взаимопроникновения этих категорий.

Итак, на основе проведенного анализа мы можем сделать **вывод** о том, что пейзажные образы романа М. Ю. Лермонтова "Вадим" отражают важнейшие грани мировоззрения автора, дают нам возможность увидеть особенности его ценностной системы, а также пронаблюдать за своеобразием литературного стиля писателя в данном романе, являющемся по сути стилизацией, что было доказано в проведенных ранее исследованиях.

Литература

1. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений. В 4-х томах. — М., 1976.
2. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Л., 1977.
3. Сакулин П. Н. Теория литературных стилей // Филология и культурология. — М., 1990. — С. 133-165.
4. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. — Л., 1978.
5. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной. — М., 1990.

6. Эйхенбаум Б. М. Художественная проблематика Лермонтова // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. — Л., 1969. — С. 181-215.

7. Алпатов М. Краски древнерусской иконописи. — М., 1964.

Статья поступила в редакцию 5 октября 2004 г.

УДК 81“373

М. Г. Джисоева

“ПАМЯТЬ О ПРОИСХОЖДЕНИИ” В ЛИРИКЕ М. А. ВОЛОШИНА И Х. Л. БОРХЕСА

Новизна данного исследования заключается в отсутствии сопоставительных исследований творчества М. А. Волошина и Х. Л. Борхеса в лингвоконцептологическом аспекте.

Цель работы: установить и описать точки пересечения художественных картин мира авторов путем исследования ключевых концептов их поэтического творчества.

Материалом исследования послужили лирические стихотворения Х. Л. Борхеса и М. А. Волошина, содержащие исследуемые художественные концептуальные образы.

Теоретической основой данной статьи является следующее положение: каждому поэту свойственна своя собственная образная картина мира и собственная вариативная система, с помощью которой становится возможным субъективное описание своих ощущений [1].

М. А. Волошина и Х. Л. Борхеса неправомерно, наверное, было бы назвать художниками, творческие концепции которых очень близки, однако при чтении их произведений невольно возникает ощущение близости, конгениальности их литературного творчества. Представляется, что на это есть как минимум две причины: 1) необычайная парадоксальность мышления авторов и отсюда парадоксальность как одна из основных примет их творчества, как поэтического, так и прозаического; 2) говоря словами Хайме Альзраки, сказанными о Х. Л. Борхесе, но вполне могущими быть отнесенными и к Волошину, в его произведениях “представлено частное и общее, индивидуальное и аллегорическое, но они путаются одно с другим и объединяются в одно целое, где уже трудно отличить индивидуальное от родового” [2] (перевод наш — авт.). Вспомним, кстати, что именно такая цельность является высшим эстетическим и нравственным идеалом М. А. Волошина.

Итак, мы выдвигаем гипотезу о схожести художественных картин мира двух авторов, которую предстоит проверить на материале их лирических произведений. На наш взгляд, целесообразно было бы сопоставить их поэтическое творчество по некоторым ключевым точкам. Тогда возникает вопрос,

что же выбрать в качестве таких ключевых точек. Во-первых, нельзя не обратить внимания на всеохватность и космизм творчества Борхеса и Волошина и особый интерес авторов к истории происхождения сущего, философичность и научность поэзии. Как пишет Даниэль Теобальди, “поэт обладает удивительной способностью говорить о происхождении. Говорю ‘удивительной’ потому, что это дарование необычное. Он обнаруживает начало вещей, как если бы он присутствовал в момент их создания...” [3] (перевод наш — авт.). И далее: “Поэт утверждает себя как точка пересечения видимого и невидимого в центре тайны, которая проецирует свой окончательный смысл на все другие тайны, разделяющие этот же космический опыт” [3] “Говорить о происхождении” авторам помогает целая группа концептуальных понятий. В результате анализа стихотворных текстов Борхеса и Волошина нам удалось выделить ряд концептов, к которым весьма часто обращаются оба автора. Среди них особо отметим концепты “память-забвение”, “зрение-слепота” (зрячий — слепой), “слух-глухота”, “двойник”, “сон”, “зеркало”, “книга”, “свиток”, “лабиринт”, в той или иной степени перескакающие с концептом времени, который, как известно, является одним из ключевых в их творчестве. Любопытной особенностью этих концептов в творчестве Волошина и Борхеса является их двойственность. Для подробного анализа этих концептов и их роли в картине мира автора были выбраны стихотворения, в которых они представлены наиболее ярко. Начать следует, пожалуй, с самого общего, с рассмотрения точек зрения авторов на происхождение Вселенной. Полнее всего авторская концепция происхождения Сущего выражена в стихотворении Борхеса “Cosmogonia” и в стихотворениях Волошина “Кровь”, “Сатурн”, “Солнце”, “Луна”, образующих своего рода цикл. Первое, что бросается в глаза, — это восприятие Творения с помощью органов чувств, с помощью зрения и слуха: *La tiniebla requiere ojos que ven, como el sonido y el silencio requieren el oído Y el espejo, la forma que lo puebla* у Борхеса и *В моей крови — слепой Двойник. Он редко кажет дымный лик, — Тревожный, вещий, сокровенный, Приникнул ухом... Где ты, пленный? (Кровь) и Где лился музыкой, непознанной для слуха, Творящих числ и воль мерцающий поток (Сатурн)* у Волошина. Ключевые образы здесь мрак, водное начало и органы чувств. При этом волошинская космогония выглядит более “населенной”, одушевленной присутствием Двойника. У Борхеса нет ни мрака ни хаоса, так как мрак требует глаз, которые бы видели, звук и тишина — уха, которое бы слышало, а зеркало — формы, которая его населяет. Причина и следствие здесь меняются местами: не субъект появляется для того, чтобы воспринимать мир, но мир осуществляется “по мерке” субъекта. Примечательно, что у обоих авторов присутствует некая “рамка”, соединяющая момент творения с моментом “теперь”. У Волошина это выражено имплицитно: лирический герой, существующий здесь и сейчас, пытается найти, обнаружить в себе архаического двойника, то есть темное историческое прошлое, интуитивно угадываемое им. У Борхеса момент “теперь” присутствует эксплицитно: *Algo que ya padece. Algo que implora. Después la historia universal. Ahora.* Таким образом,

история вселенной, описав круг, замыкается в гочке “сейчас” (вспомним в программном стихотворении М. Волошина “Дом Поэта”: *Весь трепет жизни всех веков и рас Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.*). Или, если угодно, нечто пронизывает всю историю от момента творения до момента “теперь”. Что же? Как нам представляется, таким объединяющим началом являются концепты “память” и “забвение”, или, точнее, парный концепт “память-забвение”, поскольку они тесно связаны между собой и со всей структурой поэтического текста. При этом память у Волошина — темная, глухая и слепая. Это ли не память о том, чего не видел глаз и чего не слышало ухо? Это ли не память о борхесовском довременном хаосе, или, точнее, если можно так выразиться, дохаосном времени? И у Волошина находим то же: *Мир отрывочен и пуст... Непривычно мне сознание Знать его как сочетание Лишь пяти отдельных чувств (По почам, когда в тумане...)*. Далее, водное начало, воплощающее память об историческом прошлом. У Волошина это кровь, водная глубина, звездный сок, явно перекликающееся со словами из гетевского “Фауста”: *кровь — это совсем особый сок*; у Борхеса это Гераклитова река: *El gran río de Heráclito el Oscuro*. Созвучность с волошинской темной памятью подчеркивается у Борхеса употреблением имени греческого философа в варианте Гераклит Темный, а не более распространенного Гераклит Эфесский. У Борхеса, однако, классическая Гераклитова река, двигаясь от прошлого к будущему, течет из забвения в забвение. Забвение — постоянный спутник и антагонист памяти: *Soy, t́citos amigos, el que sabe que no hay otra venganza que el olvido ni otro perdón. Un dios ha concedido al odio humano esta curiosa llave (Soy)*. Это одна из любимых борхесовских идей, он писал, что человеческая память удивительно асимметрична: каждый человек может помнить события, произошедшие много лет назад, и человечество может помнить самые отдаленные периоды своей истории, однако ни человеку, ни человечеству не под силу предсказать даже самое близкое будущее. Итак, у Борхеса прошлое и будущее — это забвение: *El presente est́ solo. La memoria Erige el tiempo (El Instante)*. А следовательно, *El hoy fugaz es tenve y es eterno; oiro Cielo no esperes, ni otro Infierno (El Instante)*. В конце концов воспоминание — это возвращение: *Нити темного познания Привели меня назад (О, как чуток, о, как звонко...)*.

Следующие концепты — “память-книга” и “память-свиток”. Интересно, что у Борхеса эти концепты представлены как взаимоотношение автора и книги, а у Волошина автор — это и есть книга. “Поэзия — это встреча писателя с книгой, открытие книги. Существует другой эстетический опыт, тоже очень странный, когда поэт задумывает книгу, когда он придумает или откроет произведение. Как известно, в латыни слова “придумать” и “открыть” — синонимы. Все согласуется с платоновской доктриной, в которой говорится, что придумать, открыть — значит вспомнить” (см. в [3]). У Волошина также припоминание — это ключ к постижению сущности бытия, и в этом человеку помогает его собственное тело. “Наше “я” — свиток. Наше тело — летопись мира. Оно есть точный отпечаток всей нашей эволюции во

вселенной” [4, с. 349]. *Теперь я мертв, Я стал строками книги (Блуждания); При жизни быть не книгой, а тетрадкой (Дом Поэта); Плоть человека — свиток, на котором Отмечены все даты бытия... (Путями Каина. II. Огонь)*. И лирический герой угадывает, *Как незапамятно и строго Звучал из глубины веков Глухой наступивший голос рога И звон верблюжьих бубенцов (И я был сослан в глубь стеней...); Vagamente los he buscado en esta vieja casa blanca y rectangular, en la fresca de sus dos galerías, en la sombra creciente que proyectan los pilares, en el intemporal grito del pájaro... (La Busca)*. Обращает на себя внимание переключки *незапамятно и intemporal*. Следовательно, говоря словами Борхеса, “одним из эффектов поэзии должно быть создание у нас впечатления не открытия чего-то нового, а припоминания чего-то забытого” (см. в [3]). Эта сентенция Борхеса объясняет многое и в волошинской концепции времени и “памяти о происхождении”. У Борхеса переплетаются и путаются тот, кто видит сны и тот, кого видят во сне, у Волошина сон человека переплетается с довременными снами Двойника и с мечтами “безмолвно грезящей природы”. Земля обладает памятью и в настоящем может грезить, переживая заново свое прошлое. Эту идею Волошин многократно высказывал как в поэтических произведениях, так и в прозе. В статье “К. Ф. Богаевский — художник Киммерии” читаем: “Земля, как и человек, способна видеть сны. Не растревоженная суетой современности, она неторопливо грезит о минувшем, о несбывшемся и о возможном, и сновидения ее достигают зрительной реальности миража” [5, с. 219]. Из характеристики “грезит о минувшем, о несбывшемся и о возможном” следует двунаправленность памяти, чего не наблюдаем у Борхеса, где способность помнить распространяется только на прошлое, сколь угодно долгое, но не на будущее.

С концептом памяти-забвения тесно связан концепт сна, а с последним концепт зеркала. Вспомним у Волошина: *Кто вместе видел те же сны, Становится невольно ближе (Письмо)*; в стихотворении “Сатурн”: *Где ткало в дымных снах сознание-наук Живые ткани тел, но тело было — звук*; и в стихотворении “Луна”: *С какой тоской из водной глубины К тебе растут, сквозь мглу моих распятий — К Диане бледной, к яростной Гекате, Змеиные, непрожитые сны! У Борхеса концепт сна принимает еще более парадоксальную форму: Quién me dirá si misteriosamente, bajo este techo de una sola noche, más allá de los años y del polvo, mas allá del cristal de la memoria, no nos hemos unido y confundido, yo en el sueño, pero ellos en la muerte (La Busca)*.

Что же касается концепта зеркала, то его отражение в поэзии двух авторов тоже несколько различно. Прежде всего, зеркало у Волошина живое, у Борхеса чаще всего — тусклое: *Я — глаз, лишенный век. Я брошено на землю, Чтоб этот мир дробить и отражать... И образы скользят. Я чувствую, я внемлю, Но не могу в себе их задержать (Зеркало)*; *Vagamente los he buscado en esta vieja casa... en el crepúsculo de los espejos, en un reflejo, un eco, que fue suyo y que ahora es mío, sin que yo lo sepa (La Busca)*. Зеркало — это еще и концептуальная метафора. И если у Волошина эта метафора традиционна (зеркало — вода, зеркальность вод): *Как млечный путь любовь твоя Во мне мерцает влагой звездной В зеркаль-*

ных снах над водной бездной Алмазность пытки затая (Как млечный путь любовь твоя), то у Борхеса механизм метафорического переноса иной: *Entre el alba y la noche hay un abismo de agonías, de luces, de cuidados; el rostro que se mira en los gastados espejos de la noche no es el mismo (El Instante)*.

Метафоры времени-лабиринта, и памяти-лабиринта, в высшей степени характерные для Борхеса, также встречаются и у Волошина: *Обманите меня... но совсем, навсегда... Чтоб не думать — зачем, чтоб не помнить — когда... Чтоб поверить обману свободно, без дум, Чтоб за кем-то идти в темноте наобум... И не знать, кто пришел, кто глаза завязал, Кто ведет лабиринтом неведомых зал... (Обманите меня... но совсем, навсегда...)* и *Память — неверная нить Ариадны — Рвется в дрожащих руках (Быть заключенным в темнице мгновенья)*. Концептуальные образы память и нить Ариадны, переплетаясь, эксплицируют еще одну характеристику памяти — запутанность: *Я пленен в переливных снах, В завивающихся круженьях, Раздробившийся в отраженьях, Потерявшийся в зеркалах (Я глазами в глаза вникал...)*. Тот же мотив находим у Борхеса: *Soy el que pese a tan ilustres modos de errar, no ha descifrado el laberinto singular y plural, arduo y distinto, del tiempo, que es uno y es de todos. Soy el que es nadie, el que no fue una espada en la guerra. Soy eco, olvido, nada (Soy)*.

Итак, в результате проведенного анализа можно сделать **вывод** о том, что во многом художественные картины мира М. А. Волошина и Х. Л. Борхеса обнаруживают близость или прямые корреляции. Созвучность их творчества ярко проявляется в осмыслении и отражении целого ряда концептов, основными из которых являются концепты “память-забвение”, “зрение-слепота” (зрячий — слепой), “слух-глухота”, “двойник”, “сон”, “зеркало”, “книга”, “свиток”, “лабиринт”, так или иначе входящие в поле метаконцепта времени или пересекающиеся с ним.

Литература

1. Пономарева А. Система поэтических инвариантов как репрезентация концептуальной картины мира // Эл. ресурс: <http://leda.uni-smg.ac.ru/vestnik/documents>
2. Jaime Alazraki Narrativa y critica de nuestra Hispanoamerica // Эл. ресурс: <http://www.sololiteratura.com/bornarrativa.htm>
3. Daniel Gustavo Teobaldi La memoria del origen. Algunos aspectos de la poesia de Jorge Luis Borges // Эл. ресурс: http://www.ucm.es/info/especulo/numero8/borg_teo.htm
4. Волошин М. А. Тсатр как сновидение. // Лики творчества. Л.: Наука, 1988. — 465 с.
5. Волошин М. А. К. Ф. Богаевский — художник Киммерии // Коктебелевские берега. — Симферополь: Таврия, 1990. — С. 219-223.

Статья поступила в редакцию 11 октября 2004 г.

УДК 821.161.1(092) (477.75)

В. В. Трифонова

КРЫМ В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ Л. Н. ТОЛСТОГО (1854 – 1855)

7 (19) ноября 1854 г. подпоручик Лев Николаевич Толстой прибывает в осажденный и обороняющийся Севастополь. В это время туда переносятся основные действия Восточной (Крымской) войны. Именно здесь находится главная база Черноморского флота России. На основании крымских впечатлений, полученных во время Крымской кампании, Толстой впоследствии напишет цикл рассказов на крымскую тематику.

Поэтика “Севастопольских рассказов” занимала многих исследователей, но практически никто не смотрел на рассказы как на крымский материал, поэтому обращение к ним в подобном ракурсе является несомненно **новым**.

Взгляд на творчество писателя 1854–1855 годов приобретает особую **актуальность** сейчас, в период 150-летнего юбилея Восточной (Крымской) войны.

Объекты анализа настоящей статьи — небольшой дневниковый стихотворный набросок “Когда же, когда наконец перестану...” (1854) и первый толстовский рассказ севастопольского цикла — “Севастополь в декабре месяце” (1855).

Целью статьи является попытка выяснить, какое место занимает очерк “Севастополь в декабре месяце” в творческой биографии писателя. В соответствии с этим ставятся **следующие задачи**: 1) определить степень новаторства Толстого в описаниях картин войны в рассказе и 2) место крымских впечатлений в развитии молодого писателя.

Толстого переводят в Крым из Кишинева по его личной просьбе, позже (3 июля 1855 г.) он напишет брату Сергею Николаевичу: “Я просился в Крым, отчасти для того, чтобы видеть эту войну, отчасти для того, чтобы вырваться из штаба Сержпутовского, который мне не нравился, а больше всего из патриотизма, который в то время, признаюсь, сильно нашел на меня”. Через несколько дней после приезда в Севастополь Толстой вместе с частью уезжает в тыл, в деревню Эски-Орду (современное Лозовое), находящуюся в нескольких километрах от Симферополя. Он пишет про свое пребывание в татарской деревне в дневнике: “26 ноября. Живу совершенно беспечно, не принуждая и не останавливая себя ни в чем: хожу на охоту, слушаю, наблюдаю, спорю” [6, с. 135]. Кажется, что Толстой бездействен, но на самом деле здесь работает не воин, а писатель. Он “слушает” и “наблюдает” и в Эски-Орде, и в Севастополе. Он внутренне уже перерабатывает первые свои впечатления о Крымской кампании, то есть и о Крыме, где разворачиваются кровавые военные действия.

К этому же времени относится и написание стихотворения “Когда же, когда перестану...” (Толстой записал его в своем дневнике 20 ноября (2 декабря) 1854 г.). Мысль о бесполезности собственного существования и о “грядущей

ничтожности” [5, с. 240] у Толстого не нова, очень часто подобные суждения встречаются в его дневниках. Еще в августе 1852 г. он пишет: “Мне 24 года; а я еще ничего не сделал. Я чувствую, что недаром вот уже восемь лет, что я борюсь с сомнениями и страстями. Но на что я назначен? Это откроет будущность” [6, с. 79]. Более всего в это время его занимают мысли о своей незначительности в пору службы на Кавказе: “Из-за девок, которых не имею, и креста, которого не получу, живу здесь и убиваю лучшие годы моей жизни. Глупо! Господи, дай мне счастья” (Дневники, 8–15 мая 1853 г.) [6, с. 87]. Хотя именно на Кавказе происходит рождение Толстого как писателя. Уже написаны “Детство”, “Набег”, “Отрочество” и постепенно осуществляются другие замыслы. Но в это время Толстой еще не уверен в себе, его мучит недооценка собственных сил, он много раз переделывает, переписывает свои произведения. Все эти настроения (художнические, служебные, личные) и отразились в стихотворении, написанном под Симферополем:

*Кто сделал ту рану — лишь ведает Бог,
Но мучат меня от рожденья
Грядущей ничтожности горький залог,
Томящая грусть и сомненья*

[5, с. 240].

Это сомнения молодого писателя, уже начавшего литературную деятельность, но еще не получившего должного, нужного и достойного, как ему казалось, признания. Он уже выбрал себе определенный путь, но еще не движется по нему, а лишь делает первые шаги. Уверенное движение по будущей стезе великого писателя Л. Н. Толстой начинает в Крыму, начинает принесшими ему не просто известность, а всероссийскую в тот момент популярность, “Севастопольскими рассказами”.

Толстой всячески проявляет инициативу, проходя службу. Он создает проект реорганизации артиллерии (“Проект о переформировании батарей и 6-орудийный состав и усилении оных артиллерийскими стрелками”) [3, с. 161-176], затем у него появляется задумка журнала “Военный листок”, который не был разрешен Николаем I. Возможно, первый очерк “Севастополь в декабре” и предназначался для этого журнала. Тогда Толстой просит Некрасова дать ему место в каждом номере “Современник” для военных материалов. Некрасов отвечает ему положительно и Толстой отмечает в дневнике: “...он [Некрасов] просит присылать ему статьи военные. Приходится писать мне одному. Напишу Севастополь в различных фазах и идиллию офицерского быта” (дневниковая запись от 20 марта 1855 г.) [6, с. 141]. Эта запись становится первым упоминанием о замысле “Севастопольских рассказов”.

В начале апреля Толстой получает назначение на самый сложный и опасный участок обороны Севастополя — четвертый бастион. На это время и приходится создание первого очерка цикла “Севастопольских рассказов” — “Севастополь в декабре месяце”.

Рассказ большей частью описателен и бессюжетен. Толстой пишет его с намерением окунуть московскую и петербургскую публику в волнующую всю Россию военную действительность. Причем особой выразительности в произведении он добивается, вводя в его контекст открытое авторское присутствие: ведет с читателем постоянный диалог, водит его по Севастополю, показывая и рассказывая, чем достигает выпуклости зрительных образов. Описание обыденной, повседневной, неприглядной жизни осажденного города лишает рассказ романтического пафоса, традиционной героической патетики, зрелищных батальных сцен. “Многими своими признаками: эпически повествовательной манерой, внутренней сдержанностью, неторопливостью... “Севастополь в декабре месяце” предвосхищает “Войну и мир” [7, с. 45].

Толстой рвался на войну, в центр военных действий, он подавал несколько прошений, прежде чем его перевели в Крым, он осознает величие момента, осознает, что на Севастополь сейчас обращены взгляды всей Европы: “Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникнуло в душу вашу чувства какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в жилах” [5, с. 82]. Писатель последовательно проводит читателя по основным точкам Севастопольской обороны. Сначала он окажется в тылу, на спокойной, но деятельной Северной стороне. На ялике попадет на Графскую пристань, пройдет по набережной, где “шевелиются толпы серых солдат, черных матросов и пестрых женщин” [5, с. 82], увидит улицы, загороженные баррикадами. Здесь в особенности, нежели во всем остальном пространстве рассказа, большое внимание уделено деталям: бомбы, ядра, картечи, “телеги с сеном, кулями и с бочками”, дети, женщины, матросы, солдаты и т. п. [5, с. 82] Так он добивается отчетливой реалистичности в изображении самых различных сторон войны.

Затем читатель попадет в Собрание, в котором расположился госпиталь, поговорит с тяжело раненым солдатом, найдя среди множества страждущих людей лицо “менее строгое и страдающее”. Удивится силе духа этого только что ставшего безногим солдатика, его объяснениям, что надо меньше думать и тогда все будет хорошо. Но самые страшные картины только впереди, в перевязочной и операционной. С натуралистической детализацией опишет Толстой происходящее в этой комнате: “...увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну в настоящем: ее выражении — в крови, в страданиях, смерти...” [5, с. 87].

Далее автор пригласит читателя в трактир (“ежели вы хотите послушать толки моряков и офицеров” [5, с. 87]). Ну а если он захочет испытать войну на себе, то пойдет на страшный 4-й бастион, где все время слышен гул канонады, где рядом разрываются бомбы, а люди находятся в постоянной опасности. И все это происходит на фоне спокойного, ласкового крымского пейзажа. Главное достижение Толстого в том, что он “отказывается от традиционного парадного изображения войны, от показа героического как чего-то особенного...” [2, с. 70]. Солдаты и матросы — это простые люди, они ходят по грязи, курят, в их

облике мало того героического, знакомого по романтической литературной традиции, к чему так привыкла читающая публика. Но это и есть истинные герои.

На бастионе перед читателем, постигающим действительность взглядом Толстого, открывается истинная сущность героизма солдат и офицеров. “Главное отрадное убеждение, которое вы вынесли, -- это убеждение в невозможности поколебать где бы то ни было силу русского народа <...> видели ее в глазах, речах, приемах, в том, что называется *духом* защитников Севастополя” [5, с. 92]. Толстой изображает войну не в парадном облачении, привычно возбуждающем патриотические чувства, а в “крови, в страданиях, смерти”. Толстой показывает войну так, как до него этого никто не делал. Художник передает образ защитников родины, передает их настроение, психологию. Он показывает силу русского духа не в героическом величии, а в страдании, подчеркивая православную основу русского взгляда на мир.

В произведениях этого цикла Толстой выступает как художник-баталист, но уже в этих, ранних рассказах виден будущий тонкий исследователь человеческой души, Толстой-психолог.

Глубина и сила картин Севастопольской обороны обуславливается еще и тем, что описывает их непосредственный очевидец этих событий: и воин, и большой писатель. Художественность в данном случае неразрывно связана с жизненностью, с достоверностью происходящего, сказывающейся в описаниях незнакомой для среднерусского жителя крымской погоды и природы: “В полчаса, которые вы провели в трактире, погода успела перемениться: туман, растлавшийся по морю, собрался в серые, скучные, сырые тучи и закрыл солнце; какая-то печальная изморось сыплется сверху и мочит крыши, тротуары и солдатские шинели...” [5, с. 88]

Рассказ был опубликован 1 июня 1855 г. в шестом номере “Современника” с подписью *Л. Н. Т.* В начале стояла небольшая сноска: “Автор обещает ежемесячно присылать нам картины севастопольской жизни, вроде предлагаемой. Редакция “Современника” считает себя счастливою, что может доставлять своим читателям статьи, исполненные такого высокого современного интереса, и притом написанные тем писателем, который возбудил к себе такое живейшее сочувствие и любопытство во всей читающей публике своими рассказами: “Детство”, “Отрочество”, “Набег” и “Записки Маркера”. *Ред.*” Затем в 1856 г. с цензурными искажениями очерк был издан в сборнике “Военные рассказы графа Л. Н. Толстого”. Первый очерк цикла “Севастопольские рассказы” перепечатывался намного чаще, чем другие военные рассказы. Причем и в дальнейшем он был публикуем с завидной периодичностью: в 1886 г. — книжка “Осада Севастополя” (шесть изданий в разные годы), 1899 г. — отдельное издание “Севастополь в декабре 1854 г.” и т. д. [1, с. 390-391].

Рассказ моментально облетел всю Россию и получил огромнейшую популярность, его читали во всех домах, писались отзывы в журналах, на Толстого посыпались восторженные письма от знакомых и незнакомых людей. Возникла дискуссия о возможности печатанья военных статей в литературных журна-

лах, и оказалось, что рассказ графа Толстого помог преодолеть цензуру в публикации сочинений о крымской кампании.

Очерк был прочтен Александром II, одобрен и по его приказу переведен на французский язык. Впоследствии “Севастополь в декабре месяце” был переведен на многие языки и получил одобрительные отклики иностранных литераторов.

В связи с тем, что очерк написан на крымском материале, он изобилует крымскими реалиями: Сапун-гора, Северная сторона, “тяжелая маджара” (крымская большая повозка), Графская пристань, Южная бухта, здания, бульвар, упоминаются корабли, принимавшие участие в Севастопольской кампании (“Великий князь Константин”) и т. д. Читатель проходит по городу и узнает улицы Севастополя. По рассказу можно с относительной точностью установить, где располагались те или иные батареи, госпиталь, русские войска.

Таким образом, рассказ, написанный на Крымской земле, в основу которого легли события Крымской войны, явился открытием для русской литературы. Несомненно, что ведущую роль в этом сыграло новое реалистическое описание войны во всем ее ужасе и безобразии, хотя в то же время писателю удалось показать высокий дух русского человека, солдата-патриота. В то же время это был первое в русской литературе произведение, где исчезает прежний романтический (пушкинский) и появляется новый реалистический (толстовский) Крым.

К моменту прибытия в Севастополь Толстой уже сделал первые значительные шаги в литературе. Но настоящая слава и признание его как писателя пришли только после опубликования в журнале “Современник” очерка “Севастополь в декабре месяце”. С этого первого рассказа севастопольского цикла по настоящему и началась творческая и духовная биография великого русского писателя Льва Толстого.

Литература

1. Бурнашева Н. И. Комментарии // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 100 т. — М., 2002. — Т. 2. Произведения. 1825–1856. — С. 277-595
2. Вениокова С. В. Герои Севастополя: Страницы творческой биографии Л. Н. Толстого. Пособие для учащихся. — М., 1979.
3. Дорошенко С. С. Лев Толстой — воин и патриот. Военная служба и военная деятельность. — М., 1966.
4. Островский А. Г. Воспоминания. Письма. Дневники... — М., 1999.
5. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 100 т. — М., 2002. — Т. 2. Произведения. 1825–1856.
6. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 т. — М., 1985. — Т. 21. Дневники.
7. Янковский Ю. З. Человек и война в творчестве Л. Н. Толстого. — Киев, 1978.

Статья поступила в редакцию 12 октября 2004 г.

УДК. 821.161.1

*И. М. Колтухова***ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ
ЭТИЧЕСКОЙ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ АВТОРА В СКАЗКЕ
Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ «ПРИНЦ С ЗОЛОТЫМИ ВОЛОСАМИ»**

В современных лингвистических, литературоведческих и, шире, культурологических исследованиях вопросы интертекстуальности, несомненно, относятся к числу активно обсуждаемых и весьма **актуальных**. Введенные в конце 1960-х годов французским семиотиком Ю. Кристевой термины «интертекст» и «интертекстуальность» используются чрезвычайно широко и вобрала в себя такие описательные названия, как влияния, источники, заимствования, традиции, следование образцу и многие другие. Как известно, однако, теория интертекстуальности в значительной степени была предвосхищена М. Бахтиным, который писал о необходимости исследования литературного произведения в историко-культурном контексте: «Прежде всего, литературоведение должно установить более твердую связь с историей культуры, ее нельзя понять вне целостного контекста всей культуры данной эпохи ... литературное произведение уходит своими корнями в далекое прошлое» [3, с. 502]. И. Арнольд в своей статье «Проблемы интертекстуальности» [1] обращает внимание прежде всего на такие маркеры интертекстуальности, как цитаты, аллюзии и целые вводные рассказы. Однако, кроме этих элементов, в круг исследований с позиций интертекста входят и многие другие. Так, Жерар Женетт [4] выделяет пять подтипов интертекстуальности, одним из которых является **архитекстуальность** — соотнесенность текста с определенным жанром.

Целью данной статьи является рассмотрение сказки Л. Петрушевской «Принц с золотыми волосами» на уровне взаимодействия некоторых элементов интертекста, включающих не только различные аллюзии и этнокультурные ассоциации, но и их образные функции, а также жанрово-типологические характеристики.

Литературная сказка всегда являлась очень мощным источником интертекста, поскольку в ней, в силу ее жанровой специфики, предполагающей связь с фольклорной и — глубже — мифологической основой, присутствует множество культурных пластов, происходит сложная трансформация традиционных элементов, что дает своеобразный эстетический эффект. В «Настоящих сказках» Л. Петрушевской сочетаются традиционность, поскольку автор всегда остается в рамках сюжетно-композиционной пропповской схемы (недостача или потеря, испытания героя и счастливый финал) с постмодернистской игрой множеством культурных ассоциаций, которые выражают неповторимость и сложность авторской эстетической и нравственной позиции.

Само заглавие сказки «Принц с золотыми волосами» уже содержит в себе ассоциации такого рода. Принцы и принцессы с золотыми волосами — герои

множества фольклорных и литературных сказок, золотые волосы, как правило, являются маркером их исключительности: они одарены и другими необычными качествами и удивительной судьбой. Сема «ценный», присутствующая в слове «золотой», в сказке Петрушевской обыгрывается многократно и неоднозначно.

Сюжет (оклеветанную юную королеву с младенцем изгоняют, но впоследствии ей удается соединиться с супругом, а сыну — обрести отца) восходит к множеству мифов и затем фольклорных волшебных сказок. Многочисленные вариации можно найти в европейских новеллах средних веков и эпохи Возрождения, а также в пушкинской «Сказке о царе Салтане».

В основе этой, как и многих других сказок Л. Петрушевской, по признанию автора, вначале лежала устная импровизация — сказка, рассказанная внучке:

«... я везла ребенка Аню через пол-Москвы, а Аня на всю семью славилась способностью исчезать.

— Аня, будешь сказку?

— (Хмуро.) Ну давай.

— Про что?

— Ой ... не знаю я. Сама, Люсь.

Она долго отнекивалась, а потом брякнула первое попавшееся: про принца с золотыми волосами. И мы покатали по Москве. Через час, у порога, после метро и троллейбуса, сказка была кончена, а Аня ни на секунду не отняла у меня своей прекрасной толстой шестилетней лапы, а сама все время хмуро смотрела перед собой, переживала» [8, с. 325].

Двуадресность литературной сказки (она обращена и к детям и к взрослым) в то же время соотносится с одним из основных постулатов эстетики постмодернизма: литературный текст отличается многоуровневостью, многослойностью, предназначен как для массовой, так и элитарной аудитории.

В традиционный сюжет автор вплетает множество аллюзий, как литературных, так и бытовых. И сочетание этих аллюзий порождает множество новых смыслов.

Тема исключительности главного персонажа соотносится с идеей сверхценности некой мифологизированной личности, столь любимой романтическим направлением в литературе. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в российской литературе эта тема активно разрабатывалась А. Грином. Наиболее отчетливые ассоциации возникают с романом «Блестящий мир», хотя присутствуют и другие параллели.

Однако у Петрушевской в сказочном пространстве наиболее отчетливо выступают прежде всего реалии советского и постсоветского быта, которые организуют ряд образов и мотивов.

Так обыгрывается традиционная для советской эпохи тема дефицита: гонец привозит с войны «в подарок юной королеве полкило апельсинов от мужа, трофей» [7, с. 139]. Однако типично бытовая ассоциация может быть подкреплена и литературной: в известной песне Булата Окуджавы «В поход на чужую стра-

ну собирался король» королева напутствует мужа словами: «Получше их бей, а не то прослывешь пацифистом, и пряников сладких отнять у врага не забудь». В качестве трофея «пряников целый мешок захватили они». (Этот образ работает одновременно и на детскую аудиторию, так как в глазах детей пряники и апельсины представляют несомненную ценность).

Героиня наделена чертами, совершенно не свойственными сказочным принцессам и королевам (она отнюдь не принцесса на горошине), — привычкой к труднейшим условиям жизни, к бедности, а также практичностью, присущей обитательницам коммуналок. Обнаружив, что какие-то волшебные существа, когда она ночевала с ребенком в пещере, отрезали у него прядь золотых волос, «она быстро смекнула, о чем идет речь, и сказала вслух:

— Если вы отрезали у моего сына три грамма золота, то по крайней мере дайте нам поесть!»

Интересно, что так и оставшиеся неизвестными таинственные существа («то ли белки, то ли зайцы») расплачиваются довольно скупой:

«Тут же из стены вывалился камень, и в образовавшейся дырке оказалась крошечная миска с горячим гороховым супом и в ней очень маленькая ложечка, как для соли»[7, с. 140].

В этой ситуации королева ведет себя еще и в полном соответствии с традицией, уходящей глубокими корнями в мифологию, а от нее в обряд инициации. В фольклорной сказке герой “в предварительном испытании должен выполнить просьбу или просто ласково, вежливо обойтись с встречными чудесными лицами” [6, с. 23]. «Королева поблагодарила пещерных жителей, белок или зайчиков, за горячий суп», то есть проявила предписанную традицией вежливость, но в дальнейшем «она не устраивалась спать в пещерах... Она резонно опасалась, как бы неведомые горные жители не обрили налысо ее ребенка за мисочку супа»[7, с. 141].

Таким образом, сказочный мотив осложняется. Героиня сказки не получает от таинственных обитателей пещеры волшебного дара и помощи, они оказываются слишком похожими на скарредных обывателей, не желающих переступать некоторые рамки законности, но и полностью лишёнными сказочного благородства и сказочной щедрости. В дальнейшем юная жена короля вынуждена опираться только на собственные силы, что является нарушением жанровой традиции волшебной сказки и при всей фантастичности ситуации сближает ее с реальностью. Акцент перемещается — помощи ожидать от волшебных сил вряд ли стоит, и всё внимание сосредотачивается на том, может ли в сказочном мире придти помощь от людей.

И в конце сказки радость юной королевы, когда она наконец находит своих родителей и обретает с ребенком **относительную** свободу (потому что опасность над ней еще нависает), — это очень узнаваемая радость обычной молодой женщины, постоянно страдающей от отсутствия денег и времени: «... побежала в лавку менялы, продала там один золотой волосок за кучу мелких монет, купила хлеба, сыра и молока — какое счастье было в первый раз в жизни бегать по магазинчикам и знать, что сынок не один!» [7, с. 151]

Однако прежде, чем героиня доберётся до счастливого финала, она сталкивается со множеством людей, которые на какое-то время оказываются вольны распоряжаться её судьбой и судьбой её чудесного ребёнка.

Тема советской бедности и дефицита переходит в тему более широкую — беспорядка, «беспредела», ставшего традицией воровства. Уборщица в цирке ворует и одновременно доносит на другую воровку, а в свое оправдание рассказывает «ужасающие истории о пропавшем муже, о том, как она одна воспитала троих детей, и теперь им всем надо носить в тюрьму передачи» [7, с. 147]. Внутренняя речь героини сливается с речью рассказчика: «... крадут, потому что ничего другого не умеют делать, не способны.

*А потом у них рождаются дети.
И приходится красть еще и для детей.
И считается, что красть для детей — это святое»*

[7, с. 147]

Так возникает и постепенно развивается мотив социальной среды и личной ответственности. И если классическая литература при очень высоком уровне нравственных требований к человеческой личности склонна была оправдывать нарушения этических норм невыносимыми социальными условиями, то авторская позиция Петрушевской намного сложнее.

Такого рода оправдание зла для нее абсолютно неприемлемо, и авторская ирония здесь беспощадна и доходит до гротеска. Пьяный тюремщик, охраняющий королеву с ребенком, **студент-заочник юридического факультета**, способный на любое преступление, абсолютно не сомневается в том, что со временем станет королевским судьей; для него это только должность, не накладывающая никаких нравственных обязательств. У Достоевского бывший студент-юрист Раскольников в своем бунте все же пытался найти нравственные оправдания своим поступкам и делал пусть неудачную попытку примирить совесть и преступление — «кровь по совести». А для этого персонажа сказки совесть, законность — абсолютно несуществующие понятия, говоря словами Ю. Домбровского, — «факультет ненужных вещей». Обвал в массовом нравственном сознании, произошедший за последние десятилетия, отражен здесь с потрясающей узнаваемостью. Целая генерация адвокатов, поставленная на службу различным мафиозным группировкам, оперирует статьями закона, но полностью лишена общечеловеческой и профессиональной этики.

Изображение жестокости и цинизма политических игр в борьбе за власть тоже, несомненно, навеяно современными реалиями. Восстание в защиту невинно страдающей королевы и ее сына готовится *«якобы от лица страдающего народа»*, но за всем этим стоит *«такой же заочник»*. В программу действий привычно включена эксплуатация чувства справедливости и стремления к осуществлению идеала: «Ваши кости вынут из львиной ямы вместе с костями других и соорудят мемориал...» [7, с. 150]. И в то же время эти события изображены, как вечная, повторяющаяся из столетия в столетие борьба за власть — неважно, кто ее ведет: враждебный героине «сын вдовствующей герцогини», на-

поминающий персонажей исторических романов и хроник, или «новые молодые люди, быстрые, в кожаных куртках» [7, с. 154].

Социальные потрясения выглядят примерно одинаково в любую эпоху: «А в городе происходил полный тарарам — партии боролись за королевский дворец, тюрьма стояла то настежь, то ее битком наполняли и запирали, и весь народ не работал, а добывал себе оружие и шатался в пьяном виде по улицам, иногда посылая автоматные очереди от живота и веером» [7, с. 152].

Судьба чудесного младенца оказывается связанной с социальными и политическими потрясениями, с проблемой возможности или, пожалуй, невозможности исторических перемен.

Многомерность художественного пространства текста, смысловые сцепления интертекстуальных элементов порождают особую смысловую направленность. Традиционные сказочные испытания протагонистов включаются во все более и более широкий контекст вечно современных нравственно-философских проблем. Темы «народ и толпа», «народ и истина», «отдельный человек и народ (толпа)» обрастают все большим количеством бытовых и культурных ассоциаций.

«Чудесный младенец» мифов и сказок, принц с золотыми волосами, различными персонажами воспринимается по-разному. В восприятии его гонителей, придворных дам («ткачихи с поварихой») он только *рыжий*, таким его видит и мать рыбака: «увидела утром очень красивую девушку с *рыжим младенцем* ... и немедленно выгнала их из дома». Традиционные для фольклора разных народов негативные представления о рыжих, как существах опасных, связанных с нечистой силой, и потому отвергаемых («рыжие сестры» в английском, «А что я, рыжий?» в русском языке — идиомы, означающие «нелюбимые, нежеланные») в сказке Петрушевской становятся маркером темного, злобного, косного мировосприятия. При этом речевые характеристики придворных дам и нищей рыбацки ничем практически не отличаются. Несобственно-прямая речь этих персонажей — грубое просторечие, объект авторской иронии:

«... ее вытолкали взащей вместе с пащенком из дворца ..., хорошо не казнили, сказали дамы».

«не хотела, чтобы сын женился на бабе с ребенком — известно, что не свой сын может вырасти бандитом... Она была мудрая.»

В традициях европейской и особенно русской литературы мифологизация народного сознания играла роль сюжетообразующего фактора. Фольклор нередко ассоциировался прежде всего с гуманностью народного мировосприятия (Платон Каратаев у Толстого говорил исключительно пословицами. И сострадание этого персонажа помогло Пьеру Безухову обрести гармонию с миром и людьми). У Петрушевской говорящие пословицами персонажи выступают не носителями народной мудрости, а выразителями косного и антигуманного мировоззрения. («Чёрного кобеля не отмоешь добела», — говорят придворные дамы о сыне королевы, принимая цвет его волос за доказательство адюльтера). Этим персонажам **не дано** видеть **золотые** в буквальном смысле волосы маленького принца.

Но и те, кому это дано, реагируют тоже неоднозначно. Рыбак видит золото не как драгоценный металл, не как объект купли-продажи, а как явление сверхъестественное. И о ребенке «с сиянием вокруг головы» он немедленно доносит в полицию, поскольку чудо для него — сигнал смертельной опасности. Как и недавнее появление человека с крыльями, оно вызывает прежде всего мысль о страшном суде и конце света и чревато бунтом, хотя это буквально «бунт на коленях». Человека с крыльями «... приняли за ангела, возвещающего страшный суд, и начали, не ожидая этого события, громко жаловаться на судей, полицейских и членов королевского совета и потом, плача и крестясь, поползли на коленях почему-то к городской управе» [7, с. 142]. Параллель с щедринскими глуповцами настолько явная, («А глуповцы стояли на коленях и ждали. Знали они, что бунтуют, но не стоять на коленях не могли») [9, с. 375], что не требует никаких комментариев.

Капитан корабля и директор цирка используют волшебное сияние золотых волос королевского сына в целях наживы. Смысловые сцепления, которые возникают в сцене циркового представления, «отсылают к знакомым кодам» и в то же время, по выражению Р. Барта, дают «их уникальное сочетание» [2, с. 212]. Ю. Лотман [5] писал о неизбежности диалога и полилога между текстами не только одной эпохи, и не только принадлежащими одному виду искусства, но далеко отнесенными друг от друга по временной, жанровой или иной шкале. И в приведенном ниже эпизоде, несомненно, присутствует связь с образом религиозного действия, церковной службы, представляющей синтез разных видов искусства: «... на королеву накидывали белую простынку, укрывавшую все ее лохмотья, а ребенка, наоборот, требовали раздеть догола — и в таком виде их транспортировали на повозке по коридору прямо в шапито, на арену, где музыка начинала играть как бы мессу (вступал аккордеон), королеве шепотом приказывали встать и нести (как бы) зрителям голого ребеночка, затем наступала полная тьма, и рыжий принц начинал по обыкновению лучиться светом, озаряя сиянием своих волос мать и часть повозки, и многие в публике начинали плакать и прижимать к себе своих детей» [7, с. 143].

Чудо, явление сверхъестественное и уникальное, представленное как развлекательное зрелище, заставляет вспомнить «Блистающий мир» Александра Грина. У Грина толпа, увидев летающего человека, в ужасе разбежалась. Оценить происходящее (и то лишь с узко эгоистических позиций) смогла только честолюбивая красавица Руна Бегуэм. Цинизм шоу, когда и музыка («месса»), и живописность зрелища (появление королевы должно было вызывать однозначную ассоциацию с «Сикстинской Мадонной») в том, что оно подается после танцев обезьян и шуток клоунов. Но, как ни странно, именно здесь происходит вспышка религиозного чувства: «В цирк начали стекаться совсем не те зрители ... не смеялись, не покупали мороженое, никому, идиоты, не хлопали, а только ждали момента, когда вывезут повозку с матерью и ребенком.

Тут они начинали тихо петь и плакать, а что это такое, когда тысяча человек тихо поет — это же волосы встают дыбом у администрации» [7, с. 144]. Тол-

па представлена противоречиво: это глубоко чувствующие и понимающие **подлинность** чудесного люди, взыскивающие истины, и тёмные религиозные фанатики, которые целуют доски слоновника, где содержатся мать и сын.

Ассоциации с “Блестящим миром” А. Грина весьма неоднозначны. С одной стороны, романтическое противопоставление героя и толпы у Грина ведёт к акцентированию неспособности последней понять и принять чудо, обещающее ей свободу духа. Второй полёт Друда, более успешно воздействующий на воображение людей, вызывает восторг столь же бессмысленный, как и дикая паника после первого его выступления. Нелепые суеверия и упования на технический прогресс — вот всё, что у Грина доступно людям толпы. У Петрушевской нет романтического презрения к толпе, однако есть доля пессимизма, основанного на весьма реальном историческом опыте. “Были построения в стройную **процессию на коленях** с попыткой вползти прямо на арену. <...> Полиция поставила своего человека, который скоро разбогател, разрешая некоторым целовать доски стен слоновника”.

Однако фраза, повествующая о шоке администрации при виде тихо поющей тысячной толпы, иронична прежде всего в отношении к бездушию власть предержащих и оттеняет искренность чувств незащитного народа. Люди толпы в учении Христа так и не восприняли его проповедь доброты, но увидели для себя надежду на спасение.

Тема толпы и спасителя обрастает ассоциациями, связанными с евангельскими эпизодами рождения Христа. Маленький принц и в цирке и в сарае окружен животными (ясли), может с ними общаться на их языке, и всё четвероногое население сарая отвечает ему глубокими поклонами. Волшебная путеводная звезда, которая напоминает Вифлеемскую звезду, спускается над городом все ниже и ниже, но за ней следуют не волхвы, а молодой король, отец принца. Звезду, оказывается, дал добрый волшебник. Таким образом, традиционное волшебное средство появляется в нужный момент для спасения героев, и это полностью соответствует законам сказочного жанра и обуславливает счастливый финал, который обязательно наступает после того как герои-протагонисты с честью прошли через все испытания.

В фольклорной волшебной сказке личное торжество героя — свадьба или обретение потерянной семьи — очень часто связывается с **всеобщим** торжеством, поскольку герои еще и **воцаряются** и в дальнейшем являют собой образец добродетельных монархов, а их воцарение гарантирует благоденствие народа. Сказка заканчивается **пиром на весь мир**.

Сказка Людмилы Петрушевской, в отличие от сказок Олеши «Три толстяка» и Габбе «Город мастеров», лишена социального оптимизма. Герои обретают счастье и «воцаряются» в собственном маленьком государстве, которое представляет собой квартиру в зеленом районе, а коронация юного принца происходит в детской («корону дедушка склеил из картона и обтянул ее серебряной бумагой из-под шоколадки»).

Герои отказываются от борьбы за власть, они спасены **чудом сказочным** и выжили благодаря чуду верности и любви. Даром любви обладают не только

главная героиня и ее муж, но и родители королевы (они «старенькие, сорока лет» и даже во сне держатся за руки).

Что же касается счастья народного, всеобщего, то оно представляется автору недостижимым. В сказочном пространстве современной литературной сказки бушуют стихии современного сложного и противоречивого мира, и проблемы этого мира являются вечными от его сотворения.

Народ в сказке Петрушевской в своей массе однозначно не является носителем нравственных ценностей, как это было характерно для литературы XIX века. Большинство озабочено не торжеством высоких идей, а сохранением своего маленького благополучия во время исторических катаклизмов: «везде гремели взрывы и ... в домике уже вылетела пара стекол, а ведь могли явиться и забрать все -- и корову и лошадь»[7, с. 152]. Но в хаотичном и непредсказуемом мире идея последнего страшного суда все-таки для множества людей связана с надеждой на избавление от страданий и является выражением вопреки всему жажды справедливости, хотя и выливается чаще всего в бунт. «бессмысленный и беспощадный»: «По этому поводу (появление на небе таинственной звезды) произошли сильные волнения, священник вышел к толпе и прочел проповедь о Содоме и Гоморре и пророчил, что безобразия будут наказаны»[7, с. 152]. Небольшая толпа людей на берегу **молча** смотрит на сияющую звезду, которая спускается все ниже и ниже. И поведение этого **безмолвствующего народа** непредсказуемо.

Авторская оценка поведения народа неоднозначна: это и горькая ирония, и глубокое сочувствие, и грусть.

В этом плане особенно интересным представляется значение древнего сказочного мотива. Золотые волосы младенца, подлинность которых так мало замечается большинством людей, кроме значения материальной стоимости имеют функцию эстетического символа: они **светятся** мягким неземным светом: «... и ночью в помещении было спокойно и радостно — из-за слабого сияния, исходящего от волос ребёнка...»[7, с. 144]. Красота этого сияния постоянно подчёркивается автором и выступает как знак главной ценности, неотделимой от бытия маленького принца. Сюжетно сказка Петрушевской далека от повести Экзюпери, однако не только цвет волос сближает героев этих произведений, но и мотивы любви, незащитности, всечеловечности.

Ассоциация с символикой христианской иконы (золотой цвет — символ бессмертия) не выпячивается напоказ именно потому, что жанр литературной сказки позволяет последовательно придерживаться простодушной интонации повествования. Мир этой сказки конкретно-наивен, и сопоставление, например, с названием книги Андрея Белого “Золото в лазури” может показаться всё же надуманностью, натяжкой. Христианская символика сложна, и Петрушевская не пытается эксплуатировать её в качестве готового ответа на все жизненные вопросы.

Однако и выражения типа “золотое сердце” слишком банальны, чтобы послужить для выражения идейного звучания этого произведения.

Выводы. Интертекстуальность в рассмотренном произведении служит прежде всего для создания полилога, позволяющего активизировать восприятие

взрослым читателем содержащихся в сказке нравственно-философских проблем. Сохраняя жанровые особенности сказочного повествования, удерживая его в определённых сюжетных рамках, автор обогащает традиционное действие ключевыми мотивами, выработанными художественной культурой Нового времени. Именно это обстоятельство придаёт повествованию остроту и актуальность. Этической проблематика разрешается в данном случае писательницей непосредственно через нахождение эстетически значимого символа, знаменующего бессмертие и непобедимость вечных гуманистических ценностей.

Литература

1. Арнольд И. В. Проблемы интертекстуальности. // Вестник СПбУ, Сер. 2, вып. 4.
2. Барт Ролан Избранные работы. Стилистика. Поэтика. — М., Прогресс, 1994 г.
3. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. — М.. Художественная литература, 1986 г.
4. Женетт Жерар Цит. по Chandler D. Semiotics for Beginners. — <http://www.aber.ac.uk/dgc/sem09.html>
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. — М., Искусство, 1970 г.
6. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. — М., 1994 г.
7. Петрушевская Л. Настоящие сказки. — М., Вагриус, 1999 г.
8. Петрушевская Л. Девятый том., ЭКСМО, М., 2003 г.
9. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 10 томах, т. 2, М., 1998 г.

Статья поступила в редакцию 22 октября 2004 г.

УДК 398.21 (477.75):908:81“271

Р. Н. Гусейнова

КРЫМСКИЕ ЛЕГЕНДЫ КАК ИСТОЧНИК

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Уникальность крымского феномена определяется, прежде всего, поликультурностью региона. Взаимосвязь народов и культур всегда имела для полуострова особое значение и не только потому, что с древнейших времен здесь переплетались судьбы многих народов. Главное, что начавшийся еще в древности полилог культур продолжается и сегодня. За полуостровом прочно закрепились термины “полиэтничность”, “поликультурность”, “поликонфессиональность”. В начале текущего 10-летия появляется термин “полилингвокультурность”, введенный и обоснованный профессором Г. Ю. Богданович [1]. Сегодня на территории Крымского полуострова, площадь которого едва достигает 26 тыс. км², проживает

свыше 110 представителей различных наций и народностей. И в связи с этим следует вспомнить, что в условиях полилингвокультурной ситуации этносы, функционирующие в общем пространстве, “обречены” на диалог, на взаимное обогащение и дополнение. Именно поэтому, учитывая полиэтничность крымского региона, так важно уделять должное внимание воспитанию уважения и толерантности к разноэтническим культурам и верованиям.

Актуальность проблемы

Межкультурное общение в полиэтничном обществе должно пониматься как равноправное культурное взаимодействие представителей различных этносов. И для многонационального Крымского полуострова, где издавна сосуществовали многие народы, это особенно актуально. Необходимо помнить, что на общественно-политическую ситуацию сегодняшнего Крыма влияют складывавшиеся долгое время межэтнические отношения. Дабы избежать непонимания и конфликтов, следует находить точки соприкосновения, что несложно сделать, учитывая общее прошлое народов, продолжающих сосуществовать в крымском регионе и на современном этапе его развития. Помощь в укреплении межкультурных связей может оказать рассмотрение и изучение местных легенд. Будучи продуктом коллективного творчества прошлых поколений, они способны донести до потомков систему мировоззренческих представлений об обществе и роли человека в нем.

Новизна исследования заключается в следующем:

- 1) обосновывается необходимость рассмотрения крымских легенд с учетом поликультурности региона;
- 2) предлагается линвокультурологический подход к вопросу изучения легенд, являющихся ценным краеведческим материалом.

Материалом исследования послужили тексты крымских легенд, собранные Н. А. Марксом и С. С. Крымом [8, 13, 14, 15].

Основные цели работы:

- 1) обосновать целесообразность рассмотрения местных легенд как источника историко-культурологических сведений о стране и регионе проживания;
- 2) определить и охарактеризовать особенности крымских легенд.

Смешение народов, языков и культур на относительно небольшом пространстве Крымского полуострова требует особого внимания к решению вопросов межкультурной коммуникации. Специфичность и различие культурных картин мира у разных народов зачастую становятся причиной непонимания. И в связи с этим следует избегать видения иного мира, мира другой культуры через собственное восприятие. Необходимо помнить, что культурная картина мира, являясь субъектно-объектной данностью, основывается, прежде всего, на представлениях собственного сознания. И только правильный подход к вопросам межкультурной коммуникации позволит избежать появления отрицательных стереотипов и, соответственно, возникновения конфликта культур [25].

Понимание новой культуры должно быть связано с определенными знаниями о ней. В условиях же поликультурного Крыма, где свой след оставили мно-

гие племена и народы, изучение “национальной”, отдельно взятой культуры невозможно без изучения исторического процесса и культуры полуострова в целом.

История Крыма — это история миграций народов, вносящих коренные изменения в этническую структуру населения региона. Удобное географическое расположение полуострова издавна привлекало к нему внимание. На протяжении сотен тысяч лет многие племена и народы сменили друг друга. Античность Крыма, как правило, связывают с киммерийцами, таврами, скифами, сарматами, греками, римлянами, аланами, готами, гуннами. Средневековые полуострова — это история Византии, праболгар, хазар, русов, печенегов, половцев, генуэзцев, греков, татар, армян [19]. Представители различных этносов, когда-либо функционировавшие на полуострове, вступая в процесс взаимодействия, играли свою роль в развитии Крымского региона.

Один из путей к пониманию исторических фактов и реалий полуострова открывают легенды. Отчасти этот материал уже рассматривался нами в предыдущей статье [3]. Именно легенда как жанр эпической фольклорной прозы является предметом данного исследования. Уже на начальном этапе работы исключительно важно сформировать четкое и ясное представление, отражающее значение понятия “легенда”, поэтому и возникает необходимость в рассмотрении семантического компонента этого слова. Следует отметить, что само слово многогранно, существует множество объяснений и определений этого термина. В качестве примера приведем некоторые из них:

Легенда, ж. лат. священное преданье, повѣрье о событіи, относящемся до церкви, вЪры; четія, четья; вообще, преданье о чудесном событіи [4].

Легенда, -ы, ж. 1. Поэтическое предание о каком-н. историческом событии. 2. перен. Вымысел, нечто невероятное [18].

Легенда, -ы, ж. 1. Основанное на устных преданиях, опозгизированное сказание об историческом или вымышленном лице, событии и т. п. 2. О чем-л. невероятном, о выдумке, вымысел [24].

Легенда [лат. *legenda* то, что должно быть прочитано]

1) первонач. — жизнеописание святого; впоследствии — предание, необыкновенная и недостоверная история, обычно связанная с каким-л. местом;

2) вымысел, выдумка, нечто невероятное [23].

Интересно, что переносный смысл слова “легенда” совпадает практически во всех перечисленных определениях и понимается как нечто невероятное, вымысел, выдумка.

И все-таки, что же такое легенда и какое из вышеупомянутых определений можно взять за основу?

Само слово *легенда*, заимствованное из средневековой латыни, не народно-го, а церковно-латинского происхождения. По определению В. Я. Проппа “Латинское *legenda* представляет собой множественное число причастия среднего рода, впоследствии неправильно воспринятое как слово единственного числа женского рода (буквальный перевод “то, что подлежит чтению”)” [20]. Возникнув в эпоху средневековья как название произведений, содержащих описа-

ние жизни святых, позже этот термин стал использоваться для обозначения фольклорного жанра.

Наиболее содержательным нам представляется объяснение легенды как опозитивированного, основанного на устных преданиях повествования об исторических или вымышленных лицах и событиях. Создание легенд можно объяснить стремлением человека к познанию самого себя и окружающего мира. В них своеобразно переплетены мифы и исторические факты, вымысел и элементы действительности.

Легенды имеют сходные характеристики с рядом фольклорных жанров, прежде всего с преданиями, сказками, быличками, духовными стихами [17]. Дабы избежать повторов при их сопоставлении, следует упомянуть об общих, присущих многим жанрам фольклора чертах, а именно: народность, краткость, простота, сходство тем, сюжетов, героев, поэтизация природы, изображение жизни народа, моральная оценка героев, вариативность.

Наиболее тесно с легендами соприкасаются предания. В народно-поэтическом творчестве под преданиями понимаются повествования, возникшие из рассказов очевидцев и содержащие сведения о реальных лицах и событиях. Между легендами и преданиями значительно больше общего, нежели различного. И не случайно С. И. Ожегов дает следующие определения этим понятиям: “Предание — Переходящий от поколения к поколению рассказ о былом, *легенда*; Легенда — Поэтическое *предание* о каком-н. историческом событии” [18]. Общими для этих фольклорных жанров чертами, не считая уже вышеупомянутых, являются малоэпизодность, прозаичность, несказочность и отсутствие устойчивой формы композиционного построения. Основная же отличительная черта преданий — реалистичность. В них обычно действуют реальные исторические личности и представлены реальные исторические события. А чудесное и сверхъестественное, так часто встречающееся в легендах, играет в преданиях лишь второстепенную роль.

Следующим смежным с легендой жанром признается сказка. Сказка — повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных сил [18]. Оба эти жанра объединяет прозаическая форма изложения и схожесть некоторых сюжетов, особенно фантастических. Но закрепившийся за легендой термин “несказочная фольклорная проза” [28] уже своим существованием предполагает наличие существенных отличительных особенностей в этих жанрах. Легенды, в отличие от сказок, малоэпизодны, не имеют сказочных присказок и словесных формулировок, например: (*В некотором царстве в некотором государстве, И я там был, мед, пиво пил...*), не обладают устойчивой композиционной структурой построения и характеризуются не столько развлекательным характером, сколько познавательностью и правоучительностью содержания.

Еще одним близким к легенде жанром считают былички. Быличками называют устные народные произведения суеверного характера, повествующие о нереальных событиях, но при этом как рассказчик, так и слушатель при-

дают им значение подлинных фактов [18]. Легенды и былички связывает прозаическая форма изложения, обращение к религиозным сюжетам, широкое использование сверхъестественных персонажей. Но, несмотря на общность некоторых характеристик, между ними наблюдаются и существенные отличия, позволяющие выделять легенды и былички в самостоятельные жанры фольклора. Легенды, имея более раннее происхождение, испытали на себе большее влияние письменности и поэтому представляют собой рассказы об отдаленном прошлом, в то время как былички, действующими лицами которых выступают демонические существа, являются рассказами о прошлом относительно недавнем. Кроме того, в быличках отводится особое место рассказчику, который приурочивает повествование “к самому себе, к собственному я” [28].

Легенды имеют сходные черты и с духовными стихами. Духовные стихи — старинные эпические и лирические народные песни религиозного содержания [18]. Возникшие под влиянием религиозной литературы, они бытовали главным образом в среде старообрядцев и сектантов. Как правило, духовные стихи обращаются к тем же сюжетам и персонажам, что и легенды, и их основной целью является не развлечение, а нравоучение. Главная же отличительная черта духовных стихов — стихотворная форма употребления — отделяет их не только от легенд, но и от остальных прозаических жанров фольклора. Таким образом, легенды имеют как общие, так и отличительные характеристики с рядом фольклорных жанров.

Существовавшие долгое время в устной форме крымские легенды стали записываться только в 19 веке. Насколько нам известно, впервые они были опубликованы В. Х. Кондараки (1834 – 1883) [6] и по замыслу автора должны были дополнить его многотомный труд “Универсальное описание Крыма” [7]. Но наиболее значимыми для нас являются крымские легенды, собранные Н. А. Марксом и С. С. Крымом. Никандр Александрович Маркс (1861 – 1921) провел детство в Восточном Крыму, селении Отузы (ныне Щebetовка). С юных лет он собирал легенды родного края и пронес это увлечение через всю жизнь. Отставной генерал, став профессором археологии, весь свой досуг посвящал их записи и литературной обработке. В 1913 и 1915 годах в Москве, а в 1917 году в Одессе были изданы три выпуска собранных им легенд с обстоятельным комментарием, имеющим и сегодня неоспоримую краеведческую ценность. Первые два сборника оформлены крымским художником, впуком выдающегося мариниста Айвазовского К. К. Арцеуловым. Интересно, что легенды из этих выпусков публиковались в газете “Утро России” за 1912 и 1913 годы [13, 14, 15], а впоследствии неоднократно включались в сборники других составителей. Особенно ценным, на наш взгляд, является факсимильное воспроизведение Симферопольским издательством “Таврида” трех выпусков “Легенд Крыма” Н. А. Маркса [13, 14, 15]. Во всех сборниках сохранены не только содержание и форма подачи легенд, но и оформление брошюр. К сожалению, в переиздании 3-й выпуск не содержит пояснений. Возможно, это связано с тем, что организаторы издательской акции использовали дефектный экземпляр оригинала.

Соломон Самойлович Крым (1867 – 1963) — уроженец Феодосии, караим по происхождению. Окончил Московский университет и Петро-Разумовскую сельскохозяйственную академию. Был членом Государственного Совета и Государственной Думы Российской империи, возглавлял Таврическое губернское Земство и правительство Крымской республики в годы гражданской войны. Соломон Самойлович был разносторонней личностью и успел сделать многое для экономики, образования и культуры Крымского региона. Он способствовал развитию садоводства и виноградарства края, участвовал в благотворительных фондах, финансировал археологические раскопки на полуострове и деятельность Карадагской научной станции. Но главным делом своей жизни считал создание университета в Крыму. Реализации этой идеи было отдано много времени, сил и личных средств. И хотя этого человека по праву можно назвать патриотом родного края, сегодня на Родине его имя предано забвению [21]. Уже в эмиграции, в 1925 году в Париже был издан сборник крымских легенд С. С. Крыма под названием “Крымскія легенды” [8].

При изучении легенд Крыма необходимо учитывать полилинвокультурную ситуацию полуострова. Рассмотренный материал позволяет говорить о существовании крымских легенд греческого, латинского, крымско-татарского, русского, армянского, крымчакского, караимского, немецкого, украинского, болгарского происхождений. Проведенный нами анализ показал, что наиболее широко в крымских печатных изданиях представлены греческие и крымско-татарские легенды [10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 22]. И это не случайно. Сложно переоценить роль этих двух народов в развитии Крымского региона.

Благодаря грекам, появившимся в Крыму в 8-7 вв. до н. э., ускорился процесс развития местных племен. Эллы принесли в этот тогда отдаленный от древних цивилизаций край не только элементы государства, но и высочайшую культуру. Именно им принадлежат первые письменные сведения о древней Таврике. Самое раннее упоминание о полуострове находим в известной поэме Гомера “Одиссея”:

*Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана;
Там киммериян печальная область, покрытая вечно
Влажным туманом и мглой облаков...*

(Перевод В. А. Жуковского) [27].

Именно так выглядело в глазах древних авторов Северное Причерноморье. А начиная с Геродота (V в. до н. э.), одного из величайших историков древности, Крым уже не сходит со страниц письменной истории. Четвертая книга его девятикнижной “Истории” почти полностью посвящена Северному Причерноморью. Кроме того, он является автором нескольких легенд о народах, населявших Крымский полуостров в древности: “Легенда о киммерийцах”, “Геракл и скифы”, “Геродот о происхождении савроматов”.

Татары на территории полуострова появились значительно позже. Следует вспомнить, что этноним “татары”, которым изначально называли представи-

телей монгольского племени, практически истребленного к н. 13 в., прочно укоренился в китайской традиции, где татарами именовали всех кочевников, несмотря на их принадлежность к различным этносам. И именно от китайцев он перешел к азиатам и европейцам, отождествлявшим завоевания кочевников с татарами. Процесс формирования крымскотатарского этноса завершился в 15 веке. Не менее четырех столетий, вплоть до присоединения Крыма к России (1783 г.), они оставались полноправными хозяевами крымской земли, что, безусловно, не могло не отразиться на исторических и культурных событиях полуострова [2].

Крымские легенды имеют ряд отличительных особенностей, на которых следует остановиться подробнее. Изученный материал позволяет говорить о четкой привязке легенд к конкретным районам, городам и местам Крыма. Так, часто в названиях выносятся сведения о территориальной принадлежности данной легенды, например: “Святая могила” (*отузская легенда*), “Султан-Сале” (*джанкойская легенда*), “Тихий звон” (*карадагская легенда*) [13, 14].

Неустойчивость текстов, обуславливающая импровизацию и, соответственно, вариативность, особенно ярко проявилась в крымских легендах “*Легенда об Аю-Даге*”; “*Камни Мать и Дочь*”; “*Молитва Гахама*”. Национальная пестрота полуострова помогает понять, почему одни и те же события интерпретируются различными народами, населявшими его, по-разному. Интересно, что вариативность встречается не только в содержании, но и в названиях крымских легенд: “*Живые скалы*” — “*Камни Мать и Дочь*”; “*Гордая Айше из Кыз-Кермена*” — “*Гора Айше*”; “*Легенда об Аю-Даге*” — “*Легенда о Медведь-Горе*”.

Как правило, легенды вообще и крымские в частности малоэпизодны, а чаще одноэпизодны, то есть сюжет не разворачивается в сложное повествование, а сосредоточен на одном или связи нескольких эпизодов. В сюжете всегда существует развязка и нередко как вывод приводится нравоучение: “*Не верьте, если вам скажут: нет Шайтана. Есть Аллах — есть Шайтан! Когда уходит свет, — приходит тень*” [13].

Очень часто в текстах крымских легенд прослеживается пересечение различных культур и вероисповеданий. Проиллюстрируем это утверждение примером из крымскотатарской легенды “*Письмо Магомету*”: “*Отчего такъ... у грековъ, когда есть жена, нельзя взять другую; у татаръ — можно? Отчего у однихъ людей одинъ закон, у другихъ — другой?*” [13]. Совершенно очевидно, что рядом с греками-христианами, где традиционная семья не предполагала наличия нескольких жен, проживали татары-мусульмане, у которых многоженство оправдывалось исламом.

Также обращается внимание на вкрапления в русский текст греческих, татарских, караимских и т. д. слов и выражений. “*Христос анэсти! (Христос воскресел!)*”; “*Элейсонъ имас кіріе! (помилуй нас)*” [14, 15] — греческие выражения. “*Сто чалгиджи (музыкант) и сто одно думбало (большой барабан) услаждали слухъ*”; “*Когда кызъ-буллаги (источник девушек) открылся...*” [14] — татарские. “*Сбз сэнинь, баш, буйур пашым! (Слово твое, головы наши, приказывай, о,*

паша!)”; “В мгновение ока очутился возле *кичик-къану* (*малые ворота*)” [8] — караимские.

Сюжеты крымских легенд могут базироваться как на реальных, так и на допустимо возможных фактах. Так, в легенде “Окаменелый корабль” повествуется о Святой Варваре, девушке-сирийке, спасавшейся в горах Крыма от преследований отца-язычника после принятия ею христианства. В основе сюжета лежат исторические корни [5], но Святая Варвара, в действительности бежавшая от отца-иноверца, никогда не была в Крыму. Возможно, имя мученицы было так популярно среди крымских горцев, что связанные с ней события переносятся на территорию Крымского полуострова, в регион их проживания.

Очень часто герой легенды имеет прообраз в реальной жизни. Например, героиня “Сказания о Джаньке из Кырк-Ора”, представленная в легенде юной невольницей Тохтамышша, в действительности была законной дочерью золотоордынского хана. О ней сохранилась память как о народной героине и освободительнице родного Кырк-Ора [26].

Таким образом, особенностями крымских легенд являются четкая привязка к местности, вкрапления национальных слов и выражений в русский текст, наличие прообраза героя в реальной жизни, пересечение различных культур, малопригодность, вариативность, изложение как реальных, так и допустимо возможных фактов.

Выводы

1. Рассмотрение особенностей крымских легенд, определенных полиэтничностью региона, способствует формированию правильного понимания и отношения к современной ситуации в Крыму.

2. Ознакомление с местными легендами способно помочь воспитанию уважения к национальным ценностям разноэтнических культур, а значит, развитию добрососедских отношений между этносами, функционирующими на полуострове.

Литература

1. Богданович Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии. — Симферополь: Доля, 2002. — 392 с.
2. Герцен А. Г. Крымские татары / От киммерийцев до крымчаков (народы Крыма с древнейших времен до конца 18 в.). — Симферополь: Таврия-Плюс, 2004. — С. 169-179.
3. Гусейнова Р. Н. Использование текстов крымских легенд в практике преподавания русского языка как неродного / Ученые записки ТНУ. — т. 16(55).- №1. — Симферополь, 2004. — С. 140-147.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1978-1980. — т. 12. — С. 242.
5. Житие и страдание Святой Великомученицы Варвары. — М., 1995. — 32 с.
6. Кондараки В. Легенды Крыма. — М., 1883.
7. Кондараки В. Универсальное описание Крыма. — Николаев. тип. Краевского, 1873. — т. 1. — 253 с.

8. Крымскія легенды / сост. С. С. Крымъ. — Париж, 1925. — 66 с.
9. Легенды и предания Крыма / редактор-составитель А. Е. Тархов. — Симферополь: ИД “Квадранал”, 2003. — 416 с.
10. Легенды и предания Крымских караимов / сост. Тирияки В. З. — Евпатория, 2002. — 82 с.
11. Легенды Крыма / сост. Литвинова Е. М. — Симферополь: “Рубин”, 2002. — 352с.
12. Легенды Крыма / сост. М. С. Филатова. — Симферополь, 1997.
13. Легенды Крыма / сост. Н. А. Маркс. — вып.1.- М., 1913. — 40 с.
14. Легенды Крыма / сост. Н. А. Маркс. — вып.2.- М., 1915. — 48 с.
15. Легенды Крыма / сост. Н. А. Маркс. — вып.3.- Одесса, 1917. — 40 с.
16. Легенды Крыма. — Симферополь: “Рубин” Ч. П. Бинькин М. Б., 2002. — 352 с.
17. Морохин В. Н. Прозаические жанры русского фольклора. — М., 1983. — С. 164.
18. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Шведовой Н. Ю. — М.: Русский язык, 1988. — 20-е изд. — С. 258.
19. От киммерийцев до крымчаков (народы Крыма с древнейших времен до конца 18 в.). — Симферополь: Таврия-Плюс, 2004.
20. Пропп В. Я. Русская сказка (собрание трудов В. Я. Проппа). — изд. Лабиринт. — М., 2000. — С. 38.
21. Сигаева Г. В. Современная историография истории крымских караимов / Ученые записки СГУ. — №8 (47). — Симферополь, 1998. — С. 35-41.
22. Сказки и легенды крымских татар / сост. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. — Симферополь, 1991. — С. 73-148.
23. Словарь иностранных слов. — М.: Русский язык, 1979. — 7-е изд. — С. 280.
24. Словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1982. — т. 2. — 2-е изд. испр. и доп. — С. 168.
25. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2000
26. Фадеева Т. М. Тайны горного Крыма. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2003. — С. 101.
27. Храпунов И. Н. Древняя история Крыма. — Симферополь: Сонат, 2003. — С. 48, 63, 111.
28. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII – XIX вв. — М., 1967.

Статья поступила в редакцию 27 сентября 2004 г.

УДК 82-84/82-92

Ю. А. Мельник

ТРАНСФОРМИРОВАНИЕ ПЕСЕННЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Предметом нашего исследования являются прецедентные высказывания (ПВ), восходящие к текстам песен, и способы их трансформирования в современном публицистическом дискурсе. Под **прецедентным высказыванием**, вслед за Д. Б. Гудковым, мы понимаем “репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченную и самодостаточную единицу, которая может быть или не быть предикативной. Это сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: последний всегда “шире” простой суммы значений. В когнитивную базу входит само ПВ как таковое и сумма его значений-смыслов. ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей русского ментально-лингвального комплекса” [23, с. 17-18]. (Данный комплекс представлен тремя ипостасями: мышлением, сознанием и языком. Будучи ипостасями единого, названные объекты единосущны, неслиянны и в то же время нераздельны” [19, с. 19]). К числу ПВ принадлежат цитаты, а именно: 1) собственно цитата в традиционном понимании (как фрагмент текста); 2) название произведения; 3) полное воспроизведение текста, представленного одним или несколькими высказываниями.

На наш взгляд, данное исследование обладает высокой практической значимостью, поскольку в процессе обучения русскому языку как иностранному (РКИ) немаловажная роль отводится работе с текстами современной публицистики. Такая работа позволяет студентам легче и быстрее овладеть русским языком XXI века, а также постичь мировидение его носителей. Другими словами, изучение и анализ этих текстов крайне важны для развития коммуникативной и культурной компетенции инофонов. Но их адекватное понимание затруднено именно в силу того, что в последнее время язык публицистики стал более “зашифрованным”, чрезвычайно насыщенным ПВ, а следовательно, ориентированным на культурно грамотного читателя.

Изучению ПВ в целом посвящены работы таких ученых, как Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева, Л. П. Дядечко, Т. А. Яценко, Е. О. Наумова, Г. П. Джинджолия, Н. С. Валгина, Г. Г. Слышкин, Л. А. Гладышева и др. ПВ песенного происхождения описаны в работах О. Г. Сальниковой и С. Г. Шулежковой.

Цель нашей работы: описать способы трансформирования песенных ПВ в современном публицистическом дискурсе.

Материалом для исследования послужили такие издания: “Аргументы и Факты в Украине”, “Аргументы и Факты”, “Зеркало недели”, “Комсомольская правда в Украине”, “Крымская правда”, “Киевские ведомости”, “Телемир”

“Теленеделя”, “Известия”, “Русский мир”, “Собеседник”, “Литературная газета” и др. за 2001-2004 годы.

Новизна исследования заключается в том, что в качестве его предмета мы избрали тип ПВ, изученный в меньшей степени, чем другие. Между тем, проанализированный нами материал позволяет сделать предварительный вывод о том, что такой вид источников, как тексты песен, занимает значительное место по частотности — 31% от общего количества проанализированных случаев (690).

ПВ так же, как и прецедентный текст (ПТ), прецедентное имя (ПИ), прецедентная ситуация (ПС), относится к числу прецедентных феноменов. Данное понятие было введено Д. Б. Гудковым. По словам исследователя, такие феномены “широко функционируют в дискурсивных практиках различных типов. При этом они, как правило, слабо известны инофонам, что приводит к непониманию или к их неверной интерпретации” [5, с. 252]. Причину такой “неосведомленности” объяснить достаточно просто: дело в том, что ПФ определяют специфику русской картины мира и ее отражения в языке и осваиваются русскими на первом этапе социализации — вхождения ребенка в русскую культуру. ПФ являются носителями культурной информации, и преподаватели РКИ должны уделить особое внимание разработке конкретных лингвометодических приемов их презентации иностранным студентам. Изучение ПФ является важным и вследствие их так называемой “аксиологичности”: “Пантеон ПФ, с одной стороны, отражает шкалу ценностных ориентаций лингво-культурного сообщества, а с другой, — обуславливает ее, детерминируя тем самым модели социального поведения в рамках данного сообщества” [5, с. 253]. Все ПФ тесно взаимосвязаны. Например, в речи ПВ выступают, как правило, в роли символа ПТ, т. е. при употреблении прецедентного высказывания в сознании адресата моментально актуализируется инвариант восприятия текста-источника. По мнению авторов книги “Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь”, такие тексты “образуют прототексты национальной культуры, тот фундамент, на котором основываются все другие тексты (даже споря с ними и отрицая их). Корпус ПТ принадлежит своего рода метауровню, к которому обращается при восприятии и порождении текста практически любой носитель культуры. Они во многом задают границы и основные векторы развития национального культурного пространства” [23, с. 29]. Таким образом, вполне понятно, что без знания этих текстов невозможно адекватно и полноценно понимать не только тексты той или иной культуры, обнаруживать их взаимные связи, но и понимать саму культуру.

Как уже было сказано, ПТ (а точнее инвариант его восприятия) актуализируется при употреблении ПВ, т. е. происходит так называемая “экфория” — оживление накопленного опыта по одной детали [цит. по 12, с. 76]. В своих предыдущих работах мы уже говорили о большом количестве терминов, существующих для обозначения рассматриваемого нами явления [16, с. 348; 17, с. 84]. Термин, предложенный Д. Б. Гудковым, мы предпочли потому, что он явно указывает на основной признак исследуемого типа высказываний — “прецедентность”, т. е. на известность этого явления всем представителям национально-

го (в данном случае русского) лингво-культурного сообщества. Данный термин был изначально введен В. Г. Костомаровым и Н. Д. Бурвиковой и в их понимании охватывает единицы, полученные в результате текстовой редукции. Другими словами, за основу при определении понятия ПВ берется критерий свертывания текста до отдельного слова, словосочетания или фразы, которые “аккумулируют прецедентность этого текста”, являясь его символом (1), или отрываются от текста-источника в силу универсальности своего содержания (2), или опираются на конкретную ситуацию, имея исторического автора (3) [цит. по 23, с. 31]. У этих современных идей есть свои истоки. Так, А. А. Потёбня писал о “сгущении мысли”, при котором смысл целого текста находит свое выражение в одном изречении [22, с. 91]. В. В. Виноградов говорил о литературной цитате, которая действует “на фоне представления того целого, из которого она извлечена. В этом случае цитата как бы замещает или концентрирует сложный образ, воплощенный в художественном произведении” [4, с. 231-232]. Мысль о конденсации в “крылатых выражениях” сложных образов высказали также Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина: “Представляя собой лаконические формулировки идей и представлений, конденсируя сложные образы, они вызывают в нашем сознании ряд ассоциаций” [1, с. 5]. С. И. Ожегов, рассуждая о значении крылатых слов как особой выразительной категории в речи, писал о том, что каждое выражение обладает индивидуальностью и смысловой насыщенностью, неотделимой от ассоциаций с контекстом произведения, с исторической эпохой, породившей выражение, с печатью “авторства” [20, с. 126].

ПВ вместе с другими ПФ принимает участие в построении **когнитивной базы**, которая представляет собой ядро национального культурного пространства. Данное пространство определяется как информационно-эмоциональное (“этническое”) поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится “ощутимым” при столкновении с явлениями иной культуры. Что же касается **когнитивной базы**, то под ней понимается “определенным образом структурированная совокупность знаний и национально маркированных и культурно детерминированных представлений, необходимо обязательных для всех представителей национального лингво-культурного сообщества” [23, с. 11], см. также [6, с. 249; 14, с. 62; 7, с. 42; 8, с. 98].

Успешная коммуникация на изучаемом языке возможна лишь в том случае, если инофон владеет хотя бы ядерными элементами соответствующей когнитивной базы. Существенную помощь в усвоении этих элементов оказывает работа с современными публицистическими текстами. Но, используя их в качестве учебного материала, преподаватели РКИ должны учитывать изменения, произошедшие в языке за последнее десятилетие. Как известно, в мировом сообществе этот период ознаменовался важными общественно-политическими и социально-экономическими преобразованиями. В бывшем СССР упоминаемые процессы протекали особенно стремительно и болезненно, завершившись одномоментным сломом не только общественной формации, но и мировоззренческих ориентиров.

Естественно, кардинальное изменение экстралингвистических факторов повлекло за собой ускоренную динамику в развитии языковой ситуации. При этом в языке отразилась демократизация общественных и межличностных отношений. А, как мы знаем, только газета незамедлительно реагирует на происходящие события, фиксирует и доносит до читателей все новое, что имеет место в языке. И, таким образом, газета играет важную роль в жизни общества, являясь, как и другие СМИ, определяющей сферой его культуры. Демократизация, свобода личности, снятие многих запретов, существенно повлияли на состояние публицистического дискурса: авторы текстов стремятся к свободе, желают говорить не так, как это делали ранее, то есть занимаются речевым творчеством. (Таким образом, на передний план стали выходить личные речевые пристрастия участников коммуникации.) Это творчество реализуется и в применении ПВ. Возросшая частотность их использования напрямую связана с такими особенностями мировоззрения современного представителя русского лингво-культурного сообщества, как, с одной стороны, тяготение к стандартам и, с другой, стремление к ироническому и недоверчивому восприятию действительности. Включая в свой, оригинальный, текст элементы чужого текста, журналист повышает словесную изобразительность, создаваемого им “произведения”. По мнению Н. С. Валгинсй, “расцвеченный узнаваемыми образами текст привлекает ассоциативными связями, оригинальными вкраплениями” [3, с. 15].

В связи с этим весьма существенной для нашего исследования является теория **интертекстуальности**. Этим понятием впервые начали пользоваться сторонники постструктуральной научной парадигмы: Р. Барт, Ж. Деррида, М. Фуко и др. Сам термин был введен в научный обиход Ю. Кристевой для обозначения лингвистических связей любого текста с другими текстами [см. прозрачную внутреннюю форму термина (лат. Inter [приставка] — “между”, лат. Intertextum [форма супина] — “вплетенное внутрь”) [30]. Постструктуралисты объявили “интертекстом” всю культуру человечества, служащую своего рода пред-текстом любого вновь создаваемого текста. Каноническую формулировку концепции интертекста представил Р. Барт: “Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста, интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек” [29, с. 78]. Следствием полной ассимиляции культуры с интертекстом и представления текстов как состоящих исключительно из набора интертекстуальностей стало обезличивание авторского творчества. Ю. Кристева написала о “депер-

сонализированном производстве” текстов, М. Фуко заявил о “смерти субъекта”, Р. Барт объявил “смерть” автора, читателя и индивидуального текста [цит. по 25, с. 52]. Теория интертекстуальности имеет непосредственное отношение к предмету нашего исследования, поскольку природа и функциональная значимость ПВ базируется именно на межтекстовом взаимодействии, на возможности языковой личности при порождении собственных речевых произведений обращаться к “чужому слову”. На наш взгляд, данная теория является очень интересной, однако мы сами не склоняемся к такому широкому пониманию интертекстуальности.

Обращение к “чужому слову” стало одной из ведущих особенностей развития литературного процесса конца XX — начала XXI века и в первую очередь проявилось в литературе “массового” характера, см., например, романы Д. Донцово́й (наблюдение И. А. Гуловой — [9]). Современная публицистика активно поддержала эту новую традицию. Почему ПВ стали настолько популярными именно в этой дискурсивной практике? Ответ необычайно прост: ПВ изначально в силу своей структуры и функциональных особенностей ориентированы прежде всего не на передачу некоторой информации, а на эмоции адресата.

Чтобы воздействовать на эти эмоции, журналисты как раз и применяют ПВ. Эффект воздействия на читателя многократно усиливается за счет трансформирования ПВ (другие термины, существующие для обозначения такого способа оперирования ПВ, см. в [16, с. 349; 17, с. 85]). Случаи, когда ПВ выступают не в исходном, а в трансформированном виде, представляют серьезные трудности для иностранных студентов, так как коммуникативная связь трансформации с первичным культурным источником и конкретным фоном требует совершения огромной аналитической работы. Для того, чтобы понять модифицированное ПВ, инофон должен владеть семантикой исходного высказывания, что само по себе достаточно сложно, поскольку ПВ чаще всего обладает тремя уровнями значений:

- 1) поверхностным значением, которое равно сумме значений компонентов высказывания;
- 2) глубинным значением, которое представляет собой семантический результат сочетания компонентов ПВ, формирующих его лексико-грамматическую структуру;
- 3) системным смыслом, представляющим собой “сумму” глубинного значения (при наличии такового) и знания прецедентного феномена (ПТ, ПС) и связанных с ним коннотаций [23, с. 33], см. также [14, с. 69]. Коммуникативные неудачи происходят, как правило, из-за того, что инофоны даже при высоком уровне владения языком принимают во внимание лишь поверхностное значение ПВ.

Как уже было сказано ранее, наибольший исследовательский интерес у нас вызвали ПВ, источниками которых являются тексты песен. И это вполне объяснимо: песня обладает необычайной силой воздействия — за счет слияния текста и музыки; песня как жанр необычайно тесно связана с жизнью, в ней отра-

жается культурный, исторический опыт народа; по песням, так же как и по литературным произведениям, “судят о государстве, о людях, о времени” [28, с. 4]. Особенно показательны в этом смысле песни советского периода, тексты которых, можно сказать, обладали сакральным статусом. В последнее время, вследствие ценностной переориентации, они стали подвергаться переосмыслению. Нам встретился такой пример: “*Мой унитаз, вперед лети!*” [заголовок к заметке о гонках на передвижных биотуалетах] (“Телнеделя”, №45, 2003 г.). Исходная форма ПВ: “*Наш паровоз, вперед лети!*” Источником является песня “Наш паровоз” (сл. А. Красного (Спивака) и Б. Скорбина, муз. П. Зубакова, 1922) [21, с. 37]. Мы исследуем этот случай, поскольку образ паровоза обладал в советскую эпоху довольно большой значимостью. Ср. известное выражение “Революция — паровоз (локомотив) истории” — цитату из статьи К. Маркса “Последствия 13 июня 1849 года” из цикла “Классовая борьба во Франции” [18, с. 318]. С этим выражением как раз и перекликается приведенное нами ПВ. В приведенном примере замена высокого слова “низким” и помещение в соответствующий контекст явно реализует интенцию десакрализации ПВ. Как раз в подобном переосмыслении, по мнению И. А. Гуловой, и состоит специфика современного использования чужого текста [9, с. 90]. Ключом к пониманию этого процесса, на наш взгляд, может служить понятие **карнавализации**, введенное М. М. Бахтиным (сам термин восходит к слову “карнавал” [франц. *carnaval*, итал. *carnevale*, вероятно, от лат. *carrus navalis* — потешная колесница, корабль праздничных процессий]). “Карнавальная смех — амбивалентный смех, охватывающий оба противоположных полюса явления, когда хвала оборачивается бранью, поношением, “верх” переходит в “низ” и наоборот, и разрушающий иерархическое представление о мире” [2]. В этом случае речь идет о жизнерадостном (“смеховом”) неприятии народом всякой обособившейся от него и застывшей официальной правды. Естественно, сакральный текст, подвергнутый карнавализации, утрачивает свой особый статус. Интересно, что существуют и противоположные точки зрения: например, А. Я. Гуревич пишет о том, что “сакральное не ставится смехом под сомнение, оно упрочивается смеховым началом, которое является его двойником и спутником, его постоянно звучащим эхом” [10, с. 327]. Карнавализация существовала всегда, что же касается современности, то нужно говорить об усилении карнавального начала как в художественной литературе, так и в публицистике. Такое усиление можно объяснить спецификой эпохи, когда перемены в общественной жизни привели к изменениям в психологической установке масс, пользующихся русским языком, в их языковом вкусе и чутье языка. Следствиями этого стали раскрепощенность, раскованность, большая свобода в выборе содержания и формы и, наконец, ерничество, как преднамеренное высмеивание чего-либо.

Рассмотрим другие случаи применения ПВ, восходящих к текстам советских песен. В качестве источников ПВ выступают не только известные произведения первых революционных лет, но и те песни, которые стали популярными в годы Великой Отечественной войны. Интересно, что многие из них были написаны еще до этого исторического события. Это такие песни, как “Священная

война”, “Катюша” и “Смуглянка”. Обратим внимание на такой пример: *“Идет война народная, священная война!”* [подзаголовок к статье о том, как крестьяне пытались защищать свои права на землю] (“Комсомольская правда”, №125, 2004 г.). Данное ПВ употреблено в исходном виде и в своем первом значении, зафиксированном в пособии Л. П. Дядечко [11, с. 95]; то есть речь идет о непрекращающейся и справедливой борьбе. Источником приведенного ПВ служит текст песни “Священная война” (сл. В. Лебедева-Кумача, муз. А. Александрова, 1941). Эта песня стала музыкальным символом трудных лет Великой Отечественной войны, хотя по некоторым версиям ее текст был написан гораздо раньше, еще в 1916 году, и максимально “отвечал” требованиям того времени; так, в нем были слова: “С тевтонской силой черною, с тевтонскою ордой”. Автором песни был рыбинский учитель А. А. Бодя. В 1941 году, будучи русским немцем по национальности и не имея поэтому шансов донести песню до слушателей, он подарил ее В. Лебедеву-Кумачу (см. об этом “Комсомольская правда в Украине”, №139, 2003 г.).

Не менее интересен такой случай: *“Там смуглянка-китайка собирает каучук”* [подзаголовок к статье; речь идет о том, как в 1953 году молодая китаянка, собиравшая каучук, встретила с гигантской обезьяной] (“Теленеделя”, №14, 2004 г.). Источником ПВ *“Там смуглянка-молдаванка собирала виноград”* является текст песни “Смуглянка” (сл. Я. Шведова, муз. А. Новикова, 1940). Данная песня была частью сюиты, в которой воспевалась девушка-партизанка времен гражданской войны. Само произведение посвящалось Г. И. Котовскому. В исследуемом нами случае имеет место замена двух лексических компонентов. Осуществив такую трансформацию, журналист приспособил ПВ для характеристики заинтересовавшего его факта внеязыковой действительности. С той же целью автор публицистического текста подверг трансформации цитату из песни “Катюша” (сл. М. Исаковского, муз. М. Блантера, 1938) [11, с. 141]: *“Выходила в четвертьфинал Катюша...”* [заголовок к заметке о том, что украинская теннисистка Е. Бондаренко вышла в четвертьфинал Открытого чемпионата США среди юниоров] (“Московский комсомолец в Украине”, №37, 2003 г.). Здесь также была произведена замена двух лексических компонентов.

Многие песни, тексты которых проявляют себя как источники ПВ, впервые прозвучали в художественных фильмах, что в немалой степени способствовало их популяризации. Некоторые из них обогатили русскую когнитивную базу не одним, а несколькими ПВ. В частности, так можно сказать о песне “За того парня” (сл. Р. Рождественского, муз. М. Фрадкина из к/ф. “Минута молчания” (к/ст. им. М. Горького), 1971). Проанализируем следующий пример: *“Кими Раякконену [финскому автогонщику]... пришлось отработать на дистанции “за себя и за того парня”.* (“Киевские ведомости”, 25.03.03). Данное ПВ употреблено в исходной форме и в одном из своих обычных значений: “делать что-либо за себя и за другого” [11, с. 82]. В публицистическом тексте речь шла о том, что автогонщику пришлось проехать не только свою дистанцию, но и дистанцию соперника. См. другие случаи подобного применения ПВ: *“В тех случаях, когда Нагиеву не удастся сыграть за себя и за того парня, он собирает-*

ся привлекать к работе над сериалом других актеров”. [из заметки об актере Д. Нагиеве] (“Телнеделя”, №13, 2004 г.); “*Ольга Герасимьюк ведет программу за себя и за того парня*”. [Подпись под фото к статье о ток-шоу “Хочу и буду”] (“Телнеделя”, №5, 2004 г.); “*Не стоит топтать (г. е. “есть”) за себя и за того парня — съешьте немного, но чего-нибудь вкусенького*”. [из статьи о том, что бороться с депрессией можно с помощью правильного питания] (“Телнеделя”, №49, 2003 г.) В первом из приведенных примеров журналист сделал акцент на том, что актер попал в такую ситуацию, когда ему придется выполнять не только свою работу, но и обязанности своего бывшего партнера (артиста Ю. Роста). Во втором примере автор публицистического текста пишет о подобном случае — О. Герасимьюк ведет программу одна, хотя раньше у нее тоже был партнер (ди-джей Паша). Своеобразие третьего примера заключается в том, что имеет место связь с выражением “есть за двоих” (естественно, здесь не указывается, за кого еще, кроме себя, “не стоит” производить соответствующее действие).

Теперь рассмотрим случай, где в качестве ПВ функционирует название упомянутой песни: “*За того парня*” [заголовок заметки об успехах отечественных и зарубежных хоккеистов и о том, что главный герой недели — российский форвард И. Ковальчук] (“Киевские ведомости”, 25.10.03). Здесь ПВ помещено в неожиданный контекст. Результатом стало изменение в семантике — ПВ напоминает либо тост, либо лозунг болельщика.

К тексту песни “За того парня” восходит и ПВ “*Что-то с памятью моей стало...*”, которое употребляется, если речь идет о забывчивости (шутл., ирон.). Именно в таком значении употреблено ПВ в следующем случае: “*Борис Моисеев: что-то с памятью моей стало...*” [в тексте говорится о том, как певец, будучи пьяным, забыл в магазине свою сумку] (“Телнеделя”, №4, 2004 г.)

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующие **выводы**:

1) Такой вид источников ПВ, как тексты песен, занимает значительное место по частотности — 31% от общего количества проанализированных случаев (690).

2) Применение ПВ в современных публицистических текстах очень часто сопровождается модификацией их формы. Так, из 216 проанализированных случаев функционирования песенных ПВ в исходном виде употреблены только 84 ПВ (39%), остальные же — 132 ПВ (61%) подверглись различного рода трансформациям.

3) Трансформирование нередко приводит к снижению исходного текста; в особенности это касается цитат из песен советского периода, ранее обладавших сакральным статусом. Ключом к пониманию этого явления может служить понятие карнавализации, введенное М. М. Бахтиным.

4) Оба способа применения ПВ требуют от учащих высокой культурной грамотности, поскольку они тесно связаны друг с другом: для того, чтобы заметить в тексте модифицированное ПВ и воспринять его экспрессивный заряд, необходимо знать исходную форму этого ПВ и владеть его семантикой (что само по себе достаточно тяжело, так как в большинстве случаев ПВ обладают тре-

мя уровнями значений). Именно поэтому преподавателям РКИ следует уделить особое внимание поиску приемов презентации, закрепления и активизации этих национально-специфичных единиц русского дискурса.

В качестве ближайшей **перспективы** нашего исследования мы выдвигаем выработку принципов систематизации и классификации наиболее частотных прецедентных высказываний.

Литература

1. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. — М., 1987. — 158 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975.
3. Валгина Н. С. Текст в тексте // Слово и контекст: Филологический сборник к 75-летию Н. С. Валгиной / Моск. гос. ун-т печати. — М.: МГУП, 2002. — 202с., С. 7-20.
4. Виноградов В. В. О задачах истории русского литературного языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1945. Вып. 3.
5. Гудков Д. Б. К вопросу о словаре прецедентных феноменов // Культурные словари во фразеологизмах и дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 344с., С. 251-259.
6. Гудков Д. Б. Межкультурная коммуникация. Лекционный курс для студентов РКИ. — М.: Изд-во МГУ, 2000. — 120 с.
7. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. — М., ИТДГК “Гнозис”, 2003. — 288 с.
8. Гудков Д. Б., Клобукова Л. П., Михалкина И. В. Обучение русскому языку как иностранному в условиях современного социального контекста общения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — №6. Изд-во Московского университета, 2001, С. 244-257.
9. Гулова И. А. От трагического до смешного один шаг? (интертекстуальность в “массовой” литературе) // X Международная конференция по функциональной лингвистике “Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации” Сб. научных докладов. Ялта 29 сентября — 4 октября 2003 г. / Отв. ред. Рудяков А. Н. — Симферополь, 2003, С. 90-91.
10. Гуревич А. Я. К истории гротеска. “Верх” и “низ” в ср. — вэж. лат. литературе // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 34, 1975, №4.
11. Дядечко Л. П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова — крилаті слова (материалы для словаря): Учебное пособие. — Ч. 2: Д — Л. — К., 2001. — 199 с.
12. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. — СПб: Златоуст, 1999. — 320 с.
13. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Как тексты становятся прецедентными. // Русский язык за рубежом. 1994. №1. С. 73-76.
14. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — №3. Изд-во Московского университета, 1997, С. 62-75.

15. Литературный энциклопедический словарь (Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. Редкол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др.). — М.: Сов. энциклопедия, 1987. — 752 с.
16. Мельник Ю. А. Лингвокультурологический аспект прецедентных высказываний (на материале современной публицистики) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия “Филологические науки”. Том 15(54) №4, 2002, С. 344-352.
17. Мельник Ю. А. Особенности функционирования прецедентных высказываний, восходящих к текстам песен, в современной публицистике // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия “Филологические науки”. Том 16(55) №1, 2004, С. 82-92.
18. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб: Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.
19. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). — М., 1997.
20. Ожегов С. И. О крылатых словах (По поводу книги Н. С. и М. Г. Ашукиных “Крылатые слова”) // ВЯ. 1957, №2.
21. Песни наших отцов. Песни революции и гражданской войны (для детского хора в сопровождении фортепиано). — М.: “Музыка”, 1973. — 38 с.
22. Потехня А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. — Харьков, 1930.
23. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. — М.: “Гнозис”, 2004. — 318 с.
24. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: монографическое учебное пособие. — К. Брама, Изд. Вовчок О. Ю., 2004. — 336с.
25. Силин В. В. Контекст и интертекст // Когнитивные сценарии языковой коммуникации // доклады международной научной конференции / Ред. С. С. Дикарева, В. М. Ронгинский. — Симферополь: Изд-во Таврического экологического института, 2001. — 220с., С. 52-53.
26. Синельникова Л. Н. Языковые изменения конца XX века. Метаязыковые суждения-комментарии как фрагмент языковой картины мира // Язык: история и современность. — Луганск, 1999. — С. 174-176.
27. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — Academia, 2000. — 128 с.
28. Такая молодость пора...: [Сб. песен]. Сост. В. Аксенов; Предисл. И. Шаферана; Коммент. Л. Ивановой. — М.: “Мол. гвардия”, 1987. — 318 с.
29. Barthes Roland. Texte. In: Encyclopaedia universalis. Vol. 15. Paris. 1973.
30. Kristeva J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman // Critique. Paris, 1967. №23.

Статья поступила в редакцию 21 сентября 2004 г.

УДК 81-139:378

У Хао

СИМВОЛИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В ПЕЙЗАЖЕ РОМАНА ЛАО ШЭ "ВЕРБЛЮД СЯНЦЗЫ"

Цвет — один из важнейших элементов, составляющих картину мира, который воздействует на психику и физиологию человека. В процессе познания окружающей среды человек по своим ощущениям часто связывает разные качества, явления, эмоции с теми или иными цветами или цветовыми оттенками. Таким образом формируется цветовая символика, т. е. традиции и обычаи народа проявляются в цветообозначениях. Как известно, у разных народов разные представления об окружающем их мире и, соответственно, символика цветообозначений в разных культурах тоже не одинака. Поскольку одной из важнейших составляющих национальной культуры считают художественную литературу и в ней (в том числе и в пейзажных описаниях) сосредоточены самые разнообразные цветовые характеристики, то изучение пейзажных зарисовок как раз позволяет судить о дополнительной нагрузке того или иного цвета. Поэтому **цель нашей работы** — проанализировать цветообозначения в романе Лао Шэ «Верблюды Сянцзы» как образце китайской реалистической литературы. **Задачи статьи:** 1) на основе литературных источников составить представление о цветовой символике в китайской литературе; 2) пронаблюдать за отражением в цветообозначениях романа «Верблюды Сянцзы» китайской общекультурной символики, 3) сделать вывод о роли цветообозначений в создании эмоционального плана романа. **Новизна работы** заключается в том, что на основе анализа пейзажных зарисовок делается вывод об особенностях цветовой символики в китайской литературе.

Итак, цвет имеет огромное значение в жизни человека и, по мнению М. Платоновой, различают три вида воздействия цвета на человека: физическое, оптическое и эмоциональное.

При физическом воздействии речь идет о влиянии цвета на физиологию человека. М. Платонова в работе «Воздействие цвета на человека и его психику» утверждает, что «непосредственным физиологическим действием на весь организм человека объясняются явления, вызываемые красным или синим цветами, в особенности при максимальной их насыщенности» [3]. Красный, желтый, оранжевый цвета являются цветами экстраверсии, т. е. импульса, обращенного наружу. Группа синего, фиолетового, зеленого, напротив, для пассивной интроверсии и импульсов, обращенных внутрь. Оранжевый и красный цвета, возбуждая попутно со зрительным и слуховым центр мозга, вызывают кажущееся увеличение громкости шумов. Зеленый и синий ослабляют возбуждение слухового центра, и их часто называют «успокаивающими». Отталкиваясь от концепции М. Платоновой, мы предлагаем следующую сводную схему-характеристику:

Цвет	Характеристика по действию на психику человека	Осязательные ассоциации	Звуковые ассоциации
красный	возбуждающий	тяжелый, теплый, сухой	громкий
оранжевый	возбуждающий	теплый, сухой	громкий
желтый	возбуждающий	легкий, теплый, сухой	—
зеленый	успокаивающий	прохладный, влажный	спокойный
голубой	успокаивающий	легкий, влажный	спокойный
фиолетовый	угнетающий	тяжелый	—
серый	угнетающий	тяжелый, холодный	—
черный	угнетающий	тяжелый, сухой	—
белый	—	легкий, холодный	—

К оптическому воздействию относятся иллюзии или оптические явления, вызываемые цветом и изменяющие внешний вид предметов. По мнению М. Платоновой, рассматривая оптические явления цвета, все цвета можно условно разделить на две группы: “красный” и “синий”, в основном цвета по своим оптическим свойствам принадлежат к какой-нибудь из этих групп. Далее в таблице, предложенной автором статьи, излагаются основные оптические особенности этих 2-х групп цветов:

Красный (желтый, оранжевый)	Синий (фиолетовый, голубой)
теплый, тяжелый	легкий
фактурный, шероховатый	бесфактурный, гладкий и блестящий
расширение, распространяемое по горизонтали	сжатие, распространяемое по вертикали
глухие, шумные	тихие, звонкие

И наконец третье воздействие — эмоциональное. При таком воздействии речь идет о чувствах, переживаниях, которые мы можем испытывать под влиянием того или иного цвета. И М. Платонова считает, что это влияние очень тесно связано с оптическими свойствами цвета. Например, зеленый есть самый спокойный цвет. Он не имеет призвука ни радости, ни печали. Это постоянное отсутствие движения. Желтый цвет возбуждает человека, иногда даже беспокоит, колет его. Желтый цвет «можно было бы употреблять как красочное выражение безумия, слепого бешенства (желтый цвет Достоевского)» [3]. «Синий же склонен к углублению. Чем глубже, темнее становится синий цвет, тем больше он зовет человека к бесконечному, будит в нем голод к чистоте и сверхчувственному» [3]. Автор также считает, что очень темный синий дает элемент покоя, а доведенный до пределов черного синий цвет получает призвук печали. Светлый же синий приобретает равнодушный, безразличный характер, и чем светлее, тем беззвучнее, пока не дойдет до беззвучного покоя — станет белым. Белый цвет определяется как «некраска» и действует на нашу психику как молчание. Только

это молчание не мертвое, а полное возможностей. Черный цвет воздействует как мертвое — это молчание без будущего. Равновесие белого и черного рождает серый цвет. Серый беззвучный и недвижимый, но эта неподвижность другого характера, чем у зеленого цвета, рожденного двумя активными цветами — желтым и синим. Поэтому серый цвет — это безутешная неподвижность. Красный цвет, по мнению М. Платоновой, «воздействует внутренне как жизненный, живой, беспокойный цвет, не имеющий, однако, легкомыслия желтого» [3]. При добавлении в красный цвет черного возникает тупой, жесткий, не способный к движению коричневый цвет. В более холодном оттенке красного пропадает лучеиспускание желтого, но постоянно сохраняется серьезность.

Следует отметить, что вышесказанное основано на универсальных явлениях, связанных с общечеловеческой наивной картиной мира. Однако, как мы уже говорили, существует национально-культурная специфика в области цвета, и далее мы хотим на основе анализа пейзажных зарисовок романа Лао Шэ «Верблюд Сянцзы» попытаться ознакомиться с особенностями цветовой символики в китайской реалистической литературе.

В многочисленных пейзажных описаниях романа «Верблюд Сянцзы» самыми распространенными цветами можно считать белый, черный и серый (в них мы включили также близкие им по ощущению цвета, такие, как темный, ярко-серый и т. д.). Прежде чем начать анализ, следует обратить особое внимание на тот факт, что цветообозначения в китайской культурной традиции имеют некоторую специфику и отличаются от той символики, которую они имеют в русской традиции.

Итак, если в русской традиции белый цвет — это символ чистоты, любви и связан с положительной оценкой, то в китайской традиции он имеет совершенно другое значение: он символизирует смерть, это цвет траура. Подтверждение тому мы находим даже в древней китайской опере, где артисты выходят на сцену с изображенными на лицах имеющими определенные значения масками. Основной цвет этих масок символизирует характер, темперамент того или иного представляемого артистом персонажа. В китайской опере белые маски принадлежат ряду отрицательных героев с хитрым, коварным характером. В романе данное значение белого цвета ярко проявляется во фрагменте, описывающем свадьбу Сянцзы с девушкой Ху. «Он (Сянцзы) с угольного завода переехал в только побеленный дом и ничего не соображает. Ему кажется, что его прошлое, как на том угольном заводе, — все черное. А сейчас вдруг зашел в новый дом, все белое, аж глаза режет. На стенах наклеено несколько красных, как кровь, иероглифов «Веселье». Сянцзы чувствует некое глумление над ним и некую белую, смутную обиду» [1, с. 130]. Сянцзы женится на женщине, которую ненавидит, которую боится. Он прекрасно понимает, что отныне он полностью принадлежит этой ужасной женщине и против ее воли он ничего не может делать. Свадьба для Сянцзы словно начало настоящей трагедии. С таким настроением он зашел в его новый блестяще белый дом, который чужд его жизни, и естественно новая обстановка вызывает у Сянцзы, в первую очередь, сильные переживания за свое будущее, ведь, по русской поговорке, бесплатный сыр бы-

вает только в мышеловке. На самом деле не белые стены «глаза режут», а мысль не дает Сянцзы покоя, что его сейчас же толкнут в ловушку, из которой он никогда не вырвется.

При анализе мы заметили, что помимо традиционного китайского понимания, белый цвет в некоторых эпизодах романа «Верблюд Сянцзы» имеет и положительную окраску, как это бывает в русской литературе. Например, в эпизоде, когда Сянцзы в очередной раз после увольнения возвратился к прежнему хозяину Люсы и неожиданно встретил девушку Ху, есть портрет этой девушки: «Она одета в зеленую шелковую куртку и в черные брюки. При освещении зеленая куртка мерцает мягким и слегка плачущим светом. Куртка маловата на нее, и виден под курткой белый пояс, который добавляет зеленому цвету еще скромность и изысканность. Черные брюки шевелятся легким ветром, как злые духи, хотят спрятаться от сильного света и слиться с темнотой» [1, с. 47]. Нужно сказать, что до того, как девушка Ху заставила Сянцзы жениться на ней, отношение Сянцзы к ней было довольно неоднозначно. С одной стороны, она старая, некрасивая, наглая, а с другой стороны, она была единственным человеком, который хоть как-то заботился о Сянцзы. Сянцзы относился к ней как к другу, но не более того. В этом портрете присутствуют два основных цвета, зеленый и черный, которые, на наш взгляд, отражают положительные и отрицательные качества девушки Ху в глазах Сянцзы. Белый цвет как бы усиливает положительный оттенок, Сянцзы даже нашел в девушке Ху «скромность и изысканность», которые никак не вписывались в образ девушки.

Подобное явление — амбивалентность среди цветообозначений — в данном романе встречается довольно часто. Ее наличие в основном зависит от настроения картины и говорит о существовании оценки автора или того или иного персонажа. Возьмем один зимний пейзаж: «Утром колея от тяжелых машин обшиваются белыми ледяными кружевами. Легкий ветер разгоняет утреннюю зарю, появляется высокое, голубое, веселое небо» [1, с. 70]. Описание следует сразу за решением Сянцзы заработать рикшу честным трудом, а не заниматься ростовщицеством (у Сянцзы уже накопились какие-то деньги), как ему советовали. Он гордился своим решением и чувствовал себя настоящим мужчиной, который способен на все. От этого окружающий его мир тоже стал веселее. И белый лед здесь явно не связан с традиционным отрицанием, а наоборот, дает положительную оценку.

Если белый цвет в анализируемом нами романе является амбивалентным, то черный цвет имеет более устойчивую характеристику — всегда отрицательную, и это совпадает с ассоциациями русской культурной традиции: черный — символ зла и вечной тьмы. В вышепоказанных отрывках мы находим черный угольный завод, который символизирует досвадебную тяжелую жизнь Сянцзы, и черные брюки девушки Ху, «как злые духи». Широкое распространение получили и такие выражения, как «темное небо», «черные тучи», которые передают общее настроение, характеризуют то несправедливое общество, где находится Сянцзы. Хотя, кстати говоря, в китайской традиции черный цвет неоднозначен. С одной стороны, он наряду с белым является траурным (в романе есть

отрывок, когда Сянцзы хотел отказаться от рикши из-за того, что она покрашена в черный цвет и с белой медной деталью, «как в трауре»), а с другой стороны, опять же обратимся к китайской опере: черные маски имеют положительное значение, характеризуют мужество, храбрость и преданность героев. Но такая положительная характеристика не отражается в данном романе.

Серый цвет по своей природе можно считать сочетанием белого с черным (говоря здесь о «белом» и «черном», мы имеем в виду белый как имеющий положительную эмоциональную окраску, а черный — отрицательную). Наследуя качества своих составляющих, серый представляет собой некую неопределенность и одновременно располагает как положительной характеристикой, так и отрицательной. В зависимости от авторского решения соотношение белого с черным в составе серого цвета колеблется, и символическое значение серого можно рассматривать как «белое полотно с черными пятнами», т. е. несто процентная положительная оценка, или как «черное полотно с белыми пятнами» — те же тьма и зло, только окутаны туманом, непрямо или более мягко выражены. Именно такое сдержанное отрицание серый цвет приобретает в нашем романе. Покажем это на примере следующего фрагмента: «Ветер раскалывает серые облака, сквозь трещину луна показывается. Они (девушка Ху и Сянцзы) уже пришли в северную часть улицы. Императорская река давно замерзла, спокойная, ярко-серая, ровная, прочная, поддерживает стены Запретного города. В Запретном городе ни звука. Те изысканные башни, блестящие арки, красные ворота, беседки на горах — все тихо, словно старательно улавливают те былые, ныне неслышные звуки. Дует легкий ветер, как привидение, гуляет между теми великолепными зданиями, пытается вспомнить все, что было в этом городе. Девушка Ху идет на запад, Сянцзы за ней пришел на императорский мост. На мосту ни души. Холодный лунный луч освещает плоскую обледеневшую реку. Тени от дальнего дворца неподвижно отражаются на озере, точно вместе с озером замерзли. Деревья немного шевелятся, все как будто погружается в лунный свет. Только Белая башня возвышается над облаками. Она вся белая-пребелая, от нес становится еще холоднее. Вот великий северный мороз! « [1, с. 78]

На наш взгляд, фоновым цветом данной картины является серый: серые облака, ярко-серая замерзшая река. На этом фоне видны дворцы, мост, гуляющий по городу ветер. «Все как будто погружается в лунный свет», все расплывчато и неопределенно — все серо. Печальный пейзаж сопутствует печальной истории: девушка Ху сообщила Сянцзы о том, что она ждет от него ребенка и намерена выйти за него замуж. Для Сянцзы эта новость как удар, он был словно в шоковом состоянии. Серый цвет удачно отражает его настроение в тот момент. Сянцзы не хотел жениться на девушке Ху, у него свой жизненный план, ему нужно заработать свою рикшу, и к тому же он ненавидит ее, а то, что между ними было, это она его заманила, все было не по его воле. Но, если ребенок от него, то и отказаться нельзя, и девушка Ху его в покое не оставит, и только после свадьбы выяснилось, что девушка Ху на самом деле не ждала ребенка. Сянцзы опять же был обманут. Все же у Сянцзы в тот момент назерняка еще

была какая-то надежда выйти из ситуации. Он ищет выход. Перед его глазами еще неполная темнота, должно быть какое-то решение.

Кроме ахроматических белого, черного и серого цветов в палитре автора присутствуют и хроматические цвета. Но они по количеству употребления в значительной степени уступают проанализированным. По нашему наблюдению, такое распределение отражает общий трагический дух романа. Красочные цвета лишь напоминают о том, что в жизни Сянцзы все же были радостные или наполненные надеждами мгновения. В эпизоде, когда Сянцзы сбежал от солдат, есть следующее описание: «На сером небе виднеется красноватый оттенок, от которого земля и дальние деревья еще почернели. Постепенно красный смешивается с серым. На небе кое-где появляется серо-фиолетовый цвет, а кое-где — алый, но в целом небо становится розово-серым. Прошло еще некоторое время, сквозь красный просвечивает ярко-золотистый свет, и все цветовые оттенки заблестели, все становится ясным. Утренняя заря превращает восточную часть неба в багровую полосу. А над головой показывается голубое небо. Разрывая красную зарю, золотистый луч льется по небу. На небе, по горизонтали — заря, по вертикали — луч, который сплетает все в одну великолепную сверкающую паутину. Только что еще темно-зеленые деревья, поле, трава приобретают блестящий оттенок. Стволы старых сосен покрашены в золотисто-красный цвет. Крылья птиц сверкают золотом, все становится радостным» [1, с. 24].

Пейзаж насыщен различными цветовыми оттенками, и общий фон картины меняется по принципу градации: серый — красный — блестящий. Серый был не только цветом неба перед восходом, им можно было охарактеризовать и те дни, когда Сянцзы попал в лагерь солдат. Солдаты забрали у Сянцзы все, забрали и его рикшу, его кормилицу. Она была результатом 3-летней тяжелой работы, без нее Сянцзы словно потерял смысл жизни. А сейчас Сянцзы сбежал, и даже сумел взять от тех солдат 3-х верблюдов, которых он мог бы продать и купить себе новую рикшу. На сером небе появился красноватый оттенок, затем усилился, распространился. Надежда Сянцзы вместе с этой утренней зарей тоже разгоралась.

Следует заметить, что красный цвет в повседневной жизни китайцев играет очень важную роль. Он «соответствует образу солнца и представляет силу, которая отпугивает злых духов, приносит удачу в дом и гармонизирует общую атмосферу» [4].

Кульминацией данной пейзажной зарисовки является восход солнца. Великое сияние как будто дало новую жизнь и свежую силу каждому существу в новый день — все заблестело. Сянцзы после тех серых дней вдруг заметил, что он живет в мире, где есть свет и тепло, где кипит жизнь, и самое главное, что он тоже является одним из участников этой жизни, он тоже получает и свет, и радость.

Если говорить о роли пейзажей в романе «Верблюды Сянцзы», то нельзя оставить без внимания описание грозы, которому посвящается целая 18-я глава. В этом эпизоде пейзаж уже не только сопровождает действие, создает общее

настроение картины или передает внутренние движения персонажей, он как бы выходит на первый план — план действия — и становится фактически полноправным действующим лицом. Описание грозы — это отражение того общества, где выживает Сянцзы и ему подобные бедняки. У них разное происхождение, разные профессии, но судьбы одинаково трагичны. Они бессильны перед природным явлением, как и в реальной жизни, не живут собственной волей. В их жизни даже самые незначительные радости могут в любой момент превратиться в настоящий кошмар, как тот ветерок, после долгой невыносимой жары дававший немного прохлады, вдруг превратился в ураган, принесший страшную грозу. Как пишет автор, «дождь для богатых и для бедных, для благородных и для неблагородных. На самом деле не дождь несправедлив, все потому, что он падает в несправедливый мир» [1. с. 166].

Выводы

1. Цвет имеет огромное значение в жизни человека и различают 3 вида воздействия на человека: физическое, оптическое и эмоциональное.

2. Анализ пейзажных зарисовок в романе «Верблюд Сянцзы» показывает, что символика цветообозначения в китайской традиции имеет ряд своих особенностей и не всегда является понятной в русской традиции. Кроме того, некоторые цвета в данном романе представляют собой амбивалентные, их символические значения иногда противоположны друг другу и могут иметь значение, как традиционное для китайской литературы, так и не традиционное.

3. С помощью различных цветов и цветовых оттенков пейзажные описания в романе «Верблюд Сянцзы» сопровождают действие, создают общее настроение картины, передают внутренние движения персонажей и даже выступают как полноправное действующее лицо.

Литература

1. Лао Шэ. Верблюд Сянцзы. — Пекин, 2003. — 224 с.
2. Лян шоууй, Ян Цзюньмин, У Вэньцин. Эмэйская школа Багуа-чжан теория и практика. — Киев: «София», 1997. — 398 с.
3. Платонова М. Воздействие цвета на человека и его психику // [http:// www. 5bb. org/~masha/psigilogiya-cveta. html](http://www.5bb.org/~masha/psigilogiya-cveta.html).-8.09.2004.
4. Символизм цвета в Китае // [http:// www. Vjaz. sidheland. com/symbol/1-09. htm](http://www.Vjaz.sidheland.com/symbol/1-09.htm).-04.06.2004.
5. У Жуй. Сопоставительный анализ культурологического подтекста цвета в русском и китайском языках // Русский язык. — Пекин, 1996. — №2. — С. 45-48.
6. Учебный справочник. Учебник для 6-летней школы 9-летнего обязательного образования. — Пекин, 1992. — 316 с.

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2004 г.

Раздел 3.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ
И ИНТЕРНЕТ В СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

УДК 811.161.1“22

Л. Ф. Компанцева

АССОЦИАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИНТЕРЕСОВ
МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Мнение о том, что Интернет — мужская сфера деятельности, бытовало не только в Интернет-пространстве. Эта позиция была представлена на всех уровнях общения — от обычного “трепа” в Сети до научных статей об Интернет-общении. **Цель** нашей статьи: на основе ассоциативного анализа определить спектр интересов мужчин и женщин в Интернете. **Задачи статьи:** сопоставить данные ассоциативного анализа и пилотажного опроса пользователей относительно гендерных предпочтений посетителей Интернета; проанализировать виды запрашиваемой информации мужчинами и женщинами в Сети; определить причины, приведшие мужчин и женщин в Сеть; рассмотреть фактор наличия/отсутствия гендерной дискриминации в Интернете.

Изучение половых различий в применении информационных технологий привлекает значительное внимание исследователей. В западных научных изысканиях доминирует позиция о мужской прерогативе в обращении к компьютерам и присутствии в виртуальной реальности*. Например, Ватлей отмечал, что половые различия в поведении и психической деятельности человека фиксированы в самом построении человеко-компьютерного диалога [27]. Применяемые для учебной и игровой деятельности компьютерные программы адресованы скорее мальчикам, чем девочкам.

Большинство проведенных в США исследований по проблеме *человек-компьютер* в 80 – 90-ые годы основывались на мужском контингенте испытуемых. Средства массовой информации также описывают работу с компьютером как сферу мужской деятельности [24].

Эта ситуация привела к возникновению гипотезы о том, что представительницы женского пола имеют менее позитивные установки по отношению к компьютерам, чем мужчины [23]. В обширной монографии американских авторов

---

* Детальный анализ западных источников по проблемам половых различий при работе с Интернетом представлен в статье Арестовой О. Н., Войсунского А. Е. “Исследование половых различий при работе с Интернетом на примере российских пользователей” — <http://www.follow.ru/article/111>.

[23, 315-324] отмечается, что при обучении (как в школах, так и в высших учебных заведениях) представители сильного пола проявляют большую готовность применять компьютеры, а преподаватели уделяют им больше внимания и позволяют больше работать с компьютерами, чем представительницам женского пола. В итоге мальчики и юноши переоценивают свою компетентность в применении информационных технологий, когда сравнивают себя с девушками. По мере роста компетентности мужчины проявляют склонность ко все более сильной персонификации и анимизации компьютеров, в то время как женщины склонны к увеличению доли механоподобных, неодушевленных характеристик компьютеров.

Феминистские организации отвергают объяснения различий в когнитивной организации и способностях между полами, трактуют их как «сексистские». Одним из последствий «революции в телекоммуникациях» стал так называемый «киберфеминизм» [25, 170-183]. Для «киберфеминисток» возникновение виртуального мира означало новый этап борьбы с мужским доминированием. Неизвестно, найдут ли новую идентичность в «киберпространстве» женщины — существенным для автора представляется уже то, что маскулинная идентичность теряется или размывается в виртуальном мире.

Таким образом, западные психологические и когнитивные исследования демонстрируют факт половых различий во взаимодействии человека и компьютера. Остается не совсем ясным характер этих различий.

Нам импонирует позиция исследователей, связывающих степень выраженности половых различий в виртуальной среде с социальными и национально-культурными особенностями общества. Эта позиция представлена, например, в работе Durndell et al [26, 269-280], где автор проводит сравнение отношения к компьютеру британских и румынских студентов мужского и женского пола. Результаты подтвердили, что социально-культурные различия выражены гораздо более сильно, чем половые. Сравнение румынских и британских женщин-пользователей показало, что румынские женщины проявляют значительно больший энтузиазм в отношении компьютеров. По мнению авторов, для населения бывших социалистических стран типична ситуация активного отношения женщин к новым технологиям, проявляющаяся в повышенном интересе к компьютерам.

Влияние социальных, экономических и культурных условий на проявление половых различий в деятельности человека представляется существенным. Исследование подобных взаимосвязей особенно актуально на постсоветском пространстве, где смена социальных и экономических парадигм приводит к возникновению проблемы поиска новой идентичности. Исследования по проблемам Интернет-коммуникации большей частью описаны российской психологической школой. Авторы анализируют сетевые сообщества и их специфику [1], [2], [3], социальную и демографическую динамику сообщества пользователей компьютерных сетей [17], исследуют психологическую мотивацию пользователей Сети — как мужчин, так и женщин [3], [4], [5]. Проблема половых различий пользователей Сети рассматривается российскими авторами как пробле-

ма поиска путей самопрезентации и идентификации личности [2], [8], [9], [12] [13], [14]. Вопросам социальной стратификации и социокультурным аспектам Интернета также уделяется внимание российских исследователей [7] [18]. И, наконец, в постсоветском научном дискурсе рассматриваются психологические, когнитивные, социальные аспекты Интернет-коммуникации [11], [15], [16], [19], [20].

Как видим, в представленных исследованиях половая идентичность ассоциируется с возможной самопрезентацией, идентификацией и социальной определенностью личности.

Интернет постсоветского информационного пространства постепенно утрачивает свою закрытость для женщин и становится альтернативной моделью общества.

Так, московские исследователи Л. Н. Бабанин и А. Е. Войскунский на протяжении нескольких лет проводили веб-опросы, затрагивающие проблему развития интересов мужчин и женщин в Сети [6]. Результаты их исследований фиксируют следующее положение вещей: при относительном постоянстве интересов мужчин к сфере вычислительной техники, женщины все меньше ею интересуются. В сфере же образования, наоборот, у мужчин первоначально слабый интерес усиливается, у женщин интерес сохраняется на стабильно высоком уровне. Положительная динамика интересов у женщин наблюдается в областях культуры и искусства, путешествий и туризма, медицины, товаров и цен, новостей, политики, семьи и детей. У мужчин положительная динамика присутствует в тех же областях, за исключением культуры и искусства. Однако динамика усиления интересов у женщин выше в областях путешествий и туризма, товаров и цен, новостей, политики. Если правовой информацией мужчины и женщины интересуются примерно одинаково, то мужчины интересуются больше автомобилями (даже больше, чем спортом), а женщины — знакомствами. Таким образом, анализ динамики развития интересов свидетельствует о культурном освоении Интернета женщинами и о наличии у них частично не совпадающих с мужчинами (пользователями Интернета) интересов в области освоения и применения информационных, коммуникативных и игровых ресурсов Интернета, что подтверждается изменением ассоциативных полей пользователей.

Приведем некоторые данные о пользовательских предпочтениях в Сети. Так, украинская Сеть не так изучена, как российская, тем не менее, компания TNS — Socis Gallup Int. Ukraine провела исследование пользователей Сети в семи крупнейших городах Украины и сделала вывод о том, что самой распространенной информацией в украинской части Интернета является информация о деятельности субъектов хозяйствования — 47%, информационно-справочные ресурсы занимают 16, 6%, информация развлекательного характера — 14, 8%, информация о деятельности научно-исследовательских учреждений и учебных заведений занимает около 4, 4% (<http://topnews.com.ua/index.phtml?disp>).

Нами были изучены материалы 87 телеконференций. В своем исследовании мы предпочли именно этот жанр, потому что половую принадлежность его участников возможно идентифицировать (по спискам рассылок, авторизации док-

ладов и выступлений). Наши исследования позволили сделать следующие выводы: телеконференциями по искусству, литературе, культуре интересуются 65% женщин и 35% мужчин (См. например, материалы телеконференции “Искусство”. — http://talk.mail.ru/forum/talk.ru000_books; “Роль телеконференций Белорусской библиотечной ассоциации в постоянном пополнении профессиональных знаний”. — <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea98/doc107.html>), активное участие в научных телеконференциях принимают 60% женщин и 40% мужчин (См. например, материалы телеконференции “Охраняемые природные территории”. — <http://ecosoop.ru/reservat/>), исключение составляют конференции, посвященные медицине, здесь 82% участников составляют мужчины (См. например, материалы конференции “Биометрика”. — http://www.bometrica.tomsk.ru/prog_2000.htm). Возможно, подобный феномен объясним строгой социально-половой стратификацией медицины, определенной клановостью этой науки на постсоветском пространстве. Обращает на себя внимание достаточно высокий для постсоветского сознания процент мужчин-участников педагогических телеконференций — 35% (например, телеконференция по вопросам методики преподавания информатики, проведенная кафедрой теории и методики информатики и дискретной математики Московского педагогического государственного университета. — http://www.mpgu.edu/tkf-3/K22_2.htm), а вот в телеконференциях по техническим вопросам информатики и вычислительной техники принимают участие только 15% женщин (См. например, “Избранное из fido 7.ru.sat” — SAT.COM.RU.- <http://www.sat.com.ru/rusat>). Интересен и весьма очевиден факт, что в школьных и студенческих научных конференциях принимает участие 80% девочек и девушек (См. например, материалы 1-ой национальной телекоммуникационной конференции школьников и студентов по химии и химической технологии “Надежда России”. — <http://nadejda.mustr.edu.ru/docs.htm>). Таким образом, мы можем сделать вывод об изменившемся восприятии Сети молодым поколением (12-20 лет): оно психологически мобильнее воспринимает Интернет-коммуникацию, не предполагает и не принимает никакого гендерного неравенства в Сети. Женщины становятся все более активными Интернет-пользовательницами.

Весь приведенный перечень интересов пользователей приобретает дополнительные гендерные ассоциации. Наиболее отчетливо ассоциации выстраиваются для стимулов *компьютерная техника, программы, новинки Интернета, товары-цены, юмор* (ассоциант — мужчина), *наука, образование, искусство, музыка, семья, юмор, хобби* (ассоциант — женщина). Несмотря на то, что ассоциативные поля в мужском и женском дискурсах соотнесены с разными фрагментами картины мира, ассоциативный анализ пользовательских интересов позволяет сделать вывод о том, что мужское доминирование в результате выявленных ассоциаций в Сети не наблюдается. Женщины занимают всевозможные ниши Интернет-коммуникации, все активнее включаются в жизнь Интернет-сообществ.

Нами было проведено пилотажное исследование интересов женщин в Сети. В опросе приняли участие 50 женщин-пользовательниц Интернета. Результа-

ты, полученные в ходе исследования, нуждаются в более обширной проверке, поэтому лишь намечают тенденции в психологических предпочтениях женщин-пользовательниц.

1. 60% респонденток считает, что “Интернет помогает женщине в профессиональном росте”. Отмечается, что Интернет экономит женщине время, позволяет общаться с интересными людьми, находить необходимую информацию для профессионального роста, учебы, общего развития, не выходя из дома. Респондентки считают, что Интернет дает женщине шанс наравне с мужчинами занимать определенную социальную нишу. Коммуникативные возможности Интернета особенно актуальны для постсоветского пространства (кроме России), где во многих научных и культурных сферах наблюдается дефицит информации, в библиотеках отсутствуют западные издания и новейшие издания на русском языке. Этот факт спровоцирован языковой политикой постсоветских стран, изменениями государственной идеологии, социума, характера межнациональных отношений.

2. Только 40% опрошенных признает, что Интернет дает женщине шанс устроить личную жизнь. Респондентки считают, что Интернет-коммуникация позволяет женщине оценить интеллект мужчины еще до знакомства с ним в реале, и, следовательно, экономит время. Кроме того, Сеть предоставляет возможность выбора собеседника и потенциального партнера. Отмеченные нами ранее ассоциации *загадочный, нереальный, бесполезный и деньги, бизнесмен, холостяк*, подтверждают данные представленного опроса: женщины предпочитают мужчин, состоявшихся в социальном плане, но большинство респонденток считают виртуальный способ знакомства непродуктивным.

3. Только 5% респонденток считает, что работа за компьютером — не для женщин. Этот факт подтверждает стремление женщин к социальной стабильности и определенности, изменение гендерных стереотипов в обществе. Женщины постсоветского пространства начинают по-новому идентифицировать себя, стремятся занять равные с мужчиной социальные ниши.

4. 80% ответивших считает, что Интернет спасает от депрессии и одиночества. Этот пункт более всего заинтересовал респонденток. Их комментарии во многом сходны: *“Интернет — помогает скрасить одиночество, отвлечься от тягостных мыслей, выйти за рамки серой повседневности, будничности”* (Лена, 20 лет); *“Интернет создает иллюзию реального разговора”* (Оксана, 18 лет), *“В Интернете не надо прятаться, надевать маску, можно быть самой собой”* (Надежда, 35 лет). Возможность избавления от депрессии в Интернете видят как молодое поколение (14 – 25 лет), так и более старшее, что позволяет сделать вывод о необходимости и возможности создания Интернет-тренингов.

5. 50% опрошенных считают, что в Сети можно реализовать все свои тайные желания и мысли: *“Интернет — это особый “вирус”, который поражает тебя надолго, но это не лучший способ реализации возможностей и желаний”* (Катя, 31 год), *“Интернет отдаляет от реального мира и реальных людей”* (Валентина, 19 лет). Таким образом, можно говорить о том, что Сеть предлагает пользователям стабильные формы симуляции: симулируется идентичность, самопрезент-

тация, общение, секс. Поэтому Сеть предстает пространством психологически комфортным.

Для мужчин посещение Сети также психологически значимо. Американский психолог О'Нил* предложил модель мужского гендерно-ролевого конфликта, включающего шесть пунктов:

1. Ограничение эмоциональности — трудность в выражении своих собственных эмоций или отрицание права других выражать свои эмоции.
2. Гомофобия — боязнь гомосексуалов, включая стереотипы о последних.
3. Социализация контроля, власти и соревнования — потребность контролировать людей и ситуации и ориентация на опережение других.
4. Ограничение сексуального поведения и демонстрации привязанности.
5. Навязчивое стремление к соревнованию и успеху.
6. Проблемы с физическим здоровьем, возникающим из-за неправильного образа жизни.

Нам думается, что первые пять пунктов могут найти разрешение в Интернет-пространстве. Например, некоторые мужчины отправляются в Интернет в поисках романтики. *“Всем давно известно, что “паутина” является одним из самых современных способов для создания флирта, и поэтому вполне возможно, что своим вкладам многие наши современники оставляют не шкатулку с любовными письмами, а архив-e-mail сообщений на 3, 5 дискете, или того хлеще — history message от ICQ. Все бы было хорошо, если бы не было так плохо, неожиданно для себя я столкнулся с тем, что слово “романтика” просто напросто стало пропадать из лексикона моих сверстников”* (ICQ — Интернет-сваха. — <http://love.kulichki.ne/roman/icq.html>).

Выводы. Данные ассоциативного анализа подтвердились результатами пилотажного опроса: более всего женщин привлекают в Интернете обширные коммуникативные ресурсы, возможность собственной идентификации, творческой самореализации. Большинство женщин не считают половую дифференциацию главным фактором при определении социального статуса, полагая, что и мужчины, и женщины одинаково нуждаются в необходимой для их профессионального роста и культурных запросов информации, имеют равные возможности и способности заниматься информационными технологиями. Можно предположить, что работа и общение женщин в Сети носит отчасти компенсационный характер, она восполняет недостаток культурной информации, творческой самореализации, повседневного общения. Для мужчин Интернет также представляется способом самоидентификации, и в то же время — самоутверждения. Интернет позволяет снять мужской гендерно-ролевой стресс, возникающий, когда мужчине трудно поддерживать стандарт традиционной мужской роли.

Литература

1. Арестова О. Н., Бабанин Л. Н., Войскунский А. Е. Социальная и демографическая динамика сообщества пользователей компьютерных сетей. — <http://www.relarn.ru:8082/human/dynamics.txt>.

* Цитируется по кн. Берн Ш. Гендерная психология. — СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. — С. 188.

2. Арестова О. Н., Войскунский А. Е. Исследование половых различий при работе с Интернетом на примере российских пользователей. — <http://www.relarn.ru:8082/human/woman.txt>.
3. Арестова О. Н., Бабанин Л. Н., Войскунский А. Е. Мотивация пользователей Интернета. — <http://www.relarn.ru:8082/human/motivation.txt>.
4. Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е. Психологические последствия информатизации // Психол. журнал. — 1998. — Т. 19. — №1. — С. 89-100.
5. Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е., Кобелев В. В., Тихомиров О. К. Диалог с ЭВМ: психологические аспекты // Вопр. психологии. — 1983. — №2.
6. Бабанин Л. Н., Войскунский А. Е. Гендерные особенности развития интересов пользователей Интернета. — <http://ims2002.nw.ru/02-r1f01.html>.
7. Белинская Е. П. К обоснованию социокультурного подхода в исследованиях виртуальной реальности. — [http://www.isn.ru/info/seminar-doc/soc\(1\).doc](http://www.isn.ru/info/seminar-doc/soc(1).doc).
8. Белинская Е. П., Жичкина А. Е. Пространство, населенное Другими. — <http://inter.net.ru/16/28.html>.
9. Белинская Е. П., Жичкина А. Е. Стратегии самопрезентации в Интернете и их связь с реальной идентичностью. — <http://flogiston.ru/projects/articles/strategy.shtml>.
10. Берн Ш. Гендерная психология. — СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.
11. Войскунский А. Е. Преобразование общения, опосредованного компьютером. Дисс... канд. психол. наук. — М., 1990.
12. Гуманитарные исследования в Интернете. — <http://www.relarn.ru:8082/human>.
13. Жичкина А. Е. Особенности социальной перцепции в Интернете / Мир психологии. — 1999. — №3.
14. Жичкина А. Е. Особенности формирования образа себя и образа другого в Интернет-коммуникации. — <http://www.isn.ru/info/seminar-doc/socpsydoc95.doc>.
15. Жичкина А. Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете. — <http://flogiston.ru/projects/articles/refinf.shtml>.
16. Жичкина А. Е., Ефимов К. Ю. Результаты исследования поведения в Интернете. — <http://flogiston.ru/projects/articles/oprosrezults.shtml>.
17. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. — СПб.: “Петербургское востоковедение”, 2002.
18. Кизима С. Интернет в России: влияние на социальную стратификацию / Междисцип. семинар “Виртуальная коммуникация в сети Интернет”. — М., 1999. — С. 58-68.
19. Нестеров В. К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в Интернете. — <http://flogiston.ru/projects/articles/netemotions.shtml>.
20. Нестеров В., Нестерова Е. Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов. — <http://flogiston.ru/projects/articles/nesterov.shtml>.

21. Canada K., Brusca F. (1993) The Technological gender gap: Evidence and recommendation for educators and computer-based instruction designs // Educational Technology Research and Development. --- 1993. --- №39. --- P. 43-51.
22. Durndell et al (Durndell et al.(1997) Gender and Computing: West and East Europe /Computers in Human Behavior. -- 1997. -- Vol 13. --- N 2. -- P. 269-280.
23. Morgan K., Morris R., McLeod H., Gibbs Sh. (1992) Gender Differences and Cognitive Style in Human-Computer Interaction // East-West Int. Conf. of Human-Computer Interaction. --- St. Petersburg, 1992.
24. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol.1. Reason and the Rationalization of Society. --- Boston, 1995
25. Plant S.(1996) On the Matrix: Cyberfeministic Simulations //Cultures of Internet: Virtual Spaces, Real Histories, Living Bodies.- 1996/ Ed. by R. Shields. Sage Publ. -- P. 170-183.
26. Ware M. C., Stuck M. F. (1985) Sex-role messages vis-a-vis microcomputer use: A look at the pictures // Sex Roles. --- 1985. --- Vol. 13.--- P.202-214.
27. Whitley B. Gender Differences in Computer-Related Attitudes and Behavior: A Meta-Analysis// Computers in Human Behavior. --- 1997. --- Vol.13. --- P. 1-21.

Статья поступила в редакцию 28 октября 2004 г.

УДК 378.147:811.161.1'243

С. В. Николаенко

ПРИМЕНЕНИЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ПРИ РАБОТЕ С ТЕКСТОМ НА УРОКАХ СЛОВЕСНОСТИ

В практике изучения художественных текстов филологический анализ представлен несколькими разновидностями: лингвистическим, лингвостилистическим, комплексным (см. работы В. А. Масловой, А. А. Новикова, Н. М. Шанского и др.). Эти разновидности отражают 1) этапы восприятия; 2) ступени «погружения» в текст; 3) осмысление единства внешней и внутренней форм текста для понимания авторского замысла; 4) выбор тех или иных методов лингвистического анализа. При этом процесс филологического анализа позволяет постичь не только текстовую, но и подтекстовую (в некоторых случаях и позатекстовую информацию).

Анализ художественного текста при обучении русскому языку отражает большие возможности для обогащения речи учащихся выразительными средствами литературного языка с целью воздействия на слушателя и читателя в процессе порождения текста как единицы коммуникации.

Наши исследования в области диагностики знаний школьников и студентов по моделированию собственных связных письменных и устных высказываний убеждают, что далеко не все справляются с анализом текста. Это свидетель-

ствует о том, что работа над текстом в школе оказывается недостаточной, а самое главное, богатейшие возможности текста невозможно рассмотреть и увидеть, анализируя большие по объему произведения.

На наш взгляд, чтобы школьники поняли, что в художественном произведении не просто отражается тот или иной фрагмент действительности, но что эта действительность эстетически преобразуется автором в соответствии с его мировосприятием, необходимо начинать работу с **текстами малых форм**. Эти тексты представляют собой небольшие по объему (2 – 3 предложения) фразы из прозаических произведений, изучаемых в школе, отражающие идейно-эстетическое содержание, композицию и образы, систему языковых изобразительных средств всего текста.

Стилистика художественного повествования представляет нам возможность выбрать те методы и приемы для проведения филологического анализа текстов малых форм, которые в конечном итоге будут способствовать формированию речевых умений школьников, т. е. умений воспринимать и порождать текст. Следуя принципу реализации в тексте определенного коммуникативного намерения, логичным представляется вывод о необходимости вычленения анализа языковых средств не в отдельный этап, а рассмотрение их в структуре текста. Это позволяет учащимся осознать стилистические, композиционные и языковые особенности «малого» текста в единстве с функциональными возможностями лексических и грамматических понятий всего художественного текста. Кроме того, школьники, пополняя свой лексический багаж, разрешают сложные проблемы межличностных взаимоотношений, пытаются предугадать дальнейшее развитие сюжета.

Русский драматург Я. Б. Княжнин, говорил: «Читается трояким образом: первое — читать и не понимать, второе — читать и понимать, третье — читать и понимать даже то, что не написано». Эти три уровня понимания и определяют лингвометодические особенности работы с текстами малых форм, т. к. между вторым и третьим пониманием — разница существенная, поэтому восприятие третье — это восприятие творческое.

Покажем на нескольких примерах использование текстов малых форм при организации работы на уроках словесности в VII и XI классах.

Для иллюстрации представим следующий текст (фраза взята из романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева», расположение фразы — наше):

*Эту лиловую синеву,
Сквозящую в ветвях и листе,
Я и умирая вспомню...*

Этот «малый» текст по своим логико-структурно-семантическим особенностям напоминает японское трехстишие «хайку», своеобразную часть восприятия мира по дзэн-буддизму: стремление постичь внутреннюю жизнь самых незначительных предметов, что соотносится с представлением о духовном слиянии человека с явлениями и вещами окружающего мира. Это сочетание легко-

сти, простоты и прозрачности с глубиной мысли и чувств. Это много подтекста и мало слов (в данном случае 12 — символ полноты, единства). Обычно хайку состоит из 5 слов в первой строке (она является тезой), 7 — во второй (антитеза, противопоставление по отношению к первой строке), 5 — в третьей (вывод, озарение).

В данном тексте содержится:

в первой строке — 9 слогов (3 раза по 3 — совершенство, завершенность);

во второй строке — 9 слогов (небо противопоставляется земле, но обладает такой же завершенностью);

в третьей строке — 8 слогов (4+4 — символ порядка, основания, но и 9-1 — неполноты, незавершенности).

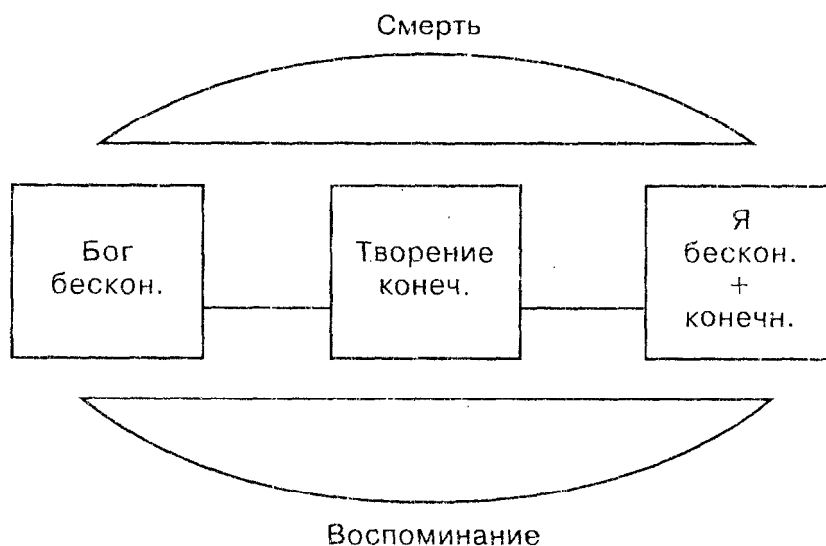
Основное место в анализе малого текста занимают ключевые слова. В бунинском тексте они «нанизывают» тайную пружину повествования. Обратимся к ним.

1. Небо — символ Бога, трансцендентного.

Для Бунина «Бог в том непонятном (может быть, именно поэтому «лиловом»?) синем» и тесно связан с понятием о смерти (перекликается со словом «умирая»). Синее так же означает «близость человека к Богу», Эдем.

2. Ветви и листья. Первичное восприятие рисует оба понятия в темном (коричневом, например) цвете, цвет зелени (жизни) оказывается как бы поглощенным цветом ветвей. Но с семантической точки зрения может указывать на «смену одного поколения другим» — «земная жизнь». Каждое дерево в поэтике Бунина обладает своим выражением, очертанием, душой. И в это же время «дерево» в русском языке является неодушевленным существительным.

3. Я — личность (= Богу, см. п 1.), телесная оболочка которой смертна. Через воспоминания личность связана с небом, и в то же время она оказывается отделенной от него.

Смерть — итог, перед смертью вспоминается главное — Бог, синева.

Синева «сквозит» в ветвях и листве. Синевой, Богом, смертью пропитана наша жизнь (весь мир). Ветви и листья купаются в синеве. Бунин говорит «о божественном смысле и значении земных и небесных красок». (Заметим, что дети обычно не любят рисовать фиолетовым цветом (подсознательная связь со смертью).

Следующий этап анализа будет связан с восприятием цвета бунинского текста. Так, синий, лиловый — холодные цвета у Бунина, а цвет ветвей и листвы — теплый.

Проводя статистический анализ звукобуквенных обозначений данного текста, можно увидеть, что в нем использовано:

8 раз — «в» (2-5-1)	} что создает эффект всепроникающего ветра, сквозит холодом, смертью.
8 раз — «у» (4-2-2)	
4 раза — «с» (1-2-1)	

Можно ли сказать, что Бунин — поэт смерти? Наверное, да. Но той смерти, без которой жизнь не могла бы существовать. Поэтому и культурный компонент этого «малого» текста дает нам возможность приблизиться и к пониманию всего романа Бунина, да и всего творчества Нобелевского лауреата:

Вырождение дворянства

Умирание усадеб, садов...

Умирание чувств в процессе жизни (всех, кроме чувства одиночества перед лицом смерти).

Осень, антоновские яблоки.

Вспоминать смерть. Чтобы вспомнить, нужно встречаться с ней до этого. «...Родись я и живи на необитаемом острове, я бы даже о самом существовании смерти не подозревал. ... Правда ли, что не подозревал бы? Не рождаемся ли мы с чувством смерти? А если нет, если бы не подозревал, любил ли бы я жизнь так, как люблю и любил?» («Жизнь Арсеньева»).

Таким образом, для того, чтобы проанализировать художественный текст, использую культурологические знания, необходимо:

1. Решить проблему взаимодействия текста и культуры.
2. «Жизнь» текста в культуре предполагает множество интерпретаций.
3. При обучении в школе должен быть задан некий инвариант текстового смысла.
4. Полноценный филологический анализ дает возможность интегрировать в общую систему лингвистического описания такие факторы, как культурные знания, фоновые знания и другие экстралингвистические данные.

Литература

1. Маслова В. А. Филологический анализ художественного текста. — Мн, 1998.

2. Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. — М., 1988.

3. Шанский Н. М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом. — М., 1986.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2004 г.

УДК 811.161.1'243

Ю. М. Науменко

ПРЕДПОСЫЛКИ К ОБУЧЕНИЮ АРАБОГОВОРЯЩИХ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ УДАРЕНИЮ

Наблюдение над русской речью арабских учащихся в процессе обучения их русскому языку позволило выявить некоторые нарушения ритмической организации русского слова: неверная реализация фонетической природы русского ударения, ошибочное определение места ударения в слове, несоблюдение количественно-качественной редукции безударных гласных русского слова. Указанные ошибки являются результатом переноса арабскими студентами навыков оформления русского слова по законам строения арабского слова, а также “игнорирования” постановки словесного как фонетического и морфонологического явления, что почти не отражено в учебных пособиях по фонетике, где словесное ударение представлено, в основном, в виде 2–3-х сложных ритмических структур слов с разным местом ударного слога для отнесения лексических единиц к той или иной структуре.

Сопоставительный анализ звуковой (в частности, ритмической) структуры русского и арабского слова позволяет выявить ряд отличительных черт в организации слова в указанных языках. Поскольку объем статьи не позволяет рассмотреть все намеченные вопросы, то ниже будет представлен материал, связанный с неверным определением арабскими учащимися места ударения в русском слове.

В силу того, что в литературе широко представлено описание русского ударения с фонологической и морфонологической точек зрения, в статье можно ограничиться его краткой характеристикой: в русском слове один слог несет на себе главное ударение; возможно также одно или несколько второстепенных ударений, находящихся всегда в предударной части. Ударение в русском языке по месту в слове является разноместным; по признаку сохраняемости—несохраняемости места ударения в слове внутри его словоизменительной парадигмы и словообразовательной цепочки — подвижным (собственно подвижным и морфологизованного типа) или неподвижным. Подвижное ударение встречается только в 2% русской лексики, однако, наиболее частотной. Второстепенное ударение в русском слове может быть двух типов: морфологизованное и ритмическое.

В арабском языке с фонологической точки зрения ударение является фиксированным ритмического характера. Ударение предположительно падает на

3 мору с конца слова. С точки зрения морфонологии ударение является подвижным: ритмическим и морфологизованным. Ритмический характер подвижного ударения проявляется в переносе ударения при прибавлении определенного суффикса или флексии с целью сохранения морфологической структуры слова – ударение должно падать на 3 мору с конца слова. Морфологизованное ударение связано с наличием в слове определенных аффиксов, которые всегда ударные. В слове возможны и второстепенные ударения ритмического характера, которые падают на четную мору в пределах долгого слогоносителя (отсчет начинается с конца слова).

Таким образом, можно предположить следующее: поскольку арабское словесное ударение является фиксированным и подвижным в отличие от разноместного подвижного русского словесного ударения, то учащиеся, скорее всего, не смогут верно определить место ударения в русском слове.

Были проведены серии опытов 3 и 6: 8 информантам (страна --- Палестина), которые недлительное (6 месяцев) и длительное время изучают русский язык, был предложен список (в напечатанном виде) из 104 общеупотребительных русских слов, записанных в произвольной последовательности. Студенты должны были самостоятельно, т. е. без опоры на звучание, проставить ударение в русских словах. Цель проводимого эксперимента — проверить, насколько правильно арабские учащиеся расставят ударение в русских словах. Во время расстановки ударения студенты читали слова вслух по несколько раз, что, по мнению учащихся, должно было помочь им верно определить место ударения в слове.

При проведении эксперимента было отмечено следующее:

1) студенты не редуцировали правильно (и количественно, и качественно) русские гласные; безударный гласный в произношении арабским студентом часто звучал как более длительный (или равный по длительности), чем тот гласный, который в русском слове должен быть ударным. Учащимся было сложно определить место ударения в слове; причем, были слова, в которых информанты так и не смогли определить место ударения (некоторые слова студенты, по их же признанию, не знали, что и было записано рядом с русским словом во время проведения эксперимента);

2) информанты не обращали внимания на морфологическую структуру русского слова (что дает возможность предположить, что студентов не обучали соотносительности морфологической структуры русского слова и его акцентологического оформления);

3) в случае подвижного ударения студенты не различали глагольные формы: инфинитив и личную форму глагола, что опять же привело к неверному определению ударного слога в слове.

Наличие—отсутствие ошибки можно анализировать в зависимости от:

- 1) частотности употребления слова;
- 2) морфологической структуры слова;
- 3) подвижности и неподвижности ударения.

1. В качестве материала для проведения данной серии опытов использовались слова разной частотности употребления. Опираясь на полученные данные,

можно прийти к выводу, что нет определенной закономерности в изменении— неизменении места ударения в слове, т. е. нет зависимости наличия—отсутствия ошибки от частотности употребления слова. Среднее число ошибок — три. Однако, предположение, что эти три ошибки совершают одни и те же студенты, является ошибочным, поскольку “состав” этих трех студентов меняется. Все восемь информантов правильно определили место ударения только в семи словах (в скобках указана частотность слов): *вода* (891), *любить* (632), *хороший* (535), *готов* (200), *зубы* (137), *посол* (29), *паспорт* (24). Слова часто встречаются в речи студентов. Однако, в связи с тем, что другие слова встречаются не намного реже, можно предположить, что правильная расстановка ударения в приведенных словах случайна.

2. При определении места ударения в словах студенты не обращали особого внимания на морфологическую структуру слова, в том числе на акцентно сильные, акцентно слабые морфемы, а также на морфемы-индикаторы, указывающие местоположение ударения в слове. С этой точки зрения ошибки студентов могут быть представлены следующим образом (фрагмент таблицы):

**Морфологическая структура русского слова
и количество слов с неверно расставленным ударением**

Акцентно сильные морфемы, “финали”	Количество ошибок	Акцентно слабые морфемы, “финали”	Количество ошибок	Морфемы-индикаторы	Количество ошибок
простой	3	хороший	0	лекция	2
детектив	2			подписывать	3
адвокат	4			покупка	1
инженер	3			шутка	2
юрист	2			остановка	1

Таким образом, неумение соотносить (а скорее всего, незнание такого соотношения) морфологическую структуру слова с его акцентологическим оформлением приводит к большому количеству ошибок, связанных с нарушением ритмической модели русского слова. Отсутствие закономерностей в нарушении или сохранении места ударения в русских словах позволяет предположить произвольный характер расстановки ударения в русских словах.

3. С точки зрения подвижности—неподвижности ударения в русских словах также не наблюдается определенных закономерностей в сохранении или изменении местоположения ударения в русских словах (в скобках указаны информант и длительность изучения русского языка):

1) наблюдается нарушение ритмической модели слов с неподвижным ударением:

а) с неподвижным ударением на основном:

— изменение места ударения в пределах основы слова (представлена малая часть материала): *араб* (Инф. 19, 5 лет; Инф. 22, 8 лет; Инф. 24, 6 мес.), *подпи-*

сыва́ть (Инф. 23, 8 лет; Инф. 24, 6 мес.), *запа́д* (Инф. 23, 8 лет; Инф. 24, 6 мес.), *проку́рор* (Инф. 20, 5 лет; Инф. 24, 6 мес. ; Инф. 17, 10 лет), *про́курор* (Инф. 22, 8 лет), *ра́сказ* (Инф. 19, 5 лет; Инф. 22, 8 лет; Инф. 17, 10 лет), *докуме́нты* (Инф. 19, 5 лет; Инф. 20, 5 лет), *докуме́нты* (Инф. 22, 8 лет), *во́сток* (Инф. 21, 6 мес. ; Инф. 22, 8 лет), *плава́ние* (Инф. 21, 6 мес. ; Инф. 24, 6 мес. ; Инф. 20, 5 лет; Инф. 23, 8 лет), *пу́тешествова́ть* (Инф. 20, 5 лет; Инф. 23, 8 лет), *пу́тешествовать* (Инф. 21, 6 мес. ; Инф. 22, 8 лет), *пу́тешествовать* (Инф. 17, 10 лет), *ра́зговор* (Инф. 22, 8 лет; Инф. 23, 8 лет), *разго́вор* (Инф. 24, 6 мес.), *пе́чатЬ* (Инф. 24, 6 мес. ; Инф. 22, 8 лет; Инф. 17, 10 лет), *пепельни́ца* (Инф. 21, 6 мес. ; Инф. 22, 8 лет; Инф. 23, 8 лет), *пепельница* (Инф. 24, 6 мес. ; Инф. 17, 10 лет);

— перенос ударения с основы на флексию: *музы́ка* (Инф. 20, 5 лет; Инф. 23, 8 лет), *бу́мага* (Инф. 24, 6 мес. ; Инф. 20, 5 лет), *па́пка* (Инф. 20, 5 лет; Инф. 17, 10 лет), *база́* (Инф. 24, 6 мес. ; Инф. 20, 5 лет; Инф. 23, 8 лет), *улицá* (Инф. 24, 6 мес. ; Инф. 22, 8 лет; Инф. 23, 8 лет), *буква́* (Инф. 22, 8 лет; Инф. 17, 10 лет), *комната́* (Инф. 20, 5 лет; Инф. 22, 8 лет), *собака́* (Инф. 19, 5 лет; Инф. 22, 8 лет), *страницá* (Инф. 24, 6 мес.). — Интересно, что все эти существительные женского рода.

б) с неподвижным ударением окончанием:

— изменение места ударения в пределах основы слова: *га́раж* (Инф. 21, 6 мес. ; Инф. 24, 6 мес. ; Инф. 20, 5 лет; Инф. 22, 8 лет), *ка́рандаш* (Инф. 22, 8 лет), *кара́ндаш* (Инф. 21, 6 мес. ; Инф. 24, 6 мес. ; Инф. 23, 8 лет);

— перенос ударения с флексии на основу: *мо́сты* (Инф. 24, 6 мес.; Инф. 22, 8 лет; Инф. 23, 8 лет), *ста́тья* (Инф. 21, 6 мес. ; Инф. 20, 5 лет; Инф. 22, 8 лет);

2) наблюдается нарушение ритмической модели слова с подвижным ударением:

— изменение места ударения в пределах основы слова: *подпи́сать* (Инф. 21, 6 мес.; Инф. 20, 5 лет; Инф. 22, 8 лет), *у́чить* (Инф. 21, 6 мес.; Инф. 22, 8 лет), *посмо́трел* (Инф. 21, 6 мес.; Инф. 24, 6 мес.);

— перенос ударения с основы слова на его флексию: *купи́л* (Инф. 24, 6 мес.; Инф. 23, 8 лет; Инф. 17, 10 лет), *спроси́т* (Инф. 21, 6 мес. ; Инф. 24, 6 мес.; Инф. 19, 5 лет; Инф. 22, 8 лет; Инф. 23, 8 лет; Инф. 17, 10 лет), *у́чит* (Инф. 21, 6 мес. ; Инф. 24, 6 мес.; Инф. 23, 8 лет), *смотре́т* (Инф. 24, 6 мес. ; Инф. 20, 5 лет; Инф. 23, 8 лет);

— перенос ударения с флексии слова на его основу: *прóстой* (Инф. 21, 6 мес.; Инф. 24, 6 мес.; Инф. 22, 8 лет), *на гу́бах* (Инф. 21, 6 мес. ; Инф. 24, 6 мес.; Инф. 22, 8 лет), *гла́ва* (Инф. 24, 6 мес.; Инф. 22, 8 лет), *судья́* (Инф. 21, 6 мес.; Инф. 24, 6 мес.; Инф. 19, 5 лет; Инф. 22, 8 лет).

Анализ материала с точки зрения подвижности—неподвижности ударения в русских словах также позволяет предположить произвольный характер расстановки ударения в русских словах арабскими студентами.

После проведения серий опытов студентам был задан вопрос, уверены ли они в правильности определения места ударения в слове. Все студенты дали одинаковый ответ: “Мне так кажется”. Если студентам предлагались на выбор

варианты одного и того же слова с разным местом ударения (например, *собáка*, *сòбака*, *собакá*), то студент безошибочно выбирал правильный вариант. Однако, если студент сам пытался произносить разные с точки зрения акцентологического оформления варианты одного и того же слова, то возникали трудности в верном определении места ударения, поскольку акцентологические варианты одного и того же русского слова произносились арабскими студентами почти одинаково: отсутствовала правильная количественно-качественная редукция гласных, которые произносились или с почти одинаковой степенью интенсивности или с почти одинаковой длительностью.

Можно предположить, что большое количество слов с неправильно определенным местом ударения в слове объясняется неверным воспроизведением природы русского ударения и ее неверным восприятием. В связи с этим явление ударенности требует фонетической постановки, как и отдельные (но не изолированные) звуки русской речи. Данный вопрос нуждается в подробном рассмотрении с методической точки зрения, поскольку учебный материал, на основе которого можно осуществлять постановку словесного ударения, пока отсутствует во вводно-фонетических курсах, однако представлен в учебном пособии для иностранных студентов И. М. Логиновой [3]: ритмические модели слова предлагаются в определенной лингводидактической последовательности при строгом соблюдении фонетических позиций.

Литература

1. Гранде Б. М. Сохранение “слогового ритма” в некоторых моделях слов // Арабская филология. Сб. статей. Под ред. А. А. Ковалева, Г. М. Габучана. — М.: Изд-во МГУ, 1968. — С. 80-85.
2. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. — М.: Наука, 1967. — 370 с.
3. Логинова И. М. Автоматизация навыков произношения русского слова. — М.: Изд-во УДН, 1981. — 71 с.
4. Ромачев Б. Н. Вопросы словесного ударения в современном арабском литературном языке: Авторефер. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. — М.: Изд-во МГУ, 1967. — 23с. / В надзаг.: Институт восточных языков.
5. Федянина Н. А. Ударение в современном русском языке: Авторефер. дисс. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук. — М.: 1989. — 38 с. / В надзаг.: Институт русского языка им. А. С. Пушкина.
6. Abdo D. A. Stress and Arabic Phonology, Thesis. — University of Illinois, 1969. — 174 pp.
7. Al-Ani S. H. Arabic Phonology. An Acoustical and Physiological Investigation. — Mouton, The Hague—Paris, 1970. — 102 pp.
8. Jong K. de, Zawaydeh B. A. Stress, Duration and Intonation in Arabic Word-Level Prosody // Journal of Phonetics. — London: Academic Press Inc. Limited, 1999. — Volume 27, №1. — P. 3-22.

Статья поступила в редакцию 28 октября 2004 г.

УДК 811.161.1'243

*Г. А. Тузова***УЧЕТ КУЛЬТУРЫ АДРЕСАТА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**

Современное развитие науки способствует быстрому распространению моральных и материальных ценностей, что приводит к их унификации, но нашу непохожесть отстаивает культура.

Актуальность проблемы заключается в том, что лингвокультурологический аспект преподавания на данном этапе является одним из ведущих в методике преподавания русского языка как иностранного. Нельзя успешно обучать иностранному языку, не будучи ознакомленными с культурой страны, из которой прибыли обучаемые, не зная их духовные и материальные ценности.

Еще на учредительной конференции МАПРЯЛ в 1967 году было решено содействовать связи преподавания русского языка с изучением страноведения. Евгений Михайлович Верещагин на II международном конгрессе МАПРЯЛ в 1976 году сделал анализ лингвострановедческого аспекта. На X конгрессе МАПРЯЛ (2003 г.) большое внимание было уделено лингвокультурологическому аспекту в выступлениях ведущих языковедов.

В своем выступлении мы будем рассматривать необходимость учета культуры адресата в процессе преподавания русского языка иностранцам. При этом особое внимание будет уделено особенностям работы с иностранными студентами из Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Камбоджа), необходимости учета особенностей их культуры, традиций и обычаев, с которыми автор этой статьи знакомился, длительное время работая со студентами из Вьетнама и Камбоджи и общаясь с ними в их странах.

Материалом исследований являются вербальные и невербальные средства общения, особенности этикета, взаимоотношений, отражение этих явлений в пословицах и поговорках, в быте и нравах.

Каким бы ни был метод преподавания, перед преподавателем всегда встают вопросы, связанные с проблемой соотношения языка и действительности, языка и общества, языка и истории, языка и культуры. Э. Тайлор дал первоначальное определение культуры в научной литературе.

Язык не существует вне культуры, он является составной частью культуры. Знание лишь единиц языка недостаточно для владения языком как средством общения, для этого нужно познание мира изучаемого языка, т. е. культуры. Межкультурная компетенция возникает на стыке культур.

Современная методика много внимания уделяет проблеме взаимодействия языка и культуры во время обучения. Социокультурный метод в обучении языку является ведущим. Культура — это то, что нужно знать и понимать, чтобы вести себя правильно в обществе. «Культура включает в себя знания о различных сферах жизни носителей языка, системе свойственных им ценностей, спо-

собах поведения” [6, с. 282]. Язык является хранителем культурных ценностей и передатчиком их. Как говорил Пассов, “культура через язык, язык через культуру”. Обучать нужно в диалоге культур. Обучать нужно:

- а) типичным явлениям;
- б) достоверным явлениям;
- в) соотношению своей культуры и иноязычной;
- г) учитывать возрастные интересы учащихся;
- д) воспитательные и общеобразовательные ценности.

Компоненты культуры:

1. Фоновые знания (культуроведческие темы, сферы, ситуации):

2. Средства языка, которые обеспечивают межкультурные общения:

- а) вербальные средства общения, безэквивалентная лексика;
- б) невербальные средства общения — жесты, мимика, телодвижения, позы.

Они передают до 65% информации. Незнание норм невербального поведения может привести к шоку. Существуют словари норм невербального поведения (Акишина, 1991);

3. Особенности национальной ментальности. Она основана на знаниях, которыми владеют эти люди, их представлениях о нормах жизни, результат этого — их поведение;

4. Обучение этикету (знание правил поведения вербальных и невербальных). (Например, в Камбодже даже маленький ребенок при встрече в знак приветствия складывает ручки на груди, как это делают взрослые);

5. Знание тактики речевого поведения в различных ситуациях.

Под влиянием родной культуры и сложившихся ранее представлениях в процессе изучения языка формируется знание новой культуры при опоре на диалог культур. В результате знакомства с культурой страны изучаемого языка у учащегося появляется способность к межкультурному общению. “Страна — это единство народа, природы и культуры” [2, с. 27].

Межкультурное общение — взаимопонимание участников коммуникации — формируется во время речевой практики.

Еще недостаточно исследована проблема развития способностей к межкультурному общению. Помогает общению открытость, терпимость, готовность к общению.

Знакомство с фактами изучения культуры находится в прямой зависимости от уровня языковых знаний.

В национально-ориентированных учебниках предполагается не одностороннее знакомство с культурой страны изучаемого языка, желательно использовать материалы, посвященные родной для учащегося культуре. Учет родной культуры проявляется при отборе лексического минимума. Одна из главных задач — научить говорить об окружающей среде по-русски, рассказать о себе, о своей жизни, родных, стране. Отсюда подбор соответствующей русскоязычной лексики (пальма, вол, рис, сахарный тростник) и безэквивалентной лексики (нэм, фэ, бун, сафари).

Необходимо сопоставление лексического фона слов (например, 1 сентября — во Вьетнаме не несут цветы, нет линейки, нет каникул зимой, уроки с 8 утра до 11, перерыв 2 часа, потом с 1 часа до 5). Опора на факты родной культуры облегчит семантизацию слов.

Во время общения люди оценивают друг друга с позиции собственной культуры, с позиций традиций и стандартов, присущих ей (этноцентризм). Полагаясь на свой опыт, пытаются предсказать коммуникативное поведение собеседника, но если собеседники представляют разные культуры, то и опыт будет разным.

Если опираться на традиции этноцентризма, то становится ясно, что все люди считают элементы своей культуры правильными, а то, что в другой культуре — неправильно. Обычно считаются свои обычаи как универсальные. Коммуникативное поведение является компонентом его национальной культуры и регулируется национальными нормами. Игнорирование национально-культурной специфики поведения может стать причиной коммуникативных недоразумений. Особенно мешают стереотипы, которые могут сформироваться из ложных посылок. Вот эти стереотипы могут очень помешать межкультурной коммуникации. Причин различий в таком поведении много, но основополагающая — тип культуры, который предопределяет и отношения между людьми и формирует культурные ценности, складываются традиции и нормы поведения. (Например, в русском языке на 1 месте — человек, на 10 — друг, я — на 36 месте, в английском языке на первом месте — я, на 2 — человек, а друг — на 73). [1, с. 100]

Сопоставляя коммуникативное поведение разных народов, нужно понять, что в каждой культуре свои концепты различного вида деятельности человека. Вежливость у русских — выполнение правил поведения, у англичан — демонстрация уважения, внимания. У русских вежливость — действительное поведение, у англичан — этикетное. Мнение о русских — русские часто перебивают, любят советовать, делать замечания, спорить, навязывать свое мнение, не всегда благодарят. Англичане не делают замечаний, очень сдержанные, умеют слушать не перебивая. (Например, одна наша соотечественница, приехав из Америки, где была год, на вопрос: “Что там было особенно необычное?” ответила: “За год мне никто не сделал ни одного поучения”.) У вьетнамцев, даже если старший по возрасту делает неверно, никто из младших не ввяжется с советом или замечанием, не извинившись 100 раз.

Необходимо знание национально-культурных особенностей. Русские часто употребляют Imperativ. У англичан минимизировано давление на адресат. В английской культуре есть зона личной автономии, в то же время допускается некоторого рода употребление фамильярности (обращение к старшим по имени), с нашей точки зрения.

У вьетнамцев очень сильна иерархия общения. Перед тем, как вступать в беседу, нужно осознать свое социальное положение и знать статус собеседника. Если не учесть этого, можно попасть в неловкое положение.

Имеются специальные слова, с которыми нужно обращаться к близкому другу [май], а если познакомились недавно, но при этом один возраст [бой], а

если младше, [эм], если старше [ань] — для мужчин, [чи] — для женщин, к маме — [мэ], к папе — [бо], если женщина старше, чем мама, то — [бол], если младше мамы — [ко] (женщине), [тю] — мужчине. Речь младшего всегда мягка и уважительна. Вьетнамец при общении оценивает собеседника, наблюдает. Их интересуют биографические данные, сколько лет, есть ли дети. Это иногда вызывает недоумение.

Никогда не называется имя даже родителями, а обращаются со словами [кой] — ребенок (к мальчикам и к девочкам). Имя называется тогда, когда нужно человека откуда-то позвать. Не называют во Вьетнаме — старший, младший, говорят — первый, второй ребенок.

По-разному приглашают в гости в различных странах. Приглашение у англичан такое завуалированное: не хотели бы вы, если бы вы смогли, что русский не всегда поймет, идти в гости или нет. И русские и английские приглашения строятся на основе своей культуры и воспринимаются, как невежественные другой стороной.

Русские благодарят короче, но это не значит, что они менее вежливые. У некоторых народов вообще нет слова “спасибо”, отдать что-то, помочь — это норма для них, не требующая особых слов (Острова Океании).

Этикет вьетнамцев — искренность и доверие, они всегда готовы помогать, если попросишь. В обращении с иностранцами вьетнамцы предпочитают добрые, равноправные отношения. Очень берегут вьетнамцы честь. Пословица “Добрая честь лучше новой рубашки” (наше — “Береги платье снову”), “Голда не вор”, “Беден да честен”. Вьетнамец отвечает за свое слово. “Добрые слова лучше мягкого пирога”.

Вьетнамцы очень благодарны, если им помогли в чем-то, они будут всеми силами стараться отблагодарить. Очень важен престиж, поэтому, зачастую, не понимая, о чем речь, вряд ли они скажут, что не понимают. будут делать вид, что все понимают, и говорить: “Да”.

В отличие от европейцев, вьетнамцы всегда говорят издали, чтобы собеседник догадался, что он хочет, даже есть поговорка “Ходить вокруг да около”. При встрече вьетнамцы не только приветствуют друг друга (chao), но и спрашивают (hai) куда идете, хотя ответ не нужен, так как в ответ услышишь то же. Нет во вьетнамской культуре в приветствии указаний на время суток, зато учитываются социальные и родовые отношения: “Здравствуй, брат”.

Во время беседы вьетнамцы очень осторожны, стараются не высказывать свое личное мнение, стараются уклониться от высказываний, могут не договаривать. Это продукт этнической общности и стиля жизни. “В каждой культуре поведение людей регулируется представлениями о том, как человеку полагается вести себя в типичных ситуациях, в соответствии с их социальными ролями”. [3, с. 22]

В любой культуре образы животных и растений составляют национальные картины мира, их восприятие имеет национальные оттенки. Проследить это можно, анализируя сказки. В русских сказках положительные животные — корова — кормилица, лошадь, собака, кошка. Дикие — волк, лиса. Особым ува-

жением пользуется корова, но в странах Юго-Восточной Азии, где не корова, а буйвол много и трудно работает на полях, поэтому корова в устном народном творчестве не упоминается. У вьетнамцев — это глупое животное (поговорка “дурной, как корова”). Лошадь — у нас символ зажиточной жизни, а у них — глупости и тяжелого труда.

У русских есть традиция приглашать на чай, угощать чаем. Югослав на приглашение к чаю может возмутиться: “Что я большой, что ли?” Вместо чая вам поднесут ромашку, мяту, отвар трав. В Пакистане просто не пьют чай без молока (если чай без молока — значит, очень бедный). По-разному относятся в разных странах к спиртным напиткам. В Югославии пьют в основном вино, которое называется ракия. Готовят чаще из слив, пьют только перед едой, для аппетита. Очень ценится ракия домашнего приготовления, ее можно подарить.

В Юго-Восточной Азии почти не употребляют крепкие спиртные напитки. Пьют вино, но очень мало, чисто символически (мужская компания из 7 человек в ресторане не осилит бутылку французского вина).

По-разному самопрезентуются представители разных культур. Русские о себе говорят скромно, американцы агрессивно, африканцы хвастливо (я красивый, умный), вьетнамцы, кхмеры вообще промолчат, откажутся дать самооценку себе.

Много направлений, тем, на которые следует обратить внимание преподавателям, работающим с иностранными студентами, чтобы помочь им быстрее адаптироваться, помочь в формировании третьей культуры, которая базируется на русской и своей, национальной.

“Каждый урок иностранного языка — это перекресток культур, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру” [4, с. 25].

Преподаватель должен строить свои отношения, учитывая сходства и различия, ценности родной культуры студентов, диагностируя возможные трудности. Особенно важно знать строгие запреты (нельзя приближаться к монаху и дотрагиваться до него, прикасаться к голове и т. д.)

Нужно учить умению: а) поддерживать разговор (начинать, заканчивать, привлекать к себе внимание); б) обсуждать разногласия (немцы хвалят, вьетнамцы чаще молчат); в) приветствовать и прощаться; г) отвечать на телефонные звонки; д) вести себя в гостях.

Необходима общая тональность общения, учет возраста и социального статуса. “Чтобы духовно брататься — надо не стыдиться своего национального быта, а нести его с горделивым духовным достоинством” [5, с. 204].

Выводы:

— для успешного преподавания русского языка иностранным студентам необходим учет национальных особенностей обучаемых, их традиций, обычаев и нравов;

— особое внимание следует уделить тому, что строго запрещается;

— зная и уважая ценности родной культуры студентов, легче создать необходимый для обучения психологический климат в группе;

— опираясь на родную культуру обучаемых и русскую культуру, успешнее формировать третью культуру.

Вот почему так важно учитывать культуру обучаемых на занятиях по русскому языку как иностранному.

Литература

1. Ларина Т. В. Вежливость в межкультурном общении // Рус. яз. за рубежом, №1, 2003 г.
2. Лихачев Д. С. Заметки о русском, 2 изд., М., 1984 г.
3. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию, М., 1997 г.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация, М.: Слово, 2004 г.
5. Шпенглер О. Закат Европы, 1992 г.
6. Щукин А. Н. К проблеме обучения русскому языку как иностранному // Материалы X конгресса МАПРЯЛ, пленарные заседания, т. 2, С-Пб, 2003 г.

Статья поступила в редакцию 5 октября 2004 г.

УДК 371.3.82.0

Е. В. Клепач, Н. А. Красс

ИЗУЧЕНИЕ НОРМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НА ЗАНЯТИЯХ ПО КУЛЬТУРЕ РЕЧИ СО СТУДЕНТАМИ-НЕФИЛОЛОГАМИ

Важнейшим фактором владения языками является нормативность речи. Знание норм — важный показатель общего культурного уровня человека, поэтому изучению норм русского литературного языка на занятиях по культуре речи следует уделять достаточно много времени. Задания по данной теме должны быть разнообразны.

Приведем примеры заданий, используемых при изучении различных типов норм.

Орфоэпические нормы. Орфоэпическая норма имеет два аспекта: норма произношения и норма ударения. Соблюдение правил в произношении имеет большое значение. Такого рода ошибки мешают воспринимать содержание речи: внимание слушающего отвлекается различными неправильностями произношения, и высказывание не воспринимается во всей полноте. Вот почему роль правильного произношения очень велика, особенно в настоящее время.

Типы заданий:

1. Прочитайте слова с безударным *о*. Обратите внимание на различное произношение этого звука в представленных группах слов. Уточните значение незнакомых слов по словарю.

Вето, сонет, соната, рококо, поощрять, фойе, болеро, ноктюрн, тоннель.

2. Прочитайте следующие слова. Обратите внимание на твердость и мягкость шипящих. Проверьте правильность произношения по словарю.

Всенощная, тщетный, брюзжать, жуужжать, расщедриться.

Правильная постановка ударения является необходимым признаком культурной грамотной речи. Иногда достаточно услышать от незнакомого человека неправильное ударение в слове (например, *новорожденный, кеАртал, катАлог*), чтобы составить не слишком лестное мнение о его образовании, общей культуре.

Типы заданий:

1. Прочитайте вслух слова, следя за правильной постановкой ударения. Запомните нормативное ударение.

ГазопровОд, Иконопись, заИндеветь, закУпорить, каталОг, фенОмен, красИвсе, звонИть, избалОваный, кУхонный.

Морфологические нормы многочисленны и касаются употребления форм разных частей речи. На занятиях по культуре речи мы уделяем внимание следующим аспектам:

— употребление имен существительных с основой на мягкий согласный и нулевым окончанием (названия животных, птиц, рыб, насекомых обычно относятся к мужскому роду, за исключением слов: *выть, моль, мышь*);

— вещественных и конкретных существительных (они могут быть мужского и женского рода, что обуславливается только традициями употребления, поэтому в случаях сомнения следует обращаться к словарям); существительных с суффиксами субъективной оценки (-ышк-, -ишк-, -ушк-, -ищ-), которые сохраняют род того слова, к которому присоединяются суффиксы: *дом — большой домике, сарай — старый сараишко, воробей — молоденький воробьишка, окунь — маленький окунишка, сильный голосище, нелепое письмишко*;

— несклоняемых существительных (их род связан со значением слова);

— существительных, имеющих вещественное значение (в родительном падеже у них есть вариантные формы: *килограмм сыра — килограмм сыру*);

— числительных (так, например, сложные числительные типа *восемьдесят, семьсот* — это единственная группа слов, в которых склоняются обе части: *восемьдесятью, семьюстами* (твор. пад.), *о восьмидесяти, о семистах* (предл. пад.); собирательные числительные (*двое, трое, ..., десятеро*) в официальной речи не употребляются, хотя по значению совпадают с количественными числительными, но и в разговорной речи их употребление ограничено: они не сочетаются с наименованиями лиц женского пола, с неодушевленными существительными, с наименованиями высоких званий, должностей (*герой, генерал, профессор* и т. п.); собирательные числительные сочетаются с наименованиями лиц мужского пола (кроме названий высоких званий, должностей): *двое мальчиков, шестеро солдат*; с названиями детенышей: *семеро крольчат, пятеро волчат*; с субстантивированными прилагательными: *семеро конных, четверо военных*).

Типы заданий:

1. Подберите к существительному определение-прилагательное.

Тюль, бра, какаду, мозоль, табель, беже, евро, пенальти, хиппи.

2. Допишите окончания, укажите возможные варианты.

Стакан ча... Выпить ча... Поддать пар... Давление пар... Банка лак...

Изготовленные лак...

3. Из данных форм выберите правильные (нормативные).

По приезде — по приезду. Красные чернила — красное чернило. Правая туфля — правый туфель.

4. Просклоняйте следующие словосочетания:

Оба друга, обе девушки, полтора ведра воды, сорок рублей, девятьсот двадцать четыре, трое людей, семеро козлят.

Лексические нормы, т. е. правила использования слов в речи, требуют особого внимания. Слово должно использоваться в том значении, которое оно имеет и которое зафиксировано в словарях русского языка. Нарушение лексических норм приводит к искажению смысла высказывания. Так, иногда нарушение лексических норм связано с тем, что иностранные учащиеся путают слова, близкие по звучанию, но различные по значению (паронимы).

Огромную роль в устной и письменной речи играет управление. Норму управления можно определить как правильный выбор падежа и предлога. Так, предлоги *из-за, ввиду, вследствие, за счет* употребляются для выражения причинно-следственных отношений и управляют родительным падежом: *из-за (чего?) невыполнения работы в срок*. Выражение тех же отношений с помощью предлогов *благодаря, согласно, вопреки* осуществляется с помощью дательного падежа: *благодаря (чему?) твоей помощи*.

Типы заданий:

1. Раскройте скобки, поставьте существительные в нужном падеже.

Согласно (приказ директора, указ президента, желание большинства). Благодаря (забота родителей, полученные знания). По (приезд в столицу, окончание переговоров).

Литературные нормы словоупотребления связаны с правильным (т. е. семантически точным и стилистически уместным) выбором слова, а также с грамматически и стилистически правильной сочетаемостью слов. Нарушение этих норм приводит: 1) к неточному образованию и употреблению антонимов; 2) к смешению близких по словоупотреблению, но не полностью совпадающих по значению и синтаксическим связям слов (синонимов); 3) к смешению в употреблении слов близких по звучанию, но разных по значению (паронимов); 4) к повторам определяемого слова в значении определяющего (плеоназмам); 5) к немотивированному употреблению на близком расстоянии друг от друга однокоренных слов (тавтологии); 6) к неоправданной замене компонентов устойчивых фразеологических оборотов; 7) к смешению стилистически разнородной лексики; 8) к избыточности в речи слов, практически не участвующих в передаче информации.

Типы заданий:

1. Устраните ошибки, связанные с неверным употреблением слов или непониманием значения слова.

Выступающий оперирует положительными примерами из жизни групп.

2. Из данных сочетаний выпишите правильные.

Бывай здоров — будь здеров. Поднять тост — произнести тост.

3. Исправьте ошибки, связанные с неоправданным употреблением заимствований, фразеологизмов.

Для всей школы этот ученик стал басней во языцах.

4. Найдите ошибки, связанные с многословием.

Президент фирмы призвал всех к совместному сотрудничеству.

5. Найдите плеонастические выражения.

Первый дебют юной певицы был весьма удачен.

6. Объясните различия между словами, которые являются паронимами.

Безответный — безответственный, осудить — обсудить, родпись — роспись.

Точность как признак культуры речи чаще всего связывается с точностью словоупотребления. Поэтому при отборе лексических средств важно учитывать многозначность слова, эмоционально-экспрессивную окраску, стилистическую характеристику, сферу употребления слова и др.

Не менее многочисленны другие виды норм, например, **синтаксические**, т. е. нормы построения словосочетаний и предложений. Так, выбор правильной формы управления едва ли не самое трудное в современной устной и письменной речи. Как следует сказать: отзыв о диссертации или на диссертацию, контроль над производством или за производством, способен на жертвы или к жертвам, памятник Пушкину или Пушкина, вершить судьбами или судьбы?

Чтобы избежать ошибок в управлении, следует учить студентов различать не только лексическое значение слов, но и грамматическое содержание той или иной конструкции. Например, слово *памятник* в значении “скульптурное сооружение в честь какого-либо лица” в обороте, указывающем на адресата, употребляется с дательным падежом — *памятник кому*, например: *памятник Пушкину, Суворову* и т. п. При указании же на исполнителя (фамилию скульптора) ставится родительный падеж принадлежности — *памятник чей (кого)*, например: *памятник Аникушина, Козловского* и т. п. Между тем высокая продуктивность родительного приименного и невнимание к грамматическому содержанию нередко приводят к синтаксическим ошибкам, типа *памятник Пушкина.

Появление синтаксических речевых недочетов обусловлено незнанием порядка слов в предложении, особенности связи сказуемого с подлежащим, приложения — с определяемым словом, дополнения — с утравляющим словом. Нарушение синтаксических норм приводит и к таким серьезным стилистическим ошибкам, как соединение глагола с разным управлением (*пили и закусывали огурцами*), неверный выбор предлогов после глагола (*оплатить за проезд*).

Распространенными отступлениями от синтаксических правил являются следующие: ненормативные синтаксические связи — неправильности в управлении и согласовании (“*В городе Москва состоялась выставка народного хозяйства*”); ошибочный деепричастный оборот (“*Не пройдя и минуты, Сашка кинул*

туда же вторую бутылку с зажигательной смесью”); соподчинение слов, требующих дополнений в разных грамматических формах (“Я бесконечно рада и горда тем, что учусь в РУДН”); неправильный порядок слов в предложении (“Жителям пострадавшего района от наводнения была оказана своевременная помощь”) и др.

Типы заданий:

1. Отметьте факты неправильной связи слов (ненормативного управления). Понимать о необходимости объединения. Объяснить о выводах комиссии.

2. Найдите ошибки, вызванные нарушением связи между сказуемым и подлежащим.

Не только наша молодежь, но и молодежь всего мира боролись и будут бороться против тех, кто нарушает права человека.

3. Исправьте текст, устранив ошибочный порядок слов или предложений.

Наши солдаты мужественно отбивали атаки рвавшегося врага к Киеву.

4. Согласуйте подлежащее со сказуемым.

Большинство школьников хорошо сдал... выпускные экзамены.

Особое внимание при изучении норм следует уделить нормам **делового стиля речи**.

Студентам можно предложить следующие задания:

1. Подберите к существительным глаголы, с которыми они могут сочетаться в деловой речи: *приказ, выговор, служебное письмо, счет, оклад, порицание, контроль, благодарность, апелляция (предъявить, осуществлять, направить, составить, устанавливать, возложить, объявить, вынести, издать, подать, предъявить)*.

2. Выберите правильный пароним: *вы уже знакомы с качеством услуг, которые мы (предоставляем — представляем)*; *прошу (оплатить — заплатить) мне расходы по командировке*.

3. Произнесите предложение, выражая негодование, недоумение, восторг: *Как, Вы уже вернулись?*

4. Прочитайте предложения с интонационными вариациями, объясните, как меняется смысл предложения при изменении интонации: *Очень хорошо все у нас получится. Вы считаете, мы понесем убытки.*

5. Определите, какие ошибки были допущены при создании словосочетаний, исправьте их: *гарантированный талон, производить совещание, соорудить киоск, апеллировать к руководству, иметь прерогативы, сего года, настоящим сообщаем*.

6. Составьте словосочетания с предлогами: *в отношении, по, в целях, при посредстве, благодаря, вследствие, вплоть до, применительно к, во избежание, согласно, по причине, в течение, в отношении к, по мере, в продолжение, в силу, соответственно, ввиду*.

7. Перепишите предложения, вставляя предлоги *благодаря, ввиду, вследствие* с учетом их лексического значения; определите, в каких документах могут быть использованы эти фразы:

1. ... ожидаемых заморозков принять меры предосторожности и провести профилактику оборудования. 2. ... повышения цен на энергоносители решения

об изменении оптовых и розничных цен на товары и услуги будут согласовываться с членами комиссии. 3. ... большого наплыва посетителей время работы выставки продлено до 19 часов.

8. Перепишите предложные словосочетания с временным значением, правильно выбирая окончания существительных (-и или -я): *присхать по (окончание института)*; *завершить до (истечение пятидневного срока)*; *расписаться по (ознакомление с решением)*; *принять решение по (прибытие на место)*.

9. Просклоняйте сложные слова: 1. *По высланному Вами (счет-фактура) были оплачены только двенадцать путевок из шестнадцати.* 2. *Руководство рассмотрело представленный Вами предварительный вариант (бизнес-план).*

10. Укажите ошибки в употреблении предложных конструкций: *департамент по строительству, реклама по России, решение по зарплате, дилер по Москве, сведения на 147 фирм нашего города, база данных по клиентом, опись на изделия.*

11. Отредактируйте предложения, устранив ошибки, связанные

— с нарушением порядка слов в предложении:

В свою очередь Подрядчик несет материальную ответственность за повреждение энергосистемы, находящейся в ведении Заказчика в полном объеме.

— с неправильным использованием деепричастных оборотов:

Принимая во внимание наше длительное сотрудничество, товар будет поставлен Вам со скидкой 5%.

— однородных членов предложения:

Различного рода вывески и реклама должны быть согласованы с руководством рынка.

— с нарушением правил создания сложных предложений:

В случае того, что смета не будет Вами утверждена, то решение принимается на расширенном заседании приемной комиссии.

В заключение хотелось бы отметить, что основная задача, которая ставится на занятиях по культуре речи — это развить умение студентов оптимально использовать средства русского языка при устном и письменном общении, причем главным образом в тех сферах, которые непосредственно связаны с их будущей профессиональной деятельностью, в частности, при деловом общении.

Литература

1. Введенская Л. А., Павлова Л. Г., Кашаева Е. Ю. Русский язык и культура речи: Учебное пособие для вузов. Ростов н/Д: Изд-во "Феникс", 2003. — 544 с.
2. Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно. М., 1993.
3. Колтунова М. В. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет. Учебное пособие для вузов. М.: "Экономическая литература", 2002. — 288 с.
4. Практикум по русскому языку и культуре речи: Нормы современного русского литературного языка / Под ред. И. Г. Проскуряковой — 2-е изд., доп. и перераб. — М.: Флинта: Наука, 2004. — 232 с.
5. Русский язык и культура речи: Учебное пособие / Под ред. проф. О. Я. Гойхмана. — М.: ИНФРА-М, 2002. — 192 с.

б. Федосюк М. Ю., Ладыженская Т. А., Михайлова О. А., Николина Н. А. Русский язык для студентов-нефилологов: Учебное пособие. — 6-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2001. — 256 с., ил.

Статья поступила в редакцию 24 сентября 2004 г.

УДК 371.3.82.0.

И. М. Колтухова, И. Г. Соколова

**ИЗУЧЕНИЕ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ НА КУРСАХ
ДЛЯ АБИТУРИЕНТОВ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
(на материале романа Булгакова "Мастер и Маргарита")**

В условиях кризиса преподавания литературы в современной школе отношение к использованию на уроках теоретико-литературных понятий является в методике предметом полемики. Сторонники замены анализа художественного произведения его "интерпретацией" считают, что на первом месте должна стоять житейская актуальность, а не осмысление его художественной природы. А между тем школа должна подготовить ученика к "жизни в культуре"[6, 272].

Классическая методика (Буслаев, Потебня, Гуковский, Рыбникова и др.) при изучении произведения никогда не отделяла форму от содержания. Таким образом, **актуальность** данной статьи состоит в обращении к этой важной проблеме именно в то время, когда создаются новые, современные концепции школьного образования.

Цель работы — на материале конкретного занятия показать процесс формирования теоретико-литературных понятий и роль их использования в понимании художественного мира произведения. Занятие проводилось со слушателями подготовительных курсов ТНУ им. В. И. Вернадского.

Требования к знаниям абитуриентов, поступающим на филологический факультет ТНУ, как известно, достаточно высоки. Они предполагают не просто элементарное владение основными понятиями теории литературы в соответствии со школьной программой, но и практическое использование этих понятий при анализе литературных произведений как на устном, так и на письменном экзаменах. К сожалению, существует серьезный разрыв между реальными навыками анализа художественного текста у большинства абитуриентов и экзаменационными требованиями. Более всего это касается теории литературы. На подготовительных курсах с целью преодоления этого разрыва ведется систематическая работа по изучению теории литературы.

Слушатели знакомятся с родами, жанрами, литературными направлениями и течениями, основами стихосложения, видами тропов. Но наиболее трудным для них является освоение эстетических категорий: **трагическое, комическое, возвышенное, фантастическое.**

С этими понятиями, а также с разновидностями комического (юмор, сатира) и приемами его создания (ирония, сарказм, гротеск) обучаемые знакомились на протяжении всего курса в процессе изучения творчества русских писателей 19 столетия (Гоголь, Достоевский, Некрасов, Салтыков-Щедрин).

Занятие, посвященное Булгакову-сатирику (2 часа), дает возможность еще раз обратиться к изучению этих понятий, систематизировать их, а также на материале романа «Мастер и Маргарита» показать продолжение и развитие гоголевской сатирической традиции в творчестве Михаила Булгакова и **многообразие сатирических приемов**, используемых автором.

Поскольку слушатели курсов — это ученики 11-х классов, для сравнения с собственными наблюдениями, мы обратились также к рекомендациям учителей и методистов, которые изложены в статьях, посвященных изучению творчества М. А. Булгакова в школе [3, 4].

Современные школьники знакомы с определенными фактами биографии Михаила Булгакова. Они знают в общих чертах историю создания и публикации романа «Мастер и Маргарита». Недавнее для старшего поколения прошлое они, однако, что вполне естественно, воспринимают как нечто далекое и нереальное. Им очень сложно представить себе, что книга, которая сейчас изучается в школе в обязательном порядке, много лет была недоступна читателю.

Поэтому занятие начитается с показа первого издания романа, журнала «Москва» и с рассказа о том, какая очередь выстраивалась за ним, как давали друзьям почитать его на одну ночь. Но и десять, и пятнадцать лет спустя, уже тогда, когда появился в печати не сокращенный журнальный вариант, а полный текст произведения, роман по-прежнему оставался дефицитом и был предметом спекуляции на книжном черном рынке. Он стоил тогда примерно столько же, сколько золотое кольцо. И нам известен случай, когда в подарок ко дню рождения был выбран именно роман.

Итак, произведение, которое писалось «в стол», нашло дорогу к читателю. Оно неисчерпаемо. В нем сплавлены в нерасторжимое единство реальность и фантастика, лирика и сатира. Поэтому сегодняшний разговор о Булгакове-сатирике так или иначе будет связан со сложностью и многообразием его произведений. В каких из них он проявляет себя как сатирик?

Во многих, начиная с «Записок юного врача». И в «Белой гвардии», и в «Рокковых яйцах», и в «Дьяволиаде», и в «Собачем сердце», и в ряде других.

Далее следуют короткие сообщения слушателей об уже изученных понятиях: **комическое, юмор, сатира** — с использованием примеров из произведений Булгакова. Среди удачных примеров можно отметить следующие:

«Записки юного врача» (рассказ «Стальное горло»). После трахеотомии, когда герою удалось спасти умирающую от дифтерии маленькую девочку, по деревням прошел слух, что «доктор вшил Лидке стальное горло».

— Так и живет со стальным горлом? — спросил я.

— Так и живет. (**Юмор** ситуации в том, что вопрос задает сам врач, делавший операцию)

«Белая гвардия»: Алексей Турбин едва не погибает, потому что, заранее избавившись от компрометировавших его документов, просто-напросто забывает снять погоны, а за ним гонятся петлюровцы. (Ситуация **трагикомическая**).

«Собачье сердце»: Шариков категорически отказывается ходить в театр: «Да дурака валяние... — Разговаривают. разговаривают... Контрреволюция одна». (Сатирическая направленность в адрес критиков из РАППа, постоянно искавших контрреволюцию в булгаковских пьесах. Критики уподоблены дикому, невежественному Шарикову).

После обсуждения сообщений делается вывод: **комическое** в произведениях Булгакова имеет очень разнообразные формы и проявления, оно всегда связано с раскрытием характеров персонажей, с осмыслением жизненных ситуаций, всегда соседствует с серьезными и даже **трагическими** событиями, а порой и неразрывно связано с ними.

Встречались ли мы с чем-то подобным в русской литературе 19 столетия?

Гоголевский художественный принцип «озирать всю громадно несущуюся жизнь ... сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы» был Михаилу Булгакову необычайно близок.

А что нам известно об отношении Михаила Афанасьевича Булгакова к Николаю Васильевичу Гоголю и его творчеству?

В знаменитых булгаковских фельетонах 20-х годов встречаются гоголевские персонажи, перенесенные автором в современную ему Москву. Собакевич, Коробочка, Чичиков спекулируют и наживаются в период нэпа. Нам известно о том, что Булгаков написал для постановки во МХАТе сценарий «Мертвых душ». По воспоминаниям близких писателя, он относился к Гоголю благоговейно. Думая о Гоголе, в одном из своих писем Булгаков воскликнул, обращаясь к нему как к учителю: «... Укрой меня своей чугунной шинелью!»

То, что произошло после смерти Булгакова, выглядит просто мистически, хотя и имеет вполне реальное объяснение. Вот как об этом рассказал известный литературовед и критик Владимир Лакшин:

« Булгаков умер в марте 1940 года. Тело его сожгли, а урну похоронили в вишневом саду Новодевичьего некрополя, недалеко от Чехова, среди могил старейших артистов Художественного театра. Долго на могиле его не было ни креста, ни камня. ... Елене Сергеевне хотелось, чтобы памятник Булгакову был скромным и долговечным, а ничего подходящего не находилось. В поисках плиты или камня Елена Сергеевна захаживала в сарай к гранильщикам и подружилась с ними. Однажды среди обломков мрамора, старых памятников она увидела огромный черный ноздреватый камень. Ей сказали, что это Голгофа, символический камень с крестом, напоминающий о страданиях Христа. Этот черноморский гранит нашел и привез из Крыма на лошадях один из братьев Аксаковых, чтобы положить на могилу Гоголя. В 30-е годы прах Гоголя был перенесен из Данилова монастыря на Новодевичье кладбище, а к юбилею был поставлен слезавый бюст с золотой надписью под ним: «От советского правительства». Голгофу же с крестом выносили в яму.

Вот этот-то многотонный камень извлекли с трудом с того места, где он лежал, по деревянным подмостьям переволокли к могиле Булгакова, и глубоко ушел он в землю. Гоголь уступил свой надгробный камень Булгакову. Сбылось по его слову: «... Укрой меня своей чугунной шинелью!» [5, с. 32-33]

Все это выглядит как притча, невероятная и в то же время вполне правдивая.

В чем мы видим сходство в судьбах и творчестве двух русских писателей, которых разделяло почти столетие? Учащимся предлагается вспомнить слова Некрасова о Гоголе: «Он проповедовал любовь враждебным словом отрицанья». Роман «Мастер и Маргарита», как и все великие, вечные книги человечества, посвящен всесилию и непобедимости любви. Гоголя и Булгакова сближают твердость нравственной позиции, следование своим эстетическим принципам, несмотря на преследования и гонения, неповторимый сплав лирического и сатирического начал.

Давайте также еще раз вспомним лирическое отступление из начала седьмой главы «Мертвых душ» о судьбе сатирического поэта:

«Горьким смехом моим посмеюся».

Над кем и над чем смеется Булгаков в «Мастере и Маргарите?»

Какие уже давно известные, ставшие традиционными сатирические приемы он использует?

Начнем с говорящих фамилий-характеристик. Часть из них абсолютно прозрачна: Босой, Павианов, Богохульский, Лиходеев. **Степа Лиходеев** действительно творит всякие гнусности, «олиходейства» (... они .. жутко свинячат. Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используя свое положение, ни черта не делают...)

Несколько сложнее понять значение фамилии **Бездомный**, которая сочетается с именем Иван, ставшим национальным символом. Во-первых, что важно, это не настоящая фамилия, а псевдоним, весьма напоминающий псевдонимы и фамилии известных советских поэтов и писателей 20-30-х годов: Александр Безыменский, Демьян Бедный, Артем Веселый, Михаил Голодный и пр. Однако не только такого рода ассоциации должны возникнуть у читателей. В рукописном варианте персонаж именовался еще прозрачнее, **Безродным**. Пролетарский поэт-массолитовец чудовищно невежествен. Он пишет заказанную ему антирелигиозную поэму, его творения публикуются, он даже имеет некоторую известность. Но при этом он и «Фауста» не читал, и покойного Канта готов отправить на Соловки. «Человек девственный», по мягкому выражению Мастера, он намерен создавать (и создает) «новую пролетарскую культуру», не имея никакой. Он **бездомен** в очень широком понимании этого слова. Вспомним, что у Булгакова понятие дома глубоко символично. Это не только семейные связи, но и традиции, корни, из которых и вырастает человеческая личность. А персонаж Булгакова — **ИВАН**, но, увы, не помнящий родства.

В конце романа, после того как герой прошел через суровые испытания, исчезают в нем агрессивность и злобность, воинствующее неверие и презрение к знаниям, его «политическая бдительность». Он отказался от своих «чудовищ-

ных» стихов и, что немаловажно, от своего псевдонима. Сотрудник Института истории и философии, профессор Иван Николаевич Поньрев — это человек, который обрел утраченный **ДОМ**, или, во всяком случае, ищет к нему пути.

Что же касается фамилии **Берлиоз**, (а в представлении Иванушки известный композитор является «однофамильцем» председателя МАССОЛИТа), то здесь нужно обратить внимание на то, что перед читателем прежде всего **чиновник** от искусства, то есть человек чуждый искусству (**НЕ КОМПОЗИТОР**). Он, несомненно, умен, образован, даже эрудирован, но тем страшнее то, что он делает. Ради дачи в Перельгине, обедов в писательском ресторане и прочих привилегий он искусно использует и направляет агрессивное невежество **иванушек**. Он циничен, прагматичен, равнодушен ко всему, кроме своей карьеры. Свои знания Берлиоз поставил на службу порочной, преступной идее, смысл которой хорошо понимает. Поэтому и наказан он так страшно («... аще кто соблазнит малых сих...»). Посмертное наказание, постигшее Берлиоза, страшнее наказания грешников и преступников, собранных Воландом на бал в полнолуние. Они все время находятся в аду и подвергаются адским мукам, но у них есть пусть крохотная надежда на прощение и искупление. Берлиозу же дано увидеть, что загробная жизнь существует, и после этого быть отправленным в небытие. («Каждому дается по вере его»).

В качестве домашнего задания можно предложить слушателям проанализировать остальные говорящие фамилии.

Мастерство Булгакова-сатирика очень богато, он использует разнообразные сатирические приемы, и одним из объектов его сатиры являются деятели МАССОЛИТа. Авторская ирония, переходящая в сарказм, проявляется в обмене репликами между Коровьевым и Бегемотом возле «Грибоедсва»:

— Приятно думать о том, что под этой крышей скрывается и вызревает целая бездна талантов.

— Как ананасы в оранжереях...

Вероятность того, что кто-то из нескольких тысяч «подвижников» создаст шедевр, подвергается сомнениям: «Если на эти нежные тепличные растения не попадет какой-нибудь микроорганизм, не подточит их в корне, если они не загниют! А это бывает с ананасами! Ой-ой-ой, как бывает!»

Беседа со «скучающей гражданкой в белых носочках» выглядит откровенно нелепо. Для нее писатель тот, кто имеет удостоверение МАССОЛИТа. (Вспомним, Мастер создает свой бессмертный роман в подвальчике на Арбате и, конечно же, данного удостоверения не имеет, а сгало быть, и писателем, с точки зрения таких «гражданок», считаться не может). Саркастично и в то же время парадоксально звучат размышления «двух негодяев» о «подвижниках, решивших отдать беззаветно свою жизнь на служение Мельпомене, Полигимнии и Талии». Саркастично потому, что эти так называемые «подвижники» благополучно извлекают из своего писательского положения определенные материальные выгоды (их в первую очередь интересует ресторанчик, т. е. пища материальная, а отнюдь не духовная). Выходит, что уже попал на них некий микроорганизм, и хотя внешне это незаметно, они загнивают. Парадоксальность же

утверждения состоит в том, что мысль о подвижничестве писателя (ибо настоящий художник всегда подвижник) высказана “негодяем” (здесь уместно вспомнить эпиграф к роману).

Таким образом, в этом эпизоде мы видим соединение низкого и высокого: оба плута записались в книге посетителей под фамилиями “Панаев” и “Скабичевский” (явно шутовская выходка) и в то же время реплика “гражданки в носочках”: “Достоевский умер” — парируется лаконично, но с подлинной высокой патетикой: “Протестую! Достоевский бессмертен!”. Обратим также внимание на важную деталь: не случайное упоминание автором о “толстой конторского типа книге” как о свидетельстве попытки бюрократить искусство.

У М. А. Булгакова мы видим (опять же как продолжение гоголевской сатирической традиции) сочетание фантастического и комического (в гротеске, например). Это и сены в варьете, и сдачи валюты, и бала. Через фантастическое развиваются понятия добра и зла, оно необходимо и крайне важно для разрешения нравственно-философских проблем.

Рассмотрим сцены, в которых фантастическое играет сатирическую роль: это яркие **гротескные** сцены. Кот в трамвае (гл. 4) собирается платить за проезд. Вспомним так поразившее Ивана поведение кондукторши: “Котам нельзя! С котами нельзя!” Абсурдно не само фантастическое явление, а реакция на него окружающих. Никто не удивился, не заинтересовался. Тулая раздражительность, злость и агрессивность — вот отношение ко всему, выходящему за привычные рамки.

В сцене временного исчезновения председателя зрелищной комиссии (гл. 17) явно прослеживается параллель с гоголевским «Носом». Здесь осуществляется буквальная реализация метафоры. Прохор Петрович восклицает: “Черти бы меня взяли!” и исчезает (к чертям). Костюм же успешно справляется с бумагами во время отсутствия хозяина, и тот, вернувшись, одобряет все резолюции, наложенные костюмом. Гротескная, фантастическая, доведенная до абсурда ситуация способствует раскрытию глубокой жизненной правды. Тупость и самодовольство “значительного лица”, его невежество и хамство — это дикие и в то же время привычные и естественные составляющие бюрократической системы.

Следующий этап занятия посвящен сочетанию трагического и комического в романе.

Сначала идет повторение понятия «трагическое», а затем следует анализ сцены из 2 главы разговор Пилата и Иешуа о том, «Что есть истина?»

Допрос Пилатом Иешуа — наиболее яркий и сильный в эмоциональном отношении эпизод этой главы, так как речь здесь идет о жизни и смерти, о выборе и о смерти духовной. У Булгакова так же, как и у Гоголя, чьи традиции он продолжает в своем романе, **комическое** сочетается с **трагическим** и **сатирическое** переплетается с **бытовым**.

Высокий трагический накал (переключка с Достоевским) состоит в том, что Иешуа не хочет страха и преклонения перед чудом, не пользуется чудом и дает Пилату свободу выбора, хотя ему дано все знать наперед, и чисто по-челове-

чески он боится страданий и смерти. Высокий трагизм заключается в его словах: «Истину говорить легко и приятно». Абстрактный спор об истине переходит в плоскость быта: «Истина ... в том, что у тебя болит голова ...». Высшее милосердие проявляется в этих словах Иешуа, знающего все о себе и Пилате и, как уже было сказано, не использующего свою силу, а дающего возможность (и право) игемону сделать собственный самостоятельный выбор. Иешуа приходит на помощь грешнику и избавляет его от головной боли, от страданий, хотя и знает, что тот через несколько минут не посмеет отменить приговор и пошлет его на распятие.

Комическое проявляется в сарказме Пилата, когда речь заходит о Левии Матвее, сборщике налогов, все бросившем и пошедшем за Иешуа. Комична также фигура секретаря, который не представляет себе, что в игемоне можно увидеть Человека; его реакция на то, что бродяга говорит на равных с грозным прокуратором Иудей.

Итог занятия — это вывод о мастерстве Булгакова-художника, сумевшего в сатирических главах романа, и шире, всего своего творчества, опираясь на традиции русской и мировой классики, сказать собственное слово о мире: «Талант потому и талант, что способен» не только «сказать в диалоге человека с жизнью свою «реплику», ... но и «выразить направление, в котором развивается человек и мир» [6, с. 271].

Выводы по статье: в работе преподавателя необходимо «последовательное и целенаправленное обращение к теоретико-литературным понятиям» с целью «овладения учащимися умениями и навыками использования этих понятий как орудия содержательного целостного анализа художественных произведений» [1, с. 286-287]. «Использование теоретико-литературных понятий при рассмотрении идейно-художественного своеобразия произведения, его нравственного потенциала является условием включения в содержание литературного школьного образования обязательного компонента умений самостоятельно использовать систему знаний, представлений и понятий» (там же). Итоги, к которым приходит большинство ведущих методистов, таковы: теоретико-литературные понятия, формируемые в процессе литературного образования, обязательно способствуют углублению читательского опыта учащихся, обогащают их эмоциональную и духовную жизнь, помогают овладеть критериями оценок произведений искусства. «Такого рода знания только усиливают эстетическое наслаждение», а отнюдь не мешают восприятию художественных явлений [5, с. 6]. В работе на курсах нами учитываются рекомендации и опыт Г. А. Гуковского и М. А. Рыбниковой, мы также не забываем и об утверждении Л. С. Выготского о том, что «только в системе понятие может приобрести осознанность и произвольность» [2, с. 248].

Литература

1. Богданова О. Ю., Леонов С. А., Чертов В. Ф. Методика преподавания литературы. — М.: «Академия», 2002.
2. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. — М., 1956.

3. Карсалова Е. В. Совесть, истина, человечность... (Роман М. А. Булгакова "Мастер и Маргарита" в выпускном классе). // Литература в школе. — 1994. — №4. — С. 72-79.
4. Киселев А. К. Роман М. А. Булгакова "Мастер и Маргарита" в 11 классе. // Литература в школе. — 1991. — №1. — С. 102-108.
5. Лакшин В. Я. Булгакиада — Киев: «Радянська Україна», 1991. — С. 32-33.
6. Маслова В. А. Филологический анализ поэтического текста. — Минск, 1999.
7. Муценко Е. Г. Не начать ли с вопроса: Зачем? Полемиические заметки // Филологические записки. — Воронеж, 1997. — Выпуск 8. — С. 264-272.

Статья поступила в редакцию 22 сентября 2004 г.

УДК 371.315:811.161:81"367

Т. В. Аржанцева

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВНОСТИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ "ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ" В 5-м КЛАССЕ

Грамматическая однородность рассматривается современной синтаксической наукой как самостоятельное явление синтаксического строя языка. К критериям однородности относятся семантико-стилистические функции членов предложения (перечисление предметов, признаков, действий для точного описания обстановки, картины природы; описания последовательно или одновременно совершающихся событий), а также грамматические признаки:

- 1) наличие сочинительной или бессоюзной связи (при отсутствии союзов показателем связи служит интонация перечисления или сопоставления);
- 2) тождество синтаксических функций членов по отношению к одному и тому же слову в составе предложения;
- 3) единообразие морфологического выражения;
- 4) возможность иметь пояснительные слова;
- 5) способность представлять несколько одноименных рядов в предложении.

С точки зрения логики однородные члены предложения — это видовые понятия, которые могут быть объединены родовым понятием. — обобщающим словом. Обобщающие слова "...называют то родовое понятие, виды которого передаются однородными членами". [1]

Понятие обобщающих слов, кроме логического обобщения понятий, выражаемых однородными членами, имеет следующие грамматические признаки:

- 1) тождественность синтаксической функции обобщающих слов и однородных членов предложения;

2) способность обобщающих слов быть любым членом предложения (как главным, так и второстепенным);

3) возможность быть выраженными любой частью речи и в синтаксическом отношении представлять как отдельное слово, так и целое словосочетание и даже сложную синтаксическую конструкцию;

4) способность находиться как впереди, так и после однородных членов;

5) определенное интонационное оформление.

Приступая к изучению темы "Предложения с однородными членами", нужно помнить о том, что на изучение этой темы в восьмом классе отводится всего 5 часов. Этим определяется необходимость опережающего изучения однородных членов в пятом классе, равно как и тем, что все сведения об однородных членах предложения, предлагаемые программой (исключая понятия об обобщающих словах), известны учащимся из начальной школы. С третьего класса дети знают, что члены предложения, которые отвечают на один и тот же вопрос и относятся к одному и тому же слову, называются однородными членами предложения, что однородными могут быть как главные, так и второстепенные члены, что однородные члены могут иметь при себе зависимые слова. Им известно, что однородные члены могут соединяться с помощью союзов И, А, НО. Перед А, НО ставится запятая; если И употребляется один раз, запятая не ставится. В начальной школе дети узнают о том, что однородные члены, соединенные союзом И, произносятся с перечислительной интонацией, а соединенные союзами А или НО — с интонацией противопоставления. Даже навык логического членения родовых понятий на видовые и обобщения перечисляемых однородных понятий приобретает учащимся еще в третьем классе. Ещё до начала изучения этой темы в пятом классе дети понимают, что обобщающие слова обозначают то, что порознь выражается перечнем однородных членов. Таким образом, программа пятого класса почти полностью дублирует теоретический материал учебника третьего класса. Новым по сравнению с начальной школой является только определение понятия вводных слов и правило постановки знаков препинания при них. Причем пятиклассникам предлагается только правило постановки двоеточия перед однородными членами, стоящими после обобщающего слова. Знакомство с правилом постановки тире неоправданно отсрочено до восьмого класса. В такой постановке вопроса отсутствует логика. Если пятиклассники в состоянии справиться с первым случаем, то для чего знакомство со вторым случаем откладывать на три года.

Кроме того, если ограничиться в пятом классе только теми вопросами, которые определены программой, то в восьмом классе не останется времени на практическую отработку трудных случаев, а их немало.

1. Предложения с несколькими рядами однородных членов, соединённых союзом И.

2. Разграничение сложносочинённых предложений с одиночным союзом И и предложений с однородными сказуемыми, имеющими зависимые слова, которые тоже соединены одиночным союзом И.

3. Однородные и неоднородные определения.

4. Знаки препинания при однородных членах предложения с обобщающими словами, если однородными членами предложение не заканчивается.

Представляется разумным для изучения в 8 классе оставить два последних вопроса, все остальные должны быть отработаны на практическом уровне в 5-7 классах.

Изучение обобщающих слов при однородных членах предложения в пятом классе, нам кажется, должно иметь целью развитие следующих навыков:

- 1) логически правильного обобщения видовых понятий и членения родового понятия;
- 2) определение границ обобщающих слов;
- 3) использования богатства морфологических средств для выражения обобщения;
- 4) правильного согласования обобщающих слов с однородными членами и другими членами предложения;
- 5) правильного интонирования предложений с обобщающими словами;
- 6) правильной постановки не только двоеточия, но и тире (в те случаях, когда обобщающее слово стоит после однородных членов).

Более всего учащихся затрудняет определение границ обобщающих слов, что сказывается на формировании пунктуационного навыка. Необходимо учитывать и то, что в самостоятельной речи совсем не используется богатство и разнообразие грамматических средств выражения обобщающих слов при однородных членах. Трудности вызывает и согласование обобщающих слов с однородными членами и другими членами предложения.

Все эти моменты учитывались нами при подборе тренировочного материала к урокам. Необходимые теоретические сведения были даны на двух уроках (на втором уроке дано понятие об обобщающем слове).

По сравнению с начальной школой в пятом классе дано более конкретное понятие об однородных членах. Для осуществления этого замысла на доске были записаны предложения:

1. Иней лежал на деревьях.
2. Иней лежал на крышах домов.
3. Иней лежал на траве.

Учащимся было предложено соединить эти предложения в одно (Иней лежал на деревьях, на крышах домов, на траве), после чего заданы вопросы:

1. К одному или разным словам относятся слова *на деревьях, на крышах домов, на траве*? К какому именно?
2. На один и тот же вопрос или на разные вопросы они отвечают? Какой именно?
3. Каким членом предложения они являются?
4. Как они произносятся, с какой интонацией?

На основании ответов учащихся учителем делается вывод: члены предложения, которые отвечают на один и тот же вопрос, относятся к одному и тому же слову и произносятся с перечислительной интонацией, называются однородными.

Затем работа продолжалась по таблице, которая дана была учащимся в незаполненном виде.

Предложение	Средства связи	Знаки препинания	Графическое обозначение
1. Сон приходит втихомолку, пробирается сквозь щелку. 2. Зимой солнце ярко светит, но не греет. 3. Ветер то глухо завывал, то свистел порывисто. 4. Я подошел к окошку и луч поймал в ладошку. 5. Книга лежит на полке или на столе. 6. И туман, и непогоды осень поздняя несет. 7. Дай мне или ручку, или карандаш. 8. Зимой и летом, осенью и весной прекрасен крымский лес.			

В таблице расширены сведения о союзах, которые соединяют однородные члены предложения, о постановке знаков препинания между однородными членами, соединенными повторяющимися союзами И, ИЛИ, а также о постановке знаков препинания в том случае, когда союз И соединяет однородные члены предложения попарно.

Заполняя таблицу, учащиеся читают предложения с правильной интонацией, находят и подчеркивают однородные члены предложения, определяют способ соединения однородных членов, отмечают знаки препинания, с помощью учителя показывают графическое обозначение.

Предложение	Средства связи	Знаки препинания	Графич. обозначение
1. Сон <u>приходит</u> втихомолку, <u>пробирается</u> сквозь щелку.	Без союзов интонация	Запятая ставится	О, О
2. Зимой солнце ярко <u>светит</u> , но не <u>греет</u> .	Союз НО	Запятая ставится	О, но О
3. Ветер то глухо <u>завывал</u> , то <u>свистел</u> порывисто.	Союз ТО-ТО	Запятая ставится	то О, то О
4. Я <u>подошел</u> к окошку и луч <u>поймал</u> в ладошку.	Союз И (одиноч.)	Запятая не ставится	О и О
5. Книга лежит на <u>полке</u> или на <u>стол</u> е?	Союз ИЛИ (одиноч.)	Запятая не ставится	О или О
6. И <u>туман</u> , и <u>непогоды</u> осень поздняя несет.	Союз И (повтор.)	Запятая ставится	и О, и О
7. Дай мне или <u>ручку</u> , или <u>карандаш</u> .	Союз ИЛИ (повтор.)	Запятая ставится	или О, или О
8. <u>Зимой</u> и <u>летом</u> , <u>осенью</u> и <u>весной</u> прекрасен крымский лес.	Союз И (соединяет попарно)	Запятая ставится между парами	О и О, О и О

Заполненная таблица дает целостное представление об однородных членах предложения. Остается запомнить правила постановки знаков препинания в предложениях с однородными членами. Они следующие:

1. Если однородные члены предложения не соединены союзами, между ними ставится запятая. О, О, О.

2. Если однородные члены предложения соединены союзами А, НО, ТО -- ТО, между ними ставится запятая. О, а (но) О; то О, то О.

3. Если однородные члены предложения соединены одиночными союзами И, ИЛИ, между ними запятая не ставится. О и (или) О.

4. Если союзы И, ИЛИ употребляются два или более раз, запятая ставится между всеми однородными членами предложения. О, и О, и О.

5. Если союз И соединяет однородные члены попарно, запятая ставится между парами однородных членов. О и О, О и О.

Усвоить эти сведения учащимся поможет анализ — рассуждение. Приводим образец анализа-рассуждения и схему разбора предложения с несколькими рядами однородных членов предложения:

В предложении *В эти дни травы и листья благоухают и несут в себе всё цветение лета и осени* три ряда однородных членов: однородные подлежащие (*травы* и *листья*); однородные сказуемые (*благоухают* и *несут*); однородные дополнения, относящиеся к дополнению *цветение* (*цветение чего?* — *лета* и *осени*). В каждой группе союз И употребляется один раз, поэтому в предложении нет ни одной запятой. В случае затруднения можно установить связи между словами в предложении и выделить словосочетания из состава предложения. Схема предложения *В густой траве и на лесных полянах мы находили и собирали душистые фиалки и нежные ландыши* выглядит так.

В данном предложении ученики выделили следующие словосочетания:

- 1) собирали (где?) в траве и на полянах
- 2) собирали (что?) фиалки и ландыши
- 3) в траве (какой?) густой
- 4) на полянах (каких?) лесных
- 5) фиалки (какие?) душистые
- 6) ландыши (какие?) нежные

На схеме видно, что в данном предложении два сложных словосочетания, в которых главное слово связано с зависимыми способом однородного соподчинения. Это и есть ряд однородных членов вместе с общим главным словом. В предложении три ряда однородных членов, поэтому, несмотря на наличие трех союзов И, запятая не ставится.

С помощью этой же схемы уместно вспомнить известные пятиклассникам сведения о распространенных и нераспространенных однородных членах предложения.

Следующий этап — закрепить полученные сведения и сформировать у учащихся навыки правильной постановки знаков препинания в предложениях с однородными членами. Именно этой цели был подчинен выбор дидактического материала, использованный нами в качестве закрепления и повторения. Закрепление полученного теоретического материала было начато с анализа предложений, осложненных однородными членами, нахождения однородных членов, объяснения знаков препинания и составления схем предложений с однородными членами.

I. Прочитайте с нужной интонацией, укажите однородные члены. Какие из них являются одиночными, какие распространенными? Чем выражается законченность перечисления?

*Горбунок-конек встряхнулся,
Встал на лапки, встрепенулся,
Хлопнул гривкой, захрапел
И стрелой полетел.*

(П. Ершов)

II. Прочитайте предложения, найдите однородные члены предложения, объясните знаки препинания; составьте схему.

1. В каждом доме, в каждой хате, в городах и на селе начинающий читатель держит книгу на столе. (С. Михалков). 2. По зеркальной воде, по кудрям лозняка от зари алый свет разливаеся. (И. Никитин). 3. Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет (А. Пушкин). 4. Мы запили прозрачный, теплый мед ключевой водой и заснули под однообразное жужжание пчел и болтливый лепет листьев (И. Тургенев).

Из последнего предложения выпишите ряды однородных членов, сделайте полный синтаксический разбор.

На первом уроке значительное место было отведено конструированию предложений с однородными членами и формированию речевого навыка в употреблении сочинительных союзов, их возможной синонимической замене и закреплению соответствующих пунктуационных навыков. Усвоение богатства значений и стилистических свойств сочинительных союзов позволит учащимся избежать ошибок и однообразия способов связи однородных членов.

III. Из следующих предложений составьте предложения с однородными членами, соединив их союзом **И**.

1. Солнце пробилось сквозь облака. Солнце пробилось сквозь тучи. Солнце озарило все вокруг. 2. Пошел снег. Снег засыпал лесные дорожки. Снег засыпал тропинки.

Выпишите ряды однородных членов. Назовите нераспространенные и распространенные однородные члены предложения. Уяснению вопроса о нерасп-

ространенных и распространенных однородных членах предложения было посвящено много заданий.

IV. Из следующих предложений составьте предложения с однородными членами. Однородные члены соедините союзами А, НО.

1. Зимой солнышко светит. Зимой солнышко мало греет. 2. Дождь не прекратился. Дождь усилился. 3. С юга поднимается легкий ветер. С юга поднимается довольно жгучий ветер. 4. День был не жаркий. День был теплый.

V. Употребите подходящие по смыслу союзы и, или, а, но, то-то. Поставьте знаки препинания. Сформулируйте правила.

Ветер ... поднимался... стихал. Дождь не прекратился ... усилился. Книга лежит в книжном шкафу... на столе? Тучка была небольшая ... разразилась проливным дождем. Дружба крепка не лестью ... правдой ... честью. (Пословица) Вдоль реки растет ... ольха...ива... ракита. Ветер поднялся с новой силой ... загудел в проводах. Листья летели с деревьев ..... осыпали дорожки. Звезды ..... мигали слабым светом ..... исчезали. День был не жаркий ..... теплый.

На уроках закрепления знаний очень важно научить детей видеть ряды однородных членов и отличать распространённые однородные члены от нераспространённых. Этому учат такие упражнения.

VI. Выделите ряды однородных членов предложения. Какие из однородных членов являются распространёнными? Поставьте знаки препинания.

1. *Море вечно и немолкаемо шумит и плещет (М. Горький).* 2. *Мороз крепчал и щипал уши лицо и руки.* 3. *Поднялось солнце и залило волнами света и тепла и водную гладь и потопленный лес и Кузьму (С. Серафимович).* 4. *Генерал и офицеры обошли вокруг коляски и тщательно осмотрели колеса и рессоры (Н. Гоголь).* 5. *Пассажиры снимали с полок чемоданы, узлы, увязывали подушки.* 6. *Листья на березах и осинах желтеют, свертываются и опадают.* 7. *Деревья и травы летом и в самом начале осени сочны и свежи.* 8. *Дождь принимался гудеть широко и ровно и на дворе и в саду и на пустыре. (И. Тургенев)*

Очень эффективным в этом плане оказалось задание на сравнение предложений двух типов: предложений, осложненных однородными членами, которые соединены союзом И, с предложениями с несколькими рядами однородных членов, соединенных союзом И.

VII. Объясните, почему в одних предложениях стоят запятые, а в других не стоят.

1. *Зимой и летом, днем и ночью, в шторм и непогоду выходят в море корабли.* 2. *Русские писатели и поэты любовно и бережно собирали и записывали в деревнях и селах песни и сказки.* 3. *Повсюду раздавался стук молотков и треск топоров, визг пил и скрежет рубанков, лязг и грохот.* 4. *Друзья служили в разных полках и встречались редко и случайно.*

В каком предложении вам встретились распространенные однородные чле-

ны предложения? Есть ли в этом предложении нераспространенные однородные члены.

VIII. Распространите текст однородными членами с пояснительными словами.

Образец. Мы сегодня решали задачи..... — Мы сегодня решали задачи, читали книгу, пели песни.

1. Нас обступили со всех сторон стройные сосны ..... 2. Зеленый луг покрыт белой ромашкой ..... 3. Самолет летел над необозримыми полями ....

Поскольку на уроке закрепления знаний необходимо основное внимание уделить отработке пунктуационных навыков, особенно пристального внимания требуют случаи с повторяющимся союзом И.

IX. Устно сравните два предложения.

Метель бушевала ночью, и утром, и днем.

Метель бушевала и ночью, и утром, и днем Почему в первом предложении запятая перед первым союзом И стоит, а во втором предложении не стоит? Сравнивая эти предложения, ученики должны увидеть, что запятая ставится между однородными членами, а не перед союзами, как нередко ошибочно они полагают.

X. Перепишите, вставляя союз И перед каждым однородным членом предложения, поставьте знаки препинания. 1. *Солнце золотит прощальными узорами избы за рекой, пашни и леса.* 2. *В воздухе пахнет польской, гречихой и мятой.* 3. *Прилетели иволга, перепела, стрижи и береговые ласточки.* 4. *Солнце осветило поля широкие, луга зеленые и красавицу Волгу.*

XI. Составьте все возможные комбинации данных предложений с однородными членами. используя союз И.

Огромные глаза охватывают голову стрекозы с боков, сзади, снизу, спереди, сверху.

XII. Перепишите, заменив по смыслу союз ДА союзами И или НО. Поставьте знаки препинания.

На станции сошли с поезда мы да какой-то старичок. 2. Вокруг простирались болота да мхи да тощий кустарник. 3. Товарищ бывал в этих местах да позабыл дорогу. 4. Мы решили было идти без проводника да боялись заблудиться.

Это упражнение работает на перспективу, оно поможет учащимся впоследствии усвоить правило постановки запятой между однородными членами, соединенными многозначным союзом ДА.

На отдельном уроке были рассмотрены обобщающие слова при однородных членах предложения, причем сразу дано две конструкции:

1. Обобщающее слово стоит впереди однородных членов;
2. Обобщающее слово стоит позади однородных членов.

Поскольку навык логического членения родовых понятий на видовые и обобщения перечисляемых однородных понятий был приобретён ещё в начальной школе, изучение обобщающих слов целесообразно начать с анализа конкретных примеров по таблице.

Предложение	Место обобщающего слова	Знаки препинания	Графическое обозначение
1. Вдруг <u>все</u> ожило: и <u>леса</u> , и <u>пруды</u> , и <u>степи</u> .	Впереди однородных членов	Двоеточие	Δ : иО, иО, иО
2. И <u>леса</u> , и <u>пруды</u> , и <u>степи</u> — вдруг <u>все</u> ожило.	Позади однородных членов	Тире	иО, иО, иО -Δ

1. Прочитайте первое предложение, назовите однородные члены предложения, объясните знаки препинания.

2. Найдите слово с обобщающим значением для всех однородных членов. На какой вопрос оно отвечает? Каким членом предложения является?

Чем по значению обобщающие слова отличаются от однородных членов?

Выслушав ответ: (обобщающие слова как в сундучке содержат в себе однородные члены, т. е. имеют более широкое значение), предлагаем подумать, можем ли мы поставить обобщающие слова в один ряд с однородными членами, не отделив их знаками препинания? Правильно ли будет в таком случае воспользоваться запятой?

3. На каком месте по отношению к однородным членам предложения стоит обобщающее слово?

Предлагаем детям обратить внимание на знак препинания и сделать вывод о постановке знаков препинания в предложениях с однородными членами, стоящими после обобщающего слова.

4. Прочитайте второе предложение. Чем оно по конструкции отличается от первого?

5. Как изменились знаки препинания? Сделайте вывод.

Дидактический материал, используемый в качестве закрепления и повторения, подбирался с тем расчетом, чтобы выработать навыки в правильной постановке знаков препинания.

XIV. В следующих предложениях найдите однородные члены и обобщающие слова. Поставьте знаки препинания.

1. У самых источников росли прекрасные деревья тополя дубы ели. 2. Все было праздничное и глаза и воздух и солнце. 3. Брошены были все привычные занятия шахки шахматы волейбол городки (Б. Полевой). 4. Никому не пробраться по этим дорогам ни пешему ни конному.

Три последующих упражнения, кроме формирования пунктуационных навыков, помогают учащимся научиться использовать в речи синтаксические конструкции с обобщающими словами.

XV. Вставьте подходящие по смыслу обобщающие слова. Поставьте знаки препинания.

1. Он побывал ..... и в Крыму и на Кавказе и на Дальнем Востоке. 2. .... смешалось в непроницаемый мрак вода берег и тучи. 3. В траве росли ..... сыроежки грузди дубовики красные мухоморы. 4. В кустах чирикали и пели ..... малиновки чижи и пепочки.

XVI. Дополните предложения однородными членами к данным обобщающим словам. Поставьте знаки препинания.

1. Ничто не шелохнется. .... 2. На клумбах росли разнообразные цветы. .... 3. Начинают появляться перелетные птицы. .... 4. В северных лесах преобладают хвойные деревья. .... 5. В недрах гор много полезных ископаемых. ....

XVII. Ответьте на вопросы, используя предложения, осложненные обобщающими словами и однородными членами предложения, которые связаны только интонацией.

1. Каких животных ты видел в зоопарке? 2. Какие животные водятся в лесах Крыма? 3. Кого разводят на птицефермах? 4. Какие машины помогают проводить сельскохозяйственные работы?

Следующее упражнение формирует навык сопоставительного анализа предложений с обобщающими словами и без них. Выполнение его очень полезно для выработки умения правильно оценить синтаксическую структуру предложения.

XVIII. Сопоставьте предложения, укажите различия в их структуре. Объясните постановку знаков препинания.

1. Вокруг зазеленели поля, луга, леса. 2. Вокруг все зазеленело: поля, луга и леса, 3. В лесу, в поле, на лугу все зазеленело.

Умение разграничивать сложносочинённые предложения с одиночным союзом И и предложения с однородными сказуемыми, имеющими зависимые слова, которые тоже соединены одиночным союзом И, и соответствующие пунктуационные навыки формируются на уроках изучения сложносочинённого предложения.

Практика показывает, что такой путь изучения однородных членов предложения вполне реален и доступен каждому учителю, в каком бы классе он ни работал, и не требует кардинального пересмотра действующих программ и учебников. Успех дела зависит главным образом от содержания дидактического материала и системы тренировочных упражнений.

Литература

1. Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. — 2-е изд., испр. и доп. / Л. И. Новиков, Л. Г. Зубкова, В. В. Иванов и др.; под. общ. ред. Л. А. Новикова. — СПб: Изд-во "Лань", 1999. — С. 654.

Статья поступила в редакцию 26 сентября 2004 г.

УДК 811.161.1:81'33

С. С. Дикарева

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ WEB-КОММУНИКАЦИИ: НООГЕНЕЗ И ЭЛЕКТРОННАЯ УСТНОСТЬ

*Лик планеты — биосфера — химически резко мечается человеком сознательно и главным образом бессознательно ...
Это новое состояние биосферы,
к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть "ноосфера"*
В. И. Вернадский. Заметки о ноосфере.

*Я не знаю более волнующей,
более яркой картины биологической реальности ноогенеза,
чем картина разума, стремящегося со времени своего возникновения
преодолеть шаг за шагом стискивающую иллюзию близости*
Пьер Терьяр де Шарден. Феномен человека

*The **noosphere** can be seen as the «sphere of human thought» Just as the biosphere is composed of all the organisms on Earth and their interactions, the noosphere is composed of all the interacting minds and memes on Earth.*

See also Cyber space, Integrative thinking, Memeics, Ideosphere

From Wikipedia, the free encyclopedia <http://en.wikipedia.org/wiki/Noosphere>

В основе данной статьи — доклад, прочитанный на Лингвистических чтениях памяти профессора Олега Михайловича Соколова (15 сентября 2004, ТНУ им. В. И. Вернадского, Симферополь). **Цель исследования** состоит в лингвистическом анализе когнитивных механизмов, лежащих в основе функционирования языка в современных средствах массовой коммуникации (Internet, World Wide Web).

Формулировка проблемы

Когнитивный подход в изучении коммуникации носит междисциплинарный характер и состоит в поиске универсалий, объединяющий языковые и другие когнитивные структуры. Исследования лексики и грамматики разных языков показывают, что структурирование, которое осуществляется языковыми средствами, соответствует структурированию в таких когнитивных системах, как зрительное восприятие и логическое мышление.

На предположении изоморфизма языковых и ментальных структур (фреймов) построена статья О. М. Соколова и Т. А. Пионтковской "Система лингвистических конструкторов, формирующих фреймы на глагольно-предикатной основе", опубли-

ликованная в 1991 году [1]. В статье ясно и определенно сформулирована перспектива когнитивных исследований в лингвистике: “В возможности построения фреймовой типологии сомневаться не приходится. В этом убеждает определенная повторяемость фреймовых фрагментов, “привязанных” к отображению тех или иных событий из жизни живых организмов, отдельных производственных процессов, используемых средств передвижения, психической жизни и т.п.” [1, 137].

В настоящее время научно-исследовательские программы, направленные на изучение когниции и коммуникации, становятся все более *мультидисциплинарными* и характеризуется как *биокогнитивные*, поскольку учитывают не только культурные и социальные знания участников коммуникации, но и биологическую составляющую мышления и поведения человека [2].

Вынесенные в эпиграф высказывания В. И. Вернадского [3] и П. Тейяра де Шардена [4] *о ноосфере и ноогенезе* обращают внимание на необходимость переосмысления этих понятий в эпоху “электронного Ренессанса”. Ассоциативный ряд терминов, представленный в онлайн-свободной энциклопедии WIKIPEDIA, показывает возможный путь исследования: *Cyber space, Integrative thinking, Memetics, Ideosphere*. <http://en.wikipedia.org/wiki/Noosphere>.

В связи с этим возникает задача создания концептуального аппарата, объединяющего гуманитарные и естественнонаучные знания. Убеждает вывод, к которому приходит В. В. Буряк: “В центр концептуального каркаса представляется необходимым поместить понятие ноосферы, поскольку оно имеет устойчивый междисциплинарный статус, что и позволяет конвертировать его, вполне корректно, как в область естествознания, так и в область гуманитарных дисциплин” [5, 121]. Приобретает особую значимость историографический анализ процесса становления понятия “ноосфера”, который представлен в статье В. В. Лаврова, опубликованной в настоящем сборнике [6].

В данной статье понятия “ноосфера” и “ноогенез” рассматриваются в соотношении с метафорами глобального сообщества “global village” и “электронной устности” “electronic orality” в работах по коммуникативистике.

Концепция электронной, или вторичной устности

Электронная устность (electronic orality), или вторичная устность (secondary orality) — концепция, утверждающая, что аудиовизуальная коммуникабельность телевизионной информации, так же, как и устные формы общения в дописьменный период, способствуют единению человека с обществом и раскрытию его природных возможностей [7].

Эта концепция получила развитие в работах канадского ученого Маршалла Мак-Люэна (Marshall McLuhan, 1910-1980) и Вальтера Онга (Walter Ong, 1912 – 2003), студента Мак-Люэна, автора теоретических исследований, посвященных сравнительному анализу различных устных форм передачи информации. Детальная информация о жизни и деятельности Маршалла Мак-Люэна и его последователей размещена на сайте <http://marshall-mcluhan.com>.

Основной тезис Маршалла Мак-Люэна “*The medium is the message*”, технические средства связи играют ведущую роль в культурном прогрессе: “...когда

новая технология расширяет одно или несколько наших чувств, вынося их вовне, в социальный мир, то в этой культуре формируется новое соотношение всех наших чувств. Это можно сравнить с тем, как преображается мелодия, если к ней добавить одну ноту” [8, 62].

Следующий тезис М. Мак-Люэна *“Новая электронная взаимозависимость возвращает мир к ситуации глобальной деревни”*

Поясняя эту концепцию, М. Мак-Люэн утверждал, что под влиянием электронных средств массовой информации мир превращается в “глобальную деревню” (global village): “под влиянием электрической технологии мы в наших самых обычных повседневных переживаниях и действиях становимся похожими на людей примитивной культуры. Это влияние проникает в нас не через наши мысли и мнения, к которым мы научились относиться критически, а через нашу повседневную чувственную жизнь, где выкристаллизовываются матрицы нашего мышления и поведения” [8, 46].

“Эта экстериялизация наших чувств, — поясняет Мак-Люэн, — создает то, что Тейяр де Шарден называет ноосферой, или технологическим мозгом мира” [8, 48].

Это утверждение подтверждается цитатой из книги Тейяра де Шардена “Феномен человека”: “Но по мере того, как под воздействием этого напора человеческие элементы благодаря своей психической проницаемости все больше проникали друг в друга, их сознание (таинственное совпадение...) при сближении возбуждалось. И как бы расширяясь, каждый из них простирает радиус своей зоны влияния на Земле, Земля же тем самым как будто все более уменьшалась. В самом деле, что происходит при нынешнем пароксизме? Об этом уже неоднократно говорилось. Благодаря изобретению недавно железной дороги, автомобиля, самолета физическое влияние каждого человека, некогда ограниченное несколькими километрами, теперь расширилось на сотни миль. Более того, благодаря изумительному биологическому событию — открытию электромагнитных волн — каждый индивид отныне (активно и пассивно) одновременно находится на всех морях и континентах — он находится во всех точках Земли” [4, 191].

В соответствии с тезисом “The medium is the message” Маршалл Мак-Люэн выделяет 4 типа культуры:

- *устная культура* (основана на принципах естественности и коллективизма),
- *письменная культура* (буквенная, алфавитная, заменившая устно-эмоциональные формы общения визуальными образами),
- *печатная культура* (“Галактика Гутенберга”)
- *современная электронная культура* (в двадцатом веке происходит “встреча алфавитного и электронного ликов культуры”)

В *устных* сообществах сохранение идей и традиций опирается на память людей, поэтому много времени и усилий уходит на запоминание и частое повторение. Сложные структуры доводов занимают малое место в таких культурах из-за трудности их запоминания.

Письменность предоставляет способ создания и сохранения текста, то есть кодирования длинных последовательностей связанных мыслей.

Печать в еще большей мере, чем письмо, отличается от устного способа восприятия мира — “чувству времени человека печатной культуры свойственны кинематографичность, последовательность и изобразительность”. Обособление визуального чувства в эпоху печатной культуры М. Мак-Люэн характеризует яркой метафорой — это “разновидность балета на сцене сознания в хореографической постановке Гутенберга”.

“На сцене сознания” в эпоху Гутенберга преобладает аналитическое мышление, основанное на том, что любое многообразие может быть представимо ограниченным числом базовых элементов в различных комбинациях, по аналогии с печатными текстами, составленными из ограниченного набора букв алфавита. Основными чертами такого мышления являются непрерывность, единообразие и повторяемость.

Электронные среды коммуникации как бы возвращают устный способ общения: одновременность действия, восприятия и реакции, Д.С.Пополов, “слово возвращается в своей старой форме — в форме события, а не объекта [9]. Прогнозируется, что в сетевой коммуникации на смену «городскому» и «типографскому» типу сознания (галактика Гутенберга) приходит сетевой тип сознания, сходный с типом сознания устного общества.

Идеи Маршалла Мак-Люэна развивает его сын Эрик Мак-Люэн “What McLuhan writes about the railroad applies with equal validity to the media of print, television, computers and now the Internet. «The medium is the message» because it is the «medium that shapes and controls the scale and form of human association and action.» (By Dr. Eric McLuhan, eric@marshall-mcluhan.com)

Интернет глобализирует коммуникацию, позволяя людям всего мира связываться друг с другом. Для описания коммуникации в Internet и World Wide Web метафора Мак-Люэна “global village” используется достаточно часто, сравните: “The Internet globalized communication allowing users from around the world to connect with each other. Similarly, web-connected commuters enable people to link their web sites together” (From Wikipedia, the free encyclopedia http://en.wikipedia.org/wiki/Global_village — the world viewed as a community in which distance and isolation have been dramatically reduced by electronic media (as television) Meriam Webster online <http://m-w.com>.. “На первый взгляд, — пишет Дэвид Кристал (David Crystal), выражение “global village” воспринимается как персуазивная метафора. Однако эта метафора поднимает ряд лингвистических вопросов. Деревня (village) — это закрытое сообщество, которое традиционно характеризуется местным диалектом, отличающим жителей этой местности от всех других. В связи с этим возникает вопрос, какой язык используют жители этой деревни? Является ли язык Интернета гомогенным лингвистическим образованием?” [13, 5-6].

Повседневность и диалогичность Web-коммуникации

Использование компьютерных сетей привело к возникновению новых форм *виртуальной языковой коммуникации*, которая осуществляется между людьми с помощью компьютера (computer-mediated communication, Web-connected

Раздел 3.

300 Филологические дисциплины и Интернет в средней и высшей школе

communication) [10], [11]. Виртуальная коммуникация отличается высокой степенью диалогичности, которая характеризуется следующими признаками:

1) электронная форма сообщения «записанный разговор» (written conversation);

2) передача сообщения с помощью сетевых компьютерных технологий (net-communication);

3) референциальная «непрозрачность» автора (указывается никнейм, адрес электронной почты);

4) вариативность адресата сообщения (потенциальный или реальный адресат, один или много);

5) несовпадение места и времени отправления и получения сообщения (не здесь и не сейчас);

6) перформантность, открытость коммуникации, которая состоит в том, что сообщение посылается одному или нескольким адресатам, а читать может любой посетитель виртуальной коммуникации;

7) семантическая когерентность электронных сообщений при стилистической и языковой мозаичности (разноплановость стиля, диглоссия и полиглоссия, нарушение правил орфографии и пунктуации).

На рисунке показан экран домашней страницы библиотеки Украинской литературы и начальная страница раздела « дано аннотированное описание проекта. Символьные знаки Web-сайта представляют собой мозаику разных семиотических систем (название сайта на русском и украинском языке, украинский национальный костюм, а также рекламные баннеры на английском языке).

Главная страница сетевой библиотеки украинской литературы

Структура Web-сайта Библиотека украинской литературы

Адрес в Интернете: <http://ukrlib.km.ru>. Новый адрес сайта: <http://ukrlib.com.ru>

Автор проекта: Евгений Васильев <http://www.jeny.tk>

Языки сайта — русский, украинский, английский

Структура сайта: Рефераты CD-UKRLIB Гостевая книга Литературный форум Информация Реклама Обратная связь

На сайте указаны ссылки на другие Интернет-ресурсы, также предоставляющие информацию по филологической тематике: Библиотека українського життя в Севастополі (<http://ukrlife.org/main/library.html>), Современная русскоязычная проза (<http://www.ournet.md/~literature/>).

Цель Литературного форума библиотеки — оказать посетителям сайта помощь в поиске интересующей их книги, нужного сочинения или другой информации. Каждый пользователь может предложить тему для обсуждения или обратиться за советом.

В электронных сообщениях участников литературного форума представлены различные формы русско-украинского билингвизма. Например: *Пожалуйста, где можно найти курсовую по Свгену Гуцулу? или Помогите найти Василя Лісняка*. Как видно из приведенных примеров, сообщения начинаются по-русски и завершаются по-украински.

Гостевая книга библиотеки украинской литературы

Гостевая книга, как и литературный форум библиотеки, представляет собой интерактивный компонент сайта. Ниже приводятся примеры электронных сообщений из гостевой книги Сетевой украинской литературы <http://ukrlib.com.ua>. В примерах указывается никнейм (псевдоним) посетителя библиотеки и время отправления сообщения. Электронные сообщения гостевой книги написаны на русском и украинском языке в кириллице (примеры 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8) или с помощью транслитерации (пример 3).

Пример 1. От кого: Olunica 13.2.03. (8:18)

Шукаю праці о. Івана Огісника та історичні праці по історії українського друкарства, а також репринтні (та будь-які інші) копії першодрукованих українських букварів (Буквар Івана Федорова 1574 та ін). Виникають проблеми при скачуванні текстів. Щасливо!

Пример 2. От кого: Витаминка 8.12.02. (16:59)

Если сможете, помогите мне с творами

Пример 3. От кого: Yura 13.4.03 (6:39)

Zrastvuite! Sait konechno klasniy, NO pochemu ne rabotayut mnogiye linki!? Naprimer mnogiye linki v razdele Stel'maha posilayut na stranicu na kotoroi govoriga shto danniy fail ne sushestvuyet. V chem problema? I budet li kogda to eto pochineno? Spasibo.

Раздел 3.

302 Филологические дисциплины и Интернет в средней и высшей школе

Пример 4. От кого: *Фил* 22.9.04 18:02

А ГДЕ ПАНАС МИРНИЙ ???

От кого: *Фил* 22.9.04 18.03

Сорри нашел

Пример 5. От кого: *Анна*, 15.7.04, 20:04

“Большое спасибо за Ваш труд!!! С вашей помощью нашла произведения украинских авторов для своего сына (6 класс). В Херсоне в библиотеках практически ничего нет!

Пример 6. От кого: *БРАТЕЛЛО*, 19.4.04 20:33

“ПРИВЕТ! Меня зовут ВАЛЮ-у-у-у-у-уНЯ!”

Пример 7. От кого: *Ируся*, 8.7.04, 0:21

“Все просто супер-молодці!!! Завтра вступний іспит з літератури, то хоч за ніч просвітілась, а зараз спатоньки... .. бай-бай!

Пример 8. От кого: *Вікторія*, 9.3.04, 18:41

Дуже цікавий і насичений інформацією сайт. Запрошую всіх відвідати і наш літературний сайт, присвячений поезії (класичній і сучасній) www.poetryclub.com.ua.

Комментарий

В соответствии со стереотипным сценарием “посещение гостевой книги” в сообщениях посетителей “гостевой книги” Сетевой библиотеки украинской литературы реализовано несколько когнитивных установок:

1) **благодарность и похвала** “воспитанного гостя”, например,

Большое спасибо за Ваш труд!!!, Все просто супер-молодці!!!, Дуже цікавий і насичений інформацією сайт, Сайт коначно класний;

2) **просьба** “заинтересованного читателя” помочь в поиске электронных книг, например:

Шукаю праці о.Івана Огієнка та історичні праці по історії українського друкарства, А ГДЕ ПАНАС МИРНИЙ ???

3) **приглашение** “гостеприимного хозяина другого сайта”, например,

Запрошую всіх відвідати і наш літературний сайт, присвячений поезії (класичній і сучасній) www.poetryclub.com.ua

4) **приветствие и самопрезентация** “просто гостя”, например,

ПРИВЕТ! Меня зовут ВАЛЮ-у-у-у-у-уНЯ!

Сообщения представляют собой краткие реплики, напоминающие “реплицирование”, обмен репликами в повседневной коммуникации, а также комментирование собственных действий, например, два сообщения одного посетителя, отправленные с временным интервалом в одну минуту,

От кого *Фил* 22.9.04 18:02 А ГДЕ ПАНАС МИРНИЙ ???

От кого *Фил* 22.9.04 18.03 Сорри нашел.

Синтактико-семантическая структура сообщений соответствует стилю разговорной речи (семантическая компрессия, синтаксическая неполнота, экспрессивный синтаксис) [12]. Маркерами “устности” выступает также графическое воспроизведение звучания слова (например, Меня зовут ВАЛЮ-у-у-у-у-УНЯ!), варьирование строчных и прописных букв (текст, набранный большими буквами, означает “Я кричу”, например, А ГДЕ ПАНАС МИРНИЙ ???), редупликация многоточия, вопросительных и восклицательных знаков.

В отличие от форм непосредственной диалогической коммуникации, электронные сообщения содержат языковые средства, типичные для опосредованной коммуникации:

1) метатекстовые терминологические выражения, характеризующие сетевую коммуникацию (например, *Виникають проблеми при скачуванні текстів, рохету не роботають многиє linki!*);

2) реплики, воспроизводящие ситуацию общения (например, *Завтра вступий іспит з літератури, то хоч за ніч просвітилась, а зараз спатоньки... бай-бай!*).

Таким образом, сайт «Библиотека украинской литературы» является лингвистическим ресурсом сети Интернет, иллюстрирующим диалогичность и разговорность Web-коммуникации.

Литература

1. Соколов О. М., Пионтковская Т. А. Система лингвистических конструкторов, формирующих фреймы на глагольно-предикатной основе// Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник, 1991. — С. 124 – 141.
2. Когнитивные стили коммуникации: Теории и прикладные модели. Доклады международной конференции. 20-25 сентября 2004, Крым, Партенит. — Изд-во ТНУ им. В. И. Вернадского, Симферополь, 2004.
3. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере//Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и её окружения. М.: Наука, 1965. Электронная версия размещена на сайте “Философия” URL <http://www.philosophy.ru/library/vern/no.htm> (01.10.2004).
4. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: 1987.
5. Буряк В. В. Техносфера, инфосфера, ноосфера: морфология рациональности// Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского, том 17 (56), № 1. — Симферополь, 2004. — С. 121-138.
6. Лавров В.В. Духовные поиски ученых (историографическая концепция термина “ноосфера”: В. М. Вернадский, И. М. Гревс, П. А. Флоренский) // см. настоящий сборник Ученые записки ТНУ им. В.И.Вернадского. Сер. Филология, том 17 (56), №1. — Симферополь, 2004. — С.177-182.
7. Землянова Л. М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. Толковый словарь терминов и концепций. М. 1999.
8. Мак-Люэн, М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев. 2003.
9. Пополов Д. С. Деревня Земля: возвращение устных аспектов коммуникации и сознания в эпоху Интернет. Доклад на Международной конференции

«Информационное общество и интеллектуальные информационные технологии XXI века». Москва.. 28- 30.03.2001. <http://institute.org.ru/library/articles/1013516006.html>

10. Дикарева С. С. Язык и языки в виртуальном Web-пространстве (по мотивам статьи И.А. Бодуэна де Куртенэ “Язык и языки”, 1904) // Культура народов Причерноморья. Вып. 42. Симферополь. 2003. — С. 56-61.

11. Дикарева С. С. Виртуальные диалоги как новые дискурсивные практики // Ученые записки ТНУ им. В.И.Вернадского. Сер. Филология, том 15 (54). — Симферополь, 2002. — С. 60-66.

12. Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика / Под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е. М.: 2003.

13. Crystal, D. Language and the Internet. Cambridge. 2002.

Статья поступила в редакцию 10 ноября 2004 г.

УДК 81'161.1'367.625:378.147

Л. А. Бондаренко

ИЗУЧЕНИЕ ОТЫМЁННЫХ ГЛАГОЛОВ НА -ЕТЬ И -ИТЬ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Постановка проблемы. В настоящее время как в лингвистике, так и в методике преподавания РКИ большое внимание уделяется семантической структуре глагольного слова. Этот интерес не случаен, он связан с тем, что структура предложения во многом предопределяется семантическими особенностями входящего в предложение глагола. Особенно важно знание семантической структуры, внутренней и внешней валентности глагольного слова для иностранцев, изучающих русский язык. Методисты неоднократно подчеркивали, что “изучение структуры мотивированных слов (а их в словарном составе русского языка не менее 90%) направлено на то, чтобы учащийся, во-первых, мог предсказать значение слова, зная значение составляющих морфем, и, во-вторых, мог правильно употреблять или образовать необходимое мотивированное слово для выражения определенного значения” (Милославский, 1980).

Материалом для нашего исследования послужили соотносительные отымённые глаголы с формантами //ЕТЬ и //ИТЬ, мотивированные именами прилагательными со значением цвета: *синеть все больше и больше, синеть вдали, синить бельё*. Эти глаголы довольно частотны в употреблении, они используются как в разговорной речи, так и в художественных произведениях, и поэтому их изучению уделяется внимание в курсе русского языка для иностранцев. Будучи мотивированными одними и теми же именами, глаголы типа

белеть-белить имеют различную морфематическую структуру, разные акциональные характеристики. Они различаются предельностью/непредельностью, результативностью/нерезультативностью, переходностью/непереходностью. Семантические различия определяют различия синтаксической валентности глаголов, их соотносённость с разными типами актантов. Формальная структура глагола способна нести информацию о свойствах актантов, которые являются производителями, объектами, орудиями, средствами действия, что необходимо учитывать в практике преподавания русского языка иностранцам.

Цель данной статьи — показать, во-первых, различия в морфематическом строении, а следовательно, и в семантике соотносительных инфинитивных, стальных и каузативных глаголов, мотивированных именами прилагательными со значением цвета, и, во-вторых, зависимость внешней синтаксической валентности этих глаголов от морфемной структуры слов.

Находясь в центре высказывания, глагол способен взаимодействовать с определенным числом аргументных семантем (аргументов, актантов), т. е. “обладает определенными семантическими валентностями, которые вытекают непосредственно из лексического значения слова, характеризуют его как конкретную, отличную от других лексическую единицу” (1, 280). Ю. Д. Апресян обращает внимание на тот факт, что некоторые семантические функции, такие как субъект, объект, адресат, получатель и некоторые другие, “всегда являются частью значения соответствующего предикатного слова”; другие, такие как временные детерминанты, инструмент, средство, “чаще являются содержанием семантической валентности, чем чисто грамматической зависимости” (1, 286). Иначе говоря, часть аргументов глагольного слова является облигаторной, обязательной в структуре предложения, другая — факультативной, необязательной.

Новый шаг в исследовании семантических функций приглагольных аргументов был сделан в работах О. М. Соколова. Синтаксическая валентность глагола тесно связана с актантной распределенностью его семантики. Выделяются две основные функции облигаторных приглагольных актантов — аккумулятивная и генеративная [5]. Выполняющие эти функции актанты играют в предложении синтаксическую роль подлежащего и дополнения. Актанты, выполняющие **генеративную функцию**, являются носителями активного начала, источником действия или признака, генерируют их: *Маляр белит комнату; На горизонте синеют горы*. **Аккумулятивная функция** актантов свидетельствует о том, что “имя как реальный объект воздействия приобретает признак или свойство в результате внешних или внутренних преобразований”: *Дерево от дождя чернеет; В такую погоду яблоки быстро краснеют*. Причем глагольная семантика не замкнута на характеристике лишь одного носителя действия или признака, она может распределяться между несколькими актантами, находящимися в отношениях взаимодействия, как в примере: *Маляр белит комнату*. Такое распределение характерно для переходных глаголов.

Наряду с аккумулятивной и генеративной функциями актантов существует третий тип отношений, гибридный — **аккумулятивно-генеративная функция**. В этом случае аккумулятивная и генеративная функции сосредоточиваются в одном члене, чаще всего в подлежащем. “При нерасчлененных отношениях актант сочетает признак аккумулятивного и генеративного актантов, он активен и пассивен в одно и то же время” [5, 13].

Семантические функции глагольных актантов находятся в прямой зависимости от семантических свойств глаголов, их акционально-видовой характеристики. Так, предельные непереходные глаголы НСВ определяют **аккумулятивную** функцию актантов: *Лицо бледнеет от испуга*. Аккумулятивная функция подлежащего находится в прямой зависимости от направленности действия на достижение результата. Непредельные значения глаголов обуславливают **генеративную** функцию актантов: *Белеет парус одинокий...* (Л.) Переходные глаголы, как глаголы определенной результативной направленности на объект, порождают генеративную функцию одного актанта и аккумулятивную — другого: *Солнце румянит яблоки*. Преобразование объекта вызывается именно активностью субъекта, его свойством генерировать воздействие на объект.

Морфемная структура анализируемых глаголов отражает их семантику и синтаксическую валентность.

Первичное значение глаголов с формантом //ЕТЬ — **инхоативность**, становление, приобретение признака, обозначенного мотивирующей основой. Они не случайно носят название “динамичных”. Будучи мотивированными качественными прилагательными, обозначающими признак, присущий предмету в большей или в меньшей степени, эти глаголы обозначают накопление, становление признака, направленного на достижение некоего предела (нового качества). Беспрефиксные глаголы несовершенного вида, их семантика предельна. Суффикс -Е- является показателем безобъектности, пассивности носителя признака, который может быть как одушевленным лицом (агентивом), так и неодушевленным предметом (дескриптивом). Глагольное слово указывает на динамичное становление обозначенного основой признака под воздействием внешних или внутренних по отношению к носителю признака причин (*ЖЕЛТЕТЬ* — “становиться желтым/желтеет”: *От такой жары в полях уже начинается желтеть пшеница; Мать худела и желтела с каждым днём* .) Семантическая функция актантов (агентива или дескриптива), сопредельных этим глаголам, — аккумуляция признака или свойства, обозначенного мотивирующей основой, что обусловлено предельной, направленной на достижение результата семантикой глагола. При этом актант-подлежащее пассивен, приобретаемый признак детерминирован внешними или внутренними причинами. Инхоативные глаголы не имеют при себе других актантов, кроме подлежащего. Однако они сочетаются с различными обстоятельственными распространителями: факультативными локативом и темпоративом и облигаторным каузативом [3, 26]. Следует отметить, что обстоятельственные детерминанты динамичного глагола подчеркивают процессный характер становления признака,

его временную и / или пространственную протяженность, способность к развитию.

Кроме значения “становление признака”, глаголы на // ЕТЬ имеют значение “выявление признака, обозначенного мотивирующей основой”. Это значение *статальное*, оно *вторично* по отношению к инхоативному. Поляризация значений полисемантического слова происходит вследствие утраты глаголом сем предельности, направленности на достижение результата. По логике вещей, отражаемой в языке, после того как становление признака, достигнув некоего предела, завершено, становится возможным проявление нового качества(признака) в окружающую среду — актанта начинает генерировать его вовне. Ср.: *Наконец вершины гор совершенно белеют от засыпающего их снега* (становятся белыми). — *На горизонте белеют заснеженные вершины гор* (проявляют имеющийся признак). Статальные глаголы, в отличие от инхоативных, неопредельны, нерезультативны, непереходны. Именные подлежащие актанта при них облигаторны — чаще это дескриптивы, реже агентивы. Они пассивны, являются источником приобретённого ранее признака, проявляют его, т. е. имеют генеративную функцию. Употребление объектных актанта при этих глаголах так же, как и при инхоативных, невозможно. Часто при них находятся обстоятельственные детерминанты разного значения, характер которых по сравнению с распространителями первого ЛСВ меняется — абстрактная категория предельности / неопредельности находит выражение на синтагматическом уровне, на уровне контекста: обстоятельственные распространители при статальных глаголах характеризуют выявление постоянно присущего предмету признака в определенный момент и в указанном месте, т. е. в статике [3, 26]. Чаще всего это локативы и темпоративы: *Ранней осенью вдоль дороги нарядно желтеют деревья*.

Дериватами цветowych прилагательных являются также глаголы со значением “X каузирует признак”: *белить стену, желтить небо*. **Каузативные** глаголы с формантом //ИТЬ качественно-результативны: вследствие действий, обозначаемых глаголами, объекты наделяются новыми признаками. Семантика входящих в эту группу глаголов предельна, результативна. Суффикс -И- является показателем активности производителя действия, переходности глагола. Подлежащие актанта выполняют генеративную функцию, актанта-прямые дополнения (объект, пациенс) — аккумулятивную функцию. И те и другие актанта в структуре высказывания облигаторны; наличие прямого объекта является дифференциатором каузативного значения глагола: *Осень разжелтила леса широкими мазками*.

Выводы

1. Исследованный материал подтверждает тезис О. М. Соколова о том, что глагольная семантика — сложный сплав “внутренних (субстанциональных) и внешних значений, без которых глагол не может быть представлен как лекса, проявляющая себя в синтагматическом плане” [5]. Знание морфематической структуры и акциональных характеристик глаголов, особенностей их син-

тагматических связей поможет иностранцу в понимании и употреблении этих языковых единиц в речи.

В статье рассмотрены соотносительные отыменные глаголы НСВ с формантами //ЕТЬ и //ИТЬ, имеющие значение “становление признака”, “выявление признака” и “каузирование признака”, обозначенного мотивирующей основой.

2. У каузативных глаголов с формантом //ИТЬ суффикс ---И- является показателем активности подлежащего актанта и переходности глагольного действия на объект. Актуализатор каузативного значения -- прямой объект при глаголе. Генеративная и аккумулятивная функции распределены между актантами-подлежащими и актантами- прямыми дополнениями.

3. У глаголов с формантом //ЕТЬ суффикс -Е- указывает на пассивность подлежащего актанта и непереходность глагола. Эти глаголы образуют два лексико-семантических варианта: глаголы со значением “становление признака” (инхоативные глаголы) и со значением “выявление признака” (статальные глаголы). Оба ЛСВ сочетаются лишь с одним актантом --- подлежащим и с обстоятельственными распространителями различной семантики.

4. Из двух лексико-семантических вариантов глаголов на //ЕТЬ первичными являются инхоативные глаголы. Их предельная и результирующая семантика коррелирует с аккумулятивной функцией подлежащего актанта. Других актантов глаголы этого значения не имеют. Существенным является наличие в структуре предложения причинного детерминанта (структурно факультативного, однако семантически обязательного), который выступает актуализатором инхоативного значения.

5. С утратой сем предельности и результирующей глаголы на //ЕТЬ приобретают статальное значение. Непредельная и нерезультирующая семантика глаголов этого ЛСВ коррелирует с генеративной функцией подлежащего актанта. В структуре предложения употребляются обстоятельственные распространители, подчеркивающие пассивность подлежащего актанта.

Литература

1. Апресян Ю. Д. К построению языка для описания синтаксических свойств слова. // Проблемы структурной лингвистики. — М.: Наука, 1973, — с. 279-325.
2. Бахтурина Р. В. Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом -И -(ть). // Развитие словообразования современного русского языка. — М.: Наука, 1966, — С. 74-112.
3. Бондаренко Л. А. О комплексном подходе к изучению в иноязычной аудитории полисемантических глаголов на -ЕТЬ, мотивированных именами прилагательными. // Филологические студии. — Симферополь, 2001. — №2. — С. 23-27.
4. Всеволодова М. В. Некоторые закономерности сочетаемости слов и словоформ в предложении // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. /Под ред. Морковкина В. В. — М: Русский язык, 1984.

5. Соколов О. М. Некоторые функции именных актантов в связи с семантикой русских глаголов // Исследование лексической и грамматической семантики современного русского языка: Сб. научных трудов. — Симферополь: СГУ, 1983.

6. Соколов О. М. Некоторые вопросы морфолого-семантической дивергенции глагольной лексики. // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. — Томск, 1971.

7. Чеснокова Л. Д. О факультативности и обязательности компонентов синтаксической структуры // Вопросы синтаксиса русского языка. — Ростов-на-Дону, 1973.

Статья поступила в редакцию 20 октября 2004 г.

АННОТАЦИИ

Сапожникова Э. М., Титаренко Е. Я. **Лингвистическое наследие профессора О. М. Соколова.**

В статье описан жизненный и творческий путь профессора О. М. Соколова.

Ключевые слова: глагол, русский язык, семантика, лингвистика, аспектология.

Богданович Г. Ю. **Языковая коммуникация: еще раз о дискурсе и тексте.**

Текст и дискурс рассматриваются как составляющие языковой коммуникации.

Ключевые слова: текст, дискурс, языковая коммуникация.

Сидоренко Е. Н. **О местоимениях да и нет в русском языке.**

В статье впервые дается обоснование существования местоимений да и нет в современном русском языке; рассматриваются их омонимы.

Ключевые слова: местоимение, часть речи, функциональный омоним, контаминант, гибридное слово, частица.

Семиколенова Е. И. **Так что же все-таки обозначает глагол?**

В статье анализируется проблема содержания глагола как одного из ресурсов языка, с помощью которого передаются динамические свойства окружающего мира.

Ключевые слова: глагол, динамические свойства, процесс, движение, фазовость.

Титаренко Е. Я. **Категория способов глагольного действия: грамматика, лексика, словообразование?**

В статье рассматриваются способы действия русского глагола, их теоретическое и практическое значение, их место в грамматической системе глагола. В результате анализа различных теорий автор приходит к выводу о том, что способы действия – это семантические группировки глаголов.

Ключевые слова: способ действия, глагол, семантика, вид.

Ярошенко Н. А. **Сопоставительный анализ глаголов в составе словообразовательных гнезд с вершинами *сажати*, *садити* и *sadzic*.**

Настоящая статья посвящена сопоставительно-типологическому изучению словообразовательных гнезд с вершинами *сажати*, *садити* и *sadzic* в русском, украинском и польском языках XIX-XX вв. устанавливаются и анализируются общие и специфические черты глаголов в составе названных словообразовательных гнезд.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, сопоставительный метод.

Иванов А. В. К вопросу о моносемантической в лингвистической терминологии.

Статья посвящена исследованию проблемы семантической многозначности лингвистической терминологии. Актуальность данной проблемы определяется необходимостью гармонизации и унификации терминологического аппарата языкознания.

Ключевые слова: лингвистическая терминология, унификация терминологии, полисемия, моносеманτικότητα.

Тагаев М. Д. Морфемно-словообразовательный словарь как тип когнитивно-дискурсивного описания функционирования неродного языка.

В статье анализируется словообразовательная система русского языка с точки зрения когнитивной перспективы и привлекаются соответствующие сравнения со словообразовательной системой киргизского языка.

Ключевые слова: функции языка, словообразовательный тип, словообразовательный словарь.

Токмеджи Р. Я. Словообразовательные типы суффиксальных отадвербиальных наречий.

В статье рассмотрены словообразовательные типы суффиксальных отадвербиальных наречий с субъективно-оценочными значениями ласкательности, уменьшительности, увеличительности, а также фиксация форм оценки наречий в словарях современного русского языка.

Ключевые слова: формы оценки наречий, словообразовательный тип, множественность словообразовательной структуры слова.

Мартынюк А. Я. Тематические словари и имплицитные явления языка.

В статье рассматриваются имплицитные явления языка

Ключевые слова: имплицитная морфология, скрытые категории, словари.

Воробьева Г. К. Историко-культурологический потенциал фразеологизмов в русском и польском языках.

В статье рассматриваются возможности сопоставительного исследования фразеологизмов различных языков на материале изучения истории их создания, сопоставления культурного потенциала и лингвокультурологических сведений как национально-самобытных, так и интернационально-ориентированных пластов фразеологического состава в близкородственных языках.

Ключевые слова: Лингвокультурология, фразеологизм, сопоставление, история, происхождение.

Гадомский А. К. К проблеме определения теолингвистики.

В статье рассматриваются вопросы теолингвистики -- науки, возникшей вследствие взаимодействия языка и религии и исследующей проявления религии, которые закрепились и отразились в языке. Разъясняются значения основных терминов, связанных с этим разделом науки о языке.

Ключевые слова: Язык и религия, тсолингвистика, канонический язык, религиозная лексика, текетология, религиозная терминология, конфессиональный стиль.

Матросова Л. И. Лексико-семантическая группа “орудие, инструмент” (в русском, украинском и английском языках) как фрагмент языковой картины мира.

В статье была сделана попытка определить место лексико-семантической группы “орудие, инструмент” (в русском, украинском и английском языках) в языковой картине мира. Используются понятия сема и семантема. Показана иерархия сем.

Ключевые слова: языковая картина мира, сема, семантема.

Сысоева М. Н. Страх и его выражение фразеологическими средствами русского, украинского и английского языков.

В статье освещены особенности фразеологического разряда “Страх. Ужас” фразеологической микросистемы “Эмоции человека” русского, украинского и английского языков, проведен сравнительный анализ частотности его употребления с тематическими группами фразеологических единиц различных сфер человеческих эмоций, с целью выявления, является ли страх превалирующей эмоцией наряду с другими.

Ключевые слова: фразеологическая единица, эмоция, страх, фразеологическая микросистема.

Абдураманова Л. Ш. Парадигматические отношения во фразео-семантическом поле “говорить” современного крымскотатарского языка.

В данной статье рассматриваются парадигматические отношения составляющих фразео-семантического поля “говорить” крымскотатарского языка, а также особенности наполнения его.

Ключевые слова: поле, фразеологическая единица, парадигматические отношения, синонимический ряд, антонимическая пара, метафорическое переосмысление.

Афанасиади М. А. Разговорная речь русскоязычных граждан в новых геополитических условиях (на примере художественной литературы, написанной и изданной эмигрантами в Греции).

Статья об особенностях русской разговорной речи на территории Греции.

Ключевые слова: взаимодействие культур, региональное варьирование, русская диаспора.

Невойт В. И. Фоновые характеристики наименований растений.

В статье на материале наименований растений русского языка, а также украинского и отчасти английского, исследуется проблема лексического фона слова вообще, а также описывается специфика данного феномена в пределах указанной тематической группы.

Ключевые слова: лексическая семантика, лексическое понятие, лексический фон, лингвострановедение, культурология.

Цинь Жуй. Общесемантическая характеристика наименований обуви в русском языке.

Статья посвящена описанию особенностей лексической семантики слов-наименований обуви, функционирующих в современном русском языке.

Ключевые слова: значение слова, лексико-семантический вариант, денотативный, сигнификативный характер, топологическая структура.

Николенко Н. И. Украинские лексемы “незалежность”, “державный”, “самостийный”, “мова” в русском языке.

В статье рассматривается функционирование украинских лексем “незалежность”, “державный”, “самостийный”, “мова” в русском языке, в частности в речи СМИ Украины и России.

Ключевые слова: украинская лексема, язык СМИ, русский язык.

Андросюк Н. В. Место двувидовых глаголов в аспектуальной системе русского языка.

В статье описываются теоретические проблемы изучения и описания двувидовых глаголов.

Ключевые слова: аспектология, категория вида, русский глагол, двувидовой глагол.

Шаклеин В. М. О парадигме современных лингвокультурологических исследований.

Статья посвящена анализу современного состояния лингвокультурологии как комплексной научной дисциплины, изучающей взаимосвязь языка и культуры. Она подтверждает необходимость дальнейшего продолжения лингвокультурологических исследований.

Ключевые слова: лингвокультурология, язык, культура, концепт.

Маслова В. А. “Языковая картина мира” и “поэтическая картина мира” и их роль в межкультурной коммуникации.

В статье различаются концептуальная, языковая и поэтическая картины мира и доказывається, что поэтическая картина мира более широкая, чем другие.

Ключевые слова: картина мира, концептуальная картина мира, поэтическая картина мира.

Яценко Т. А. Пересечение культурного концепта “Цель” с другими культурными концептами (на материале романа “Преступление и наказание”).

Статья посвящена пересечению культурного концепта “Цель” с концептами “Счастье” и “Рассудок” на материале романа Достоевского.

Ключевые слова: культурный концепт, пересечение культурных концептов, языковая картина мира.

Бессонова Л. Е., Зелинская А. Ю. Структурно-семантическое содержание ассоциативного поля концепта «образование» (из опыта проведения экспериментальных методик).

В статье рассматривается концептуальное содержание понятия «образование» как одного из доминирующих концептов языковой картины мира современного молодого человека, предпринимается попытка ассоциативного исследования.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, концепт, языковая картина мира.

Липух Н. А. Семантика начала и конца в функциональном рассмотрении.

В статье даётся функционально-семантическое описание существительных, формирующих микрополе «начало» и микрополе «конец», в синхронии и диахронии.

Ключевые слова: микрополе, семантема, семема, сема.

Никонова В. Г. Концептуализация мира в трагедиях Шекспира.

В статье изложены результаты концептуального анализа индивидуально-авторских метафор, шекспиризмов; выделенные концептуальные сферы формируют авторскую концептуальную картину мира, иерархия концептов в которой обусловлена историческими и культурными традициями эпохи Ренессанса.

Ключевые слова: шекспиризм, концепт, концептуальная картина мира.

Зябрева Г. А. Ф. М. Достоевский о Восточном вопросе — от политического к эсхатологическому.

В статье анализируются взгляды Ф.М. Достоевского по Восточному вопросу как одному из ключевых явлений мировой истории; рассматриваются его генезис, сущность, пути разрешения; устанавливается родство точки зрения писателя и трактовок этого вопроса, предложенных крупнейшими отечественными мыслителями; характеризуется эволюция взглядов Достоевского на проблему «Россия – Восток – Запад» («Россия – Европа – Азия»); вскрывается глубинная связь между оценками эпохального и универсальными началами миропонимания классика.

Ключевые слова: восточный вопрос, эсхатологический, политический, национальный, метафизический, общечеловеческий.

Лавров В. В. Духовные поиски ученых (историографическая концепция термина «ноосфера»: В. И. Вернадский, И. М. Гревс, П. А. Флоренский).

Статья посвящена процессу научного осмысления термина «ноосфера» в научно-духовных поисках В. И. Вернадского, И. М. Гревса и П. А. Флоренского.

Ключевые слова: ноосфера, пневмосфера, антропосфера, биосфера, геологическая сила.

Муратова Е. Ю. Языковые особенности в лирике М. Цветаевой.

Статья посвящена проблеме потенциальных возможностей языка в поэтическом тексте. В частности, исследуются языковые особенности в лирике М. Цветаевой.

Ключевые слова: идиостиль, однокоренные слова, грамматические оппозиции, значение слова.

Петрова Л. А. **Интенции речевого действия в художественной картине мира.**

В статье рассматривается проблема формирования художественной картины мира. Анализируются глаголы речи (говорения) в синтагматическом аспекте, что позволяет проследить референциальную соотнесенность речевого акта в художественном тексте.

Ключевые слова: художественная картина мира, референция, денотативный компонент, интенция, семантическое поле.

Пуреховская О. В. **Литературно – религиозно – философский “Спор о пресуществлении” 2-й половины XVII столетия в прозаическом осмыслении Симеона Полоцкого.**

В статье определяется место публицистики Симеона Полоцкого, посвященной литургическому вопросу Пресуществления, в системе прозаических памятников указанного периода. Особое внимание уделяется риторической культуре России 2-й половины XVII столетия. Прозаическое творчество Симеона Полоцкого анализируется в контексте литературно – религиозно – философского “Спора о пресуществлении”.

Ключевые слова: барокко, Просвещение, Пресуществление, Симеон Полоцкий, христианство.

Курьянов С. О. **Крымские страницы М. Арцыбашева. Статья первая: Рассказ “Старая история”.**

Статья посвящена анализу идейно-художественного содержания рассказа М. Арцыбашева “Старая история”. Подчеркивается роль крымского контекста в своеобразии авторского мировидения и в раскрытии внутреннего мира главного героя рассказа.

Ключевые слова: Михаил Арцыбашев, рассказ, Крым, психологизм, смерть.

Иванова Н. П. **Отражение идеи добра и зла в картинах природы романа М. Ю. Лермонтова “Вадим”.**

В данной статье пейзажные образы романа М. Ю. Лермонтова “Вадим” рассматриваются с позиций отражения в них мировоззрения автора (в частности, отношения к идее добра и зла).

Ключевые слова: сентиментализм, романтизм, идея добра и зла, пейзажный образ.

Джиоева М. Г. **“Память о происхождении” в лирике М. А. Волошина и Х. Л. Борхеса.**

В статье предпринята попытка установить и описать зоны пересечения художественных картин мира М. А. Волошина и Х. Л. Борхеса путем исследования ключевых концептов их поэтического творчества.

Ключевые слова: концепт, художественная картина мира, память.

Трифонов В. В. **Крым в творческой биографии Л. Н. Толстого (1854–1855).**

В статье показано, какое влияние оказали крымские впечатления и события Восточной (Крымской) войны на становление Л. Н. Толстого-писателя. Используются его художественные произведения, дневниковые записи, письма 1854-1855 годов.

Ключевые слова: Лев Толстой, Крымская война, Севастополь, рассказ, реализм.

Колтухова И. М. **Интертекстуальные связи как средство выражения этической и эстетической позиции автора в сказке Л. Петрушевской «Принц с золотыми волосами».**

Статья посвящена проблемам интертекстуального анализа художественного текста на материале литературной сказки Л. Петрушевской «Принц с золотыми волосами».

Ключевые слова: литературная сказка, интертекстуальность, эстетическая позиция автора, анализ художественного текста.

Гусейнова Р. Н. **Крымские легенды как источник лингвокультурологической информации.**

В статье определяются некоторые особенности крымских легенд и обосновывается целесообразность лингвокультурологического подхода к их изучению.

Ключевые слова: поликультурная ситуация, легенда, лингвокультурологическая информация.

Мельник Ю. А. **Трансформирование песенных прецедентных высказываний в современном публицистическом дискурсе.**

В статье рассматриваются общие теоретические вопросы определения прецедентных высказываний, и говорится о том, что такой вид их источников, как тексты песен, занимает значительное место по частотности. Отличительной особенностью функционирования таких прецедентных высказываний в современном публицистическом дискурсе является то, что они часто подвергаются трансформации.

Ключевые слова: прецедентные высказывания, публицистический дискурс, трансформирование прецедентных высказываний, интертекстуальность, карнавализация.

У Хао. **Символика цветообозначений в пейзаже романа Лао Шэ «Верблюд Сянцзы».**

Статья посвящена анализу символики цветообозначений в пейзажных описаниях китайского реалистического романа Лао Шэ «Верблюд Сянцзы». Цвет воздействует на психику и физиологию человека, несет информацию о традициях и обычаях народа. В связи с этим в статье рассматривается специфика китайской символики цветообозначений, которая отражается в анализируемом романе.

Ключевые слова: китайский реалистический роман, пейзажные зарисовки, воздействие цвета на человека, символика цветообозначений.

Компанцева Л. Ф. **Ассоциативный анализ интересов мужчин и женщин в сети Интернет.**

В статье сопоставляются данные ассоциативного анализа и пилотажного опроса пользователей относительно гендерных предпочтений посетителей Интернета; анализируются виды запрашиваемой информации мужчинами и женщинами в Сети; определяются причины, приведшие мужчин и женщин в Сеть; рассматривается фактор наличия/отсутствия гендерной дискриминации в Интернете.

Ключевые слова: ассоциативный анализ, гендерные предпочтения, Интернет-дискурс, гендерная дискриминация.

Николаенко С. В. Применение культурологических знаний при работе с текстом на уроках словесности.

Национальная специфика языка и культуры, национальный менталитет не могут не оказывать влияние на характер выбираемых средств и порождаемых текстов. Жизнь художественного текста в культуре предполагает множество его интерпретаций, отсюда следует, что культурологические знания можно использовать при анализе текста как некоторые наборы субъективных интерпретаций. Поэтому в статье и будет предложен один из таких интерпретационных механизмов для обучения школьников на уроках словесности.

Ключевые слова: филологический анализ, текст малой формы, методы и приемы анализа, текст и культура.

Науменко Ю. М. Предпосылки к обучению арабговорящих студентов русскому ударению.

Русское и арабское слово на звуковом уровне различаются по своей структуре. В результате того, что арабские учащиеся строят русское слово по законам родного языка, наблюдается нарушение звуковой (в частности, ритмической) структуры русского слова в речи арабских учащихся.

Ключевые слова: русское, арабское словесное ударение; обучение ударению.

Тузова Т. А. Учет культуры адресата в практике преподавания русского языка как иностранного.

Данная статья посвящена проблеме формирования культурной компетенции студентов на начальном этапе обучения. В ней проанализированы особенности вербального и невербального поведения представителей различных культур, даны некоторые рекомендации учета культуры адресата.

Ключевые слова: социокультурный метод, компоненты, вербальные средства общения.

Клепач Е. В., Красс Н. А. Изучение норм русского литературного языка на занятиях по культуре речи со студентами-иностранцами.

Статья посвящена проблемам изучения норм на занятиях по культуре речи со студентами-нефилологами.

В статье представлены различные виды заданий по типам норм, в том числе задания по нормам делового стиля.

Ключевые слова: норма, методика, типы заданий, речевая культура.

Колтухова И. М., Соколова И. Г. Изучение теории литературы на курсах для абитуриентов филологического факультета (на материале романа Булгакова “Мастер и Маргарита”).

Статья посвящена обучению теории литературы и использованию теоретико-литературных понятий в процессе анализа художественного текста на курсах для абитуриентов.

Ключевые слова: методика преподавания, теория литературы, умение анализировать художественный текст.

Аржанцева Т. В. Реализация принципа преемственности и перспективности при изучении темы “Предложения с однородными членами” в 5 классе.

В статье показана методика работы по изучению темы “Предложения с однородными членами” с учетом преемственности между начальным и средним звеньями школьного образования.

Автор обосновывает эффективность опережающего обучения при изучении однородных членов и частично-поискового метода в процессе усвоения новой темы, который позволяет включить учащихся в процесс добывания знаний и способствует активизации их мыслительной деятельности.

Содержание дидактического материала и система тренировочных упражнений, представленная в работе, способствует прочному закреплению изученного.

Ключевые слова: однородные члены предложения, обобщающие слова, сочинительная связь, синтаксические функции, синтаксические конструкции, главные и второстепенные члены, принцип преемственности и перспективности.

Дикарева С. С. Тенденции развития Web-коммуникации: ноогенез и электронная устность.

Публикация посвящена анализу лингвокогнитивных аспектов Web-коммуникации.

Ключевые слова: когниция, языковая коммуникация, Интернет, WWW.

Бондаренко Л. А. Изучение отыменных глаголов на //ЕТЬ и //ИТЬ в иностранной аудитории.

В статье рассмотрены соотносительные отыменные глаголы на //ЕТЬ и //ИТЬ, мотивированные именами прилагательными со значением цвета (типа БЕЛЕТЬ – БЕЛИТЬ). Описаны семантическая структура глаголов, функции подлежащих актантов, синтаксическая валентность глаголов. Сделан вывод о том, что семантика подлежащего актанта и характер синтагматических связей глагола оказываются принципиально важными единицами информации для диагностики значения глагола.

Ключевые слова: отыменные глаголы; глагольные дериваты цветowych прилагательных; инхоативное, динамичное значение; статальное значение; аргументы, актанты, распространители; аккумулятивная и генеративная функция подлежащих актантов; диагностирующая роль распространителей (аргументов, обстоятельств).

АНОТАЦІЇ

Сапожнікова Е. М., Титаренко О. Я. **Лінгвістичний спадок професора О. М. Соколова.**

У статті дається опис життєвого і творчого шляху професора О. М. Соколова.

Ключові слова: дієслово, російська мова, семантика, лінгвістика, аспектологія.

Богданович Г. Ю. **Мовна комунікація: ще раз про дискурс та текст.**

Текст і дискурс розглядаються як складені частини комунікації.

Ключові слова: текст, дискурс, мовна комунікація.

Сидоренко Е. М. **Про займенники так та ні у російській мові.**

У статті вперше обґрунтовується існування займенників так та ні в сучасній російській мові; розглядаються їх омоніми.

Ключові слова: займенник, частина мови, функціональний омонім, контамінант, гібридне слово, частка.

Семіколенова О. І. **Так що ж все-таки означає дієслово?**

У статті аналізується проблема змісту дієслова, як одного з ресурсів мови, за допомогою якого передаються динамічні якості навколишнього світу.

Ключові слова: дієслово, динамічні якості, процес, рух, фазовість.

Титаренко О. Я. **Категорія родів дії: грамати́ка, лексика, словотвір?**

У статті розглядаються роди дії російського дієслова, їх теоретичне і практичне значення, їх місце у граматичній системі дієслова. Внаслідок аналізу різних теорій автор доходить висновку, що ради дії – це семантичні групування дієслів.

Ключові слова: роди дії, дієслово, семантика, вид.

Ярошенко Н. О. **Зіставний аналіз дієслів у складі словотвірних гнізд з вершинами *сажать*, *садити* и *саذية*.**

Статтю присвячено зіставно-типологічному вивченню словотвірних гнізд з вершинами *сажать*, *садити* і *саذية* у російській, українській і польській мовах ХІХ-ХХ ст. З'ясовуються й аналізуються спільні й специфічні риси дієслів у складі зазначених словотвірних гнізд.

Ключові слова: словотвірне гніздо, зіставний метод.

Токмеджи Р. Я. **Словотвірні типи суфіксальних отадвербіальних прислівників.**

У статті розглядаються словотвірні типи суфіксальних отадвербіальних прислівників з суб'єктивно – оціночними значеннями ласки, зменшення, збільшення, а

також фіксація форм одінок прислівників у словниках сучасної російської мови.

Ключові слова: форми оцінки прислівників, безліч словотвору структури слова.

Мартинюк Г. Я. Тематичні словники та імпліцитні явища мови.

У статті розглядаються імпліцитні явища мови.

Ключові слова: імпліцитна морфологія, приховані категорії, словники.

Гадомський О. К. До проблеми визначення теолінгвістики.

У статті розглядаються питання теолінгвістики – науки, що з'явилася в наслідок взаємовідносин мови та релігії і вивчає наслідки релігії, які закріпилися і знайшли відображення в мові. Пояснюються значення основних термінів, пов'язаних з цим напрямком науки про мову.

Ключові слова: Мова та релігія, теолінгвістика, канонічна мова, релігійна лексика, текстологія, релігійна термінологія, конфесійний стиль.

Матросова Л. І. Лексико-семантична група “знаряддя, інструмент” (в російській, українській та англійській мовах) як фрагмент мовної картини світу.

У статті було зроблено спробу визначити місце лексично-семантичної групи “знаряддя, інструмент” (в російській, українській та англійській мовах) в мовній картині світу. Використовуються поняття сема і семантема. Продемонстровано ієрархію сем.

Ключові слова: мовна картина світу, сема, семантема.

Сисоева М. М. Страх і його вираження фразеологічними засобами російською, українською та англійською мовами.

У статті висвітлені особливості фразеологічного розряду “Страх. Жах” фразеологічної мікросистеми “Емоції людини” в російській, українській, та англійській мовах, проведено порівняльний аналіз частотності його використання з тематичними групами фразеологічних одиниць різних сфер людських емоцій з метою виявлення чи є страх переважаючою емоцією серед інших.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, емоція, страх, фразеологічна мікросистема.

Абдураманова Л. ІІІ. Парадигматичні відносини у фразео-семантичному полі “говорить” сучасної кримськотатарської мови.

Дана стаття присвячена визначенню парадигматичних відносин складових фразео-семантичного поля “казати” кримськотатарської мови та опису особливостей наповнення його.

Ключові слова: поле, фразеологізм, парадигматичні відносини, синонімічний ряд, антонімічна пара, метафоричне переосмислення.

Невоїт В. І. Фонові характеристики назв рослин.

У статті на матеріалі назв рослин російської мови, а також української та частково англійської, досліджується проблема лексичного фону слова взагалі, а також описується специфіка даного феномену у межах зазначеної тематичної групи.

Ключові слова: лексична семантика, лексичне поняття, лексичний фон, лінгвокраїнознавство, культурологія.

Цинь Жуй. Загальносемантична характеристика назв взуття в російській мові.

Стаття присвячена опису особливостей лексичної семантики слів — назв взуття, що функціонують у сучасній російській мові.

Ключові слова: значення слова, лексико-семантичний варіант, денотативний, сигніфікативний характер, топологічна структура.

Ніколенко Н. І. Українські лексеми “незалежність”, “державний”, “самостійний”, “мова” у російській мові.

У статті розглядається функціонування українських лексем “незалежність”, “державний”, “самостійний”, “мова” у російській мові, зокрема у мовленні ЗМІ України та Росії.

Ключові слова: українська лексема, мова ЗМІ, російська мова.

Андрюк Н. В. Місце двовидових дієслів в аспектуальній системі російської мови.

У статті розглядаються теоретичні проблеми вивчення й опису двовидових дієслів.

Ключові слова: аспектологія, категорія виду, російське дієслово, двовидове дієслово.

Яценко Т. А. Пересікання культурного концепту “Мета” з іншими культурними концептами (на матеріалі роману Ф.М. Достоевського „Злочин та кара”).

Стаття присвячена концепту “Мета” з концептами “Щастя” та “Розсудок” на матеріалі роману Достоевського.

Ключові слова: культурний концепт, пересікання культурних концептів, мовна картина світу.

Бессонова Л. Е., Зелінська Г. Ю. Структурно-семантичний зміст асоціативного поля концепту „Освіта” (з опиту проведення експериментальних методик).

У статті розглядається концептуальний склад поняття “освіта” як одного з домінуючих концептів мовної картини світу сучасної молоді людини, а також здійснюється спроба асоціативного дослідження.

Ключові слова: асоціативний експеримент, концепт, мовна картина світу.

Лантух Н. А. Семантика початку та кінця у функціональному розгляді.

У статті подається функціонально-семантичний опис іменників, які формують мікрополе „початок” та мікрополе „кінець” в синхронії та діахронії

Ключові слова: мікрополе, семантема, семема, сема.

Ніконова В. Г. Концептуалізація світу в трагедіях Шекспіра.

У статті викладено результати концептуального аналізу індивідуально-авторських метафор, шекспіризмів; виділено концептуальні сфери, що формують авторську

концептуальну картину світу; ієрархія концептів зумовлена історичними та культурними традиціями епохи Ренесанса.

Ключові слова: шекспіризм, концепт, концептуальна картина світу.

Зябрева Г. О. Ф. М. Достоевський про Східне питання – від політичного до есхатологічного.

У статті проаналізовано погляди Ф. М. Достоевського зі Східного питання як одного з ключових явищ світової історії; розглянуто його генезу, сутність, шляхи розв'язання; встановлено спорідненість точки зору письменника та пострактувань даного питання, запропонованих видатними вітчизняними мислителями; схарактеризовано еволюцію поглядів Достоевського щодо проблеми “Росія – Схід – Захід” (“Росія – Європа – Азія”); розкрито глибинний зв'язок між оцінками епохального та універсальними первінями свігорозуміння класика.

Ключові слова: східне питання, есхатологічне, політичне, національне, метафізичне.

Лавров В. В. Духовні пошуки вчених.

Стаття присвячена процесу наукового осмислення терміна “ноосфера” у науково-духовних пошуках В. І. Вернадського, І. М. Гревса і П. О. Флоренського.

Ключові слова: ноосфера, пневмосфера, антропосфера, біосфера, геологічна сила.

Петрова Л. О. Интенції мовленевої діяльності в художній картині світу.

У статті розглядається проблема формування художньої картини світу. Аналізуються дієслова мови (говоріння) в синтагматичном аспекті, що дозволяє прослідити референціальну співвідносність мовного акту в художньому тексті.

Ключові слова: художня картина світу, референція, денотативний компонент, интенція, семантичне поле.

Пуреховська О. В. “Літературно – релігійно – філософське “Сперечання” 2-ї половини XVII сторіччя у прозаїчному осмисленні Симеона Полоцького”.

В статті визначається місце публіцистики Симеона Полоцького, присвяченої питанню. Особлива увага приділяється риторичній культурі Росії XVII століття, в межах якої аналізується творчий метод Симеона Полоцького. Проза Симеона Полоцького аналізується у контексті вказаного літературно – релігійно – філософського сперечання.

Ключові слова: бароко, Освіта, Симеон Полоцький, християнство.

Кур'янов С. О. Кримські сторінки М. Арцибашева. Стаття перна: Оповідання “Стара історія”.

Стаття присвячена аналізу ідейно-художнього змісту оповідання М. Арцибашева “Стара історія”. Підкреслюється роль кримського контексту у своєрідності авторського світобачення и в розкритті внутрішнього світу головного героя оповідання.

Ключові слова: Михайло Арцибашев, оповідання, Крим, психологізм, смерть.

Іванова Н. П. **Відображення ідеї добра та зла у картинах природи роману М. Ю. Лермонтова “Вадим”.**

У даній статті пейзажні образи роману М. Ю. Лермонтова “Вадим” розглядаються з позицій відображення у них світогляду автора (зокрема, відношення до ідеї добра та зла).

Ключові слова: сентименталізм, романтизм, ідея добра та зла, пейзажний образ.

Джиосва М. Г. **„Пам’ять про походження” у ліриці М. О. Волошина та Х. Л. Борхеса”.**

У статті зроблено спробу встановити і описати зони перетину художніх картин світу М. О. Волошина та Х. Л. Борхеса шляхом вивчення ключових концептів їх поетичної творчості.

Ключові слова: концепт, художня картина світу, пам’ять.

Трифонов В. В. **Крим у творчій біографії Л. М. Толстого (1854–1855).**

У статті показано, який вплив надали кримські враження та події Східної (Кримської) війни на становлення Л. М. Толстого-письменника. Використані його художні твори, щоденникові записи, листи 1854–1855 років.

Ключові слова: Лев Толстой, Кримська війна, Севастополь, оповідання, реалізм.

Колтухова І. М. **Інтертекстуальні зв’язки як засіб вираження етичної та естетичної позиції автора у казці Л. Петрушевської “Принц з золотим волоссям”.**

Стаття присвячена проблемам інтертекстуального аналізу художнього тексту на матеріалі літературної казки Л. Петрушевської «Принц з золотим волоссям».

Ключові слова: літературна казка, інтертекстуальність, естетична позиція автора, аналіз художнього тексту.

Гусейнова Р. Н. **Кримські легенди як джерело лінгвокультурологічної інформації.**

У статті відзначаються деякі особливості кримських легенд та обґрунтовується доцільність лінгвокультурологічного підходу до їх вивчення

Ключові слова: полікультурна ситуація, легенда, лінгвокультурологічна інформація.

Мельник Ю. А. **Трансформування пісенних прецедентних висловлювань в сучасному публіцистичному дискурсі.**

В статті розглядаються теоретичні загальні питання визначення прецедентних висловлювань, та йде мова про те, що такий вид джерел прецедентних висловлювань, як тексти пісень, займає чимале місце за частотністю. Особливістю функціонування прецедентних висловлювань цього типу в сучасному публіцистичному дискурсі є те, що вони часто піддаються трансформації.

Ключові слова: прецедентні висловлювання, публіцистичний дискурс, трансформування прецедентних висловлювань, інтертекстуальність, карнавалізація.

У Хао. Символіка кольоропозначень у нейзажі роману Лао Ше “Верблюди Сянцзи”.

Стаття присвячена аналізу символіки кольоропозначень у пейзажних описах китайського реалістичного роману Лао Ше “Верблюди Сянцзи”. Колір впливає на психіку та фізіологію людини, несе інформацію про традиції та звичаї народу. У зв'язку з цим в статті розглядається специфіка китайської символіки кольоропозначень, яка відображена в романі, що аналізується.

Ключові слова: китайський реалістичний роман, пейзажні замальовки, вплив кольору на людину, символіка кольоропозначень.

Компанцева Л. Ф. Асоціативний аналіз інтересів чоловіків та жінок у мережі Інтернет.

У статті зіставляються дані асоціативного аналізу й пілотажного опитування користувачів відносно гендерних переваг відвідувачів Інтернету; аналізуються види інформації, яка має попит у чоловіків та жінок у Мережі; визнаються причини, які приводять чоловіків та жінок у Мережу; розглядається фактор наявності / відсутності гендерної дискримінації в Інтернеті.

Ключові слова: асоціативний аналіз, гендерні переваги, Інтернет-дискурс, гендерна дискримінація.

Тузова Т. О. Облік культури адресата в практиці викладання російської мови як іноземної.

Дана стаття присвячена проблемі формування культурної компетенції. В ній аналізуються особливості вербальної і невербальної поведінки представників різних культур, дані деякі рекомендації, враховуючи культуру адресата.

Ключові слова: соціокультурний метод, компоненти, вербальні засоби спілкування.

Колтухова І. М., Соколова І. Г. Вивчення теорії літератури на курсах для абітурієнтів філологічного факультету (на матеріалі роману Булгакова „Мастер і Маргарита”).

Стаття присвячена вивченню теорії літератури та використанню теоретико-літературних понять у процесі аналізу художнього тексту на курсах для абітурієнтів.

Ключові слова: методика викладання, теорія літератури, вміння аналізувати художній текст.

Аржанцева Т. В. Реалізація принципу наступності та перспективності при вивченні теми “Речення з однорідними членами” в 5 класі.

У статті розкрито методику роботи з вивчення теми „Речення з однорідними членами” в п'ятому класі з урахуванням принципів наступності та перспективності між початковим та середнім ланцюгами шкільного навчання.

Автор обґрунтовує ефективність випереджувального навчання при вивченні однорідних членів речення та частково-пошукового методу в процесі засвоєння нової теми,

який дає можливість підключити учнів до процесу здобування знань і сприяє активізації їх розумової діяльності.

Зміст дидактичного матеріалу і система тренувальних вправ, викладена в роботі, сприяє закріпленню вивченого.

Ключові слова: однорідні члени речення, принцип наступності та перспективності, принцип випереджуючого навчання, дидактичний матеріал.

Дікарева С. С. Тенденції розвитку Web-комунікації: ноогенез та електронна усність.

Публікацію присвячено розгляду лінгвокогнітивних аспектів Web-комунікації.

Ключові слова: когніція, мовна комунікація, Інтернет, WWW.

Бондаренко Л. О. Вивчення відіменних дієслів на //ЄТЬ та // ІТЬ в іноземній аудиторії.

Стаття присвячена співвідносним російським дієсловам, маючим форманти //ЄТЬ та // ІТЬ мотивованим прикметникам, означаючими колір (белеть — белить). Розглянуті семантична структура дієслів, функції підметових актантів, синтаксична валентність дієслів. Зроблено висновок, що семантика підметового актанга та характер синтагматичних зв'язків дієслів з'являються принципово одиницями інформації для діагностики значення дієслів.

Ключові слова: відприкметникові дієслова; дієслівні деривати “кольорових” прикметників; інхаотивне, динамічне значення; статальне значення, аргументи, актанги, поширювачі; акумулятивна та генеративна функції підметових актантів; діагностуюча роль розповсюджувачів (аргументів, обставин).

SUMMARY

Sapozhnikova E. M., Titarenko E. **Linguistic heritage of Professor O. M. Sokolov**

The article describes the life and the creative development of Professor O. M. Sokolov.
Key words: verb, the Russian language, semantics, linguistics, aspectology.

Bogdanovich G. U. **Linguistic communication: discourse and text.**

The article discusses the text and discourse as the object of the linguistic communication.
Key words: text, discourse, linguistic communication.

Sidorenko Y. N. **About pronouns "yes" and "no" in the Russian language.**

The substantiation of existence of the pronouns "yes" and "no" is firstly showed in the article.

Key words: pronoun, the part of speech, functional, homonym, hybrid word, particle.

Semikolenova E. I. **What does the verb mean anyway?**

The paper discusses a problem of the verb meaning as one of the sources of the language. With the help of the verb's meaning the dynamic properties of the surrounding world are transmitted.

Key words: Verb, dynamic properties, process, movement, phase.

Titarenko E. Y. **The category of verb action: grammar, vocabulary, word-building.**

The modes of action of the Russian verb, its theoretical and practical meaning, its place in the grammar system of verbs are investigated. Basing on the analysis of different theories the author concludes that the modes of action are semantic groups of verbs.

Key words: modes of action, verb, semantic, aspect.

Yaroshenko N. A. **The comparative analysis of the verbs in the structure of derivational families with the basic verbs *sazhat'*, *sadyty* and *sadzhietz*.**

The article presents a comparative analysis of derivational families with the basic verbs *sazhat'*, *sadyty* and *sadzhietz* in Russian, Ukrainian and Polish languages of the 19th-20th centuries. Some common and characteristic features of the verbs in the structure of the above-mentioned derivational families have been established and described.

Key words: derivational family, comparative method.

Ivanov A. V. **On the problem of monosemy in the sphere of linguistic terminology.**

The article deals with the problem of polysemy in the sphere of linguistic terminology. The actuality of this problem is defined by the necessity to harmonize and unify the terminological apparatus of linguistics.

Key words: linguistic terminology, unification of terms, polysemy, monosemy.

Tagaev M. D. Morphemic-word-formative dictionary as a type of a cognitive-discursive description of a function of non-native language.

The article analyzes the world-formative system of the Russian language within the framework of the cognitive perspective and draws the corresponding comparisons to the world-formative system of the Kyrgyz language.

Key words: functions of the language, the world-formative type, morphemic-world-formative dictionary.

Tokmedji R. Y. Suffixal word-formation types of adverbs.

The article deals with suffixal word building types of adverbs with subjective evaluative meanings in particular: forms, shortenings, exaggeration and also fixation of evaluation forms of adverbs in dictionaries of the modern Russian language.

Key words: types of evaluation of adverbs, word building type, differentiation of word building structures of words.

Martinyuk A. Y. Thematic dictionaries and implicit phenomena of the language.

The article deals with implicit phenomena of the language.

Key words: implicit morphology, revealed categories, dictionaries.

Vorobyova G. K. The historical and linguistic-cultural potential of Russian and Polish idioms.

The author focuses on important features of Russian and Polish idioms from the point of view of the interaction between language and culture and the peculiarities of their origin.

Key words: lingual culturology, idiom, comparison, history, origin.

Gadomski A. To a problem of definition theolinguistics.

In clause questions теолингвистики — a science arisen owing to interaction of language and religion and investigating displays of religion which were fixed and reflected in language are considered. Values of the basic terms connected to this section of a science about language are explained.

Key words: Language and religion, theolinguistics, initial language, religious lexicon, textual criticism, religious terminology, religious style.

Matrosova L. I. Lexical-semantic group "tool, instrument" (in the Russian, Ukrainian and English languages) as a fragment of language world picture.

The article is an attempt to define a place of lexical-semantic group "tool, instrument" (in the Russian, Ukrainian and English languages) in the language world picture. The notions *sema* and *semantema* are used. The hierarchy of semas is shown.

Key words: language world picture, sema, semantema.

Sysoeva M. Fear and its expression by phraseological means of the Russian, Ukrainian and English languages.

The article presents the peculiarities of phraseological category "Fear. Horror" existing in the frames of phraseological micro-system "Person's Emotions" in the Russian, Ukrainian and English languages. The category frequency used in comparison with other thematic groups of phraseological units in different spheres of personal emotions is analyzed to find out whether fear is the prevailing emotion among the others.

Key words: phraseological unit, emotion, fear, phraseological micro-system.

Abduramanova L. S. **Paradigmatic relations in the phraseo-semantic field “to speak” in modern crimeantatar language.**

In the article the paradigmatic relations in the phraseo-semantic field “to speak” in Crimeantatar language and the peculiarities of its components are considered.

Key words: field, phraseological unit, paradigmatic relations, synonymic row, antonymic pair, metaphoric transference.

Afanasiadi M. A. **Colloquial language of the Russian speakers in the new geopolitical surroundings (exemplified by belles-lettres written and published by immigrants in Greece).**

This article examines everyday Russian speaking in Greece.

Key words: interaction of cultures, region version, the Russian community in Greece.

Nevoyt V. Y. **Background characteristics of plants designations.**

The problem of words background is stipulated in this article on the material of plants designations in the Russian language, Ukrainian language and partly in the English language, also specificity of this phenomenon is discussed.

Key words: lexical group, lexical concept, lexical background, culturology.

Qin Rui. **General semantic features of footwear names in Russian.**

The article characterizes lexical semantics of the words which name shoes in the modern Russian language.

Key words: meaning of the word, lexical and semantic variant, denotative features, topology structure.

Nikolenko N. I. **Ukrainian words “nezalejnost”, “derjavnij”, “samostijnij”, “mova” in the Russian language.**

The article discusses functioning of the Ukrainian words “nezalejnost”, “derjavnij”, “samostijnij”, “mova” in the Russian language, in the discourse of mass-media of Ukraine and Russia.

Key words: Ukrainian words, discourse of mass-media, the Russian language.

Androsyuk N. V. **Place of the two-aspect verbs in the aspectological system of the Russian language.**

The theoretical problems of research and description of two-aspect verbs are discussed.

Key words: aspectology, category of the aspect, Russian verb, two-aspect verb.

Shaklein V. M. **About the paradigm of contemporary linguistic-cultural researches.**

The article analyzes the modern state of lingual culturology as a complex scientific discipline which researches the links between the language and the culture. The necessity of further linguacultural research is confirmed.

Key words: lingual culturology, language, culture, concept.

Maslova V. A. **“Language picture of the world” and “poetic picture of the world” and their role in intercultural communication.**

The article differentiates conceptual, language and poetic pictures of the world and presents proofs that the poetic picture of the world is wider than the others.

Key words: language picture of the world, conceptual picture of the world, poetic picture of the world.

Yashenko T. A. The Intersection of the Cultural Concept “Purpose” with Another Cultural Concepts (on the material of the novel “Crime and Punishment” by F. Dostoyevski).

The article is devoted for intersection of the cultural Concept “Purpose” with the concepts “Happiness” and “Reason” on the material of the novel by F. Dostoyevski.

Key words: cultural concept, intersection of cultural concepts, language picture of the world.

Bessonova L. Y., Zelinskaya G. Y. The structural and semantic content of associative field of the concept “Education” (based on the experience of providing the experimental methods).

The article discusses the concept “education” as one of the fundamental concepts in the linguistic picture of the world of modern young people. An associative investigation is attempted

Key words: associative experiment, concept, linguistic picture of the world.

Lantukh N. A. Semantics of the beginning and the end in the considered in the functional framework.

The article presents a functional-semantic description of the nouns which form the micro-field “beginning” and the micro-field “end”, synchronically and diachronically.

Key words: micro-field, semanteme, seme.

Nikonova V. G. Conceptualization of the world in Shakespeare’s tragedies.

The article presents the results of conceptual analysis of author’s coinages, Shakespearean phrases; the conceptual fields distinguished create the author’s picture of the world; the hierarchy of concepts is determined by historical and cultural traditions of Renaissance period.

Key words: Shakespearean phrase, concept, conceptual picture of the world.

Zyabreva G. A. F. M. Dostoevsky about the Orient question: from the political to the eschatological.

The Dostoevsky’s points of view concerning the Orient question is one of the key one in the article. Its genesis, essence, the ways of choosing are discussed too. The similarities between the writer’s point of view and the problem interpretations proposed by the Russian philosophers are established. The evolution of Dostoevsky’s points of view concerning the problem “Russia – Orient – West” (Russia – Europe – Asia) is characterized.

Key words: the Orient question, the eschatological, the political, the metaphysical, the common to all mankind.

Lavrov V. V. Scientists spiritual investigations.

The article is devoted to the process of scientific comprehension of ‘noosphere’ term in scientific and spiritual investigation by V. I. Vernadsky, I. M. Grevs and P. A. Florensky.

Key words: noosphere, pneumatosphere, antroposphere, geological power.

Muratova E. Y. **The linguistic peculiarities of M. Tsvetayeva's lyrics.**

The article deals with the problem of the language potential eventualities in a poetic text. In particular, the language peculiarities of M. Tsvetayeva's lyric are investigated.

Key words: idiomatic style, same-root words, grammatical oppositions, word meaning.

Petrova L. A. **Intentions of the vocal act in the art picture of the world.**

The article deals with the problem of forming the art picture of the world. The speech verbs are analyzed in syntagmatical aspect, which allows establishing referential correlation of the vocal act in a fiction text.

Key words: art world picture, referent, subject component, intention, semantic field.

Purekchovskaya O. **The Literary-Religious-Philosophical "Argument about Transubstantiation" of the XVII-th century in Prosaic Comprehension of Simeon Polocky.**

The article is devoted to the features of polemic texts written by Simeon Polocky. Special attention is given to rhetorical culture. Creative heritage of Simeon Polocky is analyzed in the "Argument about Transubstantiation" context.

Key words: Baroque, Enlightenment, Transubstantiation, Christianity.

Kuryanov S. O. **Crimean pages of M. Artsybashev. Article 1: Novel "An Old Story".**

It is analyzed of idea-art content to M. Artsybashev novel "An Old Story" in the article. The role of Crimean context in the author's world outlook and in presentation of the main character of the novel is discussed.

Key words: Mikhail Artsybashev, novel, Crimea, psychological trend, death.

Ivanova N. P. **The reflection of the idea of goodness and evil in the landscapes of Lermontov's novel "Vadim".**

The landscapes in Lermontov's novel "Vadim" are examined from the standpoint of Lermontov's world outlook (in particular, his attitude to the idea of goodness and evil).

Key words: sentimentalism, romantism, stylization, idea of goodness and evil, landscape images.

Djioeva M. G. **"The memory of the origin" in the lyrics of M.A. Voloshin and J.L. Borges.**

The zones of the intersection of M.A. Voloshin's and J.L. Borges' artistic world pictures are discovered and described by studying the key concepts of their poetic creation.

Key words: concept, artistic world picture, memory.

Trifonova V. V. **Crimea in L. N. Tolstoy's art biography (1854-1855).**

The article investigates the way Crimean impressions and the events of the Eastern (Crimean) War influenced L. N. Tolstoy as a writer. His art works – the diary notes and letters of the years of 1854-1855 are analyzed.

Key words: Leo Tolstoy, Crimean war, Sebastopol, novel, realism.

Koltukhova I. M. **Inter-textual links as a means of expressing the author's ethical and esthetical view in the tale "The Golden-Haired Prince" by L. Petrushevskaya.**

The article deals with the problems of inter-textual analysis of a fiction text by the example of L. Petrushevskaya's tale "The Golden-Haired Prince".

Key words: literary tale, inter-textual property, author's esthetic view, analysis of literary text.

Gusejnova R. N. Crimean legends as a source of linguistic-cultural information.

The article defines some features of the Crimean legends. The expediency of the linguistic-cultural approach to studying the legends is motivated.

Key words: poly-linguistic-cultural situation, legend, linguistic-cultural information.

Melnik J. A. The transformation of phrase-precedents which go back to the songs in the contemporary public discourse.

The article deals with the common theoretical questions in the definition of phrase-precedents. Such kind of sources of phrase-precedents as the texts of songs takes a significant place in the usage frequency. The specificity of the function of these phrase-precedents in the contemporary public discourse is that they are often subject to transformation.

Key words: phrase-precedents, public discourse, transformation of phrase-precedents, intertextuality, carnivalization.

Wu Xiao. The symbolism of colour-marking in the landscapes of the novel "Camel Xiang Zi" by Lao She.

The article is devoted to the analysis of symbolic of colour-marking in the landscape descriptions of the Chinese realistic novel "Camel Xiang Zi" by Lao She. Colour influences mentality and human physiology, carries the information about traditions and customs of people. The article analyzes the specificity of the Chinese symbolism of colour-marking as reproduced in the novel.

Key words: Chinese realistic novel, landscapes in literature, influence of colours, symbolism of colour marking.

Kompantseva L. F. Associative analyses of men's and women's interests in the internet.

His article is devoted to the comparison of the user's associative analyses and piloting questioning relating to the gender preference of the internet users; kinds of requested men's and women's info; men's reasons of the internet use; the factor of absence/presence of gender internet discrimination.

Key words: gender analyses, gender preference, Internet discourse, gender discrimination.

Nicolayenko S. V. Usage of culturological knowledge in text treatment at literature lessons.

National specificity of language and culture and national mentality cannot but influence the kind of means chosen and texts produced. The life of a literary text in culture assumes a number of interpretations, hence the culturological knowledge can be applied in analyzing the text with reference to a certain set of subjective interpretations. One of such interpretational mechanisms is offered for training schoolchildren at literature lessons.

Key words: philological analysis, small-form text, method and reception of the analysis, text and culture.

Naumenko Y. M. **Some reasons for teaching Arab students the Russian word stress.**

The Russian and the Arabic words have their own (rhythmical) structure on the sound level. As a rule, Arab students form Russian words in accordance with the principles of the Arabic word organization. The result of it is a great number of mistakes in Arab students' speech when the students are speaking Russian.

Key words: the Russian word, Arab word stress; teaching the stress.

Tuzova T. A. **Consideration of addressee's culture in practice of teaching the Russian language.**

The article illuminates the problems of formation of cultural competence. The peculiarities of verbal and nonverbal behaviour of representatives of different cultures are analysed and some recommendations for consideration of addressee's culture are given.

Key words: socio-cultured method, components, verbal means of communication.

Klepach E. V., Krass N. A. **Studying the Russian language norms at the lessons of cultured speech for non-philological students.**

The article is devoted to the problem of studying the norms of cultured speech at the lessons for non-philological students. It presents various variants of tasks on practicing style norms (including the norms of business style).

Key words: norm, teaching, variants of tasks, cultured speech.

Koltukhova I. M., Sokolova I. G. **Literature theory for applicants of the philology department (Bulgakov's novel "Master and Margarita" as basic material).**

The article is devoted to literature theory teaching and using the literature theory concepts in the analysis of fiction to the applicants for the entry courses.

Key words: methods of teaching, theory of literature, skills for analyzing fiction.

Arzhantseva T. V. **The realization of principles of continuity and perspectivity in studying the theme "The sentences with homogeneous members" in the 5-th form of school.**

The article shows the principles of operations in study of the theme "Homogeneous members of the sentence" with regard to didactical foundations of succession and availability. The author gives proofs of efficiency of anticipatory learning of homogeneous members and prospecting methods in process of mastering new themes, which allows us to involve learners into getting knowledge and promotes their mental activity. The content of the didactical material and the system of the training exercises presented in the project promote practical mastering of the material which has been learned.

Key words: homogeneous members of the sentence, summarizing words, coordinative relation, syntactical functions, syntactical constructions, main and secondary members of the sentence, anticipatory learning.

Dikareva S. S. **Evolving Points of Web-communication: Noogenes and Electronic Orality.**

The paper deals with cognitive aspects of Web-communication language.

Key words: cognition, language communication, Internet, WWW.

Bondarenko L. A. Studying noun-derivative verbs ending with –еть and –ить by foreign learners.

The author discusses correlative nomen-derivative verbs which end with –еть and –ить and are motivated by adjectives with the meaning of color (e. g. белеть – бедить). The semantic structure of the verbs, subject actant functions, and syntactic valency of the verbs are described. The author concludes that the semantics of the subject actant and the character of syntagmatic links of the verb are of principal importance for diagnostics of a certain meaning of the verb.

Key words: verbal derivatives of color adjectives; nomen-derivative verbs; in-coactive, dynamic meaning; state meaning; arguments; actants; distributors; accumulative and generative function of subject actants; diagnosing role of distributors (adverbials, arguments).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абдураманова Ленера Шакировна**, ассистент кафедры английской филологии факультета иностранной филологии ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Андросюк Наталья Владимировна**, аспирантка кафедры методики преподавания филологических дисциплин ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Аржанцева Татьяна Викторовна**, ассистент кафедры методики преподавания филологических дисциплин ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Афанасиади Мария Аристовна**, аспирантка кафедры методики преподавания филологических дисциплин ТНУ им. В. И. Вернадского, преподаватель русского языка отделения Балканских исследований университета Западной Македонии (Греция).
- Бессонова Людмила Ефимовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Богданович Галина Юрьевна**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики ТНУ им. В. И. Вернадского, директор Крымского научно-методического центра управления образованием АПНУ и ТНУ.
- Бондаренко Людмила Александровна**, старший преподаватель кафедры методики преподавания филологических дисциплин ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Воробьева Галина Константиновна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов (Россия).
- Гадомский Александр Казимирович**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Гусейнова Руслана Низамиевна**, ассистент кафедры методики преподавания филологических дисциплин ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Джигоева Мария Гивиевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Дикарева Светлана Самуиловна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Зелинская Анна Юрьевна**, студентка ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Зябрева Галина Александровна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы ТНУ им. В. И. Вернадского.

- Иванов Андрей Владимирович**, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков филиала Санкт-Петербургского государственного морского технического университета г. Северодвинска (Россия).
- Иванова Наталья Павловна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Клепач Елена Викторовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов (Россия).
- Колтухова Ирина Михайловна**, старший преподаватель кафедры методики преподавания филологических дисциплин ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Компанцева Лариса Феликсовна**, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русского языкознания Луганского педагогического университета.
- Красс Наталья Александровна**, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов (Россия).
- Курьянов Сергей Олегович**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Лавров Валерий Васильевич**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Лантух Наталья Андреевна**, ассистент кафедры методики преподавания филологических дисциплин ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Мартынюк Анна Ярославовна**, научный сотрудник Крымского научно-методического центра управления образованием АПН Украины и ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Маслова Валентина Авраамовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания учреждения образования Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Беларусь).
- Матророва Любовь Ивановна**, аспирантка кафедры общего языкознания филологического факультета ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Мельник Юлия Анатольевна**, ассистент кафедры методики преподавания филологических дисциплин ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Муратова Елена Юрьевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания учреждения образования Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Беларусь).
- Науменко Юлия Михайловна**, кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов (Россия).
- Невойт Валентина Ивановна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко.

- Николаенко Сергей Владимирович**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания учреждения образования Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Беларусь).
- Николенко Наталья Ивановна**, аспирантка кафедры методики преподавания филологических дисциплин ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Никонова Вера Григорьевна**, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета международной коммуникации Днепротровского университета экономики и права.
- Петрова Луиза Александровна**, кандидат филологических наук, доцент, докторант Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Россия).
- Пуреховская Ольга Вячеславовна**, аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Сапожникова Эльвира Михайловна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Семиколенова Елена Ивановна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Сидоренко Евдокия Николаевна**, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языкознания ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Соколова Ирина Геннадиевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Сысоева Мария Николаевна**, аспирантка кафедры украинского языкознания ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Тагаев Мамед Джакыпович**, кандидат филологических наук, профессор, зав. кафедрой современного русского языка Ошского государственного университета (Киргизия).
- Титаренко Елена Яковлевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания филологических дисциплин ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Токмеджи Рустем Якубович**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, декан педагогического факультета КГИПУ.
- Трифонова Валерия Викторовна**, аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Тузова Тамара Александровна**, зав. кафедрой русского языка Крымской академии природоохранного и курортного строительства.
- У Хао**, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы ТНУ им. В. И. Вернадского.
- Цинь Жуй**, аспирантка кафедры русского языка Института филологии Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко.

Шаклеин Виктор Михайлович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов (Россия).

Ярошенко Наталья Александровна, аспирантка и ассистент кафедры общего языкознания и истории языка Донецкого национального университета.

Ященко Татьяна Антоновна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой методики преподавания филологических дисциплин ТНУ им. В. И. Вернадского.

Содержание

<i>Сапожникова Э. М., Титаренко Е. Я.</i> Лингвистическое наследие профессора О. М. Соколова	3
---	---

Раздел 1.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА. СЛАВЯНСКАЯ АСПЕКТОЛОГИЯ

<i>Богданович Г. Ю.</i> Языковая коммуникация: еще раз о дискурсе и тексте	6
<i>Сидоренко Е. Н.</i> О местоимениях да и нет в русском языке	16
<i>Семиколенова Е. И.</i> Так что же все-таки обозначает глагол?	21
<i>Титаренко Е. Я.</i> Категория способов глагольного действия: грамматика, лексика, словообразование?	30
<i>Ярошенко Н. О.</i> Сопоставительный анализ глаголов в составе словообразовательных гнезд с вершинами САЖАТЬ, САДИТИ и SADZIĆ	35
<i>Иванов А. В.</i> К вопросу о моносемантности в лингвистической терминологии	39
<i>Тагаев М. Д.</i> Морфемно-словообразовательный словарь как тип когнитивно-дискурсивного описания функционирования неродного языка	44
<i>Токмеджи Р. Я.</i> Словообразовательные типы суффиксальных отадвербиальных наречий	51

<i>Мартынюк А. Я.</i>	
Тематические словари и имплицитные явления языка	56
<i>Воробьева Г. К.</i>	
Историко-культурологический потенциал фразеологизмов в русском и польском языках (к вопросу о мотивации фразеологического образа)	59
<i>Гадомский А. К.</i>	
К проблеме определения теолингвистики	63
<i>Матросова Л. И.</i>	
Лексико-семантическая группа “орудие, инструмент” (в русском, украинском и английском языках) как фрагмент языковой картины мира	69
<i>Сысоева М. Н.</i>	
Страх и его выражение фразеологическими средствами русского, украинского и английского языков	74
<i>Абдураманова Л. Ш.</i>	
Парадигматические отношения во фразео-семантическом поле “говорить” современного крымскотатарского языка	79
<i>Афанасиади М. А.</i>	
Разговорная речь русскоязычных граждан в новых геополитических условиях (на примере художественной литературы, написанной и издаваемой эмигрантами в Греции)	89
<i>Невойт В. И.</i>	
Фоновые характеристики наименований растений	94
<i>Цинь Жуй</i>	
Общесемантическая характеристика наименований обуви в русском языке	99
<i>Николенко Н. И.</i>	
Украинские лексемы “незалежность”, “державный”, “самостийный”, “мова” в русском языке	104
<i>Андрюсюк Н. В.</i>	
Место двувидовых глаголов в аспектуальной системе русского языка	108

Раздел 2.
КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ.
СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

- Шаклеин В. М.*
О парадигме современных
лингвокультурологических исследований 116
- Маслова В. А.*
“Языковая картина мира” и “Поэтическая картина
мира” и их роль в межкультурной коммуникации..... 121
- Яценко Т. А.*
Пересечение культурного концепта “Цель” с другими
культурными концептами (на материале романа
Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание”) 127
- Бессонова Л. Е., Зелинская А. Ю.*
Структурно-семантическое содержание
ассоциативного поля концепта «образование»
(из опыта проведения экспериментальных методик) 142
- Лантух Н. А.*
Семантика начала и конца в функциональном рассмотрении 150
- Никонова В. Г.*
Концептуализация світу в трагедіях Шекспіра 163
- Зябрева Г. А.*
Ф. М. Достоевский о Восточном вопросе —
от политического к эсхатологическому 169
- Лавров В. В.*
Духовные поиски ученых (историографическая
концепция термина “иоосфера”: В. И. Вернадский,
И. М. Гревс, П. А. Флоренский) 177
- Муратова Е. Ю.*
Языковые особенности в лирике М. Цветаевой 183
- Петрова Л. А.*
Интенции речевого действия в художественной картине мира 186
- Пуреховская О. В.*
Литературно-религиозно-философский “Спор о
пресуществлении” 2-й половины XVII столетия
в прозаическом осмыслении Симеона Полоцкого 191

<i>Курьянов С. О.</i>	Крымские страницы М. Арцыбашева	
	Статья первая: Рассказ “Старая история”	198
<i>Иванова Н. П.</i>	Отражение идеи добра и зла в картинах природы	
	романа М. Ю. Лермонтова “Вадим”	202
<i>Джигоева М. Г.</i>	“Память о происхождении” в лирике	
	М. А. Волошина и Х. Л. Борхеса	208
<i>Трифонов В. В.</i>	Крым в творческой биографии Л. Н. Толстого (1854 – 1855)....	213
<i>Колтухова И. М.</i>	Интертекстуальные связи как средство выражения	
	этической и эстетической позиции автора в сказке	
	Л. Петрушевской «Принц с золотыми волосами»	218
<i>Гусейнова Р. Н.</i>	Крымские легенды как источник	
	линвокультурологической информации	226
<i>Мельник Ю. А.</i>	Трансформирование песенных прецедентных высказываний	
	в современном публицистическом дискурсе.....	235
<i>У Хао</i>	Символика цветообозначений	
	в пейзаже романа Лао Шэ “Верблюд Сянцзы”	245

Раздел 3.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ И ИНТЕРНЕТ В СРЕДНЕЙ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

<i>Компанцева Л. Ф.</i>	Ассоциативный анализ интересов	
	мужчин и женщин в сети Интернет	252
<i>Николаенко С. В.</i>	Применение культурологических знаний	
	при работе с текстом на уроках словесности.....	259

<i>Науменко Ю. М.</i>	
Предпосылки к обучению	
арабоговорящих студентов русскому ударению	263
<i>Тузова Т. А.</i>	
Учет культуры адресата в практике преподавания	
русского языка как иностранного	268
<i>Клепач Е. В., Красс Н. А.</i>	
Изучение норм русского литературного языка на	
занятиях по культуре речи со студентами-нефилологами	273
<i>Колтухова И. М., Соколова И. Г.</i>	
Изучение теории литературы на курсах	
для абитуриентов филологического факультета	
(на материале романа Булгакова “Мастер и Маргарита”)	279
<i>Аржанцева Т. В.</i>	
Реализация принципа преемственности	
и перспективности при изучении темы	
“Предложения с однородными членами” в 5-м классе	286
<i>Дикарева С. С.</i>	
Тенденции развития WEB-коммуникации:	
ноогенез и электронная устность	296
<i>Бондаренко Л. А.</i>	
Изучение отымённых глаголов на -еть и -ить	
в иностранной аудитории	304
Аннотации	310
Анотації	319
Summary	326
Сведения об авторах	334

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАВРИЧЕСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

им. В. И. Вернадского

Серия "Филология"

Том 17(56) №1

СИМФЕРОПОЛЬ

2004